

Русское сопротивление

Иван Ильин

Национальная Россия:
наши задачи

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Серия самых выдающихся книг, рассказывающих о борьбе русского народа с силами мирового зла, русофобии и расизма:

- Булацель П.Ф.** Борьба за правду
- Бутми Г.В.** Кабала или свобода
- Вязигин А.С.** Манифест созидательного национализма
- Грингмут В.А.** Объединяйтесь, люди русские!
- Достоевский Ф.М.** «Царство антихриста»
- Дубровин А.И.** Черная сотня
- Жевахов Н.Д.** Еврейская революция
- Иванов В.Ф.** Русский мир и масонство
- Ильин И.А.** Национальная Россия
- Марков Н.Е.** Лики Израиля. Войны темных сил
- Меньшиков М.О.** Письма к ближним
- Нилус С.А.** «Близ есть, при дверех...»
- Осипов В.Н.** Записки ниционалиста
- Пасхалов К.Н.** Русский вопрос
- Тихомиров Л.А.** Битва за Россию
- Шарапов С.Ф.** После победы славянофилов
- Шафаревич И.Р.** Русофобия
- Шевцов И.М.** Бородинское поле
- Шмаков А.С.** Еврейские речи

ИВАН ИЛЬИН

**НАЦИОНАЛЬНАЯ
РОССИЯ:
НАШИ ЗАДАЧИ**

**МОСКВА
Институт русской цивилизации
2007**

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
И 46

Ильин И.А.

И 46 Национальная Россия: наши задачи. Под редакцией О.А. Платонова. — М.: Алгоритм, 2007 — 464 с.

"Национальная Россия. Наши задачи" – книга для борцов за Великую Россию, грозное предупреждение всем ее врагам, как с Запада, так и с Востока. Опубликованные в ней статьи рассылались под грифом "Только для единомышленников" руководящим чинам русской боевой организации РОВС и являлись мощным идеологическим оружием в руках ее членов, мечтавших о грядущем национальном диктаторе, способном возродить и обновить Россию.

ISBN 978-5-9265-0362-0

© Платонов О.А. составление., 2007
© Алгоритм, 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

Великий русский мыслитель, философ, публицист и общественный деятель Иван Александрович Ильин родился в 1883 году в Москве в дворянской семье, многие поколения предков которой были воспитаны на идеалах Православия, Патриотизма, служения Богу, Царю и Отечеству. Окончив Московский университет, Ильин посвятил себя философии, которая была для него не академическим доктринерством, а могучим орудием русской волевой идеи, средством мобилизации национальной жизни. На этом пути он неизбежно вступил в конфликт с режимом еврейских большевиков, выславших его из России, заставив жить на чужбине в Германии и Швейцарии.

Первоначально Ильин приобрел известность как исследователь философии Гегеля. Впоследствии он разрабатывает собственное учение, в котором продолжает традиции русской духовной философии. Анализируя современное общество и человека, Ильин считает, что их основной порок состоит в «расколотости», в противопоставлении ума сердцу, разума чувству. В основе пренебрежения, с которым современное человечество относится к «сердцу», лежит, по мнению Ильина, представление о человеке как вещи среди вещей и тела среди тел, вследствие которого творческий акт трактуется «материально, количественно, формально и технически». Именно такое отношение, считает Ильин, облегчает человеку достижение успеха чуть ли не на всех его жизненных поприщах, способствуя карьере, получению прибылей, приятному времяпрепровождению. Однако «мышление без сердца», даже самое умное и изворотливое, в конечном счете релятивистично, машинообразно и цинично; «бессердечная воля», сколь бы упорной и настойчивой она ни была в жизни, оказывается по существу животной алч-

ностью и злым произволением; «воображение в отрыве от сердца», каким бы картинным и ослепительным оно ни представлялось, остается в конечном счете безответственной игрой и пошлым кокетством. «Человек, душевно расколотый и нецельный, есть несчастный человек. Если он воспринимает истину, то он не может решить, истина это или нет, ибо он не способен к целостной очевидности... он теряет веру в то, что человеку вообще может быть дана тотальная очевидность. Он не желает признать ее и у других и встречает ее иронией и насмешкой». Ильин видит путь преодоления расколотости в том, чтобы восстановить в правах опыт как интуицию, как сердечное созерцание. Рассудок должен научиться «взирать и видеть», чтобы стать разумом, человек должен прийти к разумной и светлой вере «достаточного основания». С «сердечным созерцанием», «совестной волей» и «верующей мыслью» Ильин связывает надежды на будущее — на решение проблем, неразрешимых как для «бессердечной свободы», так и для «противосердечного тоталитаризма». Широкий резонанс получила работа Ильина «О сопротивлении злу силою», в которой Ильин аргументированно критиковал учение Л. Н. Толстого о непротивлении. Рассматривая физическое принуждение или предупреждение как зло, не становящееся добром от того, что оно используется в благих целях, Ильин считает, что за неимением других средств человек для противостояния злу не только имеет право, но и может иметь обязанность применять силу. «Насилием» же, согласно Ильину, оправдано называть только произвольное, безрассудное принуждение, исходящее из злой воли или направленное ко злу.

Верный «великим монархическим традициям и историческим святыням» России, Ильин всю свою жизнь был последовательным сторонником монархического принципа. Мы должны, писал он в проекте письма к итальянскому королю, утвердить «великую историческую роль» монархической идеи, «ее священное, жизненное и творческое значение». Должны «создать и выдвинуть апологию монархического начала, «его религиозную глубину, его нравственные преимущества, его художественную красоту и его государственную патриотическую силу». Poleмизируя со своими либеральными оппонентами, Ильин писал: «Монарх отнюдь не противостоит народу, но живет в сердце и в воле каждого из своих подданных; монархия отнюдь не идет против справедливого равенства людей; монархия отнюдь не

пренебрегает земною пользою... и т.д.». Будучи сторонником твердого монархического принципа в государстве, Ильин был противником марионеточных монархий вроде английской, видя в них орудие масонских кругов. Сохранилась секретная записка Ильина генералу П.Н. Врангелю, в которой он разоблачал планы масонских кругов создать «монархию» в России по образцу английской и возвести на престол «императора Кирилла I».

В 1929 году он писал: «Особое место занимает сейчас признание заграничного масонства, русские ложи работают против большевиков и против династии. Основная задача: ликвидировать революцию и посадить диктатуру, создав для нее свой, масонский, антураж. Они пойдут и на монархию, особенно если монарх будет окружен ими или сам станет членом их организации... по-прежнему их главная задача — конспиративная организация своей элиты, своего тайноглавенствующего масонского «дворянства», которое не связано ни с религией, ни с политической догмой, ни политической формой правления («все хорошо, если руководится нашей элитой»).

Масоны готовы поддержать Кирилла Владимировича и деньгами. «Проявившийся манифест вел. кн. Кирилла, — продолжает И.А. Ильин, — не был для меня полной неожиданностью. Еще в мае я узнал, что группа лиц французско-швейцарского масонства, установив, что за вел. кн. Кириллом числится большая лесная латифундия в Польше, еще не конфискованная поляками, но подлежащая в сентябре 1924 года конфискации, работает очень энергично и спешно над приобретением ее у вел. кн. (он не знал о ней!)». На нужды «Императора» должно отчислиться от этой продажи около 150 млн. франков золотом. Сведения были абсолютно точные... Расчеты у масонов были двойные: или повредить русскому монархизму верным провалом нового начинания, или повредить русскому монархизму возведением на Престол слабого, неумного и, главное, кооптированного масонами и окруженного ими лица. Должен сказать от себя, что менее популярного в России претендента на Престол нельзя было выдумать... К сожалению, вокруг вел. князя стоят люди или находящиеся под фактическим влиянием масонства (мне известны подробности от недостаточно конспиративных масонов), или же рассуждающие так: «Вопрос трона есть вопрос хлеба и денег».

Выдающийся вклад Ильин внес в разработку русской национальной идеологии. В своем докладе «Творческая идея нашего будущего», сделанном в Белграде и Праге в 1934, он формулирует назревающие проблемы русской национальной жизни. Мы должны сказать всему остальному миру, заявлял он, что Россия жива, что хоронить ее — близоруко и неумно; что мы — не человеческая пыль и грязь, а живые люди с русским сердцем, с русским разумом и русским талантом; что напрасно думают, будто мы все друг с другом «перессорились» и пребываем в непримиримом разномыслии; будто мы узколобые реакционеры, которые только думают сводить свои личные счета с простолюдином или «инородцем».

В России грядет всеобщая национальная судорога, которая, по мнению Ильина, будет стихийно мстительной и жестокой. «Страна вскипит жаждой мести, крови и нового имущественного передела, ибо поистине ни один крестьянин в России ничего не забыл. В этом мнении встанут десятки авантюристов, из коих три четверти будут «работать» на чьи-нибудь иностранные деньги, и ни у одного из них не будет творческой и предметной национальной идеи».

Чтобы преодолеть эту национальную судорогу, русские национально мыслящие люди должны быть готовы генерировать эту идею применительно к новым условиям. Она должна быть государственно-исторической, государственно-национальной, государственно-патриотической. Эта идея должна исходить из самой ткани русской души и русской истории, из их духовного лада. Эта идея должна говорить о главном в русских судьбах — и прошлого, и будущего, она должна светить целым поколениям русских людей, осмысливая их жизнь и вливая в них бодрость.

Главное — воспитание в русском народе национального духовного характера. Из-за его недостатка в интеллигенции и массах Россия рухнула от революции. «Россия встанет во весь рост и окрепнет только через воспитание в народе такого характера. Это воспитание может быть только национальным самовоспитанием, которое может быть проведено самим русским народом, то есть его верной и сильной национальной интеллигенцией. Для этого нужен отбор людей, отбор духовный, качественный и волевой».

Процесс этот, по мнению Ильина, уже начался «незримо и бесформенно» в России и более или менее открыто за рубежом:

«отбор несоблазненных душ, противопоставивших мировой смуте и заразе — Родину, честь и совесть; и непреклонную волю; идею духовного характера и жертвенного поступка». Начиная с меньшинства, возглавляемого единоличным вождем, национальным диктатором русский народ в ближайшие 50 лет должен одолеть и перешагнуть все преграды совокупным, соборным усилием духа.

Публикуемая в настоящем томе серии «Русское сопротивление» книга «Национальная Россия. Наши задачи» была задумана Ильиным как серия закрытых статей 1948—1954 гг. для членов Русского Обще-Воинского Союза (РОВС). Рассылались они размноженные на гектографе с грифом «Еженедельный листок только для единомышленников» и считались своего рода идеологическими инструкциями для борцов за Великую Россию, против всех ее ненавистников. Эти статьи были мощным оружием в борьбе за Россию, и при распространении мыслей и идей, содержащихся в них, полагалось соблюдать конспирацию, о чем была написана особая статья.

Первые статьи были очень краткими и выходили как письма, и среди «единомышленников», которым они рассылались, выбирались те, кто имел пишущую машинку. Позднее возможность расширилась и статьи стали выходить в виде бесплатных бюллетеней. Только через два года после смерти автора все 215 статей удалось издать типографским способом отдельной книгой.

Опубликованная в 1956 году, книга стала программой действия для русских патриотов с обозначением главных задач, которые предстоит выполнить русским людям, чтобы возродить Великую Россию.

В этой книге Ильина выкристаллизовывается идея русского духовного патриотизма, который «есть любовь».

Патриотизм, по Ильину, — высшая солидарность, сплоченность в духе любви к Родине (духовной реальности), есть творческий акт духовного самоопределения, верный перед лицом Божиим и поэтому Благодатный. Только при таком понимании патриотизм и национализм могут раскрыться в их священном и непререкаемом значении.

Патриотизм живет лишь в той душе, для которой есть на земле нечто священное, и прежде всего святыни своего народа. Именно национальная духовная жизнь есть то, за что и ради

чего можно и должно любить свой народ, бороться за него и погибнуть за него. В ней сущность Родины, та сущность, которую стоит любить больше себя.

Родина, отмечает Ильин, есть Дар Святого Духа. Национальная духовная культура есть как бы гимн, всенародно пропетый Богу в истории, или духовная симфония, исторически прозвучавшая Творцу всяческих. И ради создания этой духовной музыки народы живут из века в век, в работах и страданиях, в падениях и подъемах. Денационализируясь, человек теряет доступ к глубочайшим колодцам духа и к священным огням жизни, ибо эти колодцы и эти огни всегда национальны.

По Ильину, национализм есть любовь к исторически-духовному облику своего народа, вера в его Богоблагодатную силу, воля к его творческому расцвету и созерцание своего народа перед лицом Божиим. Наконец, национализм есть система поступков, вытекающих из этой любви, из этой веры, из этой воли и из этого созерцания. Истинный национализм не темная, антихристианская страсть, но духовный огонь, возводящий человека к жертвенному служению, а народ к духовному расцвету. Христианский национализм есть восторг от созерцания своего народа в плане Божиим, в дарах Его Благодати, в путях Его Царствия.

Правильные пути, ведущие к национальному возрождению России, по Ильину, следующие: вера в Бога; историческая преемственность; монархическое правосознание; духовный национализм; российская государственность; частная собственность; новый управляющий слой; новый русский духовный характер и духовная культура.

В статье «Основная задача грядущей России» Ильин писал, что основная задача русского национального спасения и строительства «будет состоять в выделении кверху лучших людей, — людей, преданных России, национально чувствующих, государственно мыслящих, волевых, идейно-творческих, несущих народу не месть и не распад, а дух освобождения, справедливости, сверхклассового единения». Этот новый ведущий слой — новая русская национальная интеллигенция должна будет прежде всего осмыслить заложенный в русском историческом прошлом «разум истории», который Ильин определяет следующим образом:

— ведущий слой не есть ни замкнутая «каста», ни наследственное или потомственное «сословие». По своему составу он есть нечто живое, подвижное, всегда пополняющееся новыми, способными людьми и всегда готовое освободить себя от неспособных — дорогу честности, уму и таланту!

— принадлежность к ведущему слою — начиная от министра и кончая мировым судьей, начиная от епископа и кончая офицером, начиная от профессора и кончая народным учителем — есть не привилегия, а несение трудной и ответственной обязанности. Ранг в жизни необходим, неизбежен. Он обосновывается качеством и покрывается трудом и ответственностью. Рангу должна соответствовать строгость к себе у того, кто выше, и беззавистная почитательность у того, кто ниже. Только этим верным чувством ранга воссоздадим Россию. Конец зависти! Дорогу качеству и ответственности!

— новая русская элита должна «блюсти и крепить авторитет государственной власти... Новый русский отбор призван укоренить авторитет государства на совсем иных, благородных и правовых основаниях: на основе религиозного созерцания и уважения к духовной свободе; на основе братского правосознания и патриотического чувства; на основе достоинства власти, ее силы и всеобщего доверия к ней».

— указанные требования и условия предполагают и еще одно требование: новый русский отбор должен быть одушевлен творческой национальной идеей. Безыдейная интеллигенция «не нужна народу и государству и не может вести его». Но прежние идеи русской интеллигенции были ошибочны и сгорели в огне революции и войн. Ни идея «народничества», ни идея «демократии», ни идея «социализма», ни идея «империализма», ни идея «тоталитарности» — ни одна из них не вдохновит новую русскую интеллигенцию и не поведет Россию к добру. Нужная новая идея — «религиозная по истоку и национальная по духовному смыслу. Только такая идея может возродить и воссоздать грядущую Россию». Эту идею Ильин определяет как идею русского Православного Христианства. Воспринятая Россией тысячу лет тому назад, она обяывает Русский народ осуществить свою национальную земную культуру, проникнутую христианским духом любви и созерцания, свободы предметности.

Русский народ, считал Ильин, нуждается в покаянии и очищении, и те, кто уже очистился, «должны помочь неочис-

тившимся восстановить в себе живую христианскую совесть, веру в силу добра, верное чутье к злу, чувство чести и способность к верности. Без этого Россию не возродить и величия ее не воссоздать. Без этого Русское государство, после неминуемого падения большевизма, расплзется в хлябь и в грязь».

Ильин, конечно, отдает себе отчет в том, насколько трудна эта задача, весь процесс покаяния и очищения, но через этот процесс необходимо пройти. Все трудности этого покаянного очищения должны быть продуманы и преодолены: у религиозных людей — в порядке церковном (по исповеданиям), у нерелигиозных людей — в порядке светской литературы, достаточно искренней и глубокой, и затем в порядке личного совестного делания.

Покаянное очищение — только первый этап на пути к решению более длительной и трудной задачи: воспитание нового русского человека.

Русские люди, писал Ильин, должны обновить в себе дух, утвердить свою русскость на новых, национально-исторически древних, но по содержанию и по творческому заряду обновленных основах. Это значит, что русские люди должны:

— научиться веровать по-новому, созерцать сердцем — цельно, искренно, творчески;

— научиться не разделять веру и знание, вносить веру не в состав и не в метод, а в процесс научного исследования и укрепить нашу веру силою научного знания;

— научиться новой нравственности, религиозно-крепкой, христиански-совестной, не боящейся ума и не стыдящейся своей мнимой «глупости», не ищущей «славы», но сильной истинным гражданским мужеством и волевой организацией;

— воспитать в себе новое правосознание — религиозно и духовно укорененное, лояльное, справедливое, братское, верное чести и Родине;

— воспитать в себе новое чувство собственности — заряженное волею к качеству, облагороженное христианским чувством, осмысленное художественным инстинктом, социальное по духу и патриотическое по любви; — воспитать в себе новый хозяйственный акт — в коем воля к труду и обилию будет сочетаться с добротой и щедростью, в коем зависть преобразится в соревнование, а личное обогащение станет источником всенародного богатства.

* * *

При подготовке настоящего тома использовано первое издание книги «Профессор И.А. Ильин. «Наши задачи. Статьи 1948—1954». Т.1—2. Издание Русского Обще-Воинского Союза, Париж, 1956». При распределении статей взят предметный указатель, составленный самим автором. Подготовка текста книги к изданию осуществлена Институтом русской цивилизации.

О. Платонов

ПОЧЕМУ МЫ ВЕРИМ В РОССИЮ

Где бы мы, русские люди, ни жили, в каком бы положении мы ни находились, нас никогда и нигде не покидает скорбь о нашей родине, о России. Это естественно и неизбежно: эта скорбь не может и не должна нас покидать. Она есть проявление нашей живой любви к родине и нашей веры в нее.

Чтобы быть и бороться, стоять и победить, нам необходимо верить в то, что не иссякли благие силы русского народа, что не оскудели в нем Божии дары, что по прежнему, лишь на поверхности омраченное живет в нем его исконное боговосприятие, что это омрачение пройдет и духовные силы воскреснут. Те из нас, которые лишатся этой веры, утратят цель и смысл национальной борьбы, и отпадут, как засохшие листья. Они перестанут видеть Россию в Боге и любить ее духом; а это значит, что они ее потеряют, выйдут из ее духовного лона и перестанут быть русскими.

Быть русским значит не только говорить по-русски. Но значит — воспринимать Россию сердцем, видеть любовью ее драгоценную самобытность и ее во всей вселенской истории неповторимое своеобразие, понимать, что это своеобразие есть Дар Божий, данный самим русским людям, и в то же время — указание Божие, имеющее оградить Россию от посягательства других народов, и требовать для этого дара — свободы и самостоятельности на земле. Быть русским значит созерцать Россию в Божьем луче, в ее вечной ткани, ее непреходящей субстанции, и любовью принимать ее, как одну из главных и заветных святынь своей личной жизни. Быть русским значит верить в Россию так, как верили в нее все русские великие люди, все ее гении и ее строители. Только на этой вере мы сможем утвердить нашу борьбу за нее и нашу победу. Может быть, и не прав Тютчев, что «в Россию можно только верить», — ибо ведь и разуму можно многое сказать о России, и сила воображения должна увидеть ее земное величие и ее духовную красоту, и воле надле-

жит совершить и утвердить в России многое. Но и вера необходима: без веры в Россию нам и самим не прожить, и ее не возродить.

Пусть не говорят нам, что Россия не есть предмет для веры, что верить подобает в Бога, а не в земные обстояния. Россия перед лицом Божиим, в Божьих дарах утвержденная и в Божьем луче узренная — есть именно предмет веры, но не веры слепой и противоразумной, а веры любящей, видящей и разумом обоснованной. Россия, как цепь исторических явлений и образов, есть, конечно, земное обстояние, подлежащее научному изучению. Но и самое это научное не должно останавливаться на внешней видимости фактов; оно должно проникать в их внутренний смысл, в духовное значение исторических явлений, к тому единому, что составляет дух русского народа и сущность России. Мы, русские люди, призваны не только знать историю своего отечества, но и видеть в ней борьбу нашего народа за его самобытный духовный лик.

Мы должны видеть наш народ не только в его мятущейся страстности, но и в его смиренной молитве; не только в его грехах и падениях, но и в его доброте, в его доблести, в его подвигах; не только в его войнах, но и в сокровенном смысле этих войн. И особенно — в том скрытом от постороннего глаза направлении его сердца и воли, которым проникнута вся его история, весь его омытый быт. Мы должны научиться видеть Россию в Боге — ее сердце, ее государственность, ее историю. Мы должны по-новому — духовно и религиозно осмыслить всю историю русской культуры.

И, когда мы осмыслим ее так, тогда нам откроется, что русский народ всю свою жизнь предстоял Богу, искал, домогался и подвизался, что он знал свои страсти и свои грехи, но всегда мерил себя Божьими мерами; что через все его уклонения и падения, несмотря на них и вопреки им, душа его всегда молилась и молитва всегда составляла живое естество его духа.

Верить в Россию значит видеть и признавать, что душа ее укоренена в Боге и что ее история есть возрастание ее от этих корней. Если мы в это верим, то никакие «провалы» на ее пути, никакие испытания ее силы не могут нас страшить. Естественна наша неутихающая скорбь о ее временном унижении и о мучениях, переносимых нашим народом; но неестественно уныние или отчаяние.

Итак душа русского народа всегда искала своих корней в Боге и в Его земных явлениях: в правде, праведности и красоте. Когда-то давно, может быть еще в доисторические времена, был решен на Руси вопрос о правде и кривде, решен и запечатлен приговором в сказке:

— «Надо жить по-Божьи... Что будет, то и будет, а кривдой жить не хочу...» И на этом решении Россия строилась и держалась в течение всей своей истории — от Киево-Печерской Лавры до описанных у Лескова «Праведников» и «Инженеров-Бессребреников»; от Сергия Преподобного до унтер-офицера Фомы Данилова, замученного в 1875 году кипчаками за верность вере и родине; от князя Якова Долгорукова, прямившего стойкой правдой Петру Великому, до умученного большевиком исповедника — Митрополита Петербургского Веньямина.

Россия есть прежде всего — живой сонм русских правдолюбцев, «прямых стоятелей», верных Божьей правде. Какою-то таинственной, могучей уверенностью они знали-ведали, что видимость земной неудачи не должна смущать прямую и верную душу; что делающий по-Божьи побеждает одним своим деланием, строит Россию одним своим (хотя бы и одиноким, и мученическим) стоянием. И тот из нас, кто хоть раз попытался обнять взором сонм этих русских стоятелей, тот никогда не поверит западным разговорам о ничтожности славянства, и никогда не поколеблется в своей вере в Россию.

Россия держалась и строилась памятью о Боге и пребыванием в Его живом и благодатном дуновении. Вот почему, когда русский человек хочет образумить своего ближнего, он говорит ему: «Побойся Бога!», — а укоряя, произносит слова: «Бога в тебе нет!». Ибо имеющий Бога в себе, носит в своей душе живую любовь и живую совесть: две благороднейшие основы всякого жизненного служения, — священнического, гражданского и военного, судейского и царского. Это воззрение исконное, древнерусское; оно-то и нашло свое выражение в указе Петра Великого, начертанном на Зерцале: «Надлежит пред суд чинно поступать, понеже суд Божий есть, проклят всяк, творяй дело Божье с небрежением». Это воззрение выражал всегда и Суворов, выдвигая идею русского воина, сражающегося за дело Божье. На этом воззрении воспитывались целые поколения русских людей, — и тех, что сражались за Россию, и тех, что освобождали крестьян от крепостного права (на основах, не осуществленных нигде в мире, кроме России), и тех, что создавали

Русское земство, русский суд и русскую школу предреволюционного периода.

Здоровая государственность и здоровая армия невозможны без чувства собственного духовного достоинства; а русский человек утверждал его на вере в свою бессмертную, Богу предстоящую и Богом ведомую душу: вот откуда у русского человека то удивительное религиозно-эпическое и спокойное восприятие смерти — и на одре болезни, и в сражении, которое было отмечено не раз в русской литературе, в особенности у Толстого и Тургенева.

Но здоровая государственность и здоровая армия невозможны и без верного чувства ранга. И прав был тот капитан у Достоевского, который ответил безбожнику — «Если Бога нет, то какой же я после этого капитан?» — Творческая государственность требует еще мудрости сердечной и вдохновенного созерцания, или по слову Митрополита Филарета, сказанному во время коронавания Императора Александра II, — она требует — «наипаче таинственного оснения от Господня Духа владычного, Духа премудрости и ведения, Духа совета и крепости».

Этим духом и держалась Россия на протяжении всей своей истории, и отпадения ее от этого духа всегда вели ее к неисчислимым бедам. Поэтому верить в Россию значит принимать эти глубокие и великие традиции, — ее воли к качеству, ее своеобразия и служения, укореняться в них и уверенно строить на них ее Возрождение.

И вот, когда западные народы ставят нам вопрос, почему же мы так непоколебимо уверены в грядущем возрождении и восстановлении России, то мы отвечаем: потому, что мы знаем историю России, которой вы не знаете, и живем ее духом, который вам чужд и недоступен.

Мы утверждаем духовную силу и светлое будущее русского народа в силу многих оснований, из коих каждое имеет свой особый вес и кои все вместе ведут нас в глубину нашей веры и нашей верности.

Мы верим в русский народ не только потому, что он доказал свою способность к государственной организации и хозяйственной колонизации, политически и экономически объединив одну шестую часть земной поверхности; и не только потому, что он создал правопорядок для ста шестидесяти различных племен — разноязычных и разноверных меньшинств, столетиями проявляя ту благодушную гибкость и миролюбив-

вую уживчивость, перед которой с таким радостным чувством преклонился однажды Лермонтов («Герой нашего времени», глава I, «Бэла»);

и не только потому, что он доказал свою великую духовную и национальную живучесть, подняв и пересилив двухсотпятидесятилетнее иго татар; и не только потому, что он незащищенный естественными границами, пройдя через века вооруженной борьбы, проведя в оборонительных войнах две трети своей жертвенной жизни, одолел все свои исторические бремена и дал к концу этого периода высший в Европе средний уровень рождаемости: 47 человек в год на каждую тысячу населения;

и не только потому, что он создал могучий и самобытный язык, столь же способный к пластической выразительности, сколь к отвлеченному парению, — язык, о котором Гоголь сказал: «Что ни звук, то и подарок, и право, иное название еще драгоценнее самой вещи»... («Выбранные места из переписки с друзьями». 15. 1);

и не только потому, что он, создавая свою особую национальную культуру, доказал — и свою силу творить новое и свой талант претворять чужое, и свою волю к качеству и совершенству, и свою даровитость, выдвигая из всех сословий «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов» (Ломоносов);

и не только потому, что он выработал на протяжении веков свое особое русское правосознание (русский предреволюционный суд, труды российского Сената, русская юриспруденция, сочетающая в себе христианский дух с утонченным чувством справедливости и неформальным созерцанием права); и не только потому, что он создал прекрасное и самобытное искусство, вкус и мера, своеобразие и глубина которого доселе еще не оценены другими народами по достоинству — ни в хоровом пении, ни в музыке, ни в литературе, ни в живописи, ни в скульптуре, ни в архитектуре, ни в театре, ни в танце;

и еще не только потому, что русскому народу даны от Бога и от природы неисчерпаемый богатства, надземные и подземные, которые обеспечивают ему возможность, — в самом крайнем и худшем случае успешного вторжения западных европейцев в его пределы, — отойти в глубь своей страны, найти там все необходимое для обороны и для возвращения отнятого расчленителями, и отстоять свое место под Божьим солнцем, свое национальное единство и независимость...

Мы верим в Россию не только по всем этим основаниям, но, конечно, мы находим опору и в них. За ними и через них сияет нам нечто большее: народ с такими дарами и с такой судьбой, выстрадавший и создавший такое, не может быть покинут Богом в трагический час своей истории. Он в действительности и не покинут Богом, уже в силу одного того, что душа его искони укоренялась и укоренилась в молитвенном созерцании, в искании горнего, в служении высшему смыслу жизни. И если временно омрачилось око его, и если единожды поколебалась его сила, отличающая верное от соблазна, — то страдания очистят его взор и укрепят в нем его духовную мощь...

Мы верим в Россию потому, что созерцаем ее в Боге и видим ее такую, какой она была на самом деле. Не имея этой опоры, она не подняла бы своей суровой судьбы. Не имея этого живого источника, она не создала бы своей культуры. Не имея этого дара, она не получила бы и этого призвания. Знаем и разумеем, что для личной жизни человека — 25 лет есть срок долгий и тягостный. Но в жизни целого народа с тысячелетним прошлым этот срок «выпадения» или «провала» не имеет решающего значения: история свидетельствует о том, что на такие испытания и потрясения народы отвечают возвращением к своей духовной субстанции, восстановлением своего духовного акта, новым расцветом своих сил. Так будет и с русским народом. Пережитые испытания пробудят и укрепят его инстинкт самосохранения. Гонения на веру очистят его духовное око и его религиозность. Изжившиеся запасы зависти, злобы и раздорливости отойдут в прошлое. И восстанет новая Россия.

Мы верим в это не потому, что желаем этого, но потому, что знаем русскую душу, видим путь, пройденный нашим народом, и, говоря о России, мысленно обращаемся к Божьему замыслу, положенному в основание русской истории, русского национального бытия.

СУДЬБА РОССИИ

О СТРАДАНИЯХ И УНИЖЕНИЯХ РУССКОГО НАРОДА

Каждый русский, любящий свой народ и гордящийся своей культурой, наверное не раз спрашивал себя: «Почему именно России суждена такая ужасная судьба? Почему именно Русскому народу надо переносить такие мучения и унижения? Почему именно России пришлось стать гигантской камерой пыток, всемирным позорищем и рассадником заразы?!»...

Этот вопрос духовно естествен и патриотически понятен; плох тот русский человек, которому он никогда не приходил в голову. Но обычно он формулируется неясно и сбивчиво, и это чрезвычайно затрудняет ответ. В нем скрыты по крайней мере четыре различных вопроса: 1. Почему? 2. Кто виноват? 3. За что и 4. Зачем?

«Почему»? — есть вопрос национально-исторический; это вопрос о причинах русской революции, т. е. об общих и частных факторах, приведших к этой национальной трагедии. Над разрешением этого вопроса мы все обязаны постоянно думать, созерцая и исследуя, но отнюдь не облегчая себе ответ поверхностной, дешевой и часто клеветнической ссылкой на «реакционное правительство», ссылкой, продиктованной не историческим пониманием, а политической ненавистью.

«Кто виноват?» — есть вопрос обывательско-политический, исходящий из наивного и близорукого представления о том, что все дело в отдельных людях, в их заблуждениях, ошибках, глупостях и преступлениях; что надо этих людей — «сыскать» и по рецепту щедринских «Глуповцев» — «сбросить с раската колокольни». — Этот вопрос наиболее лично-страстный и партийно-пристрастный и потому самый неумный и самый опасный; впрочем, и наименее плодотворный.

Третий вопрос — «за что нам это послано?» — есть вопрос религиозно-философский, который следует рассматривать только среди людей однородного мирозозерцания и одной ре-

лигиозной веры; это вопрос самый трудный, ибо он посягает на уразумение путей Божественного Провидения; и потому он обречен на то, чтобы разрешаться как бы «зерцалом в гадании»...

И, наконец, четвертый вопрос — «зачем?» — есть вопрос практически волевой; это самый важный и плодотворный в жизненном отношении вопрос, над разрешением которого мы все должны были бы неустанно трудиться духовно и политически...

Не следует думать, что все эти вопросы могут быть быстро и окончательно разрешены. Их будут теоретически исследовать и практически разрушать еще целые поколения. Но кое-что основное, необходимое и полезное для их разрешения должно быть сказано немедленно.

1. Прежде всего — по вопросу о причинах русской революционной трагедии. Он сложен и глубоки: все то, что задерживало политическое и культурное развитие России — климат, почва с ее «мерзлотою», открытая незащищенная равнина, обилие пространств, континентальная замедленность жизни, оторванность от морей, обилие малых и чужеродных племен, особливость языка и быта, положение страны между Востоком и Западом, вечный нажим презрительно-завистливой Европы и вторжения хищно-погромной Азии, бесконечное татарское иго, нескончаемые оборонительные войны, всяческое «воровство», «кривизна» и «неправда» самих русских людей всех сословий (о ней давно уже взывал Хомяков, обличительно и покаянно!), все государственные ошибки, упущения, вся политическая близорукость былой русской власти и многое другое... все это создало известную образовательно-политическую и хозяйственно-техническую отсталость России и русской народной массы; все это затруднило нам нашу национальную борьбу с внешними врагами двадцатого века и с Третьим Интернационалом; все это должно, быть впоследствии вскрыто в составе исторических причин крушения Императорской России.

Но при всем том надо признать следующее.

Болезнь, ныне изводящая Россию, а именно: воинствующее безбожие; антихристианство; материализм, отрицающий совесть и честь; террористический социализм; тоталитарный коммунизм; вселенское властолюбие, разрешающее себе все средства, — весь этот единый и ужасный недуг имеет не русское, а западноевропейское происхождение. В течение девятнадцатого века русская интеллигенция соблазнялась им, как

«последним словом передовой культуры», мечтательно, сентиментально и безвольно заражаясь им. В двадцатом веке — многонародно-международная, полурусская полуинтеллигенция, зараженная им до мозга костей, тупая, волевая и жестокая, — пошла в грозный час мировой войны на штурм, захватила власть в России и превратила нашу страну в опытный рассадник этой духовной чумы. Эта-то чума и принесла нам все наши национальные мучения и унижения, с тем, чтобы впоследствии (ныне!) наградить ими и соседние народы Запада и Востока, считавшие себя «неугрожаемыми»...

Но почему же нам не удалось оборониться от этого засилья? — Потому, что русская национальная интеллигенция не понимала своего народа, не разумела его монархического правосознания, не умела верно вести его и отвернулась от своих Государей. И еще: по невежеству, ребячливой доверчивости и имущественной жадности народной массы. И еще: по недостатку волевого элемента в русском Православии последних двух веков. И, главное, — по незрелости русского национального характера и русского национального правосознания.

Запад выносил погубительную идею и программу, но именно потому он сам мог противопоставить ей волевой, социальный и организованный отпор; а в русском народном организме не оказалось — для занесенных в него «бактерий» — необходимых «антитоксинов». Полуинтеллигенция Востока уверовала в западного дьявола, как в бога, и поработила многоплеменную российскую массу — сначала соблазном разнуздания, а потом страхом голода, унижения, муки и смерти...

2. На вопрос о «виноватых» — может быть только один ответ: все виноваты — по-своему и на своем месте. По-своему правители, и по-своему подданные; по-своему соблазнитель, и по-своему соблазненные; по-своему волевые люди, и по-своему безвольные. Однако соблазненные и покоренные, страдающее и унижаемые искупают свою вину мукою, очищаются и преобразуются; а ныне правящие, соблазнитель и волевые мучители делают свое дьяволово дело до конца. У одних вина в прошлом и теперь они поступали бы иначе; а у других вина — и в прошлом, и в настоящем, и до века. И однажды русский народ, совершив свой крестный путь и свое очищение, в благоприятный час истории ответит им по достоинству и по заслугам.

3. Третий вопрос — «за что нам это послано» — пытается сам предвосхитить свой ответ, ибо он обращается не к Богу

любви, милосердия, и прощения, а к «богу» лютого гнева, «талионной» кары (око за око) и неумолимой жестокости. Однако и такой «бог» должен был бы отмерять каждому грешнику по «талону», т. е. столько кары, сколько греха, справедливую мерю. Мы же видим множество невинных в муке и погибели — беспризорных детей, исповедников, людей светлой веры и светлого порыва, самоотверженных героев; мы видим и средних людей в незаслуженной ими сверхсильной муке. А злодеев и соблазнительей мы видим в животном благоденствии и безнаказанности. Вот почему люди, настаивающие на вопросе «за что?», — неизбежно приходят к самым фантастическим выдумкам: еще недавно один из таких «следопытов» утверждал, будто в русских людях наших дней живут «переселившиеся души» злого народа и иного многогрешного века, ныне претерпевающие свое возмездие в новом обличи... Фантазия — поистине нехристианская!

Посему третий вопрос надо изменить в корне, спрашивая не «за что нам это послано?», а «для чего, в какое испытание, в какое научение и удостоверение, закаление и преображение нам посланы эти мучения и унижения?», с тем, чтобы волею и сердцем принять посланное и вступить на предуказанный путь обновления. Не следует думать, будто страдание всегда посылается человеку в наказание за его грехи. Бог не есть Бог мести и безжалостного воздаяния; Он есть Бог искупления, очищения, одухотворения и преображения. И христианину надлежит помышлять не только о заслуженной мзде, но, прежде всего и больше всего — о совершенствовании через сердечное созерцание.

4. И вот третий вопрос приводит нас к четвертому: «ЗАЧЕМ?» Страдания и унижения русского народа должны умудрить и очистить его, открыть ему новые земные горизонты и новые небесные высоты, пробудить его сердце и укрепить его волю. Весь наш душевный уклад должен быть обновлен: в этой трагедии должен завязаться и окрепнуть новый русский национальный характер, укорененный во Христе, сердечный и волевой, достойный и прямой, без изворотливо-лживой хитрости и с живым чувством духовного ранга. В русской душе должен быть преодолен раб; в ней должно начаться новое гражданственно-свободное правосознание.

Русский человек должен перестать поклоняться чужим идолам и дьяволам. Он должен «вернуться к себе», к живым и

драгоценным корням своей национальной культуры. Он должен понять, принять и выговорить свою русскую Идею, с тем, чтобы затем осуществить ее во всем — в религии и в науке, в праве и в государственной форме, в искусстве и в труде, в суде, в медицине и в воспитании.

Страдания и унижения революции даны нам для того, чтобы мы увидели ту бездну, в которую нас тянули дореволюционные соблазнитель, и чтобы мы восхотели Божьего; чтобы мы очистились, возродились и заткали ткань новой России. И потому нелепо нам гордиться тем, что мы-де «ничего не пересмотрели» и «ничему не научились»; и еще нелепее нам опять «идти побираться под окнами» западной культуры, западной религиозности, философии и политики, и выпрашивать себе «на бедность» черствые корки европейских рассудочных выдумок. Россия ждет от нас — своего видения, своей веры, своей мысли и новой, своей государственной формы. И мы должны готовиться к тому дню, когда рухнет в России засилье дьявола.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК КАТАСТРОФА, ПРЕСТУПЛЕНИЕ И БЕЗУМИЕ

После всего, что произошло в России за 1917 — 1949, нужно быть совсем слепым или неправдивым, чтобы отрицать катастрофический характер происходящего. Революция есть катастрофа в истории России, величайшее государственно-политическое и национально-духовное крушение, по сравнению с которым Смута бледнеет и меркнет.

Смута была брожением; народ перебродил и опомнился. Революция использовала новую смуту и брожение и не дала народу ни опомниться, ни восстановить свое органическое развитие.

Смута была хаотическим бунтом и дезорганизованным разбоем.

Революция оседлала бунт и государственно организовала всеобщее ограбление.

Смуту никто не замышлял: она была эксцессом отчаяния, всенародным грехопадением и социальным распадом. Революция готовилась планомерно, в течение десятилетий; в извест-

ных слоях интеллигенции она стала традицией, передававшейся из поколения в поколение; с 1917 года она стала систематически проводиться по заветам Шигалева и чудовищным образом закрепляться: она ломала русскому человеку и народу его нравственный и государственный «костяк» и нарочно неверно и уродливо сращивала переломы.

Смута длилась 9 лет (1604 — появление Самозванца, 1613 — избрание на царство Михаила Федоровича). Революция тянется уже 32 года и конца ей не видно. Подрастают новые поколения, живущие в России, но не знающие ни ее истории, ни ее священных традиций, ни ее международного положения.

Смута разразилась в сравнительно первобытной России, расшатанной и оскудевшей от террора Иоанна Грозного. Революция была подготовлена и произведена в России, которая культурно цвела, хозяйственно богатели и прогрессивно реформировалась. Россия начала XX века имела две опасности: войну и революцию. Войну ей сознательно навязала Германия, чтобы остановить ее рост; революцию в ней сознательно раздули революционные партии, чтобы захватить в ней власть.

После смуты Россия была разорена (засевалась всего одна двадцать третья часть прежней площади); но она сохранила свой национальный лик. Революция разоряет и вымаривает ее систематически, и симулирует ее мнимое «богатение»; она искажила ее национальный лик, отменила даже ее имя и превратила ее в мировую язву, грозящую всем народам.

Поэтому русская революция есть величайшая катастрофа — не только в истории России, но и в истории всего человечества, которое теперь слишком поздно начинает понимать, что советский коммунизм имеет европейское происхождение и что он теперь ломится назад, — на свою «родину». Ибо он готовился в Европе сто лет в качестве социальной реакции на мировой капитализм; он был задуман европейскими социалистами и атеистами и осуществлен международным сообществом людей, сознательно политизировавших уголовщину и криминализовавших государственное правление. В мир сошел аморальный властолюбец, сделавший науку и государственность орудием всеобщего ограбления и порабощения, — жестокий и безбожный, величайший лжец и пошляк мировой истории, научившийся у европейцев клясться именем «пролетариата» и оправдывать своими целями самые гнусные средства.

Итак русская революция подготовлялась на протяжении десятилетий (с семидесятых годов) — людьми сильной воли, но скудного политического разума и доктринерской близорукости. Эти люди, по слову Достоевского, ничего не понимали в России, не видели ее своеобразия и ее национальных задач. Они решили политически изнасиловать ее по схемам Западной Европы, «идеями», которой они, как голодные дети, объелись и подавились. Они не знали своего отечества; и это незнание стало для русских западников губительной традицией со времен главного поносителя России — католика Чаадаева...

Русские революционеры не понимали величайших государственных трудностей, создаваемых русским пространством, русским климатом и ничтожной плотностью русского населения. Они совершенно не разумели того, что русский народ является носителем порядка, христианства, культуры и государственности среди своих многонациональных и многоязычных сограждан. Они не желали считаться с суровостью русского исторического бремени (на три года жизни — два года оборонительной войны!) и хотели только использовать для своих целей накопившиеся в народе утомление, горечь и протест. Они не понимали того, что государственность строится и держится живым народным правосознанием, и что русское национальное правосознание держится на двух основах — на Православии и на вере в Царя. Как «просвещенные» неверы, они совершенно не видели драгоценного своеобразия русского Православия, не понимали его мирового смысла и его творческого значения для всей русской культуры. Они не видели тех опасностей, которые заложены для России — в неуравновешенности русского темперамента, в незрелости русского добродушного, по-детски увлекающегося и шаткого характера и в его многосотлетней непривычке активно и ответственно строить свое государство. Они не понимали, что западные демократии держатся на многочисленном и организованном «среднем сословии» и на собственническом крестьянстве, и что в России нет еще ни того, ни другого.

Они видели только сравнительную бедность и нравственную удобособлазнимость русского народа, — и десятилетиями демагогировали его. И никому из них и в голову не приходило, что народ, не привыкший к политической свободе, не поймет ее и не оценит; что он злоупотребит ею для дезертирства, грабежа и резни, а потом продаст ее тиранам за личный и классовый

прибыток... Подпиливали столбы и воображали себя титанами «Атлантами», способными принять государственное здание на свои плечи. Закладывали динамит и воображали, что удастся снести одну крышу, которая немедленно сама вырастет вновь из «нерухнувшего» здания. Сеяли ветер на все четыре стороны и, пожиная бурю, удивлялись, что их парусную лодчку опрокинуло волною...

На этой политической близорукости, на этом доктринерстве, на этой безответственности, — была построена вся программа и тактика русских революционных партий. Они наивно и глупо верили в политический произвол и не видели иррациональной органичности русской истории и жизни. И слишком поздно поняли свои ошибки. Благороднейшие из них признали свои недоразумения и промахи уже в эмиграции (Плеханов, Церетели, Фундаминский), тогда как другие и доселе восхищаются своим «февральским» безумием...

Она была безумием и притом разрушительным безумием. Достаточно установить, что она сделала с русской религиозностью всех исповеданий, в особенности с православной церковью; что она учинила с русским образованием, в особенности с высшим и средним образованием, с русским искусством, с русским правом и правосознанием, с русской семьей, с чувством чести и собственного достоинства, с русской добротой и с патриотизмом...

Она была безумием со стороны самих умеренно-революционных и полуреволюционных партий, кои вскоре были уничтожены со всеми их планами, программами, кадрами, газетами и традициями.

Но она же обнаружила и безумную беспечность и близорукость правых — охранительных партий, который не имели ни творческих идей, ни социальных программ, ни верных кадров в стране. Их хватило только на то, чтобы затруднить великую реформу Столыпина. А «крайне правые» только и умели обманно уверять Государя в «многомиллионности» своего «союза» и в его «верноподданничестве», с тем, чтобы в грозный час опасности предать Царя и его семью на арест, увоз и убиение...

Революция была безумием и для русского крестьянства. Русское крестьянство стояло перед исполнением всех своих желаний; оно нуждалось только в лояльности и терпении. Равноправие и полноправие давалось ему от Государственной Думы (законопроект, выработанный В. А. Маклаковым). Земля

переходила в его руки столь стремительно, что, по подсчету экономистов к 1932 году в России не осталось бы ни одного помещика: все было бы продано и куплено по закону и нотариально закреплено. Земля отдавалась ему в частную собственность (реформа П. А. Столыпина, 1906). К началу этой реформы Россия насчитывала 12 миллионов крестьянских дворов. Из них 4 миллиона дворов уже владело землей на праве частной собственности, а 8 миллионов числилось в общинном владении. За 10 лет (1906—1916) на выдел из общины записалось 6 миллионов дворов из восьми. Реформа шла полным ходом в связи с прекрасно организованным переселением; она была бы закончена к 1924 году. Но революционные партии позвали к «черному переделу», осуществление которого было сущим безумием: ибо только «тело земли» переходило к захватчикам, а «право на землю» становилось спорным, шатким, непрочным и прекарным (т. е. срочным до востребования); оно обеспечивалось лишь обманно — будущими экспроприаторами, коммунистами. Итак, историческая эволюция давала крестьянам землю, право на нее, мирный порядок, культуру хозяйства и духа, свободу и богатство; революция лишила их всего. Подготовительный нажим большевиков начался немедленно вслед за «черным переделом» и длился 12 лет. Вслед за тем (1929—1935) коммунисты приступили к коллективизации и, погубив казнями и ссылками не менее 600 000 дворов и семей, ограбили и пролетаризировали крестьян и ввели государственное крепостное право.

Революция была безумием и для русского промышленного пролетариата. Война 1914—1917 гг. поставила его непосредственно перед легализацией свободных рабочих союзов. Революция дала ему гибель его лучших технически обученных кадров; долгие годы безработицы, голода и холода; порабощение в тоталитарных тред-юнионах; снижение уровня жизни на целые поколения; падение реальной зарплаты; государственную «потогонную систему» (стахановщина); систему взаимного политического сыска, доносительства и концлагеря.

Революция была проявлением безумия и со стороны русского промышленно-торгового класса, который в лице Саввы Морозова, Ивана Сытина и других финансировал революционеров до тех пор, пока не был истреблен ими. А когда гибель стояла уже у порога, этот же самый класс не захотел или не сумел своевременно изыскать средства для борьбы с большевиками. Во время гражданской войны на юге, когда города перехо-

дили из рук в руки, — промышленники по уходе белых считали свои «убытки» и «протори», и роптали, а по уходе красных — подсчитывали свои «остатки» и благодарили судьбу за спасение.

Но наибольшим безумием революция была для русской интеллигенции, уверовавшей в пригодность и даже спасительность западноевропейских государственных форм для России и не сумевшей выдвинуть и провести необходимую новую русскую форму участия народа в осуществлении государственной власти. Русские интеллигенты мыслили «отвлеченно», формально, уравнительно; идеализировали чужое, не понимая его; «мечтали» вместо того, чтобы изучать жизнь и характер своего народа, наблюдать трезво и держаться за реальное; предавались политическому и хозяйственному «максимализму», требуя во всем немедленно наилучшего и наибольшего; и все хотели политически сравняться с Европой или прямо превзойти ее.

И теперь еще люди этого сентиментально-мечтательного поколения покидают земную жизнь, не передумав и вменяя себе это самодовольное упрямство в заслугу «стойкости» и «верности»... Они так и не поймут, что глупо глотать все лекарства, полезные другим; что пальмы и баобабы не всюду растут на воле; что страусы не могут жить в тундре; что республика и федерация требуют особого правосознания, которого многие народы не имеют и коего нет и в России. Не поймут, что народы, веками проходившие через культуру римского права, средневекового города, цеха и через школу римско-католического террора (инквизиция! религиозные войны! крестовые походы против еретиков! грозная исповедашня!) — нам не указ и не образец... Ибо мы, волею судьбы, проходили совсем другую школу — сурового климата, татарского ига, вечных оборонительных войн и сословно-крепостного строя. Что «немцу здорово», то русского может погубить...

Так безумие русской революции возникло не просто из военных неудач и брожения, но из отсутствия политического опыта, чувства реальности, чувства меры, патриотизма и чувства чести у народных масс и у революционеров. Люди утратили органическую национальную традицию и социально-политическое трезвение. В труднейший час исторической войны, когда монарх и указанный им наследник двукратным отречением погасили в народе присягу на верность, — все это вызвало развал правосознания, безумную толкотню и давку из-за эфемерного

полно-равно-правия и столь же мнимого обогащения захватом. Все это брожение возникло отнюдь не из «нищеты», «гнета» или «разрухи». Брожение шло от нежелания отстаивать Россию и держать фронт и от жажды революционного грабежа. По прозорливому слову Достоевского — русский простой народ понял революционные призывы (Приказ № 1) и освобождение от присяги — как данное ему «право на бесчестие», и поспешил бесчестно развалить фронт, удовлетвориться «похабным миром» и приступить к бесчестному имущественному переделу. Это бесчестие выдвинуло наверх демагогов-интернационалистов.

Русские летописи пишут о Смуте, что она была послана нам за грехи, — «безумного молчания нашего ради», т. е. за отсутствие гражданского мужества, за малодушное «хоронячество» и непротивление злодеям. Несомненно, что эти слабости и недостатки сыграли свою роль и в нынешней революции. Но были и иные грехи, важнейшие: утрата русских органических и священных традиций, шаткость нравственного характера, безмерное политическое дерзание и отсутствие творческих идей.

В определенных кругах эмиграции, склонных к политическому доктринерству и социализму, опять заговорили о «традициях», «заветах» и «идеалах» февральской революции (1917 г.), об их единospасительности и о необходимости вернуться к ним. Поскольку при этом подразумеваются личные мечты февральских деятелей, постольку мы в этом вопросе не компетентны. Это дело будущей истории и притом ее биографической части: февралисты уже выпустили целый ряд мемуаров, и их будущие биографы, наверное, сумеют установить, каковы были их мечты, идеалы и намерения. Но для России февральская революция нисколько не сводится к этим мечтам и идеалам: она представляет из себя ряд фатальных для русской истории деяний и событий, которые имели совершенно определенный политический уклон и неизбежно вели к совершенно определенным последствиям. И когда нам начинают восхвалять эту злощастную, постыдную и мучительную эпоху, и рекомендовать этот политический уклон как единospасительный, то мы чувствуем себя обязанными открыто и недвусмысленно формулировать сущность этих деяний и этих «заветов». Предоставим февральским деятелям повествовать о своих идеалах и вздыхать о своих мечтах; предоставим им оправдываться перед Богом, перед своею совестью и перед русским народом. Нас инте-

ресует не их субъективно-политические переживания, а объективно-государственный профиль февраля.

В февральской революции надо различать стихийно-массовый процесс военного разочарования, смятения, возмущения, бунта, разнуздания, духовного разложения: здесь действовали не «идеалы» и не «заветы», а нежелание идти на фронт, массовые вождедения и страсти. Это была не политика, а длительный и нараставший эксцесс, поощрявшийся и разжигавшийся слева. От этого противогосударственного и анархического «эксцесса снизу» надо отличать политическую тактику сверху. Мы будем сейчас говорить не о том, что делала «улица», «толпа» или «масса», а о тех директивах, которые проводились в жизнь сверху, о мерах Временного правительства, воспринявшего «всю полноту власти».

Конечно, деятели февраля могут сказать нам, что улично-революционная и совдепско-большевицкая ситуация была такова, что они ничего иного не могли делать, кроме того, что делали; что у них не было выбора; что в их распоряжении не было ни сил, ни средств; что они просто «рушились» вместе с государственным аппаратом, с армией и национальным хозяйством и только старались обрушиться подостойнее. Но, если так, то в чем же «традиции» и «заветы» февральского Временного правительства? Не в том ли, чтобы рушиться в либерально-гуманно-демократической позе и «политически фигурировать» на тающей льдине, уносимой «полою водою революции»? О такой традиции не стоило бы говорить; к таким «заветам» нечего и призывать. Дело, конечно, обстоит иначе: февралисты и ныне поддерживают свои директивы и меры, считают их правильными и призывают новые поколения русских людей воспринять их и подражать им.

Ведь на самом деле правительство, говорившее и решавшее дела от лица русского государства с марта по ноябрь 1917 года, действовало, повелевало, разрешало, издавало указы и законы, назначало и увольняло, прокладывая совершенно определенные пути и создавая совершенно определенные традиции («заветы»). Какие же это были пути и какие традиции, заслуживавшие поклонения и подражания?

1. Тактика февраля началась с ноября 1916 года речью Миллюкова в Государственной Думе, направленной против Государя и стремившейся подорвать в народе всякое доверие к нему и его семье. Слова «глупость или измена» были восприняты всей

страной как обоснованное обвинение Императора в национальной измене и как «штурмовой» сигнал к «революции — во имя победы». На самом же деле Милюков не имел никаких данных для такого обвинения и сам знал, что он никаких данных не имеет. Следственная комиссия Н. К. Муравьева, состоящая сплошь из левых деятелей, установила в дальнейшем полную неосновательность этого обвинения. А Государь и его семья запечатлели впоследствии свою верность России страшную смертью. Это означает, что измена была не на стороне Монарха, а на стороне его инсинуаторов и диффаматоров (ибо выступление Милюкова было обдумано и решено не им единолично).

Такова «директива февраля: поднять революцию во время войны, не считаясь с войной, прикрываясь ее целями и начать эту революцию изменнической клеветой на законного Государя.

2. Следующим актом революции был «Приказ № I». Нам безразлична подробная история его составления и опубликования: не существенны и имена его составителей. Существенно то, что он, по своему точному тексту и смыслу, сделал следующее: 1. Он ввел в армию выбранные «Комитеты от нижних чинов» и призвал в Совдепе представителей от «воинских частей» (пункты 1 и 2); 2. Политически — он подчинил армию выбранным комитетам и Совдепу, введя тем двоевластие и предоставив право и комитетам и Совдепу дезавуировать приказы Военного Командования (пункт 3); 3. Он противопоставил приказам Военной Комиссии Государственной Думы — приказы Совдепа и ввел тем троевластие, т. е. полную и окончательную смуту (пункт 4); 4. Он изъял все оружие армии из ведения ее командного состава, отдав его в распоряжение ротных и батальонных комитетов; этим он вызывающе деградировал все русское офицерство в глазах солдат и всего народа (пункт 5); 5. Вне строя и службы — он провозгласил «политические права солдата», отменил вставание во фронт и отдавание чести (пункт 6); 6. Наконец, он отменил субординационное титулование командного состава и превратил солдатские ротные комитеты в судилище над офицерами (пункт 7). Всем этим он вовлек армию в революционную политику и революционное разложение; и сделал ее совершенно небоеспособною.

Этот приказ мы цитируем по тексту, помещенному в номере 3 «Известий Петроградского Совета». Текст его, найденный нами во французском издании книги Керенского — не соот-

ветствует подлинному и первоначальному русскому тексту: он переведен неточно-смягчающе, пункт четвертый пропущен совсем, так же, как и пункт о «невставании во фронт» и «неотдании чести».

Напрасно указывают на то, что приказ Номер Первый касался только «гарнизона Петроградского Округа»: в действительности он был разослан по всей русской армии, читался и применялся везде.

Существенно также, что этот приказ не был отменен ни военным министром, ни Временным правительством, ни революционной думой. Мало того, провозглашение «политических прав солдата» было через несколько дней подтверждено всем составом Временного правительства, а также приказом № 114 военного министра Гучкова, о чем сообщает в своих воспоминаниях и Керенский (с. 168 и сл., с. 395 франц. издания).

Такова вторая директива февраля: политизировать воюющую армию; подорвать военную субординацию в ней; и, следовательно — внести в нее революцию, разложить ее и лишить ее боеспособности: все это из опасения, как бы верная армия не подавила революцию.

3. Следующим актом революции была амнистия всем преступникам, как политическим, так и уголовным. Она была дана 19 марта 1917 года. О ней не раз упоминает в своих воспоминаниях Начальник Всероссийского Уголовного Розыска А. Ф. Кошко (том I, стр. 214. II, 22. III, 151). По соображениям, подсказанным фальшивой сентиментальностью и полным отсутствием государственного смысла, — в хаос революции было выброшено несколько сот тысяч опытных воров и удостоверенных убийц, которые тогда же объединились на съезде «уголовных деятелей» и, конечно, начали, как надо было предвидеть, «новую жизнь»: одна часть вступила в коммунистическую партию и даже прямо в Чеку, другая «завязалась» в толпе и возобновила свою прежнюю деятельность, но уже не угрожаемая распавшимся уголовным розыском.

Такова третья директива февраля: от «гуманной» веры в «человека» и от доктринерской веры в «свободу» — разнудать все наличные в стране злые и преступные силы от большевиков до профессиональных рецидивистов.

4. Следующим актом Временного правительства был разрыв с политически опытными и социально-почвенными силами, ликвидация всего наличного государственного аппарата,

как якобы контрреволюционного, и повальное дезавуирование прежней администрации. В результате этого распались все силы, способный поддержать порядок, а силам беспорядка были открыты все возможности. На место профессионального администратора — стал дилетант; опытные деятели порядка заменились неопытными, но пронырливыми болтунами; наивнейшие «общественные деятели» взялись за дело, в котором они ничего не понимали; и даже в славный и мудрый Правительственный Сенат были введены бездарные доценты и лево-радикальные адвокаты.

Такова четвертая директива февраля: разрушить аппарат государственного порядка, которым держалась страна; на все места выдвигать левых, независимо от их неопытности, неумения, бездарности, неискренности и авантюризма; т. е. снижать качество государственного кадра в стране.

Систематическое разрушение государственного аппарата, проводившееся Временным правительством, объясняется прежде всего отвращением февралистов к государственному приращению.

5. В русском либерале XIX века дремал сентиментальный анархист: либерал начинал с мечты о свободе, воспринимал от всего христианства одно только требование «гуманности», отрицал «насилие», а потом и «всякое принуждение» и кончал в безвластии. Так для Керенского (Воспомин. гл. I) — государственное принуждение сводится к «террору» и «гильотине»; смертная казнь есть для него «классическое орудие самодержавия»; в русской дореволюционной администрации он видит «лакеев и палачей Николая II». Все это, конечно, отвергается с негодованием. Напротив, Временное правительство «творило новое государство», основанное на «любви к ближнему», из «гуманности, терпимости, прощения и кротости». Внешне это выглядело, как «слабость», но на самом деле требовало, видите ли, «великой силы характера».

Вот откуда это разложение власти; февралисты ничего не понимали и ныне ничего не понимают в государстве, в его сущности и действии. Тайна государственного импонирования; сила повелевающего и воспринимающего внушения; секрет народного уважения и доверия к власти; умение дисциплинировать и готовность дисциплинироваться; искусство вызывать на жертвенное служение; любовь к Государю и власть присяги; тайна водительства и вдохновение патриотизма — все это они

просмотрели, разложили и низвергли, уверяя себя и других, что Императорская Россия держалась «лакеями и палачами», что вся сила государства — в красноречивом «уговаривании» и что этим искусством они владеют, как никто. Понятно, почему Временное правительство не организовывало никаких верных ему воинских частей; почему оно в критическую минуту имело за себя только добровольцев-юнкеров и женские батальоны; и, наконец, почему оно не могло оборонить Учредительное Собрание. У sentimentalных дилетантов от политики — все расплодилось и пошло прахом.

Вот пятая традиция февраля: государство без принуждения, без религиозной основы, без монархического благоговения и верности, построенное на силах отвлеченного довода и прекраснословия, на пафосе безрелигиозной морали, на sentimentalной вере во «все высокое и прекрасное» и в «разум» революционного народа. Словом: «демократизм» в состоянии анархического «умиления».

6. Однако разрушение государственного аппарата, проводившееся Временным правительством, имело еще одно весьма трезвое основание: страх перед правыми и перед якобы подготавливаемой ими «контрреволюцией».

Страх перед правыми был психологически понятен: слишком долго боролись левые с Императорским Правительством; слишком импонировал им его административный аппарат; слишком суровое возмездие ждало каждого из них в случае провала революции и, торжества консервативной государственности. К этому присоединились еще инерция и близорукость. Но политически этот страх был противогосударствен и необоснован. Противогосударствен — потому, что спасение России требовало объединения всех политических и государственно опытных сил, каковые находились именно справа, а не в кругах революционного подполья, открывшего «Всероссийское Учредительное Собрание» пением гнусного «интернационала». Необоснован этот страх был потому, что «овцы», потерявшие «пастыря», рассеялись, а угрожающие выкрики Маркова Второго о «многомиллионном Союзе Русского народа» были обманны: он просто искал субсидий и заискивал у Государя. В течение всего 1917 года опасность грозила «слева», а не справа. Это понимали все трезвые и патриотически настроенные люди, кроме Временного правительства, которое боролось против «правых», включая сюда и демократически настроенных

Корнилова и Деникина, и браталось с левыми — по совдепам и в комиссариатах разлагаемой армии.

Такова шестая директива февраля: опасаться мнимой контрреволюции; срывать ее начинания всеми средствами; верить в революционную демократичность большевиков и брататься с ними.

7. Было бы, однако, несправедливо приписывать февралистам только сентиментальное примиренчество. На внутреннему социальном фронте они вели замаскированное, но успешное наступление.

Автор настоящей статьи состоял летом 1917 года членом Волостного Исполкома и председателем Волостного Комитета по выборам в Учредительное собрание. Он имел возможность наблюдать агитацию партии социалистов-революционеров среди крестьян и сам читал и разъяснял вслух членам Волисполкома приказ министра земледелия Чернова, в котором двигалось два тезиса:

1) Высококультурные помещичьи имения должны быть сохранены до Учредительного Собрания. 2) Таких имений чрезвычайно мало. Выслушав этот приказ, крестьяне делали вывод, что «Временное Правительство разрешает немедленно приступить к разделу всех остальных имений», тогда как комментатор доказывал им анархическую, преступную и противогосударственную природу этого погромного приказа. Таким образом, Чернов призывал к аграрным погромам; Керенский выслушивал призывы с мест о помощи и отказывал в защите; а провинциальные деятели их партий, организовывали подвижные погромные отряды.

Такова еще одна традиция февраля: немедленно проводить желательный имущественный передел, осуществляя его в виде фактического захвата и разгрома, но в сентиментально-непротивленчески-замаскированной форме, приписывая его «революционной активности масс»; Учредительное Собрание должно было быть «поставлено перед совершившимся фактом». Само собою разумеется, что никакая сила не могла удержать солдат в армии при известии, что «черный передел» в стране идет полным ходом.

8. В то же самое время февралисты, разложив армию и порядок в стране и замаскировано поощряя «черный передел», попытались, в успокоение союзников, продолжать войну, что и

закончилось позором Тарнополя и Риги. Мнимое «предательство революции» Главнокомандующим Корниловым должно было прикрыть весь этот жалкий провал.

Такова восьмая традиция февраля: традиция полного государственного и стратегического бессмыслия.

С нас довольно этого: основные традиции февральской революции вскрыты и формулированы. Они выражались не в словах, в которых аффективно изливались общие места радикального либерализма, революционной демократии и сентиментальной гуманности, а в деяниях, в приказах, назначениях и смещениях, а также в неизбежных последствиях всего этого, погубивших Россию, ее свободу и ее демократические возможности. Вся эта политическая линия проявила такую государственную наивность, такое политическое безволие, такую правительственную неспособность, что стыд и ужас овладевает русским сердцем, когда теперь вновь раздаются призывы к возрождению этих традиций и когда газеты приносят доказательство того, что февралисты опять собираются брать в свои руки «всю полноту власти».

Но страшен сон, да милостив БОГ!

ПОЧЕМУ СОКРУШИЛСЯ В РОССИИ МОНАРХИЧЕСКИЙ СТРОЙ?

Прошло 35 лет с тех пор, как в России, — так неожиданно, так быстро, в несколько дней, и притом столь трагически и столь беспомощно, — сокрушился, отменился и угас монархический строй. Распалась тысячелетняя твердыня. Исчезла государственная форма, державно державшая и строившая национальную Россию. Священная основа, национального бытия подверглась разложению, поруганию и злодейскому искоренению. И Династия не стала бороться за свой трон. Трон пал, и никто тогда не поднял и не развернул упавшего знамени; никто не встал под ним открыто, никто не встал за него публично. Как если бы никогда и не было дано присяги, как если бы угасли все священные обязательства монархии — и наверху, и внизу. Честных, и храбрых, и верных было немало; но воля у них была как бы в параличе и кадры их были рассеяны по всей стране. И на-

чалась отчаянная и гибельная авантюра, длящаяся и до сего дня; и конца ей еще не видно.

И вот, за все эти 35 лет я не знаю ни одной попытки осветить это трагическое крушение, объяснить этот государственный обвал, указать те исторические причины и те политические ошибки, которые привели Россию к такому крушению. Ибо, — скажем это открыто и недвусмысленно, — крушение монархии было крушением самой России; отпала тысячелетняя государственная форма, но водворилась не «российская республика», как о том мечтала революционная полуинтеллигенция левых партий, а развернулось всероссийское бесчестие, предсказанное Достоевским, и оскудение духа; а на этом духовном оскудении, на этом бесчестии и разложении вырос государственный Анчар большевизма, пророчески предвиденный Пушкиным, — большое и противоестественное древо зла, рассылающее по ветру свой яд всему миру на гибель.

В 1917 году русский народ впал в состояние черни; а история человечества показывает, что чернь всегда обуздывается деспотами и тиранами. В этом году, который шестнадцатилетний Лермонтов почти за 100 лет перед тем пророчески обозначил как «России черный год», русский народ развязался, рассыпался, перестал служить великому национальному делу — и проснулся под владычеством интернационалистов. История как бы вслух произнесла некий закон: в России возможны или единовластие, или хаос; к республиканскому строю Россия неспособна. Или еще точнее: бытие России требует единовластия — или религиозно и национально укрепленного, единовластия чести, верности и служения, т. е. монархии; или же единовластия безбожного, бессовестного, бесчестного, и притом антинационального и интернационального, т. е. тирании.

И возвращаясь мыслью, воображением и сердцем к дореволюционному времени, когда Россия, оставаясь Россией, органически и в то же время стихийно росла и цвела, мы не можем не спросить себя, как же это тогда — и в тесном династическом кругу, и среди чиновничества, и среди интеллигенции, и в народной массе — как же это тогда люди не видели, что крушение монархии будет крушением самой России? Как не видели они той спасительной политической формы, которая одна только и могла вести и строить русскую жизнь и беречь русскую культуру? Что это было за ослепление? Чего не хватало русским людям для того, чтобы мужественно пережить трудную годину и

сохранить религиозно освященную и исторически оправдавшую себя государственную форму? Чего не хватало, — политического предвидения и разума, или верности, или дисциплины, или терпения?

Ибо, в самом деле, мы твердо уверены в том, что если бы Государь Император предвидел неизбежный хаос, яд большевизма и дальнейшую судьбу России, то он не отрекся бы, а если бы отрекся, то обеспечил бы сначала законное престолонаследие, и не отдал бы народ в подчинение тому государственно беспомощному и заранее «обойденному слева» пустому месту, которое называлось Временным Правительством. И в русских обывателях проснулось бы гражданственное начало; и русское крестьянство держалось бы иначе. Но предвидения не было; и государственное начало проснулось сразу лишь в героическом меньшинстве, решившем сопротивляться до конца... Из него и образовалась белая армия.

Чего же не хватало в России? Почему тысячелетняя форма государственного спасения и национально-политического самоутверждения могла исчезнуть с такой катастрофической легкостью от первого же порыва народного, уличного и солдатского бунта?

Ответим: России не хватало крепкого и верного монархического правосознания. Правосознания — не в смысле «рассуждения» только и «понимания» только; но в том глубоком и целостном значении, о котором теперь должна быть наша главная забота: правосознания — чувства, правосознания — доверия, правосознания — ответственности, правосознания — действенной воли, правосознания — дисциплины, правосознания — характера, правосознания — религиозной веры.

Монархическое правосознание было поколеблено во всей России. Оно было затемнено или вытеснено в широких кругах русской интеллигенции, отчасти и русского чиновничества и даже русского генералитета — анархodemократическими иллюзиями и республиканским образом мыслей, насаждавшимися и распространявшимися мировую закулисную с самой французской революция. Оно имело в простонародной душе своего вечного конкурента — тягу к анархии и к самочинному устройению... Вследствие этого оно, по-видимому, поколебало и властную уверенность в самой царствующей Династии.

Начнем с народной массы. На протяжении всей русской истории русское простонародье никогда не теряло склоннос-

ти — противопоставить обременительному закону свой собственный, незаконный или противозаконный почин. «До Бога высоко, до Царя далеко»; надо управляться самим; надо разрешать себе больше, чем разрешает власть; надо не бояться правонарушения и преступления и самому «переменять свою участь». Терпению есть предел. Дисциплина хороша лишь в меру. Русь велика и равнинна. Надо бежать вдаль, искать «свободной» жизни и устраиваться по-новому. И в течение всей русской истории Холопий Приказ должен был работать, не покладая рук.

Люди сбрасывали государственное тягло: «постылое тягло на мир полегло»... И уходили «на волю, в степи и леса. Вот откуда это множество «людей вольных, гулящих», о которых повествуют летописи; людей без оседлости, без органической хозяйственности, но, тем не менее, кормящихся. Вот откуда эти «удалые-добрые молодцы», с атаманами в бархатных кафтанах и с закопанными богатствами; о них слагались легенды и пелись песни, даже и доселе, а ныне уже и по всему свету (песня о Разине, песня о Кудеяре...). И не было в старину твердой грани между разбойниками и казаками; эта грань появлялась лишь тогда, когда «вольные люди» приобретали оседлость и имущество, когда начиналось огосударствление «удалых и добрых молодцев», и когда храброе казачество заселяло и обороняло русские окраины. Тогда анархия постепенно принимала закон и подданство, и в силу веры и совести возвращалось к монархической верности.

Именно так думали про себя и чувствовали русские народные массы: порядок — от Царя; спасать и строить Русь может только царская власть. «Горе тому царству, коим владеют многие»; «лучше грозный царь, чем семибоярщина». Но анархия, развязание, разнуздание, посягание и погром создают более выгодную возможность. Отсюда эти бунты, с разбойниками или самозванцами возглавителями. От времени до времени поднимался всенародный бунт (Смута, Разиновщина, Пугачевщина, Ленинщина), когда находился Григорий, или Степан, или Емельян, или Ильич («Пугачев с университетским образованием»), которые разрушали или прямо предписывали анархию посяганий и погромов. И разинские воззвания «иду истребить всякое чиновначалие и власть, и сделать так, чтобы всяк всякому был равен»; и пугачевские прокламации; и ленинское «грабь награбленное» — явления одного смысла и порядка. Приходила

власть, призывавшая к бунту и грабежу; некий «царь» или поддельный, самозванный, мнимый «лжецарь» узаконял анархию и имущественный передел — и правосознание русского народа, поддаваясь смуте, «кривизне» и «воровству» справляло праздник безвластия, мести и самообогащения. Дурные силы брали верх, а русская история переживала великий провал.

Вот это и случилось в России в 1917 году. Грозная война с грозными неудачами поколебала доверие к военному командованию, а потому и к трону. Крестьянская деревня переживала эпоху аграрного перенаселения и великой реформы Столыпина. Вопрос земельного приращения стал источником всекрестьянской напряженной тревоги. И вдруг отречение двух Государей от Престола угасило присягу, и верность, и всяческое правосознание; а левые партии — призывающий к грабежу Ленин, рассылающий двусмысленно погромные циркуляры министр Виктор Чернов, открыто исповедующий и практикующий государственное непотворение министр Александр Керенский, и все их агитаторы, рассеянные по всей стране, — понесли развязанному солдату, матросу и крестьянину право на беспорядок, право на самовластие, право на дезертирство, право на захват чужого имущества, все те бесправные, разрушительные, мнимые права, о которых русский простолюдин всегда мечтал в своем анархически-бунтарском инстинкте и которые теперь вдруг давались ему сверху. Соблазн бесчестия и вседозволенности стал слишком велик, и катастрофа сделалась неизбежной.

Монархический лик русского простонародного правосознания как бы поблек и исчез в смуте, а вперед выступила страшная и кровавая харя всероссийской анархии.

Напрасно было бы сомневаться в том, что русское правосознание действительно имело свой монархический лик, которым и держалось русское государство. Желаящий убедиться в этом пусть обратится хотя бы к тому богатству государственной мудрости и монархического чувства, которые накоплены в русских простонародных поговорках и пословицах (см. у Даля, Снегирева, Иллюстрова, Максимова и других), — и притом за века. Припомним кое-что из этого духовного богатства, слишком сто лет обессиливавшего пропаганду «народовольцев», «чернопередельцев» и других разрушителей России.

«Без Бога свет не стоит, без Царя земля не правится», «Что Бог на небе, то Царь на земле», «Без Царя земля вдова», «Без Царя народ сирота», «Богом да Царем Русь крепка», «Сердце ца-

рево в руке Божьей», «Одному Богу Государь ответ держит», «Царские глаза далеко видят», «Близ Царя — близ чести и смерти», «При солнце тепло, а при Государе добро», «Ни солнышку на всех не угреть, ни Царю на всех не угодить», «Царь добр, да слуги злы». «Царские милости в боярское решето сеются», «Не от Царя угнетенье, а от любимцев царских», «Воля Царя— закон», «Где Царь тут и правда», «Нет больше милосердия, как в сердце царевом», «У Царя колокол по всей России», «Благо царей — в правде судей», «Народ думает, а царь ведает», «Как весь народ вздохнет, до Царя дойдет», «Царь да нищий — без товарищей», «В слепом царстве кривой Царь», «Царский глаз далеке сгягает»...

Не довольно ли? Уже слышен нам тысячелетний государственный опыт русского народа, умевшего верить своим Царям, чтить их, любить их и служить им верою и правдою. Но Государь отреклись от трона, и в народном сердце угасла присяга. Лик народной верности, ответственности и грозного служения отвернулся и вперед выступила харя предателя, преступника и озлобленного раба. От монархии к анархии, от анархии к порабощению антихристом на долгие годы смуты и тирании.

Таков был соблазн русского простонародья.

Перейдем теперь к рассмотрению русского интеллигентского правосознания.

Говоря о русской интеллигенции, следует иметь в виду не просто «верхний» общественный строй, как сравнительно более образованный (в старину — боярство и служилое сословие), но тот кадр, который так или иначе приобщается академии и академическому образованию. История этого кадра начинается в России, в сущности говоря, с Ломоносова и с Московского Университета. Социальные верхи старого времени, конечно, имели своих монархически лояльных и своих монархически нелояльных представителей; но прежняя нелояльность сводилась к тому, что бояре и особенно «княжата», не забывшие своего удельного княжения и достоинства, «подыскивались на царство». Это было не республиканство, а особого рода «монархизм в свою пользу», к которому так остро подозрительно относился Иоанн Грозный и который впоследствии дал наиболее показательный и отрицательный плод в лице князя Василия Шуйского, боярина, достаточно «умного» для любой интриги, но совершенно лишённого «дара государить».

Та русская интеллигенция, которую мы имеем в виду, медленно созревала при императрицах Елизавете и Екатерине Второй; ее заграничными «профессорами» были энциклопедисты, Вольтер и Руссо, ее практической школой была первая французская революция; ее политическими выступлениями были предательское убийство Императора Павла и заговор декабристов. Этим определилось ее направление; в этом сложилась ее традиция; и от этой политической традиции она и поныне не освободилась до конца. Это направление было революционно-республиканское, с своей стороны подготовленное революционно-монархической традицией XVIII века (дворянские перевороты 1730, 1740, 1741 и 1762 годов). Однако, традиция XVIII в. («революционно» возвести на трон новую царицу) получила новое направление: Руссо с Вольтером и Робеспьер с Дантоном убедили русских интеллигентов того времени, что республика означает «свободу» и что поэтому она выше монархии...

Отсюда эта беспочвенная мечта строить Россию без Царя во главе. Первым осуществлением этой мечты должно было стать освобождение русского крестьянства без земли, как это проектировали декабристы; оно неминуемо пролетаризировало бы и ожесточило бы всероссийское крестьянство и возобновило бы разиновщину и пугачевщину в невиданных еще размерах. Император Николай I удержал Россию на краю гибели и спас ее от нового «бессмысленного и беспощадного бунта». Мало того, он дал русской интеллигенции срок, чтобы одумать, приобрести национально-государственный смысл и вложиться в подготовленные им реформы Императора Александра II. Пушкин осуществил эту необходимую эволюцию государственности русского правосознания — первый, в самом себе, и для себя и для других. Через 10 лет после его смерти ту же эволюцию пережил Достоевский, увидевший на каторге дно всероссийского простонародья, отвернувшегося от республиканства и социализма, и отчетливо показавши русскому народу — и его верный национально-монархический лик (в «Дневник Писателя»), и его внерелигиозные соблазны и опасности, и его анархокриминальную рожу («Бесы»).

Постепенно сложилась и окрепла монархически лояльная русская интеллигенция, окружившая Александра II Освободителя и осуществившая его реформы. Но именно эти реформы, столь блестяще доказавшие творческие силы верно окруженного русского Государя, — ожесточили не передумавших республи-

ликанцев и революционеров и побудили их во что бы то ни стало искать путей к западному подражанию. «Западники» были лояльным аванпостом этого течения; народовольцы и им подобные организации пошли в открытую на террор; Бакунин с Нечаевым образовали крайнюю левую этого движения, которая подобно Петру Верховенскому («Бесы») искала братания с уголовным миром. Последовал целый ряд покушений на драгоценную жизнь Царя-Освободителя: выстрелами, подкопом дворца, взрывом поезда и, наконец, бомбами. Напрасно было бы объяснять это тем, что господа «народовольцы» считали новые реформы «недостаточными» и добивались их углубления. Совсем нет. Здесь дело шло о монархии: ее творческие успехи, ее во многих отношениях демократические реформы, ее растущая в народе популярность — все это было не страшно для революционеров-республиканцев-социалистов, из подпольных кругов; им надо было вбить клин недоверия, страха и компрометирования между Царем и народом. Реформа в их глазах пресекала и обессиливала революцию. Перемены должны были идти не через Царя и не от Царя, а помимо него и против него; эти перемены не должны были привлекать сердца народа к Царю, ибо это тормозило в глазах одной части революционеров — революционную республику, в глазах другой части — анархию черного передела. Все это было движением революционного максимализма, который впоследствии, на переломе XX века, развернулся в виде большевизма.

Было бы несправедливо и исторически неверно смешивать воедино таких умеренных «западников», как Грановский и Тургенев, с неумеренными западниками наподобие Герцена; было бы еще несправедливее объявлять Герцена «ранним большевиком». Но идейно и духовно водораздел шел именно здесь. Верить ли в спасительность монархии для России? Строить ли Россию, верно помогая ее Государям, через них и от их лица?

Или же считать монархию главным препятствием русского прогресса и требовать для России «последовательного и полного народоправства», т. е. Учредительного собрания, выборов» по четырехчленной формуле, республики, федерации и т. д. И этот водораздел был с особенной ясностью и совершенно недвусмысленно формулирован одним из виднейших политических идеологов «февраля» Ф. Ф. Кокошкиным, противопоставившим «старую ненавистную монархию» той республике, которая бесспорно в наших глазах не может не быть наилучшей

формой правления (Республика, с. 12—13). Такова была затаенная мысль конституционно-демократической партии: монархический строй, даже и парламентарный, был для «кадетов» с самого начала «ничем иным, как компромиссом» (там же, с. 7) и Ф. Ф. Кокошкин признает даже, что они «стояли на почве социалистического мировоззрения» (там же, с. 6).

Все это вместе взятое и определяет собою тот водораздел, о котором мы упомянули выше. Искренне лояльной, — монархической интеллигенции, которая за последние годы перед революцией группировалась вокруг Столыпина и его аграрной реформы и о которой заграничные наблюдатели этой реформы (напр., берлинский знаток профессор Зеринг) давали такой блестящий отзыв, — противостояла тайно-нелояльная интеллигенция, для которой республика была «бесспорно наилучшей формой правления». Монархия была для них временно необходимым средством, тактически приемлемой переходной ступенью. Они как будто только и ждали того, чтобы пробил час ее исчезновения или свержения. И вот, дождались... Но они, конечно, не только и не просто «ждали», а делали все возможное, чтобы политически изолировать Царя и его верных помощников и скомпрометировать все их строительство. Вот откуда категорически отказ «кадетских» лидеров от переговоров о вступлении в состав царского министерства; вот откуда их борьба против Столыпина и его реформы; вот откуда клеветническая речь Милюкова в ноябре 1916 года («глупость или предательство»). Вот почему в отречении Государя они увидели не всероссийскую катастрофу, а час «освобождения» России от «ненавистного режима», час перехода к «наилучшей форме правления»!..

Замечательно, что это русское предреволюционное республиканство охватывало не только весь левый сектор «общественности», но и часть более правого. Русская радикальная интеллигенция вряд ли смогла бы назвать в своих рядах какого-нибудь монархиста; разве только Илью Фундаминского, но уже в эпоху эмиграции... И как же он шокировал своими настроениями и речами весь остальной левый сектор эмиграции, ставившей себе в особую заслугу топтание «на старых позициях». Что же касается предреволюционного времени, то можно уверенно сказать: левее конституционно-демократической партии вся русская интеллигенция, а особенно полуинтеллигенция, считала монархию «отжившей» формой правления. И если бы

кто-нибудь захотел от нас доказательств, то нам было бы достаточно указать на так называемые «юмористические журналы» 1905—1906 годов: они все были полны стишками, памфлетами и карикатурами, так или иначе восхвалявшими цареубийство или прямо призывавшими к нему (о, конечно, прикровенно, но в дерзко прозрачных намеках!). Журналчики эти брались публично нарасхват и комментировались на всех перекрестках. Был один враг: Государь и Династия, и этот враг должен был быть скомпрометирован; лишен доверия и уважения и поставлен под угрозу изгнания или убиения.

Спросим же: почему вся эта политически неопытная, близорукая и полуобразованная толпа — республиканствовала? Почему? Где и в чем они видели республиканские способности и добродетели русского народа? О чем они думали? На что надеялись? Ответ может быть только один: «на Запад! республика возможна и устрояюща, почему же она у нас была бы невозможна? республика есть (по слову Ф. Ф. Кокошкина) наилучший способ правления; к тому же, он нас сразу же и усовершенствует»... Нам нет надобности отвечать на этот ребячий лепет; история уже дала на него ответ и притом страшный ответ.

Одинаково и правее «кадетов имелись республиканские фигуры вроде А. И. Гучкова, своевременно воспевавшего младотурецкий переворот и считавшего себя призванным провести нечто подобное и в России. Это, конечно, не было случайностью: издание пресловутого «Приказа № I» по армии, вышедшего в бытность его военным министром Временного правительства и им никак и нигде не отмененного и дезавуированного; не была случайностью и его поездка в Ставку для принятия отречения из рук Государя.

Психологически можно понять, что последние назначения министров многим не казались убедительными; и что влияние известной зловещей фигуры, вращавшейся в сферах, могло многих и тревожить и возмущать. Но фигура эта уже исчезла, а вместе с нею и опасность, ею обусловленная. А идея о том, что Императорский Трон ничем не заменим в России, что Государю невозможно отречься и что нужно помогать ему до конца, и не покидать его с самого начала — была многим, по-видимому, чужда.

Вот, что мы можем установить по вопросу о политическом правосознании русской интеллигенции предреволюционного времени. Она промотала, проболтала, продешевила свою вер-

ность монархической России; она не сберегла, а опошшила свое правосознание. И с ребячьим легкомыслием воображала и себя, и русское простонародье республиканки созревшим народом.

Трагедию же изолированного Царя она совершенно не могла постигнуть и осмыслить, как трагедию гибнущей России.

Итак, монархия в России сокрушилась, — так неожиданно, так быстро, так трагически беспомощно — потому, что настоящего, крепкого монархического правосознания в стране не было. В трудный, решающий час истории верные, убежденные монархисты оказались вдали от Государя, не сплоченными, рассеянными и бессильными, а бутафорски «многомиллионный Союз Русского Народа», в стойкости которого крайне правые вожаки ложно уверяли Государя, оказался существующими лишь на бумаге.

Все это не могло не отразиться на самочувствии Государя и правящей Династии. Близился грозный час, когда Государь мог почувствовать себя изолированным, преданным и бессильным; когда могла понадобиться борьба за Трон, а сил для этой борьбы могло не оказаться. И час этот пробил.

Это не есть ни осуждение, ни обвинение. Но прошло 35 лет, и ради восстановления монархии в России мы обязаны выговорить историческую правду. Царствующая русская Династия покинула свой престол тогда, в 1917 году, не вступая в борьбу за него; а борьба за него была бы борьбой за спасение национальной России. Конечно, это оставление Престола имело свои психологические и нравственные основания. Ему предшествовало длительное и притом агрессивно-оформленное давление революционного террора, то поддерживаемого, то прикрываемого республикански настроенной частью интеллигенции. Покушения на благостного реформатора Александра II, закончившееся злодейским убийством его, могли сами по себе поколебать веру в Династию, веру в ее миссию и доверие ее к русской интеллигенции. Убийение Великого Князя Сергея Александровича и прямые угрозы цареубийством в нелегальной и даже легальной («юмористической»!) прессе — должны были обновить это ощущение. Упорное противодействие левых Думе, «Выборгское воззвание» и убийство П. А. Столыпина в присутствии Государя — все это говорило языком недоверия к Престолу, языком ненависти и угрозы. А между тем никакого отпора этим угрозам, никакой бескорыстно-монархической мобилизации общественности, никакого искреннего, организованного порыва к

Престолу в стране не наблюдалось. Русский народный монархизм оставался пассивным и не давал Династии живого ощущения — доверия, любви, поддержки, весомости и единения. При таком положении дел воля Государя могла почувствовать себя изолированной, одинокой, бессильной или даже, как внушали генералы главного командования — прямой помехой в деле национального единения и спасения.

Помимо этого, в первом отречении от Престола и во втором отказе немедленно принять власть — было столько живого патриотизма, опасения вызвать гражданскую войну на фронте и в тылу, столько царственного бескорыстия, скромности в учете своих личных сил и христианского приятия своей трагической судьбы («день Иова многострадального» — был днем рождения Государя, о чем сам Государь часто вспоминал), что язык не повертывается сказать слово суда или упрека. И тем не менее историческая правда должна быть выговорена — во имя будущего.

В своем замечательном исследовании, легитимно-обоснованном и лаконически-точном («Императорский Всероссийский Престол, Париж, 1922 г.), сенатор Корево ставит вопрос о том, имел ли Государь Император Николай II право отречься от трона и дает такой ответ: «В российских основных законах отречение царствующего Императора вовсе не предусматривается. Отречение до занятия Престола считается возможным, но принципиально лишь тогда, когда засим не предстоит никакого затруднения в дальнейшем наследовании престола и когда царствующий Государь разрешает и санкционирует такое отречение. С религиозной же точки зрения отречение Монарха Помазанника Божья — является противоречащим акту Священного Его Коронования и Миропомазания» (с. 26—38—42).

Далее сенатор Корево указывает на то, что Государь передал право на престол Великому Князю Михаилу Александровичу, «не удостоверясь в его на то согласии» (с. 41), т. е. не обеспечив в труднейший час истории непрерывность законного престолонаследника.

Право отречения за наследника Корево, по справедливости, отвергает совершенно; он считает главным и основным условием законности отречения, чтобы «за сим не предстояло никакого затруднения в дальнейшем наследовании Престола», а отречение за наследника не могло не создать таких затруднений (с. 29—30). Корево признает, что Великий Князь Михаил

Александрович вступил на престол в час отречения Государя; что он от престола прямо не отказался, но немедленного восприятия верховной власти тоже не осуществил и обусловил такое восприятие «волею великого народа», имеющего высказаться в Учредительном Собрании. И вот, Корево прав, когда характеризуете все это, как «полное нарушение Основных Законов»; и в объяснение такого нарушения он ссылается на «революционное насилие и измену» (стр. 125, 42).

В действительности дело обстояло так, что и Государь и Великий Князь отреклись не просто от «права» на престоле, но от своей, религиозно освященной, монархической и династической обязанности блюсти престол, властно править, спасать свой народ в час величайшей опасности и возвращать его на путь верности, ответственности и повиновения своему законному Государю. Нам трудно ныне понять, что двум последним государям нашей правящей династии — Николаю Второму и Михаилу Второму — никто из их окружения (военного или штатского) не сказал в виде верноподданнического совета, что у них в силу русских Основных Законов, коим они присягали и кои составляют самый основной и строгий строй монархического государства — нет права на отречение от престола в час великой национальной опасности и при совершенной необеспеченности в дальнейшем наследования. Объяснить отсутствие такого совета изменою, утомлением, растерянностью людей можно. Но этих объяснений мало: в глубине событий, за всем этим скрывается и открывается отсутствие крепкого и верного монархического правосознания — в высших кругах армии и бюрократии. Если была измена, то Государь был вправе уволить изменников и призвать верных; и дальнейшая гражданская война показала, что такие верные имелись и что они пошли бы на все. Но те, кто советовал Государю и Михаилу Александровичу отречься, должны были знать и понимать, что они действуют уже не как монархисты, а как республиканцы.

И вот состоялось личное решение Государя: он отрекся за себя и за наследника. Быть членом династии значит иметь не только субъективное право на трон (в законном порядке), а священную обязанность спасать и вести свой народ, и для этого приводить его к чувству ответственности, к чувству ранга, к законному повиновению. Династическое звание есть призвание к власти и обязательство служить властью. Одна из аксиом правосознания состоит вообще в том, что от публично правовых

обязанностей одностороннее отречение самого обязанного невозможно; именно эта аксиома и признана в российских Основных Законах. В труднейшие часы исторической жизни Монарх блюдет свою власть и властью ищет национального спасения. Вспомним Петра Великого в часы стрелецких бунтов; или в то время, когда «внезапно Карл поворотил и перенес войну в Украину»; или во время Прутского сидения и несчастья. Вспомним Императора Николая I, шествующего по улицам Петербурга навстречу восставшим декабристам... Отрекся ли бы от власти Царь Алексей Михайлович во время разинского восстания? Отрекся ли бы Петр Великий, уступая бунту стрельцов? Императрица Екатерина во время пугачевского восстания? Император Александр III при каких бы то ни было обстоятельствах?..

Но за последние десятилетия уверенное и властное самочувствие российской правящей Династии как будто бы поколебалось. Быть может, революционный напор ослабил у нее веру в свое призвание, поколебал в ней волю к власти и веру в силу царского звания; как будто бы ослабело чувство, что Престол обязывает, что Престол и верность ему суть начала национально спасительные и что каждый член Династии может стать однажды органом этого спасения и должен готовить себя к этому судьбоносному часу, спасая свою жизнь не из робости, а в уверенности, что законное преемство трона должно быть во что бы то ни стало обеспечено.

Вот откуда это историческое событие: Династия в лице двух Государей не стала напрягать энергию своей воли и власти, отошла от престола и решила не бороться за него. Она выбрала путь непротивления и, страшно сказать, пошла на смерть для того, чтобы не вызывать гражданской войны, которую пришлось вести одному народу без Царя и не за Царя...

Когда созерцаешь эту живую трагедию нашей Династии, то сердце останавливается и говорить о ней становится трудно. Только молча, про себя, вспоминаешь слова Писания: «яко овча на заклание ведеса и яко агнец непорочен прямо стригущаго его безгласен»...

Все это есть не осуждение и не обвинение; но лишь признание юридической, исторической и религиозной правды. Народ был освобожден от присяги и предоставлен на волю своих соблазнительей. В открытую дверь хлынул поток окаяннейшего в истории напористого соблазна и те, которые вливали этот соблазн, желали власти над Россией во что бы то ни стало. Они

готовы были проиграть великую войну, править террором, ограбить всех и истребить правящую Династию; не за какую-либо «вину», а для того, чтобы погасить в стране окончательно всякое монархическое правосознание.

Грядущая история покажет, удалось им это или нет.

А на нас, на поколении русских людей, скорбью и мукой переживших эту революцию, лежит обязанность спросить себя, в чем же состоит сущность здорового, крепкого и глубокого монархического правосознания и как нам возродить его в России.

Мы уже не раз ставили этот вопрос, но ни один ответ свой мы не считали исчерпывающим и всесторонним. А между тем русскому человеку, если в нем живут национально-патриотические чувства, естественно возвращаться к этому вопросу и добиваться исчерпывающего ответа.

Одна из основных формул этого ответа должна быть выражена так: русский народ имел Царя, но разучился его иметь. Был Государь, было бесчисленное множество подданных; но отношение подданных к их Государю было решительно не на высоте. За последние десятилетия русский народ расшатал свое монархическое правосознание и растерял свою готовность жить, служить, бороться и умирать так, как это подобает убежденному монархисту.

Знаем, что это относится далеко не ко всем русским людям. Помним и никогда не забудем те доблестные воинские подвиги, которые были совершены русской гвардией, армией и флотом в борьбе со смутой 1905 года и со вторгающимся в Россию неприятелем — от рядового до главнокомандующего.

Однако «умение иметь Царя» знает не только форму воинского подвига, но еще и форму гражданской доблести, государственного разума, политического такта и политической сплоченности. И вот в этом отношении русский народ оказался в роковые часы истории не на высоте. Знаем, что и это относится не ко всем русским людям. И на верхах, и в народных низах были люди искренней преданности и служения. Не будем называть имен; укажем лишь на традицию А. Д. Самарина и П. А. Столыпина и вспомним целые кадры русских сенаторов, дипломатов и членов Государственного Совета. Служение их и государственные заслуги — незабываемы.

Но единой и организованной монархической партии, которая стояла бы на страже трона и умела бы помогать монарху —

не было. А те, которые пытались выдавать себя за такую «партию», вели линию не государственную, а групповую и не понимали своих исторических и государственных заданий.

Спросим нашу историческую память — где была и что делала эта «монархическая партия» в трудные минуты колебания земли и трона, в мучительные, а потом трагические часы жизни Государя?

Когда вкрадчивый и с виду добродушный лукавец Сухомлинов, назначенный военным министром в 1909 году и чуть-чуть не назначенный Главнокомандующим Русской Армией в 1914 году, пытается несколько лет подряд уверить Государя, ссылаясь на телеграммы приамурского генерал-губернатора Унтербергера, будто война грозит совсем не с Германией, а с Японией; когда он вслед затем, к ужасу Столыпина, пытается упразднить привисленские крепости (Варшаву, Новогеоргиевск, Ивангород); когда он затем начинает демонстративно вымогать у министерства финансов сотни миллионов на якобы вооружение русской армии, с тем, чтобы не использовать эти кредиты (к началу войны 1914 г. им было не использовано 250 миллионов рублей!) и оставить русскую армию без подготовки и без снарядов, — что сделали эти «монархисты», чтобы открыть глаза доверчивому монарху и спасти армию? Ничего! — Когда тень мнимого «богомольца» появилась у трона, распространяя гибельный яд распутства, хвастовства, сплетен, клеветы и коррупции, — что сделала эта «партия» для того, чтобы грудью прикрыть чистоту трона и оберечь его всенародный ореол? Когда и где они дерзнули, спасая Россию, заслужить себе немилость Государя открытою правдою, так, как это делали в свое время Филип Митрополит и князь Яков Долгорукий, а впоследствии Столыпин, Коковцов, Джунковский, Самарин, Тютчев и другие? Ибо позднейшее деяние В.М. Пуришкевича было не партийным, а личным... Нет, они не дерзнули произнести открыто достойную и спасающую правду, но держали себя, как «незнайки» и «хороняки»...

А когда они увидели, что гвардия легла костями на полях сражений и потеряла свой первоочередной состав, подумали ли они о том, что императорский трон потерял основной кадр своих ближайших защитников и что необходимо заполнить эту страшную брешь новым, идейно непоколебимым отбором? И сумели ли они убедительно доложить об этом самоотверженному Государю, или продолжали успокаивать его пустохваст-

ливыми извещениями о «многомиллионном Союзе Русского Народа», не разумея ничего в событиях и подготавливая февральскую незащитность трона?!..

А когда саботаж Сухомлинова, приписываемый почему-то его «легкомыслию», довел дело в 1915 году до великого крушения фронта, осмелилась ли эта «партия» представить Государю, что в неудачной войне бремя и ответственность главнокомандования не должны падать на Монарха; что большая стратегия требует воли, волевого мышления, опыта, знания и особенно полководческого таланта, а не только личного обаяния и благостного благородства; что всякая война есть только одна страница в истории народа, а Государь призван обозревать все ее страницы и не должен отдавать трон, этот вековечный источник национального правосознания, в залог успеха именно этой войны? Кто из тогдашних «партийных» монархистов был достаточно зрел, государственно дальнзорок и независим, чтобы «прямить Царю», не думая о личных последствиях?

Когда же совершилось неизбежное и Ставка не сказалась необходимым для войны волевым стратегическим центром (вспомним хотя бы отказ генерала Эверта от наступления на западном фронт в 1916 году!), несмотря на то, что армия была богата доблестными, опытными и вдохновенными полководцами; когда Государь почувствовал себя переутомленным, и, видя бунт петербургской черни и поведение Думы, заколебался о троне, — где оказались тогда представители этого, якобы, «многомиллионного Союза Русского Народа»? Поспешил ли их организационный круг к подножию трона, чтобы укрепить нервно переутомленного и семейно озабоченного Государя, чтобы дать ему хотя бы двадцатитысячный резерв верных и непоколебимых монархистов всех видов оружия, или же он сокрылся в безответственности и неизвестности, предоставляя Государю одиноко решать страшный вопрос? Кто из них решился сказать ему, что русские Основные Законы не знают права на отречение, что Помазанник вообще не отрекается от своего трона в час всенародной беды; что преемство трона в данный час не подготовлено и не обеспечено, что необходимо отстаивать трон как залог единства России; что отречься, значит развязать всю страну от трехвековой присяги и повергнуть ее в анархию, что есть еще верные люди и что они готовы исполнить свой долг до конца?! Таких верных и мужественных советников не оказалось у трона. Трон был ими изолирован,

покинут, предоставлен своей собственной судьбе. Были командующие, советовавшие Государю отречься. Почему же не было мудрых офицеров и политиков, которые умолили бы не отречься, а бороться за трон, как источник национального спасения?!.

А потом, когда Государь и его семья остались одиноки в Царском Селе, — что сделала эта «партия»? Ринулась ли она на спасение трона? Пыталась ли она заставить членов Временного правительства и советский сброд — спасти Государя и увезти его за границу; найти те средства, которые оказались бы действительными и побудили бы революционеров чтить и беречь жизнь Государя и его невинных детей? Куда девались эти люди, умевшие дотоле расходовать только на один свой убогий журналчик «Земщина» двести тысяч рублей ежегодной казенной субсидии? — А потом, когда Государя увезли в Тобольск, сумели ли они поставить вместо предателя Соловьева хоть одного своего верного человека для связи? — А трагедия Екатеринбург? Что они сделали для ее предотвращения? Где они все в это время находились? Переодевались? Укрывались? Спасались? И предавали своего и всероссийского монарха?.. — И, наконец, когда опасность стала угрожать всем членам Династии, кто из этих «монархистов» пытался уговорить каждого из Великих Князей беречь себя не для себя, а для России? Кто из них сумел поставить династический вопрос на должную высоту, при которой быть членом Династии не значить иметь «право» на произвольное отречение, и не значит готовиться к пассивному революционному мученичеству, но значит быть обязанными занять трон в положенный час, готовиться к этому и считать себя органом общенародного спасения? И если никто из «верных» монархистов не подумал тогда об этом, то о чем же они думали? Да и думали ли они о чем-нибудь, кроме личного спасения?

Мне известно, что были героические исповедники, подобные московскому протоиерею Восторгову, шедшие на смерть и принимавшие ее; или подобно тому монархисту Матусову, которого я видел в подвале «чеки», где он во всех служебных орденах и в своих партийных значках вызывающе требовал себе расстрела за верность Государю. Но сколько бы ни было таких, — они не составляли того, в чем нуждалась Россия, т. е. продуманной, организованной и отстаивающей национальный трон политической партии. Такой партии в России не было.

История удостоверяет нам, что имелась партийная «головка», постоянно добивавшаяся от правительства то избира-

тельных, то пропагандных субсидий, довольная обильным получением и отзывавшаяся грубыми выходками на недостаточное получение или на прямой отказ (см. у В. Н. Коковцова. «Из моего прошлого». П., с. 164—165 и др.). Но это и было не служение, а личное устроение; не партия монархистов, а группа вымогающих просителей; это была не опора трона, а собрание льстецов. И те из них, которым удалось впоследствии спастись за границу, промышляли этим и в эмиграции: «Если от вас не будет субсидии, то возьмем из другого источника, но тогда уже будем работать против вас».

От таких людей — ни тогда, ни теперь — не следует ждать для монархии ничего, кроме вреда. Монарху нужны люди дальноразумные, умеющие разуть знаки истории и верно предвидеть зарождающиеся опасности. Монарху нужны люди правдолюбивые, а не рисующие угодливо оптимистические горизонты там, где история нависает над людьми черной тучей. Государю нужны совестные советники, а не ловцы субсидий. Государю нужен кадр непоколебимых стоятелей, знающих, разумеющих, волею твердых, за которых дела говорят громче лукавых и льстивых слов.

России нужна была настоящая монархическая партия, а ее тогда не оказалось.

Почему? Как объяснить это?

Настоящей, ответственной монархической партии, с глупо продуманной программой и верной, активной политической тактикой — в России перед революцией не было. Потому монархисты и не могли ни поддержать трон и династию, ни выдвинуть в роковые дни свой крепкий кадр, ни отстоять неприкосновенность и жизнь отрекшегося Государя. Русские монархисты полагали, что они призваны восхвалять, поздравлять, ждать распоряжений, угождать, демонстративно повиноваться, испрашивать субсидии и уверять в своей преданности; но самостоятельное политическое мышление, но государственная ответственность, но смыкание верного, активного кадра, но создание реальной, силовой опоры для трона — все это «не входило» в призвание «русской» монархической партии. Монархисты как бы «висли» на троне, но не составляли его социального и политического фундамента. И в тот момент, когда трон формально «замолк», оказалось, что монархисты рассыпались прахом и сошли на нет.

Монархически строй сокрушился в России потому, что русский императорский трон имел в стране историческую традицию правосознания, но не имел идейного и волевого кадра, дальнорядкого, сплоченного и способного к активным выступлениям. Русские монархисты обязаны осознать это, с горечью и скорбью признать это, осудить себя и не возвращаться более к этой «политике» пустых фраз и хвастливой пропаганды. Реальная политика не делается ни словами, ни резолюциями, ни восторгами, ни поздравлениями; тем более она не делается пустословными и заведомо неправдивыми уверениями, будто «настымы, и тьмы, и тьмы»... С этим надо покончить: монархист повинен своему Государю не хвастовством и обманами, а правдою и грозно-честным служением.

Монархической партии в истинном смысле этого слова в России не было уже вследствие того, что самая политическая культура страны была в этом отношении первобытна: она только еще начинала завязываться, крепнуть и находить свои формы. Самая идея «политической партии» находилась вплоть до 1905 года под запретом. До тех пор русские политические партии могли существовать и работать только нелегально, без разрешения или даже в запрещении; и те из них, который вступили на этот путь раньше, могли бы уже иметь, казалось бы, некоторый организационный опыт. Однако, и их опыт оказался скудным, беспомощным и бездейственным. Достаточно вспомнить, напр., что социал-демократы-меньшевики и социалисты-революционеры, давно уже возившиеся в своем подполье, нисколько не подумали о защите своего «учредительного собрания», не имели в запасе никаких партийно-силовых кадров и разошлись по домам чуть ли не на цыпочках, когда вооруженный матрос посоветовал на ушко их председателю и главному храбрецу Виктору Чернову кончить эту учредительную «канитель» «добровольно».

Русский человек просто не умел еще строить партию и приводить ее в движение. Правда, революционеры научились устраивать небольшие конспиративно-террористические группы и развивать их активность: тайно сговариваться, добывать деньги, подделывать паспорта, уклоняться от полицейской слежки, менять конспиративные квартиры, давать нелегальные ночлеги и явки, обходиться с револьвером и бомбою и устраивать побеги из тюрем. Но напрасно они воображали, что, усвоив все эти разбойничьи приемы, они научились политической

деятельности. Ловкий «ассасин», вроде Савинкова, совсем еще не политик и вся его суетня имеет только тот смысл, что она силится помешать другому, делающему живую государственную работу. Это политическое неумение, это непонимание здоровой государственности и обнаружилось у левых партий во время того демагогического «аукциона», в который они превратили выборы «учредилки» и во время их суточного «правотворчества». После этого провала им оставалось только вернуться к своей прежней тактике: к покушениям (на Урицкого, на Володарского, на Ленина) и к поместным восстаниям (Ярославль, Тамбов, Кронштадт).

Этим я совсем не хочу сказать, что «искусство партии» далось одним большевикам... Напротив, надо признать, что их организация всегда была заговорщической и тоталитарной, а не лояльно-партийной. Они начали с уличной вербовки и все время отбирали купленных наймитов, соблазненных жадников и расчетливых нырял. Они все время нажимали на массы — голодом, страхом, обещаниями и подачками, развращая человеческую совесть и правосознание; и таким способом строили не партию, а тоталитарный государственный аппарат, осуществляя торжество политической полиции над недумаящим, обманутым и беззащитным обывателем...

Но кому «искусство партии» совсем не удалось, — это русским монархистам. Они совсем не понимали, в чем же именно состоит призвание монархической партии в России, где правит «абсолютная» власть монарха... Одно из двух: или монархисты лояльны и приемлют эту «абсолютную» власть, но тогда им нечего предаваться — ни самостоятельной мысли, ни самостоятельным действиям; или же они ее не приемлют — и тогда их партии лучше не существовать...

Здесь мы находим самую главную причину их политического провала.

Русские партийные монархисты по своей политической наивности всегда были склонны смешивать самодержавие монарха с абсолютизмом и воспринимать власть законного Государя как абсолютную. А между тем это далеко не одно и то же и власть законного монарха не может быть абсолютной.

Термин «абсолютной» власти происходит от латинского глагола *absolvo*, что значит развязываю, разрешаю, все позволяю. И вот абсолютизм утверждает, будто монарх стоит выше всякого права и закона; будто власть его не знает никаких гра-

ниц; будто ему все позволено, — всякое произволение, бесправие, противозаконие и преступление.

«Самодержавие» монарха указывает как раз на обратное: на правовую и законную природу его власти. Самодержавный монарх есть высший правовой орган, государства; его верховенство устанавливается правом и есть правовое верховенство. Власть монарха не дается ему ни от иноземных, ни от внутригосударственных сил (напр., от армии, от гвардии, от народного голосования, от дворянства, от финансовых кругов); нет, она принадлежит ему в силу закона и возводит его ответственность к высшим источникам, правосознания — к совести, к патриотизму, к Богу. Осуществляет же он ее независимо от всякой чужой воли, именно постольку, поскольку закон присваивает ему его основные полномочия — законодательные, исполнительные, судебные и воинские. В этом его «самодержавие».

Это необходимо продумать и понять раз навсегда: самодержавие отвергает, осуждает и исключает абсолютизм; а абсолютизм отвергает основное в правах Государя, ибо он не признает его законным монархом, он отрицает его высокое звание верховного субъекта права, он снижает его звание до звания тирана, он разлагает и разрушает самую правовую форму монархии. Именно поэтому абсолютизм несовместим с самодержавием, этим высшим проявлением законности на троне, правосознания у монарха, чувства обязанности и ответственности у верховного в государстве лица.

Тиберий, Калигула, Нерон и другие римские тираны — не были самодержавны: они получали свою власть «милостью легионов» и всходили на трон, не признавая ни закона, ни права, ни границ своей власти. Как тираны, они развертывали свой абсолютизм, правили страхом и злодейством, прикрывали все это своей мнимой «божественностью» и рушились в преступность и позор. Людовик XI, Людовик XIV, Иоанн Грозный шли по их следам и несли бедствия своим народам и государствам.

Абсолютный монарх «все смеет» и «все может», чего желает его политическая или иная похоть («*son bon plaisir*»). Но самодержавный Государь «смеет» далеко не все, а лишь законное, законами предоставленное, правое, правовое, государственное, совестное, честное, Богу угодное. Тиран не связан правом и законом; он призван к разнузданию и осуществляет его в самых фантастических и свирепых формах. Но именно этим он роняет и позорит свое звание монарха. Напротив, самодержавный

монарх знает законные пределы своей власти и не посягает на права, ему не присвоенные; он знает, что Государь, не блюдуший право и закон, сам подрывает свою власть...

Всякому, не усвоившему эти основы монархического строя, мы советуем внимательно прочесть и продумать хотя бы римского историка Светония («Жизнь 12 цезарей»), «Анналы» Тацита и «Культуру итальянского Возрождения» Якоба Буркхарда. Необходимо понять и усвоить, что есть «абсолютизм», что он вносить в душу монарха и к каким поистине ужасным последствиям он ведет. Напротив, все государи, постигшие опасность абсолютного произволения, не унижали, а возвеличивали звание монарха. Так, Фридрих Великий, уступивший мельнику в Сан-Суси — по приговору судьи — право на мельничный шум; Петр Великий, искавший во всем и всегда писанной законности и всегда напоминавший людям, что законы требуют соблюдения; Александр I, умевший отказывать людям в случаях, когда он чувствовал, что «закон выше него»; и все Государи, умевшие не тяготиться законными формами своего правления, — оставались на высоте своего трона.

Отсюда уже понятно, что законный монарх будет ценить всякое свободно-ответственное слово, всякое честное возражение, всякую государственно-творческую инициативу своих подданных. Петр Великий говаривал: «Полезное я рад слушать и от последнего подданного»... «Весело слушать, когда подданные открыто говорят своему Государю правду; вот чему надо учиться у англичан» (после посещения инкогнито Палаты лордов). Но тиран не потерпит в своих подданных ни самоличного размышления, ни независимого мнения, ни свободного слова (Джугашвили!).

Поэтому подданные самодержавного Государя отнюдь не должны внушать, — ни себе, ни ему, — будто он является «абсолютным» властелином, который требует славословия, лести и безоговорочной покорности, и не терпит ни самостоятельного мнения, ни творческой инициативы. Вспомним, что главной заботой Петра Великого было — пробудить в своем народе творческую инициативу и подсказать ей верное направление. Напротив, предреволюционные партийные монархисты в России считали своей единственной задачей — славословие, слепое повиновение, угождение, предупредительность и недерзание иметь свое суждение... Именно поэтому их «партия» не имела ни самостоятельного суждения о происходящем, ни организа-

ционного кадра, ни плана действий, ни соответствующих решений и выступлений. Здесь не было зрелого политического мнения и не было борьбы за трон... И Государь с Государыней, неосторожно полагаясь на заверения этой «партии», оказались изолированными и выданными врагам. Это не было сознательное «предательство»; но это была пассивность от неумения иметь Царя; это была выдача от бессмыслия, безволия и бессилия. Ожидания были обмануты; надежды не оправданы. И высокие пленники остались невырученными...

Если русские монархисты желают участвовать в дальнейшем в созидании русской истории, то они должны прежде всего пересмотреть и осудить свое прошлое, обновиться, переродиться, вступить на новые пути и не воображать, будто в происшедшей трагедии русского трона повинны все, кроме них. Они — повинны первые, ибо выдавали себя за верных и преданных.

«КАЖДЫЙ НАРОД ЗАСЛУЖИВАЕТ СВОЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВА»

Сколько раз приходилось нам в эмиграции выслушивать эту глупую, легкомысленную и черствую поговорку от иностранцев! Обычно люди произносят ее с важностью и пренебрежением, тоном исторического откровения. «Ведь вот, у нас на Западе, замечательные народы и у них, вследствие этого, культурные и гуманные правительства. А у вас, в России, всегда было такое правительство, которого ваш ничтожный народ заслуживал; вот и теперь: то же самое, только навыворот»...

И, к сожалению, такое трактование России, ее величавой истории и ее современной трагедии — не ограничивается салонной болтовней. Существует еще и ныне продолжает пополняться целая литература, которая вдалбливает людям такое понимание России. Есть в Европе и особая издательская традиция: переводить из русской литературы все то, что русское перо создало в порядке самообличения и самобичевания, и замалчивать, не переводить того, что обнаруживает истинный Лик России. Один опытный русский литератор рассказывал нам даже, что когда европейцы перевели ради таких целей «Деревню» Бу-

нина и просили его написать об этой книге, то две влиятельные европейские газеты вернули ему его статью, потому что в ней не было сказано «вот именно из этакой гнусности и состоит вся Россия», а было в ней указано на то, что Бунин вообще понимает в человеке только одну жизнь темного и развратного инстинкта и рисует ее сходными чертами у всех народов.

Ныне европейцы, повинувшись все тем же закулисным директивам, повторяют ту же самую ошибку: они делают все возможное, чтобы не увидеть настоящую Россию, чтобы связать ее, смешать ее и отождествить ее с большевиками и чтобы уверить себя, будто русский народ «заслуживает» того угнетающего, уничтожающего и вымаривающего его «правительства», которое его ныне терроризует.

Примем на миг эту глупую и фальшивую поговорку и придумаем ее до конца.

Что же, спросим мы, голландцы в 1560—1584 годах — «заслуживали» правившей тогда диктатуры кардинала Гранвелы и графа Эгмонда, или они «заслуживали» правления гениального Вильгельма Молчаливого, или «инквизиционного» террора герцога Альбы? Стоит ли ставить такие нелепые и мертвые вопросы?

Что же, англичане в XI веке, с 1625 года до 1643 года «заслуживали» католических казней от Карла Первого, Стюарта, потом до 1649 они «заслуживали» гражданской войны, с 1649 до 1660 они «заслуживали» протестантского террора от Кромвеля, а с 1660 года они «заслуживали» опять католического террора от Карла Второго, Стюарта? Какой же глупец согласится выслушивать такое трактование истории?

Что же «заслуживали» французы, в эпоху своей долгой революции, с 1789 года до 1815 года — королевской власти Людовика XVI, или болтливой Конституанты, или свирепого Конвента, или гнусной Директории, или воинственного деспотизма Наполеона, или реставрации Бурбонов?

А немцы, за последние 30 лет, — «заслуживали» сначала прусского правления Вильгельма II, потом — социал-демократической республики (1918—1933), потом — Гитлера, а теперь на востоке Германии — советской власти, а на западе — оккупационной полуанархии? Нельзя ли придумать какие-нибудь менее повержностные и не столь нелепые историко-политические мерилы?

Что же сказать нам о ныне поработанных коммунистами малых европейских государствах? Скажем ли мы, что наши братья сербы «заслужили» правительство Иосифа Броза и Моисея Пияде? Или скажем, что чехи и венгры «заслуживают» своих мучителей. Румыны «заслужили» свою Анну Рабинзон, а болгары своего убитого Димитрова?

Или мы не произнесем этих бессовестных глупостей?

Да, народ отвечает за свое правительство, если он сам находится «в здравом уме и твердой памяти» и если он его свободно выбрал. И несомненно, что поскольку народ органически связан со своим правительством — не в порядке завоевания, вторжения, оккупации, бессовестного политического обмана, антинационального подавления, интернационального засилья и революционного террора, а в порядке мирного, долгого, национального развития, постольку между правосознанием народа и правосознанием правительства возникает органическое взаимодействие и подобие. Вече, свободно избравшее князя или посадника, — отвечало за них. Но у кого же повернется язык сказать, что русский народ отвечал за Бирона, протершегося к власти в порядке низкого угодничества и антинационального подавления? Несомненно, что русский народ должен был бы отвечать за свое постыдное «учредительное собрание» 1917 года, — если бы... если бы он находился тогда «в здравом уме и твердой памяти»; но можно быть совершенно уверенным, что в здравом состоянии он не выбрал бы такой «конституанты». Исторически факт несомненен: тогда народ был выбит из колеи начальными неудачами великой войны, он был развязан угашением монархической присяги и обезумлен — как революционным правлением февралистов, так и большевицкой агитацией.

Но как же мог русский народ «заслужить» того, чтобы его покорили интернациональным обманом и засильем, невиданной в истории тоталитарной системой сыска и террора, революционным завоеванием, вторжением и подавлением? Какие зверские наклонности, какую злодейскую душу, какие адские пороки он должен был бы иметь для того, чтобы «заслужить» все это? Кем должен быть этот народ, чтобы «заслуживать» такое обхождение, такое унижение, такое управление? Мы поймем эти слова в устах германского нациста, объявившего нас «унтерменшами» и заморившего миллионы наших братьев в плену и на работе, но мы никогда не поймем и не простим по-

добные слова в устах человека с русской фамилией и с русским пером.

Но именно такова мысль г. Федотова, высказанная им в статье «Народ и власть» (Новый Журнал, кн. 21). Мы уже давно привыкли к тому, что писания этого «профессора» безответственны, двусмысленны и соблазнительны. Он ненавидит «дореволюционную Россию» слепой ненавистью и всегда готов очернить ее вопиющей неправдой. А между тем Россия — вся, какая она была, от вече до Государственной Думы, от Нестора до Пушкина, Достоевского и Лескова, от Сергия Преподобного до Веньямина Петроградского и Иоанна Латвийского — была и есть внереволюционная и дореволюционная Россия. И вот суждениям г. Федотова — место не в эмигрантской прессе, а в «Правде» и в «Известиях». Ибо если он иногда и произносит истину, то по методу советской прессы — только для того, чтобы окутать и исказить ее покровом неправды и соблазна.

Русскому человеку, знающему советский строй, непростительно говорить, что русский народ отвечает за свое коммунистическое правительство, — а именно: «или за то, что его одобряет, или за то, что его терпит». Пусть г. Федотов поедет туда и там научит русский народ, какие есть способы для того, чтобы «не потерпеть» советское правительство. Но он отлично знает, что таких способов нет, и предпочитает безответственно клеймить тех, которые там поднимали восстание за восстанием, продолжая традицию Белой Армии.

Русскому человеку, претендующему на звание «историка», — непростительно говорить, что «русская этика эгалитарна, коллективистична и тоталитарна»; это невежественный вздор — она всегда была христиански-сердечна, сердечно-справедлива и свободолюбива до анархии.

Русскому человеку, считающему себя образованным, непростительно говорить, будто русская «монархия давно прекратила свою просветительную миссию, завещанную Петром», будто русская «бюрократия, сделала политику делом личной корысти», будто православная «Церковь выбросила социальную этику из своего обихода и умела только защищать власть и богатство». Все это неправда, все это соблазн, все это разложение эмиграции с тыла и пропаганда против России, столь полезная нашим иноземным врагам и коммунистам. И всю эту неправду (и многую другую!) совсем не надо было нагромождать для того, чтобы под конец сказать, что русский народ нуж-

дается в покаянии. Да, конечно, нуждается, не только в покаянии, а в долгом нравственном очищении. Но прежде всех в нем нуждается г. Федотов и ему подобные поносители исторической России.

«Каждый народ заслуживает своего правительства»... Нет, наоборот: каждый народ заслуживает, — и морально, и политически, — лучшего правительства, чем то, которое он имеет, ибо именно лучшее правительство сделает и его самого лучшим. Каждое правительство призвано действовать, руководясь инстинктом самосохранения, присущим его народу; каждое призвано видеть далее своего народа, быть мудрее его и подсказывать ему верные пути жизни.

Пора понять это и не повторять политическую пошлость, подслушанную за границей от врагов и презрителей русского народа.

ФЕДЕРАЦИЯ В ИСТОРИИ РОССИИ

Чтобы найти для России верный и спасительный путь, русское политическое мышление должно прежде всего освободиться от формализма и доктринерства и стать почвенным, органическим и национально-историческим. Государственный строй не есть пустая и мертвая «форма»: он связан с жизнью народа, с его природою, климатом, с размерами страны, с ее историческими судьбами, и — еще глубже — с его характером, с его религиозною верою, с укладом его чувства и воли, с его правосознанием, словом, с тем, что составляет и определяет его «национальный акт». Государственный строй есть живой порядок, вырастающий из всех этих данных, по-своему выражающий и отражающий их, приспособленный к ним и неотрывный от них. Это не «одежда», которую народ может в любой момент сбросить, чтобы надеть другую; это есть скорее органически приращенное ему «строение тела», это его костяк, который несет его мускулы, его органы, его кровообращение и его кожу.

Люди, воображающие, что политический строй есть нечто отвлеченно выдуманное и произвольно изменяемое, что его можно по усмотрению заимствовать или брать «с чужого плеча», что его стоит только «ввести» и все пойдет как по писанному, обнаруживают сущую политическую слепоту. Они напоми-

нают ту сумасшедшую старушку, которая, живя на курорте, расспрашивала всех подряд, кто чем лечится и все восклицала: «Вам — это — помогает?! может быть, и мне — это — попробовать?!» Ответ ей мог быть один: «Да, мне — это — помогает, но вас это может погубить!» Так и в политике... Ибо, поистине, неумно представлять себе государственную форму, как самый нелепый из маскарадных костюмов («Бэбэ»), который одинаково можно натянуть на мужчину и на женщину, на старого и на молодого, на рослого и на низенького, на толстого и на худого: все они одинаково «омаскарадятся» и «онелепятся»... Ни в медицине, ни в политике — нет всеисцеляющих средств и лекарств. У людей нет всеподходящих одежд. Нет единой, всеустраивающей государственной формы. Нет и не будет!

Так, например, и перед революцией, и в эмиграции были наивные русские люди, которые непременно требовали для России «английской конституционной монархии»... Что же, если они могут превратить Россию — в небольшой остров, с морским климатом и всемирным мореплаванием, с тысячелетним прошлым Великобритании, с английским характером, правосознанием, укладом чувства и воли, с английским темпераментом и уровнем образования — то их политическое требование станет осмысленным. А если они не могут произвести такое превращение, — тогда к чему беспочвенные мечты и праздные разговоры?!..

И так обстоит во всех вопросах политики. Так решается и проблема федеративного строя.

Люди, предлагающие для России федеративный строй на том основании, что он некоторым другим народам «помогает», обязаны прежде всего спросить себя: «А что повествует об этом история самой России? Имеются ли хоть какие-нибудь данные для того, чтобы уповать на успех в этом деле?»...

Внимательно изучая историю России, мы видим, что возможность установить федеративное единение была дана русскому народу четыре раза: 1. — в Киевский период, до татарского нашествия (1000—1240); 2. — в Суздальско-Московский период, под татарским игом (1240—1480); 3. — в эпоху смуты (1605—1613); и, наконец, 4. — в 1917 году в период так называемой «февральской революции».

Установим же исторические факты.

1. В Киевский период, в России, еще не разоренной татарами, культурно расцветающей и международно уважаемой, со-

здание единого государства на основе договора облегчалось, по-видимому, тем, что князья состояли в близком кровном родстве друг с другом и числили свои княжества в общем нераздельном «династическом» владении. Казалось бы, что единство Руси, осознанное и выговоренное Владимиром Мономахом, так же, как и напор тюрко-половцев, длившийся почти два века, должны были бы привести князей к спасительному прочному единению. Однако, для этого необходимо было правосознание крепкого и долгого «дыхания», которого на Руси не было. Его не было у князей, растравлявших свое честолюбие и властолюбие началом «родового старшинства» и личной конкуренцией при «передвижении» из города в город. Его не было у княжеских дружинников, нередко переходивших вместе с князьями из удела в удел и вовлекавшихся в их конкуренцию и вражду. Его не было у вече, представлявшего в государстве вообще центробежную силу и менявшего князей по своему настроению. Князья же не верили друг другу, интриговали, вели бесконечные усобицы и наводили на русскую землю то половцев, то поляков. Побуждения зависти, честолюбия и корысти преобладали. Начало договора на Руси было непрочно; русское правосознание толковало обязательства, вытекающие из договора — прекарно («мое слово, хочу дал, хочу назад возьму»). Все договаривались друг с другом на срок (князья в Любече 1097 г., дружинники с князьями, вече с князьями), т. е. впредь до измены, нередко замышляя самую измену в момент «ряда» (соглашения). Достаточно, например, вспомнить, что князь Василько Ростиславич был оклеветан Давидом Игоревичем, изменнически захвачен Святополком Изяславичем и варварски ослеплен им при самом возвращении их из Любеча, где все целовали крест на взаимную верность. К этому присоединялись: дробление Руси вместе с размножением рода; распад, свойственный всякому большому равнинному пространству; и то своеобразное славянское «упорство на своем», которое отмечали уже древние византийские писатели. Вот откуда эти мудрые обличения, произносимые стенающим тоном, которые мы находим в «Слове о Полку Игореве» (XII век):

«Усобица князем на поганья погибе: рекоста бо брат брату — се мое, а то мое же — ...А князи сами на себе крамолу коваху; а погани сами победами нарищуще на рускую землю»...

Вследствие этого вторгшиеся монголы застали Русь в состоянии разброда и беспомощности. Князья-конкуренты ока-

зались неспособными даже к стратегическому сговору, который мог бы дать в их распоряжение армию до 300 000 воинов. Монголы били их порознь; геройство князей и их дружин погибало втуне; и участь России была решена на 250 лет... Федерация не удалась, а до унитарного государства было еще далеко.

Владимир Мономах (ум. в 1125 г.) еще надеялся на договорное объединение Руси. Но уже внуки его — Андрей Боголюбский (уб. в 1175 г.) и Всеволод Большое Гнездо (ум. в 1212 г.) утратили эту надежду. Они ищут спасения в единодержавии; они ищут не дробления земли на «волости», а расширения своей, единой великокняжеской территории. Их поддерживает в этом простой народ (люди «меньшие», «мизинные») и духовенство, а бояре и промышленное купечество примыкают к партии распада. Таким образом, популярные в народе Мономаховичи впервые выговорили новое политическое слово: договорное начало не по силам Руси, в федерации нет спасения, надо искать спасения в единодержавии (унитарном начале).

2. В Суздальско-Московский период, под татарами (1240—1480), выяснилось, что князья не уразумели данного им исторического урока и не научились свободному, договорному единению. Они по-прежнему дробили уделы, веди между собой нескончаемые, жестокие усобицы, доносили друг на друга в Золотую Орду, громили друг друга татарскими силами и обессиливали Русь политически и стратегически. Национальное чувство мельчало, национальное единство угасало и начало государственной федерации снова проваливалось в России. «В продолжение 234 лет (1228—1462) северная Русь вынесла 90 внутренних усобиц» и «все влиятельное, мыслящее и благонамеренное в русском обществе» научилось ценить единодержавие московского князя (Ключевский, П., с. 56—57). Это единодержавие слагалось и крепло медленно, но неуклонно: очередь родового старшинства постепенно заменялась очередью прямого сыновства; княжество становилось личным достоянием князя, наследственно-потомственной вотчиной, которую он, как оседлый владелец, завещал своим детям по своему усмотрению; и, наконец, появилось стремление выдвигать удел старшего сына как главный и единодержавный.

Замечательно, что идея государственного единства Россия по-прежнему выдвигалась родом Мономаховичей. Праправнук Владимира Мономаха Александр Ярославич Невский служит ей словом, делом и мечом (ум. 1263). Сын его, Даниил Алексан-

дрович Московский, начинает единоедержавное собрание Руси от лица Москвы.

Именно на этом пути Россия была спасена от татарского ига, объединена, замирена и возвеличена не федеративной, а унитарной и авторитарной государственностью. Договорное единство вторично не удалось русским. Славянская кровь тянула к индивидуализации; бесконечная равнина поощряла эту тягу; правосознание, питаясь религиозным чувством и неформальным национальным чувством, обходилось совсем без традиций римского права и строгого волевого воспитания; мелкогосударственная ячейка, как всегда и везде, разжигала личное честолюбие и властолюбие; и в результате всего этого биологическая особь настаивала на инстинктивной индивидуализации и не превращалась достаточно в гражданственную и морально дисциплинированную личность. Все эти черты не были преодолены и в дальнейшей истории России; и донныне они представляют главную трудность и опасность русской государственности. Ввиду этого спасения надо было искать по-прежнему не в федерации, а в унитарной форме, т. е. в авторитарном единоедержавии.

3. В Смутное время (1606—1613), когда страна распалась в анархии, подготовленной ломающими реформами Иоанна Грозного; когда грабеж и убийство стали повседневным явлением; когда люди теряли оседлость и работу, а вследствие этого и веру в честный труд; когда по Руси забродили самозванцы, числом до пятнадцати; когда русская и польская чернь губила народ и государство; когда люди изворовались и измалодушествовались и площадь живого земледелия сократилась до одной двадцать третьей части прежнего размера, — тогда было выдвинуто начало стратегического объединения от периферии и притом именно северными городами. Однако не для того, чтобы погасить московское единоедержавие и заменить его федерацией, а для того, чтобы спасти Россию восстановлением авторитарной и унитарной монархии. Судьба первого ополчения, разложившегося от измены казаков, свидетельствовала по-прежнему о великой трудности даже патриотически-стратегического соглашения на Руси. Судьба второго ополчения, встретившегося под Москвой с тою же своевольной изменой (ибо часть казаков ушла с Заруцким в Коломну, а другая часть все еще мечтала всех ратных людей переграбить и от Москвы отженить«...), свидетельствовала о том же. Русские люди еще раз убедились в

том, что федерация им не дается и не дастся — и не надеялись на нее. Все помышляли о новом царе: одни о Владиславе польском, другие о его отце Сигизмунде, третьи о Филиппе шведском, иные даже о Габсбургах, иные — о «Маринкином воренке», иные же и притом лучшие — о русском «прирожденном» Государе... Но всем предносилась единая и не федеративная Русь. Итак, на Земском Соборе 1613 года обсуждался не вопрос о способе спасительного единения, а о лице, способном править Россией единодержавно.

4. И снова настало на Руси «смутное время» в 1917 году. Под прикрытием Временного правительства, сводившего государственную власть к «воззваниям» и «уговорам» и упорно избежавшего всяких принудительных мер, в России разразилась анархия, — политическая, военная, хозяйственно-организационная и уголовно-преступная. Освобожденный Государем и его Наследником от монархической присяги, поощряемый безвластием Временного правительства и соблазняемый пропагандой левых партий, народ «понес Русь розно», подготавливая окончательный развал русского государства. Национальная трагедия привела к тому, что трезвые патриотические силы, боровшиеся единомысленно за государственное единство России, были вынуждены удалиться на окраины, чтобы вести борьбу с революционной анархией от периферии к центру; центральная же позиция была захвачена революционной диктатурой, которая и водворила постепенно в стране — «единство», но единство антинациональное и противогосударственное, единство без Родины, вне права, вне свободы, единство террора и рабства, с тем, чтобы наименовать эту унитарную тиранию — «федеративным» государством, и тем надругаться сразу и над федеративной, и над унитарной формой государственности...

Таким образом, анархия в четвертый раз погубила федеративное начало в истории России.

Надо быть совсем близоруким и политически наивным человеком для того, чтобы воображать, будто эта исторически доказанная тысячелетняя неспособность русского народа к федерации сменилась ныне в результате долгих унижений и глубокой деморализации — искусством строить малые государства, лояльно повиноваться законам, блюсти вечные договоры и преодолевать политические разномыслия во имя общего блага. На самом деле имеются все основания для того, чтобы предвидеть обратное.

О РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ САМОСТОЯНИИ

Современные поколения русских людей проходят через трудную историческую школу, которая должна освободить их от всяких политических и национальных иллюзий и открыть им глаза на своеобразие русского народа, на драгоценную самобытность его культуры, на его государственные задания и на его врагов. Довольно слепоты, наивности и легковерия! Тот, кто любит Россию, обязан зорко наблюдать, предметно мыслить и делать выводы. Только тогда ниспосланные нам уроки не пропадут даром.

Живя в дореволюционной России, никто из нас не учитывал, до какой степени организованное общественное мнение Запада настроено против России и против Православной Церкви. Мы посещали Западную Европу, изучали ее культуру, общались с представителями ее науки, ее религии, ее политики, и наивно предполагали у них то же самое дружелюбное благодушие в отношении к нам, с которым мы обращаемся к ним; а они наблюдали нас, не понимая нас и оставляя про себя свои мысли и намерения. Мы, конечно, читали у прозорливого и мудрого Н. Я. Данилевского эти предупреждающие, точные слова: «Европа не знает (нас), потому что не хочет знать; или лучше сказать, знает так, как знать хочет, — то есть, как соответствует ее предвзятым мнениям, страстям, гордости, ненависти и презрению» (добавим только еще: и ее властолюбивым намерениям). Мы читали и думали: «Неужели это правда? Но, ведь, у нас есть союзники в Европе? Ведь Европа считается с голосом русского правительства и даже заискивает перед Россией! Не все же люди там заражены ненавистью... Да и за что же им нас ненавидеть?»

Ныне мы обязаны точно ответить себе на все эти вопросы, Данилевский был прав. Западные народы боятся нашего числа, нашего пространства, нашего единства, нашей возрастающей мощи (пока она, действительно, вырастает), нашего душевно-духовного уклада, нашей веры и церкви, наших намерений, нашего хозяйства и нашей армии. Они боятся нас; и для самоуспокоения внушали себе — при помощи газет, книг, проповедей и речей, конфессиональной, дипломатической и военной разведки, закулисных и салонных нашептов — что русский народ есть народ варварский, тупой, ничтожный, привыкший к рабс-

тву и деспотизму, к бесправию и жестокости; что религиозность его состоит из темного суеверия и пустых обрядов; что чиновничество его отличается повальной продажностью; что войну с ним всегда можно выиграть посредством подкупа; что его можно легко вызвать на революцию и заразить реформацией — и тогда расчленишь, чтобы подмять, и подмять, чтобы переделать по-своему, навязав ему свою черствую рассудочность, свою «веру» и свою государственную форму.

Русские эмигранты, любящие Россию и верные ей, не пропадающие по чужим исповедальням и не служащие в иностранных разведках, обязаны знать все это, следить за той презрительной ненавистью и за вынашиваемыми планами; они не имеют ни оснований, ни права ждать спасения от Запада, ни от «Пилсудского», ни от «Гитлера», ни от Ватикана, ни от «Эйзенхауэра», ни от мировой закулисы. У России нет в мире искренних доброжелателей. Русский народ может надеяться только на Бога и на себя. Русский народ может освободиться только сам: в медленной муке перетереть большевицкое иго; привить национальную русскость партийной периферии; укрепить свои духовные силы в катакомбном Православии; и медленно, но неуклонно расшатывать советчину, ее бюрократию и ее террористический зажим; и затем — выждать благоприятную мировую конъюнктуру, сбросить гипноз коммунистической дьявольщины и возвратиться на свой исторический путь. А мы, рассеянные повсюду русские патриоты, должны понять это, выговорить это самим себе и, помогая изо всех сил этому внутреннему процессу, готовиться к этому историческому часу, чтобы вовремя поспешить на помощь нашему народу, — с твердою верою в Бога, с новыми творческими идеями, с продуманными планами, со всею волевою энергией, которая потребуется тогда от русского человека.

Русский народ освободится и возродится только самостоянием и каждый из нас (независимо от возраста и поколения) будет ему тем нужнее, чем больше ему удастся соблюсти в эмиграции свою самостоятельность, свой независимый взгляд, свою энергию, свою духовную «непроданность» и «незаложенность». Знаем мы, что есть люди, думающие и действующие иначе, все время пытающиеся «привязать свой челнок к корме большого корабля»: примазаться то к «Пилсудскому», то к «Гитлеру», то к Ватикану, то к мировой закулисе. И, зная это, предупреждаем их: пути их антинациональны, духовно фальшивы и историчес-

ки безнадежны. Если их «поддержат», то только на определенном условии: служить не России, а интересам поддерживателя; считаться не с русским национальным благом, а с программой деньгодателей. Им, может быть, и помогут — но не спасать и строить Россию, а действовать в ней по указанию чужого штаба или чужого правительства; иными словами — им помогут приобрести звание иноземных агентов и русских предателей и заслужить навеки презрение русского народа.

Неужели нам надо вспоминать историю этих тридцати лет? Историю о том, как русские белые армии были покинуты французами на юге, англичанами на севере и чехословаками в Сибири; историю о том, как Пилсудский отнесся к Деникину и Врангелю; как барон Мальцан договорился с Советами в Рапалло; как Ллойд-Джордж поспешил начать торговлю с «людоедами», а германский рейхсканцлер Вирт инвестировал капиталы Ватикана в лесные концессии на русском севере; как в Москве Брокдорф-Ранцау по ночам развлекался с Чичериним музыкой и еще кое-чем; как патер (а потом прелат) Мишель д'Эрбиньи дважды (1926 и 1928) ездил в Москву для заключения «конкордата» с заведомым для него сатанюю и, возвращаясь, печатал мерзости о русском народе и о Православной Церкви... Неужели все это и многое, многое другое забыто?

Было бы необычайно интересно прочесть честно написанные воспоминания тех русских патриотов, которые пытались «работать» с Гитлером: встретили ли они понимание «русской проблемы»? сочувствие к страданиям русского народа? согласие освободить и возродить Россию? хотя бы на условиях «вечной германо-русской дружбы»? И еще: когда же им удалось рассмотреть, что их нагло проводят? Когда они догадались, что ни иностранная политика (вообще!), ни война (вообще!) — не ведутся из-за чужих интересов? Когда у каждого из них пришел тот момент, что он, ударив себя кулаком по голове, назвал себя «политическим слепцом, замешавшимся в грязную историю», или еще «наивным оруженосцем у русского национального врага»?..

Мы годами наблюдаем все подобные попытки русских эмигрантов и все вновь и вновь спрашиваем себя: из каких облаков упали эти обыватели на землю? откуда у них эти сентиментальные мечты о «бескорыстии» международной политики и о «мудрости» иностранных штабов? откуда у них эта уверенность, что именно им удастся «уговорить» и повести за собою

такой-то (все равно, какой!) сплоченный иностранный центр с его предвзятыми решениями, а не он их разыграет и использует, как забеглых полупредателей? Сколько их было, таких затей! Затевали, надеялись, рассчитывали, писали, подавали, «стряпали», шептались и хвастались успехами... И что вышло из всего этого?..

Но были и более «умные»: эти скоро догадывались, что русский патриотизм не обещает успеха, что надо идти на сепаратизм и расчленение России. На наших глазах один такой «деятель» изобрел идею «туранского национального меньшинства, угнетаемого русским деспотизмом и жаждущего принять католическую веру»; и вот, ему уже устроили выступление перед членами венгерского парламента, которым он излагал свои «проекты», и он уже получил венгерский орден... А потом? Потом — он умер, а Венгрия подпала сначала Гитлеру, а потом Сталину. А в это время группа эмигрантских сепаратистов шепталась с немцами об «освобождении» (!) Украины и создавала в Берлине мощный центр сепаратистской и антирусской пропаганды, пока Гитлер не разогнал их за ненадобностью. И тут же, да наших глазах, русские эмигранты вливались в мировую закулису, надеясь привить ей понимание и сочувствие к России и сходили со сцены: одни гласно объявив, что наткнулись на требование слепого повиновения и на твердокаменную вражду к национальной России, другие добровольно исчезая за железным занавесом, третьи, сдавая свои позиции и заканчивая свою жизнь на кладбище.

Шли годы, закончились конвульсии Второй мировой войны. И вот опять начались те же попытки «привязать свой челнок к корме большого корабля», заранее солидаризируясь с его курсом и направлением. И опять спрашиваешь себя: что же это такое — все та же ребяческая наивность или гораздо хуже?! Ибо, по существу, никто из иностранцев нисколько не прозрел ни в чем, не передумал, никак не изменил своего отношения к национальной России и не вылезился от своего презрения и властолюбия. И те из нас, которые имеют возможность следить за мировым общественным мнением, с тревогой предвидят в будущем все то же движение по тем же рельсам, ведущим за падных политиков в тупик прежних ошибок.

Нет, Россия спасется только самостоянием, и нам всем надо блюсти свою полную духовную независимость!

О ВОЗРОЖДЕНИИ РОССИИ

Когда русские патриоты говорят о возрождении России, то они представляют себе обычно восстановление достойной государственной формы, возобновление осмысленного хозяйства, основанного на частной собственности, и возрождение свободной русской культуры. Кажется, что вот, рухнет тоталитарный режим, прекратится вмешательство коммунистического государства во все сферы человеческой жизни, возродится вольная, творческая инициатива — и Россия встанет, как долго спавший богатырь...

Мы совершенно не сомневаемся в том, что все указанное необходимо и что оно будет полезно и значительно, но постоянно с грустью думаем о том, что всего этого мало; что есть еще нечто, значительнейшее и глубочайшее, такое, что здесь не упомянуто, но что составляет самое естество человеческого бытия: это личные качества и тяготения человека; это то, как он поведет себя в личной жизни; и еще глубже: это его вера, его совесть и верность; это его характер; это то, что он способен совершить в общественной жизни и чего он не может не сделать. Словом, дело совсем не сводится к внешнему порядку, строю и «успеху» жизни, но к внутреннему укладу, строю и характеру человека. При внешнем приличии, порядке и свободе общественной жизни человек может растить в себе безбожного, бессовестного и бесстыдного предателя, продажного пролазу, напуганного и трепещущего подхалима, — словом, жалкое и жалости достойное существо, на котором ни государства, ни тем более великой и славной духовной культуры не построишь. Чем больше порочности будет гнездиться за ширмами парламента и всех учреждений, тем ближе государство будет к смуте и разрухе, тем непосильнее будут ему исторические испытания. И если этой продажности и порочности будет много, если русские люди будут мерить в жизни все личной жадностью, а не предметным достоинством, — то как возродим Россию? Что противопоставим напору внешних сил, стремящихся насадить коррупцию и разложить наше отечество? Как справимся с соблазнами озлобления, мести, фактического захвата (грабежа), лжи, доноса и, главное, продажности? А если не справимся с этими тяготениями и соблазнами, то не возродим Россию, а предадим ее мировой закулисе и разбазарим ее на мировом рынке...

Россия рухнула на наших глазах не потому, что русский человек был силен во зле и злобе, наподобие немцев, а потому, что он был слаб в добре; и в роковой час истории (1917) он не сумел извлечь из своего добродушия и утомления, из своей улыбки, песенной и ленивой души — ту энергию воли, ту решимость поступка, то искусство организации, то умение сопротивляться злу силою, которых потребовал от него час испытания. Русский человек оказался слабым в добре и подчинился нерусским людям, составляющим в стране ничтожное меньшинство (около 50 000 большевиков), но зато оказавшимся сильными во зле, сильными бессовестностью и волею к власти, сильными прямым и свирепым убийством.

И вот в истории осуществилось невиданное и неслыханное: злое меньшинство, захватив власть, поставило на колени добродушное большинство народа, с тем, чтобы переделать его, сломать ему его моральный хребет, окончательно перемешать ему и его детям в душе понятия добра и зла, чести и бесчестия, права и бесправия — и приучить его голодом и страхом к безусловной покорности. Это была систематическая школа зла и предательства, основной принцип которой был сформулирован чекистом Яковом Аграновым в 1921 году: «морально то, что полезно в данный момент международному пролетариату (т. е. большевикам)»... Это была школа, вечно грозящая безработицей, разгромом семьи, ссылкой, концлагерем и смертью. Все были ею захвачены: никто не мог уклониться от нее. Это была школа вечного притворства, лжи и доноительства...

Забудется ли в русской истории тот деревенский комсомолец, который донес на свою мать о «похищении» ею колосьев с «коллективного» поля (хотела его братьям-малышам кашу сварить!)? Мать была расстреляна, а доносчик прославлен, как образец, через всю советскую печать, с воспроизведением его гнусного портрета? Как забудем мы голос московского любимца артиста В. И. Качалова-Шверубовича, требующего смертной казни для невинных людей из прежней промышленной буржуазии.

Вот уже 35 лет, как русские люди, принуждаемые и застрашиваемые советской властью, предают друг друга, чтобы спасти себя самих; присягают марксизму и «диамату», ничего в них не понимая; записываются в партию, которую считают погубительницей их родины; стараются думать и говорить то, что им

прикажут; доносят на соседей и сослуживцев под угрозой увольнения со службы, т. е. общесемейного голода; демонстрируют преданность и «пафос», которых не имеют; скрывают свою веру, восхваляя безбожие и безверие, — словом предают Православие и Россию, служа большевикам и растрачивая последние следы собственных воззрений и убеждений. Правда и ложь смешались воедино. Подписывая ложный протокол допроса, русский человек должен добавить слово «чистосердечно», зная, что все содержание написанного противоречит истине. Добро и зло стали неразличимы: все строится на классовой и личной ненависти, на пошлой и лживой лести без конца и края, на механизме затверженных формул. А за годы войны и официальная церковь была вовлечена в эту систему лжи, о чем гласно засвидетельствовал Экзарх Балтийский Сергей, убитый впоследствии чекистами на большой дороге.

Мы прекрасно знаем, что эта разлившаяся в России большевицкая порочность — вынужденная; что почти каждый, поддающийся ей, проходит через более или менее продолжительный период уговоров, угроз, лишений, увольнений, полуссылок, ссылок, арестов, тюрем и, конечно, нарочито придуманных унижений. Для того, чтобы сломать хребет у сильного, надо, конечно, больше усилий и времени, нежели у слабого; но сильного можно и расстрелять.

Мы знаем еще, что в России есть люди настолько сильные, что они вырабатывают себе как бы маску, обличье мнимой лояльности в лице и в словах; они бывали и за границей, их можно увидеть и внутри России. Но что именно они думают и чувствуют, об этом не знает никто, даже гепеук про гепеука.

Мы знаем, наконец, что в России есть и определенные герои духа, связанные так или иначе с тайною Церковью, не приемлющей «патриарха» Алексея с его молитвами о «вожде» Иосифе Виссарионовиче и об успехах его всемирного злодейства. Этих героев мы умеем и чтить, и ценить, и не сомневаемся в их религиозном и историческом значении; на них и из них возродится истинная Православная церковь, которая сумеет дать отпор и католикам, и безбожникам, и протестантам, и их бесчисленным сектам.

Итак, деморализация, водворившаяся ныне в России, — есть не свободная, а навязанная; этого мы не должны забывать. Русский народ не сам оскудел качествами души, но был ограб-

лен посредством страха, голода и унижений. Ростки добра и чутье ко злу живы в нем по-прежнему; мы имеем множество живых доказательств для этого. И когда мы читаем в сообщениях возвратившегося оттуда польского еврея, как он, будучи библиотекарем, сначала чтобы прокормиться, а потом, чтобы оградить себя от доносов, вырывал из книг страницы и продавал их на курево, то мы не сомневаемся, что добровольно он никогда не обошелся бы так ни с Торой, ни с Талмудом, да и вообще ни с одной книгой, заслуживающей этого имени. Люди в Советии вынуждены воровать, чтобы не умереть; женщины — предаваться гнусным ласкам коммуниста, чтобы прокормить свою мать и детей; все должны публично проявлять чувства, которых они никогда не имели... И все это иностранцы приписывают «русским», так, как если бы самое качество русскости оставалось свободным и как если бы Россия оставалась свободным национальным пространством на земле...

Однако нам важны сейчас не заблуждения и не хищные намерения иностранцев (все равно каких!), а состояние русской души и русского духа. Это состояние должно быть обозначено как униженное и развращенное. Отрицать это возможно только, утратив живое чувство добра и зла. Заstraшенность всегда унижает человека и развращает его. Но именно поэтому она ставит ему первую и основную задачу: осознать эту униженность и признать эту развращенность. Это должно осуществиться в великом и всенародном акте покаяния.

Мы разумеем, что говорим и видим все великие трудности этого священного дела. Но русский народ не сможет возродиться, не очистившись, и не сможет очиститься, не признав из глубины своего сердца свое нынешнее состояние униженным и развращенным. В России унижены все некоммунисты; ибо они не смеют думать вслух и действовать по свободному убеждению; мало того, они вообще совсем теряют способность иметь убеждение — или же уходят в «тайную церковь». Они унижены тем, что от страха должны превратить свою жизнь в сплошное притворство и лицемерие и работать на своих заstraщивателей (врагов России!...). И вряд ли есть много таких, которые, нося эту маску, хранят в глубине души чистый и верный акт самостоятельной личной убежденности, или, скажем еще больше и священнее, — акт свободной веры.

В сущности говоря, свободная вера в советском государстве есть состояние запрещенное, нелегальное и нелояльное; так же как и свободное убеждение и свободное слово. Это не нуждается в доказательстве; это достоверно известно каждому, кто, будучи способен к свободной вере, к свободному убеждению и свободному слову, пытался осуществить эти драгоценные состояния вразрез с господствующим и общеобязательным мировоззрением... Судьба его бывала предрешена. И кто в этом сомневается, тот пусть прочтет замечательные исповеднические книги священника отца Михаила Польского... А без свободной веры и без свободных убеждений жизнь неизбежно превращается в унижающее и развращающее рабство.

Итак, русский народ нуждается в покаянии и очищении. Десятки лет сущедьявольского большевизма — уже очистили одних и затоптали в грязь других. И вот, очистившиеся должны помочь неочистившимся восстановить в себе живую христианскую совесть, веру в силу добра, верное чутье к злу, чувство чести и способность к верности. Без этого — Россию не возродить и величия ее не воссоздать. Без этого русское государство, после неминуемого падения большевизма, расплзется в хлябь и в грязь.

И напрасно кто-нибудь стал бы утверждать, что этот процесс стал возможным и даже уже начался после предательского конкордата между большевиками и так называемой «патриаршей церковью». Этот конкордат мог только запереть те священные двери, который ведут в глубину души к слезному покаянию и волевому очищению. Чудовищно предлагать русскому человеку доверие к чекистам и получекистам! Раствленно думать и говорить о том, что таинство покаяния может совершаться перед антихристом. Бессмысленно тешить себя иллюзиями нравственного очищения перед «предстоящим» и победоносным дьяволом. Покаяние есть установление священной и чистой связи с Господом, а не с сатаной и с его (безразлично — верными или неверными) слугами.

Все трудности этого покаянного очищения должны быть продуманы и преодолены: у религиозных людей в порядке церковном (по исповеданиям), у нерелигиозных людей — в порядке светской литературы, достаточно искренней и глубокой, и затем в порядке личного совестного делания. Надо понять и продумать до конца природу того растлевающего яда, которым

орудуют коммунисты; все возможности и силы государства перенапряжены и использованы до конца для того, чтобы сделать людей лживыми и трусливыми рабами. И вот, этого лживого и трусливого раба русский человек должен отыскать в себе, проследить во всех закоулках своей души и извергнуть его так, как подобает человеку, свободному, достойному и духовному. Без этого Россия не возродится.

НАДО ГОТОВИТЬ ГРЯДУЩУЮ РОССИЮ

Уже не раз ставился в эмиграции вопрос о том, возможно ли теперь же начертать будущую русскую «конституцию», т. е. изложить в форме ряда законопроектов государственное устройство будущей России? — Я думаю, что это сейчас неосуществимо; и притом потому, что у нас нет конкретных данных: мы не знаем времени (когда это будет?), пространства (при какой территории?), национального состава будущей России, ее социального строения, состояния народного правосознания, ее экономического и международного положения. «Конституция» была бы выводом из двух посылок: первая—принципиальные основы, которые мы считаем верными и необходимыми; вторая — конкретные данные; вывод— «конституция». Но второй посылки у нас нет и потому вывод невозможен. Но о некоторых принципиальных основах можно и должно договариваться теперь же.

1. И вот, прежде всего, установим, что в отличие от дореволюционной русской интеллигенции, считавшейся с одними отвлеченными «идеалами», наши поколения должны мыслить реалистически и исторически, для того, чтобы не впасть в мечтательно-отвлеченные нежизненные программы наподобие анархистов всех оттенков (от Кропоткина до Родичева), или конституционалистов-демократов (от Кокошкина до Милюкова), или всевозможных социалистических партий. Мыслить реалистически значит исходить от русской исторической, национальной, державной и психологической данности, в том виде, как она унаследована нами. Мы не можем вместе с Петром Кропоткиным проповедовать свободный передел имущества на площади (все домашнее барахло сваливается в одну кучу и

каждый по своему усмотрению берет себе беспрепятственно, что ему приглянется). Но мы не можем и верить вместе с Родичевым, что как только монархия падет, так «пойдет все гладко и станет все на место от того, что все обнимутся свободно и братски...» Мы не можем вместе с умеренными либералами требовать для России «английской конституции», ибо наш климат, наш характер, наша история, наше правосознание, наш территориальный состав, наше образование и наша вера — совсем иные, чем в Англии. Но мы не можем и верить вместе с Ф. Ф. Кокоскиным, который пользовался в немецком ученом мире величайшим уважением, будто Россия найдет свое спасение во всеобщем и равном избирательном праве и свое единение в федеративном расчленении. Политика не фантазия и не утопия; и фантазирующий политик занимается вредным делом. Опыт нашего поколения достаточен для того, чтобы оставить эти химеры раз навсегда.

2. Установим далее, что все государственные рецепты, идеи и лозунги за последние 30 лет омертвели, выветрились или исказились. Мы ничего не должны и не смеем принимать на веру; все подлежит пересмотру, новому пониманию, углубленной критике, новому содержательному наполнению. Понятия свободы, равенства, народоправства, избирательного права, республики, монархии, федерации, социализма — понимались доселе формально, в отрыве от правосознания и его аксиом, в отрыве от народного душевного уклада и от национальных задач государства. Считалось, а на Западе и доныне обычно считается, что свобода и равенство суть бесспорные идеалы; что народоправство есть аксиома для всякого «порядочного» человека; что избрание всегда выше и полезнее назначения; что монархия всегда хуже республики; что враг федерации — есть враг рода человеческого; что социализм могут отвергать только сторонники капиталистической эксплуатации и т. д... Мы не можем принимать на веру все эти партийные и часто гибельные предрассудки. Исходить из этого мы не можем, как не можем исходить и из бесспорности обратных положений. Мы должны пересмотреть политические «идеалы» предреволюционной интеллигенции и отвергнуть все несостоятельное. Мы должны отвергнуть самый способ постановки политических вопросов — мечтательно-доктринерский, рассудочно-формальный, интернациональный, искательно-демагогический. Перед нами не «идеал», не «мечта» и не «доктрина», а жизненная задача вос-

создания России. И Россию мы должны понимать как живое, органически-историческое, единственное в своем роде, русско-наследственное государство, с его особою верою, с особыми традициями и нуждами.

3. Но именно поэтому мы не должны гоняться за чужими сверхнациональными отвлеченными формами жизни. Нет и не может быть единой государственной формы, которая оказалась бы наилучшей для всех времен и народов. Политически зиждательное в одной стране, у одного народа, в одну эпоху, при таком-то климате, темпераменте, хозяйстве, может оказаться разрушительным в других условиях. Поэтому Западная Европа и Америка, не знающая Россию, не имеют ни малейших оснований навязывать нам какие бы то ни было политические формы, — ни демократические, ни фашистские... Мы готовы повторить это сто раз: Россия не спасется никакими видами западничества, ни старыми, ни новыми. Все политические формы и средства человечества полезно знать и верно разуметь. Но творческая комбинация из них и из других, еще неизвестных, должна быть избрана и создана самою Россией, должна быть подсказана ее собственными задачами, помимо всяких чужих предписаний или своих предрассудков и доктрин. Мы должны понимать и помнить, что всякое давление с запада, откуда бы оно ни исходило, будет преследовать не русские, а чуждые России цели, не исторический интерес, не благо русского народа, а интерес давящей державы и вымогающей организации... Поэтому поведение русских людей и партий, потихоньку стоваривающихся с той или иной иностранной державой или закулисной международной организацией о будущем устройстве России, представляется нам проявлением или безответственного политического легкомыслия, или прямого предательства.

Итак, мы должны считаться только с двумя великими реальностями:

А. С исторически данной Россией, с ее целями и интересами.

Б. С верно понятыми и усвоенными аксиомами правосознания и государственности, взращенными в нас двухтысячелетним христианским опытом.

Будущее русское государственное устройство должно быть живым и верным выводом из русской истории и из этих христианских бесспорных аксиом, но с тем, чтобы не стремиться воплотить эти аксиомы вслепую, в меру утопического максимализма, но в меру их исторической восточности в живую ткань современной русской народной жизни.

4. Особенно же важно теперь извлечь идею государства и политики из той предреволюционной пошлости и из той революционной грязи, в которую эта идея незаметно совлеклась в западных демократиях и в коммунистическом режиме.

С одной стороны, политика совсем не есть сочетание массовой демагогии и расчетливой закулисной интриги, честолюбивой толкотни и беспринципного компромисса, партийного засилья и бессмысленного голосования вслепую.

С другой стороны, она совсем не сводится к насилию и коварству, к деспотизму и террору, к классовой борьбе и к тоталитарным способам управления.

Политика не есть темное дело презренных плутов. Когда чиновник начинает торговать своим делом, как мы это видим ныне в некоторых крупнейших демократиях мира, или когда он становится прямым разбойником, как это при коммунизме; или наоборот — когда авантюрист и разбойник становятся чиновниками — то государство идет к гибели. На самом же деле политика имеет совсем иные задания, совсем иную природу, совсем иной духовный стержень, а именно: властно внушаемая солидаризация народа; авторитетное воспитание личного, свободного правосознания; оборона страны и духовный расцвет культуры; создание национального будущего через учет национального прошлого, собранного в национальном настоящем.

Для этого необходимы люди высокой духовной силы, люди первого ранга. Вот почему необходимо высказывать, доказывать и жизненно прививать воззрение, что государственная и политическая деятельность требует не ловкого проходимца, не хитрящего интригана или чего-нибудь еще худшего, но человека с религиозно и нравственно сильным характером, человека качественного и призванного к власти. Она требует высоковолевой, моральной, образовательной и профессиональной квалификации. Это есть дело совсем не общедоступное, не дилетантское, не уличное. Отсюда в высоком смысле аристократическая природа государства, не в сословном, а в духовном смысле; отсюда значение нравственной и умственной традиции, отбора характеров и профессиональной подготовки. Человечество скоро начнет открыто заявлять, что нельзя мириться с политическим выдвиганием прохвоста только на основании того, что он сулил стать угодным закулисе или популярным в массе.

Политика требует качественных людей. Только им будет возможно осуществить все связанные с политикой компромиссы, не роняя ни себя, ни государственную власть. В политике бывают необходимы и хитрость, и насилие, и подчас жестокость. Но народ чует чутьем реальную меру необходимости таких компромиссов и прощает мудрому политику многое во имя главного и основного. В политике и государственности есть нечистые стороны и дела; их нельзя отрицать; от них нельзя зарекаться. Но именно поэтому политика требует большой идеи, чистых рук и жертвенного служения.

ЗАПАД ПРОТИВ РОССИИ

ЗАПАД НЕ ЗНАЕТ И НЕ ЦЕНИТ РОССИЮ

Где бы мы, русские национальные эмигранты, ни находились в нашем рассеянии, мы должны помнить, что другие народы нас не знают и не понимают, что они боятся Россию, не сочувствуют ей и готовы радоваться всякому ее ослаблению. Только одна маленькая Сербия инстинктивно сочувствовала России, однако без знания и без понимания ее; и только одни Соединенные Штаты инстинктивно склонны предпочесть единую национальную Россию как неопасного им антипода и крупного, лояльного и платежеспособного покупателя.

В остальных странах и среди остальных народов — мы одиноки, непонятны и «непопулярны». Это не новое явление. Оно имеет свою историю. М. В. Ломоносов и А. С. Пушкин первые поняли своеобразие России, ее особенность от Европы, ее «неевропейскость». Ф. М. Достоевский и Н. Я. Данилевский первые поняли, что Европа нас не знает, не понимает и не любит. С тех пор прошли долгие годы, и мы должны были испытать на себе и подтвердить, что все эти великие русские люди были прозорливы и правы.

Западная Европа нас не знает, во-первых, потому, что ей чужд русский язык. В девятом веке славяне жили в самом центре Европы: от Киля до Магдебурга и Галле, за Эльбой, в «Богемском лесу», в Каринтии, Кроации и на Балканах. Германцы систематически завоевывали их, вырезали их верхние сословия и, «обезглавив» их таким образом, подвергали их денационализации. Европа сама вытеснила славянство на восток и на юг. А на юге их покорило, но не денационализировало турецкое иго. Вот как случилось, что русский язык стал чужд и «труден» западным европейцам,

А без языка народ народу нем («немец»).

Западная Европа не знает нас, во-вторых, потому что ей чужда русская (православная) религиозность. Европой искони

владел Рим, — сначала язычески, потом католически, воспринявши основные традиции первого. Но в русской истории была воспринята не римская, а греческая традиция. «Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер» (Пушкин). Рим никогда не отвечал нашему духу и нашему характеру. Его самоуверенная, властная и жестокая воля всегда отталкивала русскую совесть и русское сердце. А греческое вероисповедание мы, не искажая, восприняли настолько своеобразно, что о его «греческости» можно говорить лишь в условном, историческом смысле.

Европа не знает нас, в-третьих, потому, что ей чуждо славяно-русское созерцание мира, природы и человека. Западноевропейское человечество движется волею и рассудком. Русский человек живет прежде всего сердцем и воображением, и лишь потом волею и умом. Поэтому средний европеец стыдится искренности, совести и доброты, как «глупости»; русский человек, наоборот, ждет от человека прежде всего доброты, совести и искренности. Европейское правосознание формально, черство и уравнительно; русское — бесформенно, добродушно и справедливо. Европейец, воспитанный Римом, презирает про себя другие народы (и европейские тоже) и желает властвовать над ними; за то требует внутри государства формальной «свободы» и формальной «демократии». Русский человек всегда наслаждался естественной свободой своего пространства, вольностью безгосударственного быта и расселения и нестесненностью своей внутренней индивидуализации; он всегда «удивлялся» другим народам, добродушно с ними уживался и ненавидел только вторгающихся порабитителей; он ценил свободу духа выше формальной правовой свободы — и если бы другие народы и народцы его не тревожили, не мешали ему жить, то он не брался бы за оружие и не добивался бы власти над ними.

Из всего этого выросло глубокое различие между западной и восточнорусской культурой. У нас вся культура — иная, своя; и при том потому, что у нас иной, особый духовный уклад. У нас совсем иные храмы, иное богослужение, иная доброта, иная храбрость, иной семейный уклад; у нас совсем другая литература, другая музыка, театр, живопись, танец; не такая наука, не такая медицина, не такой суд, не такое отношение к преступлению, не такое чувство ранга, не такое отношение к нашим героям, гениям и царям. И при том наша душа открыта для запад-

ной культуры: мы ее видим, изучаем, знаем и если есть чему, то учимся у нее; мы овладеваем их языками и ценим искусство их лучших художников; у нас есть дар вчувствования и перевоплощения.

У европейцев этого дара нет. Они понимают только то, что на них похоже, но и то искажая все на свой лад. Для них русское инородно, беспокойно, чуждо, странно, непривлекательно. Их мертвое сердце — мертво и для нас. Они горделиво смотрят на нас сверху вниз и считают нашу культуру или ничтожною, или каким-то большим и загадочным «недоразумением»...

И за тридцать лет революции в этом ничего не изменилось. Так в середине августа 1948 года происходил съезд так называемого «церковно-экуменического» движения в Швейцарии, в котором были выбраны 12 виднейших швейцарских богословов и пасторов (реформатской церкви) на такой же «всемирный» съезд в Амстердаме. И что же? На съезде господствовало «братское» сочувствие к марксизму, к советской церкви и советчине, и мертвое холодно-пренебрежительное отношение к национальной России, к ее Церкви и культуре. Вопрос о русской культуре, о ее духовности и религиозной самобытности совсем и не ставился: она приравнивалась к нулю. Марксизм есть для них «свое», европейское, приемлемое; и советский коммунист для них ближе и понятнее, чем Серафим Саровский, Суворов, Петр Великий, Пушкин, Чайковский и Менделеев.

То же самое происходило потом и на «всемирном» съезде в Амстердаме, где подготовлялось чудовищное месиво из христианства и коммунизма.

Итак, Западная Европа не знает России. Но неизвестное всегда страшновато. А Россия по численности своего населения, по территории и по своим естественным богатствам огромна. Огромное неизвестное переживается всегда, как сущая опасность. Особенно после того, как Россия в XVIII и XIX веках показала Европе доблесть своего солдата и гениальность своих исторических полководцев. С Петра Великого Европа опасалась России; с Салтыкова (Кунерсдорф), Суворова и Александра Первого — Европа боится России. «Что, если этот нависающий с востока массив двинется на запад? Две последние мировые войны закрепили этот страх. Мировая политика коммунистической революции превратила его в неутраченную тревогу.

Но страх унижает человека; поэтому он прикрывает его презрением и ненавистью. Незнание, пропитанное страхом,

презрением и ненавистью, фантазирует, злопыхательствует и выдумывает. Правда, мы видели пленных немцев и австрийцев, вернувшихся в Европу из русских лагерей и мечтавших о России и русском народе. Но европейское большинство и особенно его демократические министры — кормятся незнанием, боются России и постоянно мечтают, о ее ослаблении.

Вот уже полтора столетия лет Западная Европа боится России. Никакое служение России общеевропейскому делу (семилетняя война, борьба с Наполеоном, спасение Пруссии в 1806—1815 году, спасение Австрии в 1849 году, спасение Франции в 1875 году, миролюбие Александра III, Гагская конференция, жертвенная борьба с Германией 1914—1917 гг.) — не перевешивает перед лицом этого страха; никакое благородство и бескорыстие русских Государей не рассеивало этого европейского злопыхательства. И когда Европа увидела, что Россия стала жертвою большевицкой революции, то она решила, что это есть торжество европейской цивилизации, что новая демократия расчленил и ослабит Россию, что можно перестать бояться ее и что советский коммунизм означает «прогресс» и «успокоение» для Европы. Какая слепота! Какое заблуждение!

Вот откуда это основное отношение Европы к России: Россия — это загадочная, полуварварская «пустота»; ее надо «евангелизировать» или обратить в католичество, «колонизировать» (буквально) и цивилизовать; в случае нужды ее можно и должно использовать для своей торговли и для своих западноевропейских целей и интриг; а впрочем — ее необходимо всячески ослаблять. Как?

Вовлечением ее в невыгодный момент в разорительные для нее войны; недопущением ее к свободным морям; если возможно — то расчлениением ее на мелкие государства; если возможно — то сокращением ее народонаселения (напр., через поддержание большевизма с его террором, — политика германцев 1917—1939 гг.); если возможно — то насаждением в ней революций и гражданских войн (по образцу Китая); а затем — внедрением в Россию международной закулисы, упорным навязыванием русскому народу непосильных для него западноевропейских форм республики, демократии и федерализма, политической и дипломатической изоляцией ее, неустанным обличением ее мнимого «империализма», ее мнимой «реакционности», ее «некультурности» и агрессивности».

Все это мы должны понять, удостовериться в этом и никогда не забывать этого. Не для того, чтобы отвечать на вражду — ненавистью, но для того, чтобы верно предвидеть события и не поддаваться столь свойственным русской душе сентиментальным иллюзиям.

Нам нужны трезвость и зоркость.

В мире есть народы, государства, правительства, церковные центры, закулисные организации и отдельные люди — враждебные России, особенно православной России, тем более императорской и нерасчлененной России. Подобно тому, как есть «англофобы», «германофобы», «японофобы» — так мир изобилует «русофобами», врагами национальной России, обещающими себе от ее крушения, унижения и ослабления всяческий успех. Это надо продумать и прочувствовать до конца.

Поэтому, с кем бы ни говорили, к кому бы мы ни обращались, мы должны зорко и трезво измерять его мерилom его симпатий и намерений в отношении к единой, национальной России и не ждать от завоевателя — спасения, от расчленителя — помощи, от религиозного совратителя — сочувствия и понимания, от погубителя — благожелательства и от клеветника — правды.

Политика есть искусство узнавать и обезвреживать врага. К этому она, конечно, не сводится. Но кто к этому неспособен, тот сделает лучше, если не будет вмешиваться в политику.

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА РУССКИХ ГОСУДАРЕЙ

21 января 1933 года в № 4690 французского журнала «L'Illustration» была напечатана достопримечательная статья итальянского историка Гуилельмо Ферреро, прошедшего последнюю часть своей жизни в Женеве и скончавшегося там же в 1941 году.

Статья, озаглавленная «Прежняя Россия и мировое равновесие» высказывает ряд верных и справедливых мыслей о мировой политике русских Государей в XIX веке. Эти мысли прозвучали в Европе, как в стране глухонемых и не оказали, конечно, ни малейшего влияния на укоренившееся здесь общественное мнение. Европа не знает России, не понимает ее наро-

да, ее истории, ее общественно-политического строя и ее веры. Она никогда не понимала и ее Государей, огромности их задания, их политики, благородства их намерений и человеческого предела их возможностей...

И, странное дело, каждый раз, как кто-нибудь знающий пытается высказать правду и поправить дело всеобщего невежества, он наталкивается на уклончивое безразличие и недружелюбное молчание. Ему не возражают, его не опровергают, а просто — «остаются при своем». Европе не нужна правда о России; ей нужна удобная для нее неправда. Ее пресса готова печатать о нас самый последний вздор, если этот вздор имеет характер хулы и поношения. Достаточно любому ненавистнику России, напр., из «грушевских украинцев», распространиться о пресловутом поддельном «завещании Петра Великого», о «московитском империализме», якобы тождественном с коммунистическим мирозавоеванием, и о «терроре царизма», — и европейские газеты принимают эту лживую болтовню всерьез, как новое оправдание для их застарелого предубеждения. Им достаточно произнести это политически и филологически фальшивое словечко «царизм», — и они уже понимают друг друга, укрывая за ним целое гнездо дурных аффектов: страха, высокомерия, вражды, зависти и невежественной клеветы...

Нам надо понять это отношение, это нежелание правды, эту боязнь действительности. Все видимое преклонение европейца перед «точным знанием», перед «энциклопедической образованностью», перед «достоверной информацией», словом — вся этика истины — смолкает, как только дело коснется России. Европейцам «нужна» дурная Россия: варварская, чтобы «цивилизовать» ее по-своему; угрожающая своими размерами, чтобы ее можно было расчленивать; завоевательная, чтобы организовать коалицию против нее; реакционная, чтобы оправдать в ней революцию и требовать для нее республики; религиозно разлагающаяся, чтобы вломиться в нее с пропагандой реформ или католицизма; хозяйственно несостоятельная, чтобы претендовать на ее «неиспользованные» пространства, на ее сырье, или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии. Но, если эту «гнилую» Россию можно стратегически использовать, тогда европейцы готовы заключать с ней союзы и требовать от нее военных усилий «до последней капли ее крови»...

И вот, когда в такой атмосфере кто-нибудь из них скажет несколько правдивых и справедливых слов о России, то мы должны выделить их из общего хора голосов.

Ферреро, как и другие, не знает истории России и не знает ни ее судьбы, ни ее строя, ни ее задач. Для него, как и для всех европейцев (о как редкостны исключения!), Россия есть — «далекая, полуварварская империя», «олигархия восточных сатрапов», страна «деспотизма, подмявшего под себя сто миллионов людей, «огромное военное государство, основанное и управляемое мечом, эксцентричное, наполовину оевропеившееся»... Кроме этих мертвых пошлостей он не знает о России ничего. И потому — понять и объяснить мировую политику ее Государей — он не может. Но он это честно выговаривает: «Эта политика», упорно и потомственно добывавшаяся в Европе и в Азии «устойчивого равновесия», есть для него «одна из великих тайн истории XIX века», которую «важно было бы изучить и понять». И вот Ферреро имеет мужество признать эту политику, точно формулировать ее сущность и ее значение для всего мира и с величайшею тревогою отметит ее вынужденное прекращение. Предоставим слово ему самому.

Девятнадцатый век принес Европе «очень немного войн», «мало кровавых и мало разорительных, кроме разве войны 1870 года. Германия, Франция, Англия, Соединенные Штаты — гордились до самого 1914 года тем порядком и миром, которые господствовали во вселенной в течение целого века, тем богатством, которое им удалось извлечь из этого порядка и мира, и соответствующим прогрессом. Все эти «чудеса, ослепившие XIX век», они считали своим делом и своею гордостью. Но теперь мы знаем, что мы тут были ни при чем, что это был почти бесплатный дар, поднесенный Германии, Франции, Англии, Соединенным Штатам, всему Западу — последними наследниками Византии», т. е. русскими Царями.

«После 1918 года мы слишком скоро забыли, что с 1815 года до 1914 года, в течение века, Россия была великой силой равновесия в Европе». «С 1815 до 1870 года Россия поддерживала и подкрепляла германский мир, помогая ему прямо и косвенно. В 1849 году она спасла Австрию, послав в Венгрию свою армию, чтобы подавить мадыарскую революцию. Бисмарк смог объединить Германию и создать империю между 1863—1870 годами, потому что петербургское правительство давало ему свободу, если не прямо поощряло его. Тогда в Петербурге хотели уси-

ления Германии, чтобы она была противовесом Англии и Франции, врагам России по Крымской войне. Но после 1870 г. германский мир быстро принимает гигантские размеры и замашки. И вот Россия понемногу отделяется от него и переходит в другой лагерь. В 1875 году она помешала Германии напасть на Францию. После 1881 года... «Россия все больше и больше сближается с Францией. Почему? Потому что германское могущество все возрастает». Наконец, в 1891 году заключается настоящий союз с Францией, а в начале XX века «Англия и Россия, два соперника, объединяются против германской опасности».

Как бы ни объяснялась тайна этой «выдержанной, вековой политики европейского равновесия», проводившаяся русскими Императорами, — «бесспорно, что если Европа пользовалась целый век миром, лишь с перерывом от 1848 до 1878 года, то она обязана этим в значительной степени такой русской политике. В течение века Европа и Америка были на банкете всеобщего благоденствия — гостями и почти прихлебателями русских Царей.

Но этим «парадокс не исчерпывается: эта огромная военная империя»... «была также стражем порядка и мира в Азии. Ураган, разоряющей Азию вот уже больше 20 лет (теперь уже 39 лет!), начался только в 1908 году вместе с турецкой революцией, и в 1911 году вместе с китайской революцией. С 1815 года до этих революций Азия пребывала в сравнительном порядке, которым Европа широко пользовалась для распространения своего влияния и для устройства своих дел. Но этот порядок поддерживался, главным образом, страхом перед Россией. В Турции, в Персии, в Индии, в Японии — имелись англофильские партии. Все уступали интригам или даже господству Англии, потому что Англия казалась защитой против московской империи и меньшим злом». Таким образом, «обе державы помогали друг другу, ведя борьбу друг против друга; и их азиатское соперничество было самым парадоксальным сотрудничеством в мировой истории». Понятно, что «крушение царизма» в 1917 году «стало для Азии сигналом к восстанию против Европы и против западной цивилизации».

Теперь «все заняты новым правительством, овладевшим Россией», стараясь разгадать его намерения, и «забыли об империи Царей, как если бы она исчезла совсем»; а между тем, «последствия ее крушения только еще начинают ощущаться».

«Цари России уже не даруют ежедневно Европе и Азии даров мира и порядка», а «Европа и Америка не находят ничего такого, что могло бы заменить эту политику равновесия, в течение века регулиующую жизнь вселенной».

Все это было написано в 1933 году. С тех пор произошло очень многое, подтвердившее предвидения и опасения Ферреро. Миролюбивая Россия лежит все еще в прострации, в разорении, унижении и муках. Ее место занято посягающим «на все» Советским Союзом. Это новое, в корне нерусское и враждебное национальной России псевдогосударство явилось невиданным в истории человечества революционным и военным агрессором — и мир трепещет в ожидании новой разрушительной войны. Регулятором мирового равновесия пришлось стать Соединенным Штатам.

Но вернемся к прошлому, к «неразгаданной тайне», выдвинутой в статье Ферреро.

Голос политической честности, гражданского мужества и искреннего непонимания — всегда производит глубокое впечатление, особенно в нашем пролганном мире. Этот голос заслуживает внимания и уважения.

Первое, что необходимо установить для разъяснения выдвинутой итальянским ученым проблемы и политической «тайны», — что между русскими Государями и русским народом существовала духовно-органическая связь. Эта связь прерывалась очень редко; и государи, не умевшие установить ее (Анна Иоанновна под влиянием Бирона, Иоанн Шестой по малолетству и Петр III по чужеземству) проходили в русской истории, как тени. Иностранная кровь, вливавшаяся в русскую династию (в силу «равнородных» браков) — преодолевалась обычно уже в следующем поколении. Этому содействовали глубокие духовные обстояния: 1. Своеобразие русского духовного уклада, не совмещающегося с западноевропейским укладом и властно требующего ассимиляции. 2. Православная вера, вовлекающая в религию главное чувствилище человеческой души и не мирящаяся с формальной обрядностью и условным ханжеством. 3. Особливость русской государственной судьбы, трагической по самому своему существу: ее надо понять трепетом сердца и принять совестью и волею. 4. Сила нравственного излучения, исходившего от монархически чувствующего и волящего народа, направленного к Государю и его Дому. 5. Чуткая даровитость русских Государей, религиозно осмысливающих

свое служение и вдохновлявшихся верою в русский народ, а также в особенности — любовью к нему. В силу всего этого драгоценная связь между монархом и народом устанавливалась быстро и прочно. Это давало русским Государям возможность чувствовать и созерцать свою страну, жить в основном русле его истории и мыслить из его трагической судьбы. Они, так сказать, «врастали» в Россию, чему много содействовала художественная даровитость русского человека. Русский народ, созерцая сердцем своих Государей, вовлекал их (уже в звании наследника!) в ответное сердечное созерцание, и Государям, — инстинктивно и интуитивно, — открывалось самое существенное: душевный и духовный уклад русского народа, его историческая судьба, его грядущие пути и, в особенности, его опасности. Они оставались людьми и могли ошибаться (недооценивать одно и переоценивать другое); это возлагало на русских людей долг правды и прямого стояния перед Государем. Но в основном они редко сомневались.

К началу XIX века русский народ нуждался прежде всего и больше всего — в мире. Он провоевал, по точному исчислению генерала Сухотина и историка Ключевского, буквально две трети своей жизни — за свою национальную независимость и за свое место под солнцем, которое оспаривали у него все соседи. Эти войны столетиями растрачивали его лучшие силы: гибли самые верные, самые храбрые, самые сильные духом, волею и телом. Эти войны задержали его культурный и хозяйственный рост. Им надо было положить конец. А между тем с Семилетней войны (1756—1762) Россия была вовлечена в западноевропейские трения и войны: она стала членом «европейского концерта» на положении великой державы и не могла уже отказать от этого пути. Следование по нему принесло нам целый ряд величайших государственно вредных осложнений: разделы Польши, Суворовский поход и затяжные войны с Наполеоном, окончившиеся, как известно, опустошением ряда губерний, сожжением Москвы и ликвидационной войной за пределами России. В общем, много славы, очень много ненужного бремени и огромные потери.

После наполеоновских войн положение России выяснилось недвусмысленно. Дипломатически и стратегически «уйти из Европы» — значило бы предоставить опередившим нас европейским державам сговариваться на свободе против России, замышляя против нее недоброе, а самим пассивно ждать ново-

го вторжения «дванадесяти язык». Этот исход был бы равносильен самопредательству. Технически же, хозяйственно и культурно этот уход был бы еще большей ошибкой. Но, оставаясь в «европейском концерте», надо было считаться с неизбежностью новых стратегических вовлечений в западные дела и соперничества. Оставалось одно, — мудрое и верное: — неуклонно и искусно поддерживать в Европе и Азии равновесие сил и длительное замирение.

И вот, начиная с первой французской революции, впервые показавшей европейцам весь размах этого заразительного психического заболевания масс, Россия должна была считаться с двумя кровавыми опасностями, идущими из Европы: с войной и с революцией. Это уразумели уже Екатерина II и Павел I. Что может дать России европейская война — показали тогда наполеоновские походы. Что может вызвать в России массовое восстание, показали бунт Разина, стрелецкие заговоры при Петре Великом и самозванство Пугачева. Русские государи XIX века видели обе эти опасности, которые нисколько не тревожили русскую революционную интеллигенцию. Поэтому они стремились оградить Россию — и от ненужных войн, и от революционных безумий. Они хотели вывести народ, по возможности без войн и решительно без революции, на путь реформ, дальновидно подготовлявшихся Императором Николаем I и превосходно осуществленных Императором Александром II.

Ныне история подтвердила их политическую линию: строить Россию мировым равновесием сил; не допускать ее провала в стихию восстания; и повышать уровень ее культуры и правосознания. В начале XX века, когда Россия больше всего нуждалась в мире и в лояльном прогрессе, — именно война и революция принесли ей невиданное в истории крушения и превратили ее в очаг мировой заразы...

В течение всего XIX века европейцы не верили — ни в миролюбие России, ни в мудрые и прогрессивные замыслы ее императоров. Они уверяли себя, что Россия стремится к территориальному расширению и желает покорить себе всех соседей. Конечно, у страха глаза велики; но ведь и сила суждения, именуемая в общежитии «умом», дается человеку на что-нибудь... Европейцы сделали себе из России что-то вроде «пугала». Это объясняется, между прочим, — провинциальностью их политического горизонта: они никогда не могли представить себе того пространства, которым Россия уже оплодотворена, и в то

же время обременена; они все воображали, что Россия с ее малою плотностью населения, нуждается в их переуплотненных жителями клочках территории; они не понимали, что экспансия имеет смысл только в сторону менее населенных стран и что Россия, с ее православной верою и с ее просторами, никогда не могла дойти до чудовищной германской мысли — истреблять население завоеванной страны, чтобы отдать ее своим сельникам... На самом же деле — не русских тянуло завоевывать Европу, а европейцы разных государств мечтали (вослед за шведским королем Густавом Адольфом!) отодвинуть Россию в Азию и отнять у нее ее «передние» европейские земли. Последние полвека наглядно подтвердили это стремление — и со стороны Германии (два похода на Россию, в Прибалтику и на Украину вплоть до Волги и Кавказа!) и со стороны Польши, определенно мотивировавшей свою экспансию на восток «необходимостью обеспечить свои грядущие поколения» коренными русскими землями и донныне заселенными русским народом.

Все это заставляет нас признать миролюбивую и уравновешенную политику русских Государей в XIX веке — рационально верной, дальновидной и мудрой. Она является прямой противоположностью советскому революционному завоевательству и может казаться «империалистической» или «таинственной» только неосведомленному европейцу, раз навсегда испугавшемуся «русского колосса» и ликующему каждый раз, как ему дается повод провозгласить, что сей колосс — «на глиняных ногах». И если бы европейские газетчики знали и понимали, какая политическая глупость нужна для того, чтобы повторять их отождествление русской национальной политики «равновесия» с советской политикой революционного завоевания мира, то многие из них вырвали бы себе остатки волос на голове...

МИРОВОЙ САМООБМАН

С тех пор, как коммунисты завладели Россией и превратили ее в плацдарм мировой революции, прошло 32 года, и за это время, казалось бы, так называемое «мировое общественное мнение» могло и должно было рассмотреть, что произошло с национальной Россией и что представляет из себя вновь возникшее, национальной России враждебное и от нее во всех

своих целях и средствах отличное, новое государство. Это небывалое в истории правительство небывалого в мире государства — культурные западноевропейцы, с их эгоцентризмом и шахматным мышлением, конечно, не могли постигнуть сразу. Поняли они «Бебеля», а взошел «Ленин»; надеялись они на демократический урожай, а выросла тоталитарная деспотия. Однако большевики с самого начала не скрывали ни своих целей, ни своих планов, ни своей тактики, ни своего отношения к остальному человечеству; все выговаривалось громко и все делалось почти в открытую. Коммунисты «верили», что хозяйственная «анархия», хозяйственные кризисы и буржуазный империализм — подтачивают и очень скоро погубят «капиталистические» страны; и в силу этой глупой и близорукой доктрины, против которой тщетно и долго пытался аргументировать, ныне наконец услышанный, «Компроф» Варга, не стеснялись громко говорить в присутствии якобы «полумертвого» старика о том, как лучше его прикончить и как обойтись с его наследством.

Уже Ллойд-Джордж разглядел, что имеет дело с «людоедами», но решил «торговать с ними». Уже социал-демократическое правительство Германии (Носке!) разобралось в вопросе о том, чего следует ждать от Коминтерна, и решило не пускать его к себе, а пока что разыграть «псевдодружбу» против Антанты (Рапалло). С тех пор Коминтерн, его Исполнительный Комитет, его Политбюро, его Совнарком, его Чека-Гепеу — действовали повсюду в открытую: разрабатывали детальные планы для пропаганды, организации мировой войны: излагали эти планы в резолюциях, переводили эти резолюции томами на все языки и повсюду открыто их продавали; приводили эти резолюции в исполнение и поучали вселенную своими партиями и «акциями», потрясая до корня то Италию (1920), то Болгарию (1923), то Эстонию (1924), то Англию (1926), то Австрию (1927), то Китай (1928), то Германию (1929), то Испанию (1931—1935), то Францию (1934) и Соединенные Штаты (1934) и т. д. И все это постоянно освещалось и разъяснялось серьезной и ответственной антикоммунистической литературой, выпускавшейся русскими эмигрантами на всех европейских языках. Сталинский террор тридцатых годов (коллективизация крестьян, партийные процессы и казни, «чистка» красной армии, ежовщина, концлагеря) — был подробно описан и обсужден во всей мировой прессе. Казалось бы — европейцы и американцы, по край-

ней мере наиболее дальнзоркие и чуткие из них, могли понять, в чем дело и что есть Советская власть...

Но вот началась Вторая мировая война и обнаружила, что умственная лень, застарелая предубежденность против России, экономическая и торговая заинтересованность, полное незнание русской истории и тайная прокоммунистическая пропаганда, ведшаяся повсюду (и коммунистами и полуреволюционной «закулисой»), затмили политическую дальнзоркость, возобладали над трезвым разумением и привели великие и малые державы к целому ряду грубых (политических, экономических и стратегических) ошибок. Ни германцы, ни англичане, ни французы, ни итальянцы, ни американцы — не «реализовали» воображением и мыслью новое явление мировой истории и судьбу национальной России; и не сумели сделать из этого волевых и практических выводов. Ни героический Черчилль, ни лукавый Рузвельт, ни самоуверенный Муссолини, ни тупой фанатик Гитлер — не поняли природы и намерений Сталина, не поняли различия между национальной Россией и Советским Союзом, не постигли судьбы и своеобразия русского народа и наделали величайших исторических ошибок. Гитлер затеял бороться сразу с коммунистами и с русским народом — и погиб. Муссолини понимал коммунистов, но совсем не знал Россию и поддался гипнозу Гитлера. Черчилль и Рузвельт «договаривались» со своим лютым врагом в Тегеране, в Ялте, в Потсдаме и отдали ему из политической наивности и «союзнической лояльности» все малые государства Восточной Европы и Маньчжурию с Китаем в Азии; отдали, а преемники их схватились за голову, когда было уже поздно.

Поняли ли теперь великие державы и их правительства — мировую конъюнктуру? Разобралось ли теперь мировое «общественное мнение» в прошлых ошибках и будущих опасностях?

К сожалению — нет еще. Есть отдельные зоркие политики и — ясно мыслящие стратеги, которые видят и ошибки и опасности. Не следует называть их имена из осторожности. Но наряду с ними прокоммунистическая печать и полуреволюционные закулисные организации продолжают свою пропаганду и делают все возможное, чтобы «смешать карты», чтобы отвести влиятельным политикам глаза, выдать ложь за истину и тем, с одной стороны, облегчить мировому коммунизму его работу, а с другой — затруднить некоммунистическим государствам

(и политически и стратегически) — разумное и успешное сопротивление...

И первое о чем они стараются, это — о смешении Советского государства с Россией: делается все для того, чтобы выдать политику коммунистов за дело русского народа, и еще хуже, еще глупее, чтобы выдать всю советскую революцию за коварно-злодейский прием «России», жаждущей будто бы мирового завоевания и потому «притворяющейся» коммунистической. Такие статьи ныне рассылает, напр., так называемый Комитет борьбы за демократию («закулиса») по всем странам западного блока.

О РАСЧЛЕНИТЕЛЯХ РОССИИ

У национальной России есть враги. Их не надо называть по именам: ибо мы знаем их, и они знают сами себя. Они появились не со вчерашнего дня, и дела их всем известны из истории.

Для одних национальная Россия слишком велика, народ ее кажется им слишком многочисленным, намерения и планы ее кажутся им тревожно-загадочными и, вероятно, «завоевательными»; и самое «единство» ее представляется им угрозой. Малое государство часто боится большого соседа, особенно такого, страна которого расположена слишком близко, язык которого чужд и непонятен, и культура которого инородна и своеобразна. Это противники — в силу слабости, опасения и неосведомленности.

Другие видят в национальной России — соперника, правда, ни в чем и никак не посягающего на их достояние, но «могущего однажды захотеть посягнуть» на него, или слишком успешным мореплаванием, или сближением с восточными странами, или же торговой конкуренцией! Это недоброхоты — по морскому и торговому соперничеству.

Есть и такие, которые сами одержимы завоевательными намерениями и промышленной завистью: им завидно, что у русского соседа большие пространства и естественные богатства; и вот они пытаются уверить себя и других, что русский народ принадлежит к низшей, полуварварской расе, что он является не более чем «историческим навозом» и что «сам бог»

предназначил его для завоевания, покорения и исчезновения с лица земли. Это враги — из зависти, жадности и властолюбия.

Но есть и давние религиозные недруги, не находящие себе покоя оттого, что русский народ упорствует в своей «схизме» или «ереси», не приемлет «истины» и «покорности» и не поддается церковному поглощению. А так как крестовые походы против него невозможны и на костер его не взведешь, то остается одно: повергнуть его в глубочайшую смуту, разложение и бедствия, которые и будут для него или «спасительным чистилицем», или же «железной метлой», выметающей Православие в мусорную яму истории. Это недруги — из фанатизма и церковного властолюбия.

Наконец, есть и такие, которые не успокоятся до тех пор, пока им не удастся овладеть русским народом через малозаметную и инфильтрацию его души и воли, чтобы привить ему под видом «терпимости» — безбожие, под видом «республики» — покорность закулисным манованиям, и под видом «федерации» — национальное обезличие. Это зложелатели — закулисные, идущие «тихой сапой» и наиболее из всех сочувствующие советским коммунистам, как своему («несколько пересаливающему») авангарду.

Не следует закрывать себе глаза на людскую вражду, да еще в исторически-мировом масштабе. Неумно ждать от неприятелей — доброжелательства. Им нужна слабая Россия, изнемогающая в смутах, в революциях, в гражданских войнах и в расчленении. Им нужна Россия с убывающим народонаселением, что и осуществляется за последние 32 года. Им нужна Россия безвольная, погруженная в несущественные и нескончаемые партийные распри, вечно застревающая в разногласии и многоволении, неспособная ни оздоровить свои финансы, ни провести военный бюджет, ни создать свою армию, ни примирить рабочего с крестьянином, ни построить необходимый флот. Им нужна Россия расчлененная, по наивному «свободолюбию» согласная на расчленение и воображающая, что ее «благо» — в распадении.

Но единая Россия им не нужна.

Одни думают, что Россия, расколовшаяся на множество маленьких государств (напр., по числу этнических групп или подгрупп!), перестанет висеть вечной угрозой над своими «беззащитными» европейскими и азиатскими соседями. Это выго-

варивается иногда открыто. И еще недавно, в тридцатых годах, один соседний дипломат уверял нас, что такое саморасчленение «бывшей России» по этническим группам будто бы уже подготовлено подпольными переговорами за последние годы и начнется немедленно после падения большевиков.

Другие уверены, что раздробленная Россия сойдет со сцены в качестве опасного, — торгового, морского и имперского, — конкурента; а затем можно будет создать себе превосходные «рынки» (или рыночки) и среди маленьких народов, столь отзывчивых на иностранную валюту и на дипломатическую интригу.

Есть и такие, которые считают, что первую жертвою явится политически и стратегически бессильная Украина, которая будет в благоприятный момент легко оккупирована и аннексирована с запада; а за нею быстро созреет для завоевания и Кавказ, раздробленный на 23 маленькие и вечно враждующие между собою республики.

Естественно, что религиозные противники национальной России ожидают себе полного успеха от всероссийского расчленения: во множестве маленьких «демократических республик» воцарится, конечно, полная свобода религиозной пропаганды и конфессионального совращения, «первенствующее» исповедание исчезнет, всюду возникнут дисциплинированные клерикальные партии и работа над конфессиональным завоеванием «бывшей России» закипит. Для этого уже готовится целая куча искушенных пропагандистов и вороха неправдивой литературы.

Понятно, что и закулисные организации ждут себе такого же успеха от всероссийского расчленения: среди обнищавшего, напуганного и беспомощного русского населения инфильтрация разольется неудержимо, все политические и социальные высоты будут захвачены тихой сапой и скоро все республиканские правительства будут служить «одной великой идее»: безыдейной покорности, безнациональной цивилизации и безрелигиозного псевдобратства.

Кому же из них нужна единая Россия, это великое «пугало» веков, этот «давящий» государственный и военный массив, с его «возмутительным» национальным эгоизмом и «общепризнанной» политической «реакционностью». Единая Россия есть национально и государственно-сильная Россия, блюдущая

свою особливую веру и свою самостоятельную культуру: все это решительно не нужно ее врагам. Это понятно. Это надо было давно предвидеть.

Гораздо менее понятно и естественно, что эту идею расчленения, обессиления и, в сущности, ликвидации исторически национальной России, ныне стали выговаривать люди, родившиеся и выросшие под ее крылом, обязанные ей всем прошлым своего народа и своих личных предков, всем своим душевным укладом и своей культурой (поскольку она вообще им присуща). Голоса этих людей иногда звучат просто слепым и наивным политическим доктринерством, ибо они, видите ли, остались «верны» своему «идеалу федеративной республики», а если их доктрина для России неподходяща, то тем хуже для России. Но иногда эти голоса, как ни страшно сказать, проникнуты сущей ненавистью к исконной исторически сложившейся России, и формулы, произносимые ими, звучат безответственной клеветой на нее (таковы, например, статьи «федералистов», печатающихся в нью-йоркском «Новом Журнале», статьи, за которые целиком ответственна и редакция журнала, и основная группа его сотрудников). Замечательно, что суждения этих последних писателей, по существу своему, очень близки к той «украинской пропаганде», которая десятилетиями культивировалась и оплачивалась в парниках германского милитаризма и ныне продолжает выговаривать свою программу с вящим ожесточением.

Читая подобные стати, невольно вспоминаешь одного предреволюционного доцента в Москве, недвусмысленного пораженца во время первой войны, открыто заявлявшего: «У меня две родины, Украина и Германия, а Россия никогда не была моей родиной». И невольно противопоставляешь его одному современному польскому деятелю, мудрому и дальновидному, говорившему мне: «Мы, поляки, совершенно не желаем отделения Украины от России! Самостоятельная Украина неизбежно и быстро превратится в германскую колонию, и мы будем взяты немцами в клещи — с востока и с запада.

И вот, имея в виду русских расчлениателей, мы считаем необходимым привлечь внимание наших единомышленников к проблеме федерации по существу. И для этого просим внимания и терпения; ибо вопрос этот — сложный и требует от нас пристального рассмотрения и неопровержимой аргументации.

НЕНАВИСТНИКИ РОССИИ

Мы не должны забывать о них никогда. Нам не следует вообразать, будто они «успокоились» и «бездействуют», удовлетворившись тем, что они подкинули нам коммунистов, другие 36 лет поддерживают или разыгрывают их в свою пользу... Этого им мало: надо еще унижить и очернить русскую культуру, изобразить русский народ как рабский народ, достойный своего рабства, надо подготовить расчленение русского государства и завоевание русской территории, надо исказить, унижить и покорить его христиански-православное исповедание. Усилия в этом направлении не прекращались за все время большевистской революции. Они продолжаются и теперь. Причем, одна из излюбленных форм этой пропаганды состоит в том, чтобы залучать в свои сети чисто русских или недообрусевших писателей и побуждать их, как, якобы, «знатоков» вопроса, выступать в печати со статьями или с целой книгой очернения и оклеветания. Ученым за это обещается (а иногда и фактически устраивается!) кафедра; писателям открываются «тайные двери» и источники, пути к радиовещаниям, паспортным облегчениям, вознаграждениям и лекционным разъездам. Скажем прямо: кто хочет делать карьеру в эмиграции, тот должен идти к врагам России и с невинным лицом становится в их ряды. Автор этих строк знает этот прием «зазывания» и по другим, и по себе самому, ибо ему не раз делались подобные (иногда совершенно обстоятельные!) предложения. Ему известны также «русские» люди, которые, открывают в себе польское, или шведское, или балтийское, или хотя бы туранское естество, вступали на этот путь и делали карьеру в эмиграции.

Мы отнюдь не хотим сказать этим, что всякий, критикующий Россию, русский народ и русскую культуру, — «продался» и заведомо клеветает. Нет, возможны люди, ненавидящие Россию и готовые сказать о ней любой вздор и любую мерзость, не будучи подкупленными: что же с ними делать, если Россия им не нравится (напр., католикам; однако, не только им!). Вспомним хотя бы непристойный памфлет, выпущенный в свет некоей госпожой Бертой Экштейн, в 1925 году, под псевдоанглийским псевдонимом «сэр Галахад». Памфлет назывался «Путеводитель идиотства по русской литературе». Здесь все — сплошное невежество, все искажено, поругано, перевернуто и притом с ка-

ким-то апломбом развязного всезнайства!.. Здесь русские (буквально!) уподобляются грязным собакам, обделяющим стенку и заранее визжащим от страха, что их ткнут носом в содеянное (28). Русский — это жестокий, злобный, тупой, лишенный достоинства, сексуально извращенный «эксгибиционист» (29); немзыкальный, антипоэтический (51.88—89.111 и др.) «всекретин» вроде Кутузова и Платона Каратаева (44), неспособный ни к какому творчеству (47), до всегда готовый к разрушению (38), все равно, будь это «татарин Тургенев» (102. 142), «Иванушка Страшный» (99. 101) или «Ванкья Привратник» (50. 61). Словом: Россия есть творческая «пустота» (47. 109. 119), а русский народ — «яровая чернь» (100). Не довольно ли? — Вспомним тут же книгу о России католика Гуриана, вышедшую через несколько лет в Германии незадолго до водворения Гитлера в качестве поддержки для рейхсканцлера Брюнинга и прелата Кааса с их просоветской политикой. Он, между прочим, изображал Ленина как великого воспитателя в истории человечества... И мы не имеем доказательств для того, чтобы заподозрить его в «неискренности»: кто знает, может быть, он и его предшественница верили в свои соблазны и были «убежденными сторонниками» своих слепых и злобных глупостей? Разве человеческая глупость имеет свою меру? Нельзя же всякую слепоту и всякое невежество уверенно приписывать нарочитой лживости или подкупности автора! Возможно еще и простое отсутствие силы суждения, убожество духа, фанатизм иноверия или, наконец, «конфессиональная дисциплина»...

Однако нам гораздо труднее поверить, что те вороха неправды и клеветы о России, о русских Государях и их национальной политике, которые напечатаны в книге русского профессора Гогеля (1927, по-немецки) и в статьях г. А. Салтыкова (1938 г. в Бельгии) свидетельствуют именно о их духовной слепоте и о малой силе суждения, ибо они, как люди (не скажу «русские»), но выросшие в России и совершившие там всю свою карьеру, могли и должны были знать, где кончается правда и где начинается ложь.

Мы не будем возражать г-ну Гогелю, состоявшему до 1912 года помощником статс-секретаря Государственного Совета, на его выходки против русских Государей и Великих Князей, против русской бюрократии и русского народа в целом, особенно против великороссов. Но когда он, например, сообщает об Императоре Александре III, будто у него «из-за голенища сапога

всегда торчала бутылка водки» (стр. 42. 51); когда он рассказывает о небывалых «попойках» Императора Николая II (стр. 53); когда он выдумывает, будто Великий Князь Николай Николаевич, как Главнокомандующий русской армией, «работал хлыстом» (117), и будто русская армия вообще держалась «дисциплиной кнута и палки» (135); когда он характеризует русскую бюрократию, как «стаю волков», как бессовестную «банду», как «ползучий рак» (59. 107. 34. 125. 49. 120. 126), как секту духовных скопцов (66. 114); когда он отказывается говорить вообще «о великороссах, как о народе» (139. 143 и др.), — то, читая все эти лживые непристойности, невольно спрашиваешь себя, куда он ведет и для чего он старается? И лишь постепенно начинаешь понимать скрытую тенденцию всей этой «композиции»: только люди другой крови могут дать русскому хаосу истинную дисциплину и государственную форму... Вера в Россию утрачена; ей нужен иноземный хозяин... в лице немца. Вероятно, эта книга и вышла потому в серии, выпущенной «немецким обществом для изучения Восточной Европы», один из председателей которого профессор русской истории в Берлине, Хёч в двадцатых годах спровоцировал профессора С. Ф. Платонова в «доверительной» беседе и затем выдал его советскому послу Крестинскому.

За Гогелем пришел Салтыков с его учением о том, будто Православие не пробудило в русском народе ни любви, ни жажды истины, ни чувства красоты и ранга: наш народ остался детищем небытия, вечной смерти и хаоса; русская душа нигилистична, чужда порядку и иерархии и ненавидит государственный авторитет; она «лишена любви» и «ненавидит всякую форму»... Но именно эти слова публичного самооплевания, помещенные в католической печати, заставили нас усомниться в самостоятельности салтыковских суждений и вспомнить о его главном предшественнике, Чаадаеве... Выяснилось, каким путем идут враги Православия — католики, и откуда следует ожидать их дальнейшего нападения. И вот, несколько лет тому назад эта новая атака, подготовленная ненавистными выходками господина Федотова против России и Православия, против русских Государей, русского чиновничества и русского народа, к поруганию которых Федотов как бы приглашал в своих клеветнических статьях, состоялась на немецком языке: ненавистники России давно уже переключаются друг с другом.

Мы разумеем увесистую книгу русско-шведского католика Александра фон Шельтинга «Россия и Европа в русском исто-

рическом мышлении» (1948 г., стр. 404), написанную на немецком языке человеком, знающим хорошо по-русски, с точными цитатами и с претензией осветить «до корня» всю историю России. Он якобы знает основной недуг России и может указать ей путь к спасению. А именно: все дело в том, что России не следовало принимать христианство от Византии: спасти Россию от бед мог только римский католицизм, который равнозначен для автора, европейской культуры и цивилизации.

Для этой мысли г. Шельтинг имеет два основания: во-первых, свою католическую веру (источник, ни для кого, кроме католиков, не убедительный!), а, во-вторых, мнения своего авторитетного наставника, которого он сам называет своим «вождем» (стр. 330. 170. 213), а именно, Петра Чаадаева (1793—1856). Ему он наивно приписывает «энциклопедическую начитанность», от которой он в восторге (46. 185): он все время «учится» у него, превозносит его, восхваляет, вопрошает его как пророка (45. 54. 87. 138. 142. 144. 198). Незаметно Шельтинг «тонет» в Чаадаеве и становится его наивной и верной «тенью»; Чаадаев же не признает на земле никаких ценностей, кроме римского католицизма...

Откуда же могла быть такая универсальная осведомленность у Чаадаева? Ведь он выносил ее уже к началу тридцатых годов, когда он еще не имел возможности овладеть ни историческими источниками о католической церкви, ни большими научными сочинениями по сему вопросу. Это относится и к историкам Европы и Германии, за исключением Нибура. Историческая наука ходила тогда еще в детских башмачках; научные исследования или отсутствовали, или же были примитивны; первоисточники были еще не напечатаны...; а для протестантизма в особенности, Чаадаев никогда не имел никакого понимания: он мог только слепо верить тому, что выдумывала католическая пропаганда о своей церкви и о средних веках и повторять затверженное.

Что же касается истории России, то надо признать, что здесь сила суждения Чаадаева была совершенно беспредметна. Первые тома истории Карамзина, повествователя патриотического, но в смысле исследования источников беспомощного, вышли в 1818 году и в дальнейшем были доведены только до Смутного времени. С тех пор прошло 130 лет. За эти десятилетия русское историческое исследование, так же как и вся русская культура, переживало эпоху великого расцвета и пло-

доношения; то, что создали в России литература, музыка, театр, живопись, архитектура, скульптура, наука, религиозное исследование, фольклор, раскопки, преистория, опубликование источников — все это постепенно обреталось и поднималось из глубины народного духа и все это представляет из себя величайшее богатство. 130 лет назад все это можно было только предчувствовать, прозорливо предвосхищать подобно Пушкину, как «уже наличное» и в то же время — только еще «грядущее». Вот два примера.

1. За это время, например, собирали и изучали те самые народные песни, которые тогда «просто пелись»; и чем дальше шло это изучение, тем более и русские и нерусские люди (напр., профессор Рудольф Вестфал (1826—1892), одинаково изумлялись и богатству мелодии, и творческому ритму этих песен, и выражению их, и особенно их совершенно своеобразным тоналностям и гармониям; и до сих пор никому еще не удалось ни свести это сокровище национальных песен к западноевропейским формам, ни музыкально классифицировать их виды.

2. Что же касается русских исторических исследований за эти 130 лет, как в детальном изучении материала, так и в окрыленных синтезах, — то надо просто признать, что выдумки Чаадаева были совершенно вздорны и беспочвенны и давно уже ниспровергнуты и рассеяны. В начале XIX века Россия стояла непосредственно перед великим расцветом своей культуры, а Чаадаев не видел ни одного бутона, ни одной завязи из всего этого богатства и проклинал все естество русского духа, предсказывая ему засыхание на корню и гибель. Но проклятие его поразило не Россию, а его самого.

Итак, суждения Чаадаева, составляющие «закон» для его ученика Шельтинга, оказались на самом деле беспредметными и парадоксальными выдумками; а с точки зрения современной науки они являются до смешного устаревшими, наивными и размахисто претенциозными. И тот, кто ныне читает его пресловутые письма, начинает грустить, негодовать и стыдиться за него; так мало знать и так самоуверенно и беспредметно разглагольствовать было непозволительно и тогда уже! Но католику Шельтингу это разглагольствование близко и попутно, и он не стесняется воспроизводит его как «истину» вопреки всякой правде и всякой обличенности.

Когда, например, Чаадаев говорит, что русский народ есть «ничто», «пустота», *Tabula rasa*, без истории, без национальнос-

ти, без традиции и без самопочинной деятельности, — то на самом деле это он сам не знал ничего о своем отечестве, над которым он надругивался; — не знал ничего, не мог знать, да и не хотел. Эта «пустота» жила в нем самом; это «ничто» — выражало только его собственное невежество. Это он растерял все традиции своего народа, чтобы отречься от Православия в презрительных словах и поставить католицизм мерою совершенства. Однако к римской церкви он окончательно не примкнул, как это сделали Печорин, князь Гагарин и еще кое-кто из тогдашней интеллигенции. Его «литературная» деятельность состояла в том, что он писал выдающимся иностранцам — по-французски и в поучающем тоне — письма, которые у него дома переписывались. В этих письмах он поносил свой народ и свое отечество; а когда выдающиеся люди того времени, как, например, философ Шеллинг, не удостоивали его ответом, то он изумлялся и негодовал. Так он и остался — беспочвенным корреспондентом, католическим снобом, невежественным поругателем своей родины, самодовольным парадоксалистом...

Если, например, читаешь у Чаадаева, что «порядки» европейского средневековья походили боле всего на Царство Божье на земле, то невольно спрашиваешь себя: что это, полное невежество, заведомая ложь или больной бред? — Или, когда читаешь у него, что вся реформация является плачевным событием; или, что Европа целыми веками жила как настоящая федерация; что история вообще есть лишь тогда история, если во всех делах господствует единый принцип и т. под., то видим перед собою беспочвенного фантазера с давно уже преодоленную необразованностью. И становится стыдно.

Но Шельтинг является его учеником и последователем; и нетрудно себе представить, куда это ведет. То, что у Чаадаева ест апломб, основанный на невозможности настоящего знания, оказывается у Шельтинга нежеланием знать историческую правду, ибо он нуждается во всех этих фантазиях, ошибках и нарочитых наивностях для того, чтобы внушить своему читателю свою собственную доктрину, которая в общем имеет такой вид.

Шельтинг стремится внушить читателю, что современный тоталитарно-коммунистический режим со всеми его опасностями и планами завладения миром — выражает настоящую духовную субстанцию русского народа. Россия и большевизм

едины. Мы уже слышали это и до Шельтинга от современных полурусских недоумков или предателей. Но в целую «чаадаевскую доктрину» эта ложь разворачивается впервые. Русская история, видите ли, была сплошным потоком унижения и рабства. Именно поэтому русский, как раб, ищет себе компенсации в виде завоевания мира: этому рабу снится сон о всемирной деспотии и эксплуатации других народов. Агрессивность сидит в русской крови, как воля к экспансии. Так было уже у славянофилов: вся их доктрина, их восхваление русского народа и особенно греческого Православия, коренится не в какой-нибудь религиозной вере, и не в искреннем патриотизме, но в необузданном честолюбии, в «мании грандиозе», которая выросла, как у древних иудеев, из унижений и из жажды компенсации. Русская интеллигенция вообще не умеет воровать; она пытается только, подобно Шатову в «Бесах» насильно завладеть верою, чтобы злоупотребить ею политически и националистически.

Вся книга Шельтинга наполнена такими искажениям, умолчаниями или поношениями. Так он уверяет, будто Петр Великий «ненавидел, преследовал и разрушал» «все русское» и добивался полной европеизации России; эта нелепая выдумка совершенно не соответствует действительности, зато превращает гениального человека в тупого фанатика. Читаешь эдакое и думаешь: чего здесь больше — невежества, ненависти или развязности? Известная патриотическая отповедь Пушкина, данная Чаадаеву, замалчивается совсем: «Клянусь Вам моею честью, что я ни за что не согласился бы переменить родину, ни иметь другую историю, чем история наших предков, какую нам послал Господь...» Этим искажен духовный облик Пушкина, с его дивною прозорливостью и патриотизмом: ибо он ведал духовным опытом такую глубину России, которая оставалась недоступной духовному изгою Чаадаеву. А вот Шельтинг, цитируя слова Шатова из «Бесов», приписывает их смысл самому Достоевскому, тогда как на самом деле Шатов вместе с Кирилловым, Верховенским и Ставрогиним стоит в ряду соблазняющих Россию «бесов»... — Вот чистый духом и глубокомысленный А. С. Хомяков изображается как «одержимый» «честолюбец» и предшественник большевиков... Шельтингу и его всеисказавшей католической пропаганде нужно изобразить религиозно-лирические мечты славянофилов, как «беспримерную» претензию русского раба, как предел национальной и ре-

лигиозной гордыни. Но зато о германском империализме, подготавливавшемся у Фихте Старшего («Речи к немецкому народу»), у Гегеля («Философия права»), и у других публицистов и генералов, и, наконец, осуществленном в 1914—1918 году (Вильгельм II), а потом 1933—1946 годах (Гитлер), он не имеет ничего сказать. Кто такие «славянофилы»? Это — известные русские империалисты-завоеватели. А большевики? Это — последователи славянофилов, перенявшие у них: 1) социализм, 2) панславизм. — Таков уровень образования и правдивости у этого новейшего (но далеко не последнего) ненавистника России.

О России же нам надо признать, что история, действительно, принесла русским много страданий и унижений. Страдания преодолевались национальной верностью, молитвою, терпением, трудом и юмором, унижения же чужеземного ига ликвидировались активным, всенародным воинским напряжением. Но об этом самоосвобождении русского народа — ни Чаадаев, ни Шельтинг не желают знать: они нуждаются для своих ложных конструкций только в бывших унижениях. Спросим, однако, какие же такие иностранцы освободили Россию от татарского ига? Какие такие чужеземные «благодетели» прикончили Смуту? Какие «дванадцать языков» выбросили из России наполеоновщину? Какие «завоеватели» погасили в России сословно-крепостной строй и дали в XX веке великие реформы? Но если Шельтинг знает хотя бы эти основные факты, т. е. что все было как раз обратно, то зачем же он пишет глупости? Самоосвобождение есть единственный, достойный человека способ прекращения зависимости и вся история России есть не что иное, как самоосвобождение; а кто в этом сомневается, тот в скором времени в XX веке получит новое веское подтверждение этого.

Да, татарское иго задержало в России культурное развитие на 250 лет. Однако крепостное право существовало и в Европе, везде кроме Швеции. Европейское крепостное право со всем его бесправием и уродливостью начало угасать в 1788 году (Дания), и процесс этот завершился в Австрии в 1850 году. Россия отстала в этом от Европы всего на одиннадцать лет (1861) и погасила свое крепостное право на таких выгодных условиях для крестьян, которым был бы рад любой европейский крестьянин. Но освобождение крестьян могло осуществиться в России лишь тогда, когда русский Император после семи дворцовых переворотов (1725—1825), при которых три Государя погибли

(Иоанн VI, Петр III, Павел I), сумел утвердить свою независимость от сословно-реакционного дворянства (свое «самодержавие»). Знания и понимания этого трагического и длительного процесса Шельтинг не обнаруживает совсем. Ему важен католицизм и поругание русского народа; остальное ему безразлично. Ему важно показать, что русская душа есть душа раба, жаждущая завоевания мира.

Спросим же: когда в 1917 году русские солдаты оставили фронт и разбежались по домам, — было ли это проявлением русской всенародной агрессивности? В чем проявилась воля русской души к экспансии, когда русская армия в 1939 г. позволила маленькой финской армии наносить себе поражение за поражением? Или, может быть, мечта о завоевании мира стала особенно актуальной в русской душе, когда в 1941 году от 4 до 5 миллионов русских солдат складывали оружие перед немецкими агрессорами и вместе со своими офицерами уходили в немецкий плен в порядке пораженчества?.. Или все эти исторические проявления, в свое время предвиденные и предсказанные у Достоевского, остались неизвестны католическому памфлетисту? Или он настолько презирает своих европейских читателей, что считает возможным навязывать им «во спасение» любую ложь, и такую ложь?

В истории иностранной литературы о России имя Александра фон Шельтинга будет занесено на черную доску наряду с другими именами вроде маркиза Кюстина, подозрительной мадам Экштейн, нациста Розенберга и других ненавистников нашего народа и отечества. И это состоится совершенно независимо от того, разбирается в такой «литературе» современная эмиграция или нет. Ибо вот совсем недавно один эмигрантский журнал нашел возможным рекомендовать этот конфессиональный памфлет как «обстоятельный и объективный труд» «особенно иностранцам, желающим ознакомиться с русской мыслью XIX века»...

ЧТО СУЛИТ МИРУ РАСЧЛЕНЕНИЕ РОССИИ

1. Беседуя с иностранцами о России, каждый верный русский патриот должен разъяснять им, что Россия есть не случайное нагромождение территорий и племен и не искусственно

слаженный «механизм» «областей», но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся ОРГАНИЗМ, не подлежащий произвольному расчленению. Этот организм (см. «Н. З.» 92 и 93) есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопитанием; этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национально младшими братьями — духовным взаимопитанием; он есть государственное и стратегическое единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне; он есть сущий оплот европейски-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия (см. «Н. З.» 45 и 46), Расчленение его явилось бы невиданной еще в истории политической авантюрой, гибельные последствия которой человечество понесло бы на долгие времена.

Расчленение организма на составные части нигде не давало и никогда не даст ни оздоровления, ни творческого равновесия, ни мира. Напротив, оно всегда было и будет болезненным разладом, процессом разложения, брожения, гниения и всеобщего заражения. И в нашу эпоху в этот процесс будет втянута вся вселенная. Территория России закипит бесконечными распряями, столкновениями и гражданскими войнами, которые будут постоянно перерастать в мировые столкновения. Это перерастание будет совершенно неотвратимым в силу одного того, что державы всего мира (европейские, азиатские и американские) будут вкладывать свои деньги, свои торговые интересы и свои стратегические расчеты в нововозникшие малые государства; они будут соперничать друг с другом, добиваться преобладания и «опорных пунктов»; мало того, — выступят империалистические соседи, которые будут покушаться на прямое или скрытое «аннексирование» неустроенных и незащищенных новообразований (Германия двинется на Украину и Прибалтику, Англия покусится на Кавказ и на Среднюю Азию, Япония на дальневосточные берега и т. д.). Россия превратится в гигантские «Балканы»; в вечный источник войн; в великий рассадник смут. Она станет мировым бродилом, в которое будут вливаться социальные и моральные отбросы всех стран («инфилтранты», «оккупанты», «агитаторы», «разведчики», революционные спекулянты и «миссионеры»; — все уголовные, политические и конфессиональные авантюристы вселенной. Расчлененная Россия станет неизлечимую язвою мира.

2. Установим сразу же, что подготовляемое международною закулисою расчленение России не имеет за себя ни малейших оснований, никаких духовных или реально-политических соображений, кроме революционной демагогии, нелепого страха перед единой Россией и застарелой вражды к русской монархии и к Восточному Православию. Мы знаем, что западные народы не разумеют и не терпят русского своеобразия. Они испытывают единое русское государство, как плотину для их торгового, языкового и завоевательного распространения. Они собираются разделить всеединый российский «веник» на прутья, переломать эти прутья поодиночке и разжечь ими меркнущей огонь своей цивилизации. Им надо расчленив Россию, чтобы провести ее через западное уравнивание и развязание, и тем погубить ее: план ненависти и властолюбия.

3. Напрасно они ссылаются при этом на великий принцип «свободы»: «национальная свобода» требует-де «политической самостоятельности»... Никогда и нигде племенное деление народов не совпадало с государственным. Вся история дает тому живые и убедительные доказательства. Всегда были малые народы и племена, не способные к государственному самостоянию: проследите тысячелетнюю историю армян, народа темпераментного и культурно самобытного, но не государственного; и далее, спросите — где самостоятельные государства фламандцев (4,2 млн. в Бельгии, 1 млн. в Голландии), или валлонов (4 милл.)? почему не суверенны уэльские кимры и шотландские гэлы (0,6 млн.)? Где государства кроатов (3 000 000), словенцев (1 260 000), словаков (2,4 млн.), вендов (65 000), французских басков (170 000), испанских басков (450 000), цыган (до 5 млн.), швейцарских лодинов (45 000), испанских каталонцев (6 млн.), испанских галлегосов (2,2 млн.), курдов (свыше 2 млн.) и многого множества других азиатских, африканских, австралийских и американских племен?

Итак: племенные «швы» Европы и других материков совершенно не совпадают с государственными границами. Многие малые племена только тем и спаслись в истории, что примыкали к более крупно-сильным народам, государственным и толерантным: отделить эти малые племена значило бы или передать их новым завоевателям и тем окончательно повредить их самобытную культурную жизнь, или погубить их совсем, что было бы духовно разрушительно, хозяйственно разорительно и государственно нелепо. Вспомним историю древней

римской империи, — это множество народов «включенных», получивших права римского гражданства, самобытных и огражденных от варваров. А современная Великобританская Империя? И вот, именно таково же культуртрегерское задание единой России.

Ни история, ни современное правосознание не знают такого правила: «сколько племен, столько государств». Это есть новоизобретенная, нелепая и гибельная доктрина; и ныне она выдвигается именно для того, чтобы расчлнить единую Россию и погубить ее самобытную духовную культуру.

4. Далее, пусть не говорят нам о том, что «национальные меньшинства» России стояли под гнетом русского большинства и его Государей. Это вздорная и ложная фантазия. Императорская Россия никогда не денационализировала свои малые народы, — в отличие хотя бы от германцев в Западной Европе.

Дайте себе труд заглянуть в историческую карту Европы эпохи Карла Великого и первых Каролингов (768—843 по Р. Х.). Вы увидите, что почти от самой Дании, по Эльбе и за Эльбой (славянская «Лаба»!), через Эрфурт к Регенсбургу и по Дунаю — сидели славянские племена: Абудриты, Лютитчи, Линоны, Гевелы, Редарии, Укры, Поморяне, Сорбы и много других. Где они все? Что от них осталось? Они подверглись завоеванию, искоренению или полной денационализации со стороны германцев. Тактика завоевателя была такова: после военной победы в стан германцев зазывался ведущий слой побежденного народа; эта аристократия вырезывалась на месте; затем обезглавленный народ подвергался принудительному крещению в католицизм, несогласные убивались тысячами; оставшиеся принудительно и бесповоротно германизировались. «Обезглавление» побежденного народа есть старый общегерманский прием, который был позднее применен и к чехам, а в наши дни опять к чехам, полякам и русским (для чего и внедрены были в Россию большевики с их террором).

Видано ли, слыхано ли что-нибудь подобное в истории России? Никогда и нигде! Сколько малых племен Россия получила в истории, столько она и соблюла. Она выделяла, правда, верхние слои присоединенных племен, но лишь для того, чтобы включить их в свой имперский верхний слой. Ни принудительным крещением, ни искоренением, ни всеуравнивающим обрушением она никогда не занималась. Насильственная денационализация и коммунистическая уравниловка появились только при большевиках.

И вот доказательство: население Германии, поглотившей столько племен, доведено посредством беспощадной денационализации до всегерманской однородности, а в России общие переписи установили сначала свыше ста, а потом до ста шестидесяти различных языковых племен; и до тридцати различных исповеданий. И господа расчленители забывают, что племенной состав для затеваемого ими политического расчленения соблюла именно Императорская Россия.

Вспомним хотя бы историю немецких колонистов в России. Подверглись ли они за 150 лет—денационализации? Они переселились на Волгу и в южную Россию во второй половине XVIII века и позже (1765—1809) — в числе в 40—50 тысяч. К началу XX века это был богатейший слой российского крестьянства, числом около 1 200 000 человек. Все соблюли свой язык, свои исповедания, свои обычаи. И когда, доведенные экспроприацией большевиков до отчаяния, они хлынули назад в Германию, то немцы с изумлением слышали в их устах исконные — голштинские, вюртембергские и иные диалекты. Все сообщения о принудительной русификации были этим опровергнуты и посрамлены.

Но политическая пропаганда не останавливается и перед явной ложью.

5. Далее, надо установить, что самое расчленение России представляет задачу территориально неразрешимую. Императорская Россия не смотрела на свои племена, как на дрова, подлежащие перебросу с места на место; она никогда не гоняла их по стране произвольно. Расселение их в России было делом истории и свободного оседания: это был процесс иррациональный, не сводимый ни на какие географические размежевания: это был процесс колонизации, ухода, переселения, рассеяния, смешения, уподобления, размножения и вымирания.. Откройте дореволюционную этнографическую карту России (1900—1910) и вы увидите необычайную пестроту: вся территория наша была испещрена маленькими национальными «островками», «ответвлениями», «окружениями», племенными «заливами», «проливами», «каналами» и «озерами». Всмотритесь в это племенное смешение и учтите следующие оговорки: 1) все эти цветовые обозначения условны, ибо никто не мешал грузинам жить в Киеве или Петербурге, армянам в Бесарабии, или Владивостоке, латышам в Архангельске или же на Кавказе, черкесам в Эстонии, великороссам повсюду и т. д.; 2) поэтому все эти крас-

ки на карте обозначают не «исключительную», а только «преимущественную» племенную заселенность; 3) все эти племена за последние сто-двести лет вступали друг с другом в кровное смешение, причем дети от смешанных браков вступали в новые и новые племенные смешения; 4) учтите еще дар русского духа и русской природы непринудительно и незаметно обрусевать людей иной крови, что и передается в южнорусской поговорке «папа — турок, мама — грек, и я русский человек»; 5) распространите этот процесс на всю русскую территорию — от Аракса до Варангерской губы и от Петербурга до Якутска — и вы поймете, почему провалилась большевистская попытка показным образом размежевать Россию на национальные «республики».

Большевикам не удалось отвести каждому племени его особую территорию потому, что все племена России разбросаны и рассеяны, кровно смешаны и географически перемешаны друг с другом.

Политически обособляясь, каждое племя претендует, конечно, на течение «своих» рек и каналов, на плодородную почву, на подземные богатства, на удобные пастбища, на выгодные торговые пути и на стратегические оборонительные границы, не говоря уже о главном «массиве» своего племени, как бы малочислен ни был этот «массив». И вот, если мы отвлечемся от малых и рассеянных племен, как то — вотяки, пермяки, зыряне, вогулы, остяки, черемисы, мордва, чуваша, ижора, талышинцы, крызцы, долгане, чуванцы, алеуты, лаки, табасаранцы, удины и др., и взглянем только в национальную гуцу Кавказа и Средней Азии, то мы увидим следующее.

Расселение более крупных и значительных племен в России таково, что каждое отдельное «государствице» должно было отдать свои «меньшинства» соседям и включить в свой состав обильные чужие «меньшинства». Так обстояло в начале революции в Средней Азии с узбеками, таджиками, киргизкайсаками и туркменами: здесь попытки политического размежевания вызвали только ожесточенное соперничество, ненависть и неповиновение. Так же обстояло и на Кавказе. Застарелая национальная вражда между азербайджанскими татарами и армянами требовала строгого территориального раздела, а этот раздел оказался совершенно неосуществимым: обнаружили большие территориальные узлы со смешанным населением, и только присутствие советских войск предотвращало вза-

имную резню. Подобные же больные узлы образовались при размежевании Грузии и Армении, уже в силу одного того, что в Тифлисе, главном городе Грузии, армяне составляли почти половину населения, и притом наиболее зажиточную половину,

Понятно, что большевики, желавшие под видом «национальной самостоятельности» изолировать, денационализировать и интернационализировать российские племена, разрешали все эти задачи диктаториальным произволом, за которым скрывались партийно-марксистские соображения, и силой красноармейского оружия.

Так, национально-территориальное размежевание народов было делом искони безнадежным.

6. Ко всему сказанному надо добавить, что целый ряд российских племен живет донныне в состоянии духовной и государственно-политической малокультурности: среди них есть такие, что пребывают религиозно в самом примитивном шаманстве; вся «культура» сводится у многих к кустарным ремеслам; кочевничество далеко еще не изжито; не имея ни естественных границ своей территории, ни главных городов, ни своих письменных знаков, ни своей средней и высшей школы, ни своей национальной интеллигенции, ни национального самосознания, ни государственного правосознания, они (как это было известно русскому Императорскому Правительству и как это подтвердилось при большевиках) неспособны к самой элементарной политической жизни, не говоря уже о разрешении сложных задач судопроизводства, народного представительства, техники, дипломатии и стратегии. В руках большевиков они оказались политическими «куклами», надетыми на «пальцы» большевицкой диктатуры: двигались эти пальцы, и несчастные куклы шевелились, кланялись, покорно разводили руками и лепетали партийно-марксистские пошлости. Демагогия и обман, экспроприация и террор, разрушение религии и быта — выдавались за «национальный расцвет» российских меньшинств, а на Западе находились глупцы и продажные корреспонденты, которые воспевали это «освобождение народов».

Неизбежен вопрос: после отчленения этих племен от России, — кто завладеет ими? Какая иностранная держава будет разыгрывать их и тянуть из них жизненные соки?..

7. С тех пор протекли десятилетия большевицкого произвола, голода и террора. С тех пор пронесся ураган второй войны и была проведена послевоенная «национальная чистка». Вот

уже 33 года, как большевики убивают или вымаривают голодом непокорные слои населения и перебрасывают людей всех российских племен и наций массами в концлагеря, в новые города и на фабрики. Вторая мировая война сдвинула с места всю западную половину Европейской России, уводя одних («украинцев», немецких колонистов, евреев) на восток к Уралу и за Урал, а других на запад, в качестве пленных «остарбайтеров», или беженцев (в том числе добровольно ушли в Германию целую массу калмыки). Немцы заняли тогда русскую территорию с населением около 85 миллионов людей, массами расстреливали заложников и истребили около полутора миллиона евреев. Этот режим расстрелов и передвижений продолжался затем при большевиках после обратного занятия ими отвоеванных у них территорий. Потом начались расправы с национальными меньшинствами: надо считать почти погубленными — немецко-колонистов, крымских татар, карачаев, чеченцев и ингушей; а ныне расправа продолжается в Эстонии, Латвии и Литве. Представители УНРА исчислили погибших жителей Белоруссии в 2,2 миллиона, а на Украине — в 7—9 миллионов. Помимо этого нам достоверно известно, что выбывающее население Украины, Белоруссии и Прибалтики пополняется населением из центральных губерний, с иными национальными традициями и тяготениями.

Все это означает, что процесс вымирания, национальной перетасовки и племенного смешения достиг в России за время революции небывалых размеров. Целые племена исчезли совсем или сведены к ничтожеству; целые губернии и области очнутся после революции с новым составом населения; целые уезды окажутся запустевшими. Все прежние планы и расчеты господ расчленителей окажутся беспочвенными и несостоятельными. Если же советская революция закончится третьей мировой войной, то в племенном и территориальном составе русского населения произойдут такие изменения, после которых сама идея национально-политического расчленения России может оказаться совершенно нежизненной химерой, планом не только изменническим, но просто глупым и неосуществимым.

8. И тем не менее мы должны быть готовы к тому, что расчленители России попытаются провести свой враждебный и нелепый опыт даже и в послебольшевицком хаосе, обманно выдавая его за высшее торжество «свободы», «демократии» и «фе-

дерализма»: — российским народам и племенам на погибель, авантюристам, жаждущим политической карьеры, на «процветание», врагам России на торжество. Мы должны быть готовы к этому, во-первых, потому, что германская пропаганда вложила слишком много денег и усилий в украинский (а может быть, и не только в украинский) сепаратизм; во-вторых, потому, что психоз мнимой «демократии» и мнимого «федерализма» охватил широкие круги пореволюционных честолюбцев и карьеристов; в-третьих, потому, что мировая закулиса, решившая расчленив Россию, отступит от своего решения только тогда, когда ее планы потерпят полное крушение.

9. И вот, когда после падения большевиков мировая пропаганда бросит во всероссийский хаос лозунг «народы бывшей России, расчленийтесь!», то откроются две возможности:

— или внутри России встанет русская национальная диктатура, которая возьмет в свои крепкие руки «бразды правления», погасит этот гибельный лозунг и поведет Россию к единству, пресекая все и всякие сепаратистские движения в стране;

— или же такая диктатура не сложится, и в стране начнется непредставимый хаос передвижений, возвращений, отмщений, погромов, развала транспорта, безработицы, голода, холода и безвластия (см. «Н. 3.», 11).

Тогда Россия будет охвачена анархией и выдаст себя головой своим национальным, военным, политическим и вероисповедным врагам. В ней сложится тот водоворот погромов и смут: тот «Мальстрем нечисти», на который мы указали в пункте 1; тогда отдельные части ее начнут искать спасения в «бытии о себе», т. е. в расчленении.

Само собой разумеется, что этим состоянием анархии захотят воспользоваться все наши «добрые соседи»; начнутся всевозможные военные вмешательства под предлогом «самоограждения», «замирения», «водворения порядка» и т. д. Вспомним 1917—1919 гг., когда только ленивый не брал плохо лежащее русское добро; когда Англия топила союзно-русские корабли под предлогом, что они стали «революционно опасными», а Германия захватила Украину и докатилась до Дона и Волги. И вот «добрые соседи» снова пустят в ход все виды интервенции: дипломатическую угрозу, военную оккупацию, захват сырья, присвоение «концессий», расхищение военных запасов, одиночный, партийный и массовый подкуп, организацию наемных сепаратистских банд (под названием «национально-федератив-

ных армий»), создание марионеточных правительств, разжигание и углубление гражданских войн по китайскому образцу. А новая Лига Наций попытается установить «новый порядок» посредством заочных (Парижских, Берлинских или Женевских) резолюций, направленных на подавление и расчленение Национальной России.

Допустим на момент, что все эти «свободолюбивые и демократическая» усилия временно увенчаются успехом и Россия будет расчленена. Что же даст этот опыт российским народам и соседним державам?

10. При самом скромном подсчете — до двадцати отдельных «государств», не имеющих ни бесспорной территории, ни авторитетных правительств, ни законов, ни суда, ни армий, ни бесспорно национального населения. До двадцати пустых названий. Но природа не терпит пустоты. И в эти образовавшиеся политические ямы, в эти водовороты сепаратистской анархии хлынет человеческая порочность: во-первых, вышколенные революцией авантюристы под новыми фамилиями; во-вторых, наймиты соседних держав (из русской эмиграции); в-третьих, иностранные искатели приключений, кондотьеры, спекулянты и «миссионеры» (перечитайте «Бориса Годунова» Пушкина и Исторические хроники Шекспира). Все это будет заинтересовано в затягивании хаоса, в противорусской агитации и пропаганде, в политической и религиозной коррупции.

Медленно, десятилетиями будут слагаться новые, отпавшие или отчлененные государства. Каждое поведет с каждым соседним длительную борьбу за территорию и за население, что будет равносильно бесконечным гражданским войнам в пределах России.

Будут появляться все новые жадные, жестокие и бессовестные «псевдогенералы», добывать себе «субсидии» за границей и начинать новую резню. Двадцать государств будут содержать 20 министерств (20 × 10, по меньшей мере 200 министров), двадцать парламентов 20 × 200, минимум 4000 парламентариев), двадцать армий, двадцать штабов, двадцать военных промышленности, двадцать разведок и контрразведок, двадцать полиций, двадцать таможенных и запретительных систем и двадцать всемирно разбросанных дипломатических и консульских представительств. Двадцать расстроенных бюджетов и монетных единиц потребуют бесчисленных валютных займов; займы будут даваться «державами» под гарантии — «демокра-

тического», «концессионного», «торгово-промышленного» и «военного» рода. Новые государства окажутся через несколько лет сателлитами соседних держав, иностранными колониями или «протекторатами». Известная нам из истории федеративная неспособность русского населения и столь же исторически доказанная тяга его к «самостоятельному фигурированию» (см. «Н. З.» 80 и 81) — довершат дело: о федерации никто и не вспомнит, а взаимное ожесточение российских соседей заставит их предпочитать иноземное рабство всерусскому единению.

11. Чтобы наглядно вообразить Россию в состоянии этого длительного безумия, достаточно представить себе судьбу «Самостийной Украины».

Этому «государству» придется прежде всего создать новую оборонительную линию от Овруча до Курска и далее через Харьков на Бахмут и Мариуполь. Соответственно должны будут «ощетиниться» фронтон против Украины и Великороссия и Донское Войско. Оба соседних государства будут знать, что Украина опирается на Германию и является ее сателлитом; и что в случае новой войны между Германией и Россией немецкое наступление пойдет с самого начала от Курска на Москву, от Харькова на Волгу, и от Бахмута и Мариуполя на Кавказ. Это будет новая стратегическая ситуация, в которой пункты максимального донныне продвижения германцев окажутся их исходными пунктами.

Нетрудно представит себе и то, как к этой новой стратегической ситуации отнесутся — Польша, Франция, Англия и Соединенные Штаты; они быстро сообразят, что признать Самостийную Украину значит отдать ее германцам (т. е. признать Первую и Вторую мировые войны проигранными!) и снабдить их не только южнорусским хлебом, углем и железом, но и уступить им Кавказ, Волгу и Урал.

На этом может начаться отрезвление Западной Европы от «федеративного» угара и от общерусского расчленения.

12. Из всего этого явствует, что план расчленения России имеет свой предел в реальных интересах России и всего человечества. Доколе ведутся отвлеченные разговоры, доколе политические доктринеры выдвигают «соблазнительные» лозунги, делают ставку на русских изменников и забывают империалистическую похоть предприимчивых соседей; доколе они считают Россию конченою и похороненною, а потому беззащитною, — дело ее расчленения может представляться решенным и лег-

ким. Но однажды великие державы реализуют в воображении неизбежные последствия этого расчленения и однажды Россия очнется и заговорит; — тогда решенное окажется проблематичным и легкое трудным.

Россия, как добыча, брошенная на расхищение, есть величина, которую никто не осилит, на которой все перессорятся, которая вызовет к жизни невероятные и неприемлемые опасности для всего человечества. Мировое хозяйство, и без того выведенное из равновесия утратой здорового производства России, увидит себя перед закреплением этого бесплодия на десятки лет. Мировое равновесие, к без того ставшее шатким, как никогда, окажется обреченным на новые невиданные испытания. Расчленение России не даст ничего далеким державам и невероятно укрепит ближайших соседей — империалистов. Трудно придумать меру, более выгодную для Германии, как именно провозглашение русской «псевдофедерации»: это значило бы «списать со счета» Первую мировую войну, весь междувоенный период (1918—1939) и всю Вторую мировую войну — и открыть Германии путь к мировой гегемонии. Самостоятельная Украина только и может быть «трамплином», ведущим немцев к мировому водительству.

Именно Германия, восприняв старую мечту Густава Адольфа, силится отбросить Россию до «Московской эпохи». При этом она, рассматривая русский народ как предназначенный для нее исторический «навоз», совершенно неспособна понять, что Россия не погибнет от расчленения, но начнет воспроизведение всего хода своей истории заново: она, как великий «организм», снова примется собирать свои «члены», продвигаясь по рекам к морям, к горам, к углю, к хлебу, к нефти, к уранию.

Легкомысленно и неумно поступают враги России, «впрыскивая» российским племенам политически безумную идею расчленения. Эта идея расчленения Европейских держав была однажды выдвинута на Версальском конгрессе (1918). Тогда она была принята и осуществлена. И что же? В Европе появился ряд небольших и в самоотстаивании слабосильных государств: Эстония, Латвия и Литва; многоземельная, но неудобозащитимая Польша; стратегически безнадежная, ибо всюду удобопроломимая и внутренне разъединенная Чехословакия; маленькая и разоруженная Австрия; урезанная, обиженная и обессиленная Венгрия; до смешного раздувшаяся и

стратегически ничего не стоящая Румыния; и не по-прежнему обширная, но по-новому оскорбленная, мечтающая о реванше Германия. С тех пор прошло тридцать лет, и когда мы теперь оглядываемся на ход событий, то невольно спрашиваем себя: может быть, версальские политики хотели приготовить для воинственной Германии обильную и незащищенную добычу — от Нарвы до Варны и от Брегенца до Барановичей? Ведь они превратили всю эту европейскую область в какой-то «детский сад» и оставили этих беззащитных «красных шапочек» наедине с голодным и обозленным волком... Были ли они столь наивны, что надеялись на французскую «гувернантку», которая «воспитает» волка? Или они недооценили жизненную энергию и горделивые замыслы немцев? Или они думали, что Россия по-прежнему спасет европейское равновесие, ибо воображали и уверяли себя, что Советское государство и есть Россия? Что ни вопрос, то нелепость...

Трудно теперь сказать, о чем именно эти господа тогда думали и о чем не думали. Ясно только, что приготовленное ими расчленение Европы, заключенной между германским и советским империализмом, было величайшей глупостью двадцатого века. К сожалению, эта глупость их ничему не научила и рецепт расчленения опять извлечен из дипломатических портфелей.

Но для нас поучительно, что европейские политики заговорили одновременно — о панъевропейском объединении и о всероссийском расчленении! Мы давно прислушиваемся к этим голосам. Еще в двадцатых годах в Праге видные социалсты-революционеры публично проболтались об этом замысле, избегая слова «Россия» и заменяя его описательным выражением «страны, расположенные к востоку от линии Керзона». Мы тогда же отметили эту многообещающую и, в сущности, изменническую терминологию и сделали соответствующий вывод: мировая закулиса хоронит единую национальную Россию...

Не умно это. Не дальновидно. Торопливо в ненависти и безнадежно на века. Россия не человеческая пыль и не хаос. Она есть, прежде всего, великий народ, не промотавший своих сил и не отчаявшийся в своем призвании. Этот народ изголодался по свободному порядку, по мирному труду, по собственности и по национальной культуре. Не хороните же его преждевременно! Придет исторический час, он восстанет из мнимого гроба и потребует назад свои права!

ОТПОВЕДЬ РАСЧЛЕНИТЕЛЯМ

Это была беседа, ведшаяся в довольно пестром обществе. У гостеприимного хозяина собрались представители нескольких народов — был один американец, из сторонников Эйзенхауэра, один либеральный англичанин, один французский бельгиец и двое русских. И, как водится в таких случаях, представители западных народов говорили, как великие знатоки русской истории и русского вопроса, а представители русского народа, отодвинутые, удрученные излагаемым политическим вздором и несколько растерянные от невежественного апломба иностранцев, молчали. Картина для нашего времени типичная и характерная...

Ну, что возразить англичанину, утверждающему одним вздохом, что Иоанн Свирепый перерезал всех казанских татар и что Сталин выполняет во всех подробностях «Завещание Петра Великого»? Или — американцу, который достоверно знает, что русские составляют в России меньшинство и что коммунизм есть единственное, что удерживает Россию от полного распада, так что крушение коммунизма немедленно «разрешит весь русский вопрос»? Что сказать бельгийцу, который считает полное разоружение Германии, а также независимость Эстонии и Латвии — вернейшей гарантией европейского мира?.. Опытному политику сразу было видно, что весь этот набор исторических нелепостей и выдумок идет из единого колодца — из прессы, вдохновляемой мировой закулисою...

У Кузьмы Пруткова есть мудрый совет: «Рассуждай только о том, о чем понятия твои тебе сие дозволяют». Но ныне настало время, когда мировую политику повели люди, коих понятия для этого великого и сложного дела абсолютно недостаточны, не знают исторических фактов, не понимают причин и следствий, не имеют политического опыта, не видят знамен, не предвидят опасностей, и главное, ничего не зная, воображают себя «прекрасно осведомленными»... Какого добра и спасения можно ждать от них?

Может быть, эта беседа так и застыла бы на произнесенных нелепостях, если бы один из наших соотечественников, человек с энергией и юмором, не предложил бы общий и основной вывод:

«Я думаю,— сказал он,— что выражу наше общее мнение, если скажу, что мир должен искать в настоящее время спасения — во всеобщем расчленении. Ведь сущность свободы состоит в самостоятельном изволении человека, а сущность демократии — в самоуправлении каждого народа по его собственным понятиям и воззрениям. Поэтому каждый истинный либерал и каждый настоящий демократ должен требовать самостоятельности и самоуправления для всех народов, племен и общин мира. В этом, после всего здесь только что высказанного, никто из присутствующих не захочет, да и не решится возразить мне...»

Такого вывода никто не ожидал и на насколько мгновений воцарилось растерянное молчание... Он продолжал.

«Все люди свободны и все народы мира равны. Чем африканские Ботокуды, Дуалы, Бодиманы, Мбанги, Баджобы, Дибомы или Ниоконы хуже и ниже других людей? Откуда взялось это воззрение, что Африка есть ничья земля, которую каждый желающий может оккупировать? Откуда эта точка зрения, что арабы марокканские, алжирские, тунисские, ливийские и другие, с их древней и высокой культурой являются народом низшей расы, которая нуждается во властном протектировании и должна покоряться внедрившимся европейцам? Почему Египту так трудно вернуть себе свою самостоятельность? Почему Индия, страна древней и своеобразно глубокой культуры, так долго принадлежала не сама себе, а англичанам? Вспомним это классическое нападение англичан на голландских буров, воспроизведенное позже Италией в Абиссинии... Какое попрание свободы! Какой антидемократический способ действий! Но Муссолини и не притворялся демократом, а с фашистской прямотой вырезал неудобное ему население... Откроем карту Австралии и Индокитая и спросим себя (как последовательные либералы и демократы), что означает это расхищение чужого добра? Почему Южная Америка может быть в виде системы самостоятельных государств, вечно занятых революционными переворотами, тогда как Африка являет собою сущую череполосицу захватных владений? Одно из двух: или либерализм, демократизм и свободное политическое расчленение вселенной, или колониальная система, попирающая законы либерализма и демократии!» Трудно представить себе, как вскипели иностранцы, еле давшие договорить представителю национальной России. Больше всего сердился англичанин; весь красный от гнева, он повторял все один и тот же вопрос: «Вы, что же, хоти-

те разложить весь Английский Эмпайр?!» «Что же, по-вашему,— допрашивал бельгиец,— Германии надо опять предоставить вооружиться и напасть на беззащитных соседей?!» И только один американец что-то молча соображал и, наконец, вынув записную книжку, начал заносить в нее какие-то заметки, вероятно, заподозрив русского оратора в тайном коммунизме... Хозяин не вмешивался в беседу; он только любезно и несколько таинственно улыбался.

Когда буря немного улеглась, наш единомышленник предложил развивать свое возражение.

«Будем же хоть немного справедливы! Если вы считаете, что национальная Россия (которую только совершенно неосведомленные люди могут смешивать с коммунистическим государством Сталина), что она захватила не принадлежащие ей территории и что этому надо положить конец ее расчленением, то спросим же себя, на каком основании Англия владеет испанским Гибралтаром, голландской Южной Африкой, Занзибаром, Кенией, Угандой, Лабрадором и бесчисленным множеством других, захваченных ею земель и гаваней? Почему Англия не присвоила себе доселе ни острова Эзеля, ни Кронштадта, ни Соловецких островов, ни Владивостока?! Вся так называемая мировая «колонизация» есть ведь не что иное, как захват не принадлежащих земель и портов... Вы расхватили всю земную поверхность по кускам и не видите теперь, что мир заражен болезнью распада. Смотрите: уже отделяются колонии, доминионы и территории от Англии, от Франции, от Голландии и от других государств. Историческая эпоха колонизации идет к концу. Коммунистическая пропаганда вот уже 35 лет работает в этом направлении, и вы не сумели противопоставить ей ничего. Колонизатор объявлен классовым врагом и угнетателем, подлежащим свержению. И что же вы делаете? Вместо того, чтобы понять революционно-коммунистический смысл этого расчленения, т. е. угрожающую вам всем гибель, — ибо вчера поднялись китайцы, индусы и малайцы, сегодня организуются арабы, чтобы сбросить ваше иго, завтра поднимутся негры, — и вы будете изгнаны из всех ваших колоний, — вместо этого вы заимствуете лозунг расчленения и распада у большевиков и готовитесь внести его осуществление — не в Советскую страну, это вам не удастся, а в освобождающуюся национальную Россию, чтобы ослабить ее, и без того измученную и истощенную революцией. Вы собираетесь разрешить «русский вопрос» пси-

хозом государственного распыления и не думаете о том, как отзовется этот процесс в остальном мире. Если одна шестая часть вселенной будет охвачена процессом послереволюционного распада и закипит в расчленении, то вы можете быть совершенно уверены в том, что остальные пять шестых, подготовленных к тому же самому — и проснувшимся беспредметным национализмом, и религиозным брожением и коммунистической пропагандой, — распадется неудержимо. Ваш лозунг расчленения России есть не что иное, как воспринятая вами большевицкая зараза и углубление революции!»...

Американец поднял брови, остановил свой взгляд на ораторе и что-то коротко зачеркнул в своей записной книжке.

«Ныне дальнейшее углубление революции есть чистое безумие. Ваше спасение в замирении востока, а не в разжигании гражданских войн на всем пространстве от Риги и Варшавы до Владивостока и Гонг-Конга. Вам необходимы платежеспособные рынки для сбыта, рынки, которые могли бы вам заменить отпадающие колонии, а вы затеваете великую политическую, хозяйственную и военную разруху и обнищание Востока. Расчленив национальную Россию, вы задохнетесь в ваших фабриках, капиталах и продукциях от недостатка сбыта и начнете мечтать о единой, лояльной и платежеспособной России. И вы можете быть уверены: она восстановится, но только преодолев (дипломатически, хозяйственно и военно) навязываемые ей вами соблазны распада.

Вы все время упрекаете Императорскую Россию в захвате не принадлежащих ей территорий, так, как если бы такой захват составлял вашу привилегию и монополию, и притом на протяжении всех континентов. Но назовите мне хоть одну колонию, захваченную Россией на чуждом ей континенте! Франция свободна в захвате Индокитая с двадцатитрехмиллионным населением или африканских пространств в размере половины всей России; Бельгия, Португалия, Голландия, Англия — все свободны налагать руку на далекие и чуждые им земли и племена. Но Императорская Россия совершенно неповинна в этом. Ее территория не набрана отовсюду оккупациями или парфорсными охотами; они сопринадлежат.

Это значит, что они, пространственно прилегая друг к другу и географически сливаясь друг с другом, политически, хозяйственно и культурно нуждаются друг в друге. Их объединил не произвол меча и не каприз завоевателя, а медленное органи-

ческое развитие населяющих ее народов. Это происходило на протяжении веков. Соседние народы знакомились друг с другом, учились понимать и восполнять друг друга, и естественно, что наиболее одаренный, христианский и культурный народ, русский народ, руководил этим делом. Но никогда, запомните это, никогда русские не практиковали денационализацию других, малых и некультурных племен; впервые после германцев за это дело взялись коммунисты, эти доктринеры западного марксизма.

Возьмите исторический атлас девятого века и попробуйте составить список тех славянских народов, которые занимали всю восточную половину Западной Европы от Дании до Далмации: Абодриты, Линоны, Лютичи, Редарии, Укры, Хевеллы, Сорбы и многие, многие другие. Где они все? Все или вырезаны, или денационализированы Германцами; и даже имена их не упоминаются, разве только в путеводителе напишут — «остатки языческой эпохи». Потом возьмите статистику русского населения и подивитесь на этот спор о количестве племен, сохранных императорской Россией: одни ученые насчитывают 160 малых племен, а другие 166. Россия никого не денационализировала, никого не искореняла, всех блюла, всем оставляла национальную свободу».

В 1916 году я лечил свои легкие на Кавказе, в Теберде, и жил в пансионе у князя местного народа Карачаеве. Его фамилия была Крым-Шамхалов. Его дед заключил вечный мир и присоединение с императором Николаем I; а внук его Мурзакул Баксанук Пашаевич, магометанин по вере, полковник русской армии, весь израненный в японской войне, не находил себе места от тоски о том, что раны его не позволяют ему участвовать в Первой мировой войне против германцев. Добавлю только, что ныне весь народ Карачаев вырезан большевиками за неприятие коммунизма. А немецкие колонисты на Украине, на Волге и в Сибири? Они переселились в Россию в конце XVIII века числом несколько десятков тысяч, а к XX веку их было уже 1 200 000 и все они сохранили свою веру и даже свои диалекты (саксонский, виртембергский и другие), и все разбогатели. И притом именно благодаря тому, что Россия укрыла их в своих пространственных недрах и соблюла их свободу. Искоренять их взялись только большевики, и не за германство их, а за антикоммунизм.

«И что вы нам твердите о латышах и эстонцах? Это императорская Россия сохранила эти и многие другие народы от гибели. И все эти народы отлично знают, что противостоять германцам они по своей военной слабости не могут, а раз захваченные германцами, они будут насильственно денационализированы подобно западным славянам.

Я понимаю, что вы не хотите вооружать германцев. Как только они вооружатся, они вновь сделают попытку завладеть Украиной, ее зерном, ее железом, ее углем, прорваться к волжской и кавказской нефти и присвоить себе мировую гегемонию; но разоруженная Германия есть открытый для коммунистов европейский фронт. В чем же дело?.. В вашей военной слабости и в нежелании военно укрепнуть настолько, чтобы не опасаться ни коммунистов, ни немцев. Вы хотите владеть по-прежнему миром, не обороняя его подобающим образом; и это вам не удастся»...

Тут американец встал, чтобы проститься с хозяином, и беседа оборвалась. Но, уезжая, он записал имя и адрес оратора и сказал ему отдельно несколько слов, явно условливаясь о дальнейшем свидании.

О РУССКОЙ ИДЕЕ

Если нашему поколению выпало на долю жить в наиболее трудную и опасную эпоху русской истории, то это не может и не должно колебать наше разумение, нашу волю и наше служение России. Борьба русского народа за свободную и достойную жизнь на земле — продолжается. И ныне нам более, чем когда-нибудь подобает верить в Россию, видеть ее духовную силу и своеобразие, и выговаривать за нее, от ее лица и для ее будущих поколений ее творческую идею.

Эту творческую идею нам не у кого и не для чего заимствовать: она может быть только русской, национальной. Она должна выражать русское историческое своеобразие и в то же время — русское историческое призвание. Эта идея формулирует то, что русскому народу уже присуще, что составляет его благую силу, в чем он прав перед лицом Божиим и самобытен среди всех других народов. И в то же время эта идея указывает нам нашу историческую задачу и наш духовный путь; это то, что мы должны беречь и растить в себе, воспитывать в наших детях и в грядущих поколениях, и довести до настоящей чистоты и полноты бытия, — во всем, в нашей культуре и в нашем быту, в наших душах и в нашей вере, в наших учреждениях и законах. Русская идея есть нечто живое, простое и творческое. Россия жила ею во все свои вдохновенные часы, во все свои благие дни, во всех своих великих людях. Об этой идее мы можем сказать: так было, и когда так бывало, то осуществлялось прекрасное; и так будет, и чем полнее и сильнее это будет осуществляться, тем будет лучше...

В чем же сущность этой идеи?

Русская идея есть идея сердца. Идея созерцающего сердца. Сердца, созерцающего свободно и предметно; и передающего свое видение воле для действия, и мысли для осознания и слова. Вот главный источник русской веры и русской культуры. Вот главная сила России и русской самобытности. Вот путь нашего возрождения и обновления. Вот то, что другие народы смутно

чувствуют в русском духе, и когда верно узнают это, то преклоняются и начинают любить и чтить Россию. А пока не умеют или не хотят узнать, отвертываются, судят о России свысока; и говорят о ней слова неправды, зависти и вражды.

1. Итак, русская идея есть идея сердца.

Она утверждает, что главное в жизни есть любовь и что именно любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви рождается вера и вся культура духа. Эту идею русско-славянская душа, издревле и органически предрасположенная к чувству, сочувствию и доброте, восприняла исторически от христианства: она отозвалась сердцем на Божье благовестие, на главную заповедь Божью, и уверовала, что «Бог ест Любовь». Русское православие есть христианство не столько от Павла, сколько от Иоанна, Иакова и Петра. Оно воспринимает Бога не воображением, которому нужны страхи и чудеса для того, чтобы испугаться и преклониться перед «силоу» (первобытные религии); — не жадною и властною земною волею, которая в лучшем случае догматически принимает моральное правило, повинуется закону и сама требует повиновения от других (иудаизм и католицизм), — не мыслью, которая ищет понимания и толкования и затем склонна отвергать то, что ей кажется непонятным (протестантство). Русское православие воспринимает Бога любовью, воссылает Ему молитву любви и обращается с любовью к миру и к людям. Этот дух определил собою акт православной веры, православное богослужение, наши церковные песнопения и церковную архитектуру. Русский народ принял христианство не от меча, не по расчету, не страхом; и не умственностью, а чувством, добротою, совестью и сердечным созерцанием. Когда, русский человек верует, то он верует не волею и не умом, а огнем сердца. Когда его вера созерцает, то она не предается соблазнительным галлюцинациям, а стремится увидеть подлинное совершенство. Когда его вера желает, то она желает не власти над вселенною (под предлогом своего правоверия), а совершенного качества. В этом корень русской идеи. В этом ее творческая сила на века.

И все это не идеализация и не миф, а живая сила русской души и русской истории. О доброте, ласковости и гостеприимстве, а также и о свободолюбии русских славян свидетельствуют единогласно древние источники, и византийские и арабские. Русская народная сказка вся проникнута певучим добродуши-

ем. Русская песня есть прямое излияние сердечного чувства во всех его видоизменениях. Русский танец есть импровизация, проистекшая из переполненного чувства. Первые исторические русские князья суть герои сердца и совести (Владимир, Ярослав, Мономах). Первый русский святой (Феодосий) — есть явление сущей доброты. Духом сердечного и совестного созерцания проникнуты русские летописи и наставительные сочинения. Этот дух живет в русской поэзии и литературе, в русской живописи и в русской музыке. История русского правосознания свидетельствует о постепенном проникновении его этим духом, духом братского сочувствия и индивидуализирующей справедливости. А русская медицинская школа есть его прямое порождение (диагностические интуиции живой страдающей личности).

Итак, любовь есть основная духовно-творческая сила русской души. Без любви русский человек есть неудавшееся существо. Цивилизующие суррогаты любви (долг, дисциплина, формальная лояльность, гипноз внешней законопослушности) — сами по себе ему мало свойственны. Без любви — он или лениво прозябает, или склоняется к вседозволенности. Ни во что не веруя, русский человек становится пустым существом, без идеала и без цели. Ум и воля русского человека приводятся в духовно-творческое движение именно любовью и верою.

2. И при всем том первое проявление русской любви и русской веры есть живое созерцание.

Созерцанию нас учило, прежде всего, наше равнинное пространство, наша природа, с ее далями и облаками, с ее реками, лесами, грозами и метелями. Отсюда наше неутолимое взирание, наша мечтательность, наша созерцающая «лень» (Пушкин), за которой скрывается сила творческого воображения. Русскому созерцанию давалась красота, пленявшая сердце, и эта красота вносилась во все — от ткани и кружева до жилищных и крепостных строений. От этого души становились нежнее, утонченнее и глубже; созерцание вносилось и во внутреннюю культуру — в веру, в молитву, в искусство, в науку, в философию. Русскому человеку присуща потребность увидеть любимое вживе и въяве и потом выразить увиденное — поступком, песней, рисунком или словом. Вот почему в основе всей русской культуры лежит живая очевидность сердца, а русское искусство всегда было чувственным изображением нечувствен-

но-узренных обстоятельств. Именно эта живая очевидность сердца лежит и в основе русского исторического монархизма. Россия росла и выросла в форме монархии не потому, что русский человек тяготел к зависимости или к политическому рабству, как думают многие на Западе, но потому, что государство в его понимании должно быть художественно и религиозно воплощено в едином лице, — живом, созерцаемом, беззаветно любимом и всенародно «созидаемом» и укрепляемом этой всеобщей любовью.

3. Но сердце и созерцание дышат свободно. Они требуют свободы, и творчество их без нее угасает. Сердцу нельзя приказывать любить, его можно только зажечь любовью. Созерцание нельзя предписать, что ему надо видеть и что оно должно творить. Дух человека есть бытие личное, органическое и самостоятельное: он любит и творит сам, согласно своим внутренним потребностям. Этому соответствовало исконное славянское свободолобие и русско-славянская приверженность к национально-религиозному своеобразию. Этому соответствовала и православная концепция Христианства: не формальная, не законническая, не морализирующая, но освобождающая человека к живой любви и к живому совестному созерцанию. Этому соответствовала и древняя русская (и церковная, и государственная) терпимость ко всякому иноверию и ко всякой иноплеменности, открывшая России пути к имперскому (не «империалистическому») пониманию своих задач. (см. замечательную статью проф. Розова: «Христианская свобода и древняя Русь» в № 10 ежегодника «День русской славы», 1940, Белград).

Русскому человеку свобода присуща как бы от природы. Она выражается в той органической естественности и простоте, в той импровизаторской легкости и непринужденности, которая отличает восточного славянина от западных народов вообще и даже от некоторых западных славян. Эта внутренняя свобода чувствуется у нас во всем: в медлительной плавности и певучести русской речи, в русской походке и жестикуляции, в русской одежде и пляске, в русской пище и в русском быту. Русский мир жил и рос в пространственных просторах и сам тяготел в просторной нестесненности. Природная темпераментность души влекла русского человека к прямоте и открытости (Святославо «иду на вы»...), превращала его страстность в искренность и возводила эту искренность к исповедничеству и мученичеству...

Еще при первом вторжении татар русский человек предпочитал смерть рабству и умел бороться до последнего. Таким он оставался и на протяжении всей своей истории. И не случайно, что за войну 1914—1917 гг. из 1 400 000 русских пленных в Германии 260 000 человек (18,5 проц.) пытались бежать из плена. «Такого процента попыток не дала ни одна нация» (Н. Н. Головин). И если мы, учитывая это органическое свободолюбие русского народа, окинем мысленным взором его историю с ее бесконечными войнами и длительным закрепощением, то мы должны будем не возмутиться сравнительно редкими (хотя и жестокими) русскими бунтами, а преклониться перед той силой государственного инстинкта, духовной лояльности и христианского терпения, которую русский народ обнаруживал на протяжении всей своей истории.

Итак, русская идея есть идея свободно созерцающего сердца. Однако это созерцание призвано быть не только свободным, но и предметным. Ибо свобода, принципиально говоря, дается человеку не для саморазнуздания, а для органически-творческого самооформления, не для беспредметного блуждания и произволения, а для самостоятельного нахождения предмета и пребывания в нем. Только так возникает и зреет духовная культура. Именно в этом она и состоит.

Вся жизнь русского народа могла бы быть выражена и изображена так: свободно созерцающее сердце искало и находило свой верный и достойный Предмет. По-своему находило его сердце юродивого, по-своему — сердце странника и паломника; по-своему предавалось религиозному предметовидению русское отшельничество и старчество; по-своему держалось за священные традиции Православия русское старообрядчество; по-своему, совершенно по-особому вынашивала свои славные традиции русская армия; по-своему же несло тягловое служение русское крестьянство и по-своему же вынашивало русское боярство традиции русской православной государственности; по-своему утверждали свое предметное видение те русские праведники, которыми держалась русская земля и облики коих художественно показал Н. С. Лесков. Вся история русских войн есть история самоотверженного предметного служения Богу, Царю и Отечеству; а, напр., русское казачество сначала искало свободы, а потом уже научилось предметному государственному патриотизму. Россия всегда строилась духом свободы и

предметности, и всегда шаталась и распадалась, как только этот дух ослабевал, — как только свобода извращалась в произвол и посягание, в самодурство и насилие, как только созерцающее сердце русского человека прилеплялось к беспредметным или противопредметным содержаниям...

Такова русская идея: свободно и предметно созерцающая любовь и определяющаяся этим жизнь и культура. Там, где русский человек жил и творил из этого акта, — он духовно осуществлял свое национальное своеобразие и производил свои лучшие создания — во всем: в праве и в государстве, в одинокой молитве и в общественной организации, в искусстве и в науке, в хозяйстве и в семейном быту, в церковном алтаре и на царском престоле. Божьи дары — история и природа — сделали русского человека именно таким. В этом нет его заслуги, но этим определяется его драгоценная самобытность в сонме других народов. Этим определяется и задача русского народа: быть таким со всей возможной полнотой и творческой силой, блюсти свою духовную природу, не соблазняться чужими укладами, не искажать своего духовного лица искусственно пересаживаемыми чертами и творить свою жизнь и культуру именно этим духовным актом.

Исходя из русского уклада души, нам следует помнить одно и заботиться об одном: как бы нам наполнить данное нам свободное и любовное созерцание настоящим предметным содержанием; как бы нам верно воспринять и выразить Божественное — по-своему; как бы нам петь Божьи песни и растить на наших полях Божьи цветы... Мы призваны не заимствовать у других народов, а творить свое и по-своему; но так, чтобы это наше и по-нашему созданное было на самом деле верно и прекрасно, т. е. Предметно.

Итак, мы не призваны заимствовать духовную культуру у других народов или подражать им. Мы призваны творить свое и по-своему: русское, по-русски.

У других народов был издревле другой характер и другой творческий уклад: свой особый — у иудеев, свой особый — у греков, особый у римлян, иной у германцев, иной у галлов, иной у англичан. У них другая вера, другая «кровь в жилах», другая наследственность, другая природа, другая история. У них свои достоинства и свои недостатки. Кто из нас захочет заимствовать их недостатки? — Никто. А достоинства нам даны

и заданы наши собственные. И когда мы сумеем преодолеть свои национальные недостатки — совестью, молитвою, трудом и воспитанием, — тогда наши достоинства расцветут так, что о чужих никто из нас не захочет и помышлять.

Так, например, все попытки заимствовать у католиков их волевую и умственную культуру были бы для нас безнадежны. Их культура выросла исторически из преобладания воли над сердцем, анализа над созерцанием, рассудка во всей его практической трезвости над совестью, власти и принуждения над свободой. Как же мы могли бы заимствовать у них эту культуру, если у нас соотношение этих сил является обратным? Ведь нам пришлось бы погасить в себе силы сердца, созерцания, совести и свободы, или, во всяком случае, отказаться от их преобладания. И неужели есть наивные люди, воображающие, что мы могли бы достигнуть этого, заглушив в себе славянство, искоренив в себе вековечное воздействие нашей природы и истории, подавив в себе наше органическое свободолюбие, извергнув из себя естественную православность души и непосредственную искренность духа? И для чего? Для того, чтобы искусственно привить себе чуждый нам дух иудаизма, пропитывающий католическую культуру, и далее — дух римского права, дух умственного и волевого формализма и, наконец, дух мировой власти, столь характерный для католиков?.. А в сущности говоря, для того, чтобы отказаться от собственной, исторически и религиозно заданной нам культуры духа, воли и ума: ибо нам не предстоит в будущем пребывать исключительно в жизни сердца, созерцания и свободы, и обходиться без воли, без мысли, без жизненной формы, без дисциплины и без организации. Напротив, нам предстоит вырастить из свободного сердечного созерцания — свою, особую, новую, русскую культуру воли, мысли и организации. Россия не есть пустоеместилище, в которое можно механически, по произволу, вложить все, что угодно, не считаясь с законами ее духовного организма. Россия есть живая духовная система, со своими историческими дарами и заданиями. Мало того, — за нею стоит некий божественный исторический замысел, от которого мы не смеем отказываться и от которого нам и не удалось бы отречься, если бы мы даже того и захотели... И все это выговаривается русской идеей.

Эта русская идея созерцающей любви и свободной предметности — сама по себе не судит и не осуждает инородные культуры. Она только не предпочитает их и не вменяет их себе

в закон. Каждый народ творит то, что он может, исходя из того, что ему дано. Но плох тот народ, который не видит того, что дано именно ему, и потому ходит побираваться под чужими окнами. Россия имеет свои духовно-исторические дары и призвана творить свою особую духовную культуру: — культуру сердца, созерцания, свободы и предметности. Нет единой общеобязательной «западной культуры», перед которой все остальное — «темнота» или «варварство». Запад нам не указ и не тюрьма. Его культура не есть идеал совершенства. Строение его духовного акта (или вернее — его духовных актов), может быть, и соответствует его способностям и его потребностям, но нашим силам, нашим заданиям, нашему историческому призванию к душевному укладу оно не соответствует и не удовлетворяет. И нам незачем гнаться за ним и делать себе из него образец. У Запада свои заблуждения, недуги, слабости и опасности. Нам нет спасения в западничестве. У нас свои пути и свои задачи. И в этом — смысл русской идеи.

Однако это не гордость и не самопревознесение. Ибо, желая идти своими путями, мы отнюдь не утверждаем, будто мы ушли на этих путях очень далеко или будто мы всех опередили. Подобно этому мы совсем не утверждаем, будто все, что в России происходит и создается, — совершенно, будто русский характер не имеет своих недостатков, будто наша культура свободна от заблуждения, опасностей, недугов и соблазнов. В действительности мы утверждаем иное: хороши мы в данный момент нашей истории или плохи, мы призваны и обязаны идти своим путем, — очищать свое сердце, укреплять свое созерцание, осуществлять свою свободу и воспитывать себя к предметности. Как бы ни были велики наши исторические несчастия и крушения, мы призваны самостоятельно быть, а не ползать перед другими; творить, а не заимствовать; обращаться к Богу, а не подражать соседям; искать русского видения, русских содержаний и русской формы, а не ходить в кусочки, собирая на мнимую бедность. Мы Западу не ученики и не учителя. Мы ученики Богу и учителя себе самим. Перед нами задача: творить русскую самобытную духовную культуру — из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом — смысл русской идеи.

Эту национальную задачу нашу мы должны верно понять, не искажая ее и не преувеличивая. Мы должны заботиться не

об оригинальности нашей, а о предметности нашей души и нашей культуры; оригинальность же «приложится» сама, расцветая непреднамеренно и непосредственно. Дело совсем не в том, чтобы быть ни на кого не похожим; требование «будь как никто» неверно, нелепо и не осуществимо. Чтобы расти и цвести, не надо коситься на других, стараясь ни в чем не подражать им и ничему не учиться у них. Нам надо не отталкиваться от других народов, а уходить в собственную глубину и восходить из нее к Богу; надо не оригинальничать, а добиваться Божьей правды; надо не предаваться восточнославянской мании величия, а искать русскою душою предметного служения. И в этом смысл русской идеи.

Вот почему так важно представить себе наше национальное призвание со всей возможной живостью и конкретностью. Если русская духовная культура исходит из сердца, созерцания, свободы и совести, то это отнюдь не означает, что она «отрицает» волю, мысль, форму и организацию. Самобытность русского народа совсем не в том, чтобы пребывать в безволии и безмыслии, наслаждаться бесформенностью и прозябать в хаосе; но в том, чтобы выращивать вторичные силы русской культуры (волю, мысль, форму и организацию) из ее первичных сил (из сердца, из созерцания, из свободы и совести). Самобытность русской души и русской культуры выражается именно в этом распределении ее сил на первичные и вторичные: первичные силы определяют и ведут, а вторичные вырастают из них и приемлют от них свой закон. Так уже было в истории России. И это было верно и прекрасно. Так должно быть и впредь, но еще лучше, полнее и совершеннее.

1. Согласно этому — русская религиозность должна по-прежнему утверждаться на сердечном созерцании и свободе, и всегда блюсти свой совестный акт. Русское православие должно чтить и охранять свободу веры — и своей, и чужой. Оно должно созидать на основа сердечного созерцания свое особое православное богословие, свободное от рассудочного, формального, мертвенного, скептически слепого резонерства западных богословов; око не должно перенимать моральную казуистику и моральный педантизм у Запада, оно должно исходить из живой и творческой христианской совести («к свободе призваны вы, братия», Гал. 5. 13), и на этих основах оно должно выработать восточноправославную дисциплину воли и организации.

2. Русское искусство призвано блюсти и развивать тот дух любовной созерцательности и предметной свободы, которым оно руководилось доселе. Мы отнюдь не должны смущаться тем, что Запад совсем не знает русскую народную песню, еле начинает ценить русскую музыку и совсем еще не нашел доступа к нашей дивной русской живописи. Не дело русских художников (всех искусств и всех направлений) заботиться об успехе на международной эстраде и на международном рынке — и приспособляться к их вкусам и потребностям; им не подобает «учиться» у Запада — ни его упадочному модернизму, ни его эстетической бескрылости, ни его художественной беспредметности и снобизму. У русского художества свои заветы и традиции, свой национальный творческий акт: нет русского искусства без горящего сердца; нет русского искусства без сердечного созерцания; нет его без свободного вдохновения; нет и не будет его без ответственного, предметного и совестного служения. А если будет это все, то будет и впредь художественное искусство в России, со своим живым и глубоким содержанием, формой и ритмом.

3. Русская наука не призвана подражать западной учености, ни в области исследования, ни в области мировосприятия. Она призвана вырабатывать свое мировосприятие, свое исследование. Это совсем не значит, что для русского человека «необязательна» единая общечеловеческая логика, или что у его науки может быть другая цель, кроме предметной истины. Напрасно было бы толковать этот призыв, как право русского человека на научную недоказательность, безответственность, на субъективный произвол или иное разрушительное безобразие. Но русский ученый призван вносить в свое исследование начала сердца, созерцательности, творческой свободы и живой ответственной совести. Русский ученый призван вдохновенно любить свой предмет так, как его любили Ломоносов, Пирогов, Менделеев, Сергей Соловьев, Гедеонов, Забелин, Лебедев, князь Сергей Трубецкой. Русская наука не может и не должна быть мертвым ремеслом, грузом сведений, безразличным материалом для произвольных комбинаций, технической мастерской, школой бессовестного умения.

Русский ученый призван насыщать свое наблюдение и свою мысль живым созерцанием — и в естествознании, и в высшей математике, и в истории, и в юриспруденции, и в экономи-

ке, и в филологии, и в медицине. Рассудочная наука, не ведающая ничего кроме чувственного наблюдения, эксперимента и анализа, есть наука духовно слепая: она не видит предмета, а наблюдает одни оболочки его; прикосновение ее убивает живое содержание предмета; она застревает в частях и кусочках и бессильна подняться к созерцанию целого. Русский же ученый призван созерцать жизнь природного организма; видеть математический предмет; зреть в каждой детали русской истории дух и судьбу своего народа; растить и укреплять свою правовую интуицию; видеть целостный экономический организм своей страны; созерцать целостную жизнь изучаемого им языка; врачебным зрением постигать страдание своего пациента.

К этому должна присоединиться творческая свобода в исследовании. Научный метод не есть мертвая система приемов, схем и комбинаций. Всякий настоящий, творческий исследователь всегда вырабатывает свой, новый метод. Ибо метод есть живое, ищущее движение к предмету, творческое приспособление к нему, «исследование», «изобретение», вживание, вчувствование в предмет, нередко импровизация, иногда перевоплощение. Русский ученый по всему складу своему призван быть не ремесленником и не бухгалтером явлений, а художником в исследовании; ответственным импровизатором, свободным пионером познания. Отнюдь не впадая в комическую претенциозность или в дилетантскую развязность самоучек, русский ученый должен встать на свои ноги. Его наука должна стать наукой творческого созерцания — не в отмену логики, а в наполнение ее живою предметностью; не в поправление факта и закона, а в узрение целостного предмета, скрытого за ними.

4. Русское право и правоведение должны оберегать себя от западного формализма, от самодовлеющей юридической догматики, от правовой беспринципности, от релятивизма и сервилизма. России необходимо новое правосознание, национальное по своим корням, христиански-православное по своему духу и творчески содержательное по своей цели. Для того чтобы создать такое правосознание, русское сердце должно увидеть духовную свободу как предметную цель права и государства и убедиться в том, что в русском человеке надо воспитать свободную личность с достойным характером и предметною волею. России необходим новый государственный строй, в котором свобода раскрыла бы ожесточенные и утомленные серд-

ца, чтобы сердца по-новому прилепились бы к родине и по-новому обратились к национальной власти с уважением и доверием. Это открыло бы нам путь к исканию и нахождению новой справедливости и настоящего русского братства. Но все это может осуществиться только через сердечное и совестное созерцание, через правовую свободу и предметное правосознание.

Куда бы мы ни взглянули, к какой бы стороне жизни мы ни обратились, — к воспитанию или к школе, к семье или к армии, к хозяйству или к нашей многоплеменности, — мы видим всюду одно и то же: Россия может быть обновлена и будет обновлена в своем русском национальном строении именно этим духом — духом сердечного созерцания и предметной свободы. Что такое русское воспитание без сердца и без интуитивного восприятия детской личности? Как возможна в России бессердечная школа, не воспитывающая детей к предметной свободе? Возможна ли русская семья без любви и совместного созерцания? Куда заведет нас новое рассудочное экономическое доктринерство, по-коммунистически слепое и противоестественное? Как разрешим мы проблему нашего многоплеменного состава, если не сердцем и не свободой? А русская армия никогда не забудет суворовской традиции, утверждавшей, что солдат есть личность, живой очаг веры и патриотизма, духовной свободы и бессмертия...

Таков основной смысл формулированной мною русской идеи. Она не выдумана мною. Ее возраст есть возраст самой России. А если мы обратимся к ее религиозному источнику, то мы увидим, что это есть идея православного христианства. Россия восприняла свое национальное задание тысячу лет тому назад от христианства: осуществить свою национальную земную культуру, проникнутую христианским духом любви и созерцания, свободы и предметности. Этой идее будет верна и грядущая Россия.

О ЧУВСТВЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Когда будущие историки России захотят понять и осветить сущность белого движения, белой борьбы и белой идеи, — они должны будут усвоить себе то основное духовное побуждение, которое владело и двигало белыми сердцами. Это побуждение

было — любовь к национальной России, живое, могучее чувство ответственности за все то, что в ней совершается, и чувство собственного достоинства, чувство чести, уводившее людей в борьбу на жизнь и на смерть. Это были три главных источника, которым и в будущем суждено строить новую Россию, питая ее новое правосознание и созидавая ее духовную культуру.

Скажем прямо и недвусмысленно: поколение безответственных шкурников и безответственных честолюбцев не освободит Россию и не обновит ее; у него нет и не будет тех духовных сил и качеств, которые строили подлинную Россию в прошлом и которые необходимы для ее будущего. Русский человек, пройдя через все национальные унижения, беды, лишения и страдания, должен найти в себе духовное начало и утвердиться в нем, — постигнуть и принять свое духовное естество и призвание; и только тогда перед ним откроются двери в грядущую Россию.

Человек, как духовное существо, всегда ищет лучшего, ибо некий таинственный голос зовет его к совершенству. Он, может быть, и не знает, что это за голос и откуда он... Он, может быть, чувствует бессилие своей мысли и своего слова каждый раз, как пытается сказать, в чем же состоит это совершенство и какие пути ведут к нему. Но голос этот внятен ему и властен над ним; и именно желание отозваться на этот призыв и искание путей к совершенству придают человеку достоинство духа, сообщают его жизни духовный смысл и открывают ему возможность творить настоящую культуру на земле.

А человек призван быть на земле именно духом — не просто живым существом наподобие животных и насекомых, и не только одушевленным созданием, удачно соображающим и желающим для себя всякой пользы, капризно и разнообразно чувствующим и нестесненно фантазирующим. Все эти душевные способности даются ему, но не для злоупотребления ими, а для благого и ответственного служения. И вот, первое, что необходимо каждому человеку, желающему творить культуру, это чувство своего предстояния, своей призванности и ответственности. Можно было бы сказать, что люди делятся на две большие категории: одни — безответственно ищут в жизни или своего наслаждения (это люди «поглупее»!) или своей пользы (это люди «поумнее»!); другие же чувствуют себя предстоящими чему-то Высшему и Священному, так, что, даже не умея ска-

зять, что это за Высшее и где обретается это Священное, они не сомневаются в самом своем предстоянии Ему. Мир не есть для них «вольное пастбище», данное им для личного прокормления и устройства; он не есть для них и случайное нагромождение «впечатлений», «явлений», удовольствий и неприятностей. Они чувствуют и прозревают великий смысл мирового вращения и своей собственной жизни и не успокаиваются на том потоке «ничтожной суеты» и «мелкого сора» (А. К. Толстой), в котором тонут столь многие.

Это чувство предстояния и призванности сразу успокаивает их и тревожит; успокаивает — ибо дает им ощущение некой высшей «водимости»; творческой основы, жизненного смысла и собственного достоинства; тревожит — ибо вызывает в них живое чувство духовного задания, высшей ответственности и собственного несовершенства. Это возлагает на них обязанность не мириться со всем тем, что происходит в них и во внешнем мире, обязанность оценивать, искать верных мерил, выбирать, решать и творить. Это зовет их сразу к труду, к дисциплине и к вдохновению.

Такое удостоверение в собственной духовности и приятие ее есть первооснова живой религиозности. Ибо то Высшее, чему человек предстоит, есть Господь, Его зовы и Его божественные излучения. И призвание человека определяется именно свыше. И духовное измерение человеческой жизни и всех ее дел имеет тот же единый источник. И ответственность человека есть в последнем измерении всегда ответственность перед Богом.

Само собою разумеется, что человек не всегда отчетливо сознает это и редко может точно выговорить ощущаемое. Но это ничего по существу не меняет. Сознание есть не первая и не важнейшая ступень жизни, а вторичная, позднейшая и подчиненная. И закрепление в слове глубоких и священных жизненных сил дается не каждому человеку, дается не всегда и не легко. Здесь важно и драгоценно не умствование и не словесное описание, а твердое и глубокое укорененное чувство предстояния, призванности и ответственности. Духовность человека отнюдь не совпадает с сознанием, отнюдь не исчерпывается мыслью, отнюдь не ограничивается сферой слов и высказываний. Духовность глубже всего этого, могущественнее, богаче, значительнее и священнее.

Духовность человека состоит прежде всего в уверенности, что в пределах его собственной души есть лучшее и худшее, на самом деле лучшее; такое, качество и достоинство которого не зависит от человеческого произвола; такое, которое надлежит признать и перед которым подобает преклониться. К этому лучшему и высшему надо прислушиваться, сосредоточенно испытывать его, вникать в него, предаваться ему. И по мере того, как человек осуществляет это, он убеждается в том, что это высшее и лучшее совсем не исчерпывается его личными пределами, но является в нем самом как бы излучением и энергией действительно Высшего и Совершенного Начала, которому он и предстоит на протяжении всей своей жизни. Приобщаясь этому Началу, духовный человек не может не радоваться Ему, не может не возжелать Его и не полюбить Его. И очень скоро он удостоверяется в том, что это радование естественно и целесообразно, что это желание драгоценно и жизненно необходимо, что эта любовь открывает ему настоящий доступ к жизненному свету, к истинной свободе, к подлинному бытию и личному духовному достоинству. В этом делании духовный человек научается преклоняться перед Богом, чтить самого себя, видеть и ценить духовность во всех людях и желать творческого раскрытия и осуществления духовной жизни на земле. Это и есть су- щая культура.

Все это можно было бы выразить так: в основе подлинной духовной культуры лежит личная, искренняя религиозность культуротворящего человека. Религиозность есть живая перво- основа истинной культуры. Она несет человеку именно те дары, без которых культура теряет свой смысл и становится просто неосуществимой: чувство предстояния, чувство задания и при- званности и чувство ответственности.

Предстояние Высшему есть первый дар религиозности. На- прасно думать, что это чувство «унижает» человека или прида- ет ему «рабские черты». Такое мнение свидетельствует о том, что данному человеку далеко до истинной свободы: он боится попасть в «рабское» положение именно потому, что он все еще чувствует себя сам «недавним рабом», или «полурабом», или, если угодно, «вольноотпущенником». Человек, нашедший свою свободу и утвердившийся в ней, знает, что никакие условия, ни внешние, ни внутренние, не могут отнять у него этой свободы; ибо от того, что другие люди будут обходиться с ним, как с ра-

бом, его свобода не угаснет, а только углубится до пределов внешней недостижимости; сам же он никогда не усвоит рабскую установку. Свобода, вообще говоря, не «дается», а «берется»: она берется духом, как его неотъемлемое достояние и соблюдается им, как неотчуждаемая святыня. Но для того, чтобы это совершилось, свобода должна найти свой источник в том Высшем, которому она имеет счастье предстоять и от которого исходит всяческая духовность и всяческая свобода. Именно это имел в виду мудрый Томас Карлейль, когда писал: «В груди человека нет чувства более благородного, чем это удивление перед тем, что выше его»...; «человек не может вообще знать, если он не поклоняется чему-либо в той или иной форме» ... Надо сказать еще больше: человек не может творить культуру, не чувствуя себя предстоящим именно тому, что он должен осуществить в своем культурном творчестве. «Творящий» без верховного начала, без идеала, перед которым он преклоняется, не творит, а произвольничает, «балует» себя, тешит себя или просто безобразничает (наподобие Пикассо и других модернистов). Новые поколения, следующие за нами, должны признать, что поклонение Богу не унижает человека, а впервые довершает его бытие и возвышает его. Человек же, который «ничему не поклоняется», обманывает сам себя, ибо, на самом деле, он поклоняется себе самому и служит своей бездуховной и противодуховной похоти. И культура его будет не культурой, а беспредметным посяганием и произволением, лишенным главного, не способным ни познать истину, ни создать художественное, ни совершить любовное, благое и чистое, ни узреть и раскрыть справедливое право.

Предстоящий измеряет себя именно тем, чему он предстоит. Именно это следует иметь в виду, читая Евангельские слова: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мтф. 5.48). Предстоящий Богу измеряет и оценивает себя лучами Божественности. Предстоящий совершенству судит себя высшим, доступным человеку критерием. Предстояние поднимает сначала взор человека, потом сердце его и волю его; оно вызывает в нем новые мысли, новое понимание себя, других людей и всей вселенной. Строение его души, доселе бывшее как бы одноэтажным домиком, надстраивается и возвышается. Его око начинает видеть новые «пространства», усваивает их и приобщает их к своей жизни. Или можно сказать: душа его переживает

некое священное окрыление. Сердце его воспринимает новые, горные лучи и научается радоваться им, ожидать их и трепетать от этого ожидания. Воля его научается выходить из всего чисто личного, мелкого и пошлого и сосредоточивается на лучшем, на объективно-лучшем, на совершенном; она научается представлять себе это лучшее не только «вверху», но и «вперед»; она находит в нем жизненное задание для своего будущего.

Так пробуждается и крепнет в человеке живая совесть. Не совесть, угрызающая за несовершенство в прошлом добра или за совершение в прошлом зла; но совесть, как творческая энергия, энергия любви и воли, направленная вперед, в будущее, к предстоящим совершенствам. Она же и дает человеку то высшее счастье на земле, которое выражается словами духовное достоинство и призвание.

Духовное достоинство состоит в том, что «предстоящий» человек утверждает свою жизнь приятием Божественного, любовью к Нему и верностью к Нему, Он приемлет Его лучи и эти лучи проникают в его душу до самого дна. Он проникается ими, как бы питается и животворится ими, и они сообщают ему свой огонь, свой свет и свое тепло. В них он находит свое бытие; так, что самое существо или естество его личности определяется и освящается ими. В глубине его души как бы строится храм, и в храме этом утверждается алтарь и престол с неугасающим светильником. И не в том смысле, чтобы этот храм, и престол, и светильник — были бы «доступны» ему, как извне приходящему «прихожанину»; но в том смысле, что этот храм есть его собственная обитель, и престол этот есть его собственная святыня, и светильник этот есть его собственное горение. Не только «в нем есть пламя», но он сам в полноте своего духовного бытия есть это пламя. И это пламя есть его Главное, от которого он не может отказаться, которым он дорожит превыше всего своего «прочего» и которому он не может изменить. И чувствуя это удостоверенно, он начинает постигать, что значит «читать самого себя» (Пушкин!) и что такое есть чувство собственного достоинства.

Вот где скрывается последний и безусловный корень духовной ответственности, без которой человеку недостойно жить на земле и невозможно создавать духовную культуру.

Человек как свободное и зрелое существо отвечает за свою жизнь, за ее содержание и за ее направление. Это духовно-ес-

тественно и неизбежно. Дух есть живая сила, энергия, которая чувствует себя выбирающей, решающей и действующей; и это самочувствие его не иллюзия и не обман. Тайна свободы, или, как обычно говорят, «свобода воли», состоит в том, что сила духа способна сосредоточиваться, укреплять себя, увеличивать свою силу и превозмогать свои внутренние затруднения и свои внешние препятствия. Дух человека «свободен» не в том смысле, что на него «ничто не влияет», или что он не несет никакого бремени «воздействий» и «причин»; но в том смысле, что ему дан дар самоусиления, самоосвобождения, который он должен принять и в пользовании которым он должен искуситься и укрепиться. Обычная воля человека есть не более чем потребность, влечение, страсть или упрямство. Но духовная воля человека есть дар освободить себя от всякого неприемлемого и отвергаемого воздействия, как внутреннего, так и внешнего. Человеческому духу присуще это живое чувство: «я мог в прошлом поступить иначе», и, соответственно, «я и в настоящем могу выбрать, решить и осуществить свое решение». Повторяю: это не иллюзия и не самообман, ибо эта мощь самоусиления своей мощи действительно присуща человеческому духу. Неискушенному — и неопытному — может казаться, что он «не умеет» или «не знает, как начать»; что он «слаб» и «беспомощен». Но ему будет казаться это лишь до тех пор, пока он будет сохранять «душевную», а не «духовную» установку. Ибо душа человека может действительно «духовно не уметь» и чувствовать себя «духовно-слабой и беспомощной»; ей неизбежно пребывать «под давлением обстоятельств» и «влечений»; для нее естественно колебаться, откладывать, не дерзать, искать оправданий и ссылаться на «среду», которая ее «задаёт». Но для духа все это неестественно, чуждо, странно и мертво. Дух есть живая энергия: ему свойственно не спрашивать о своем умении, а осуществлять его; не ссылаться на «давление» влечений и обстоятельств, а превозмогать их живым действием. Как сказал однажды Карлейль: «Начинай! Только этим ты сделаешь невозможное возможным».

Свобода духа состоит в том, что не его определяют «влечения» и «обстоятельства», а он определяет сам себя, то расценивая свои влечения и видоизменяя свои обстоятельства, то извлекая из себя решения и свершения, идущие наперекор всем обстоятельствам и влечениям. Свободы полной, тотальной, аб-

солютной нет и быть не может; и можно только радоваться тому, что человек лишен таких свойств и способностей. Ибо трудно себе даже представить, что за кошмарное создание представлял бы из себя человек, способный ежесекундно к проявлению какого-то метафизического произвола, обреченный на такие свойства, как невоспитываемость, непредусмотримость в решениях и поступках, неменяемость, хаотическая капризность и способность в любой момент провалиться в невиданную бездну зла. Общение с такими людьми исключало бы всякое взаимное доверие, всякое воспитание, всякий правопорядок и всякое участие в прекрасном космосе и в Царстве Божьем. Можно только благодарить Бога за то, что такая свобода не дана человеку. На самом же деле свобода есть сила и искусство человека определять себя самого и свою жизнь к духовности согласно своему предстоянию, своему призванию и своей ответственности.

Вот откуда у человеческого духа эта бессознательная, но твердая уверенность: «я мог иначе, но не сделал того, что мог»; или: «я должен был совершить такой-то поступок и мог это сделать, но не сделал»; и соответственно: «многое в моем настоящем и будущем дается мне как готовое и неизменяемое, но мой личный образ действий зависит от моего выбора и решения, а, следовательно, от моего призвания и от моей ответственности». При таком самочувствии и понимании явление зовущей совести и явление укоряющей совести получают свой полный смысл и значение. Призывы совести бесконечно расширяют горизонт человеческих возможностей, утверждая в каждом из нас способность найти путь к совершенству и вступить на него, возвращаться на него после ошибок и падений и всегда созерцать ту даль, в которой это совершенство нас ожидает. А укоры совести освещают нам те ошибки и падения, которых мы не сумели избежать; мало того, они как будто указывают нам, почему именно эти ошибки и падения состоялись, каких именно усилий наша свободная воля не совершила «тогда» для того, чтобы избежать уклонений и неудач, и какие именно усилия надо осуществить «теперь», чтобы укрепить себя для будущего. И практический смысл христианского покаяния и исповеди «на духу» состоит именно в том, чтобы оживить в душе человека чувство предстояния, энергию совести, веру в свое призвание, жажду духовной свободы и чувство ответственности... Отсюда уже

ясно, какое великое значение имеет «священное недовольство» человеческого духа самим собою, а также трезвое, честное, искреннее самоосуждение, которым «заболевает» духовно выздоравливающая душа.

Итак, предстоящий дух призван, а призванный человек ответствен; и в основе всего этого лежит дар к самоосвобождению, сообщенный человеческому духу свыше.

Как это просто, ясно и бесспорно: человеку подобает жить не состояниями, а действиями, и соответственно отвечать за эти действия. Дух человека подобен не воде, бесформенно растекающейся и безвольно плещущейся в своем ложе. Он не подобен и песку, пассивно лежащему пока лежит, и пассивно осыпающемуся, «сползающему», когда потянет вниз. Дух человека есть личная энергия и притом разумная энергия; разумная — не в смысле «сознания» или рассудочного мышления», а в смысле предметного созерцания, зрячего выбора и действия в силу духовно-достаточного основания. Так созерцал, так возлюбил, так выбрал, так совершил — и потому признаю это деяние моим деянием, поддерживаю его основания и мотивы и принимаю на себя ответственность за совершенное, признаю свою ошибку за ошибку, свое «заранее обдуманное намерение» признаю за таковое, — и вина моя, и заслуга (если она есть) моя, и последствия мною совершенного я готов нести и за них отвечать. Неспособный к этому не может считаться ни деятелем, ни человеком с характером, ни морально зрелой личностью, ни творцом культуры, ни воспитателем, ни врачом, ни священником, ни солдатом, ни судьей, ни политиком, ни гражданином. Он есть робкий обыватель, трус, карьерист или ловчила. Он сам себе не доверяет; а потому и ему не следует доверять. В старой Руси про таких людей говорили: «бегун и хороняка». Да и что может быть более жалкое, чем безответственный чиновник или политик, имеющий полномочия, призванный действовать, обязанный решать — и мечтающий об одном: занести себе «на приход» свои жизненные успехи и уклониться от «расплаты» по закону об ответственности?..

Отсюда уже ясно, что необходимо различать предварительную ответственность и последующую ответственность.

Предварительная ответственность есть живое чувство предстояния и призванности, и в то же время — живая воля к совершенству. Человек не совершил еще деяния; может быть и

не решил еще, что делать; может быть даже и не избрал своей высшей ценности и не наметил своей высшей цели. Он только чувствует в себе активную силу и волевою энергиею, он предвидит возможность и неизбежность будущих деяний — и связывает их намерением и внутренним обязательством осуществить «наилучше наилучшее». Он ставит себя перед Лицом Божьим и «предстоит»; он слышит призыв к совершенству и осмысливает его как свою «призванность»; он приемлет эту призванность и как бы «заряжает» свою душу волею к совершенству. Еще не совершив, он уже знает о своей ответственности. И это чувство своей ответственности — сразу дисциплинирует его, сосредоточивает его и вдохновляет.

Значение этой предварительной ответственности в культурном творчестве основополагающе и велико. Чтобы убедиться в нем, достаточно представить себе человека, который берется за какое-нибудь творческое дело и лишен предварительной ответственности. Что создаст живописец, который не знает ничего высшего и священного над собою, не чувствует своей призванности сказать вернее, зоркое и значительное, и насколько не намеревается создать «наилучше наилучшее»? Он будет только тешить свою живописную похоть, писать кое-что и кое-как, капризничать, демагогировать или дразнить воображаемого зрителя, произволять и безобразничать. Не так же ли обстоит дело с поэтом, музыкантом, скульптором и архитектором? Именно отсюда возник весь современный «модернизм» в искусстве... Что познает безответственный ученый, который не связал себя внутренне аскетической клятвой — созерцать неутомимо, исчерпывать все возможные средства и пути для удостоверения, не щадить опытных усилий, не выдавать гипотезу за истину и утверждать с силою окончательности только достоверное и очевидное? Страшно и гадко думать о том, во что превратится у него научная культура. Чего можно ждать от безответственного судьи, не требующего ни верного правосознания от себя самого, ни очевидности в изучении факта, ни прозрения в душу подсудимого, ни точного знания закона? Такой судья, не ведающий ни предстояния, ни призвания, ни желания осуществить «наилучше наилучшее» создаст режим произвола, коррупции и кумовства. Безответственный политик есть интриган и карьерист, деятель, столь же отвратительный морально, сколь пагубный в общественном отношении; а меж-

ду тем современная государственность кишит такими людьми — и в демократиях, и в тоталитарных государствах. Кто захочет лечиться у безответственного врача? Кто поручит своих детей безответственному воспитателю? Кто захочет принимать молитвы и таинства от безответственного священника? Какой полководец выиграет сражение, командуя безответственными офицерами, ведущими в бой безответственных солдат? — Люди, не ведавшие, что есть чувство предстояния и призванности, и что есть воля осуществить «наилучше наилучшее», — не способны творить настоящую духовную культуру. В этом приговор и им, и создаваемой ими лжекультуре...

Такова сущность, таков смысл ответственности, — и предварительной и последующей, — в деле творческого обновления и углубления грядущей духовной культуры. И тот, кто продумает это, тот примет на себя обязанность изъяснить это другим. А русский человек сразу поймет, что это всего важнее в деле возрождения России.

РОССИЯ ЕСТЬ ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ. О РУССКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ

РОССИЯ ЕСТЬ ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ

Когда нам ставят вопрос, как это могло случиться, что русский народ в эпоху Второй отечественной войны (1914—1917) предпочел имущественный передел национальному спасению, мы отвечаем: это случилось потому, что русское простонародное, а также и радикально-интеллигентское правосознание не были на высоте тех национально-державных задач, которые были возложены на него Богом и судьбою. Русский человек видел только ближайшее; политическое мышление его было узко и мелко; он думал, что личный и классовый интерес составляют «главное» в жизни; он не разумел своей величавой истории; он не был приучен к государственному самоуправлению; он был не тверд в вопросах веры и чести... И прежде всего он не чувствовал своим инстинктом национального самосохранения, что Россия есть единый живой организм.

И с этого нам надо теперь начинать. Это нам надо уяснить себе и укрепить в наших детях. Россия есть организм природы и духа — и горе тому, кто ее расчленяет! Горе — не от нас: мы не мстители и не зовем к мести. Наказание придет само... Горе придет от неизбежных и страшных последствий этой слепой и нелепой затеи, от ее хозяйственных, стратегических, государственных и национально-духовных последствий. Не добром помянут наши потомки этих честолюбцев, этих доктринеров, этих сепаратистов и врагов России и ее духа... И — не только наши потомки: вспомнят и другие народы единую Россию, испытав на себе последствия ее преднамеренного расчленения; вспомнят ее так, как уже вспоминал ее в 1932 году дальнороркий итальянский историк Гвильельмо Ферреро.

Итак, Россия есть единый живой организм. Глупо и невежественно сводить ее исторический рост к «скопидомству Монаховичей», к «империализму Царей», к честолюбию ее ари-

тократии или к рабской и грабительской мстительности развращенного русского простонародья (как до этого договорился в своей недавно вышедшей книге недообрусевший швед Александр фон Шельтинг; его книга есть сущий образец презрения к русскому народу и ненависти к Православию)...

Тот, кто с открытым сердцем и честным разумением будет читать «скрижали» русской истории, тот поймет этот рост русского государства совсем иначе. Надо установить и выговорить раз навсегда, что всякий другой народ, будучи в географическом и историческом положении русского народа, был бы вынужден идти тем же самым путем, хотя ни один из этих других народов наверное не проявил бы ни такого благодушия, ни такого терпения, ни такой братской терпимости, какие были проявлены на протяжении тысячелетнего развития русским народом. Ход русской истории слагался не по произволу русских Государей, русского правящего класса или, тем более, русского простонародья, а в силу объективных факторов, с которыми каждый народ вынужден считаться. Слагаясь и возрастая в таком порядке, Россия превратилась не в механическую сумму территорий и народностей, как это натверживают иностранцам русские перебежчики, а в органическое единство.

1. Это единство было прежде всего географически предписано и навязано нам землею. С первых же веков своего существования русский народ оказался на отовсюду открытой и лишь условно делимой равнине. Ограждающих рубежей не было; был издревле великий «проходной двор», через который валили «переселяющиеся» народы, — с востока и юго-востока на запад... Возникая и слагаясь, Россия не могла опереться ни на какие естественные границы. Надо было или гибнуть под вечными набегами то мелких, то крупных хищных племен, или давать им отпор, замирать равнину оружием и осваивать ее. Это длилось веками; и только враги России могут изображать это дело так, будто агрессия шла со стороны самого русского народа, тогда как «бедные» печенеги, половцы, хазары, татары (ордынские, казанские и крымские), черемисы, чуваша, черкесы и кабардинцы — «стонали под гнетом русского империализма» и «боролись за свою свободу»...

Россия была издревле организмом, вечно вынужденным к самообороне.

2. Издревле же Россия была географическим организмом больших рек и удаленных морей. Среднерусская возвышенность есть ее живой центр: сначала «волоки», потом каналы

должны были связать далекие моря друг с другом, соединить Европу с Азией, Запад с Востоком, Север с Югом. Россия не могла и не должна была стать путевой, торговой и культурной баррикадой; ее мировое призвание было прежде всего — творчески-посредническое между народами и культурами, а не замыкающееся и не разлучающее... Россия не должна была превращаться, подобно Западной Европе, в «кочечно-коморочную» систему мелких государств с их заставами, таможенными и вечными войнами. Она должна была сначала побороть своих внутренних «Соловьев-Разбойников» (подвиг Ильи Муромца!) и «Змеев Горынычей» (подвиг Ивана Царевича!), залегавших добрым людям пути и пресекавших все дороги, — с тем, чтобы потом стать великим и вседоступным культурным простором.

А этот простор не может жить одними верховьями рек, не владея их выводящими в море низовьями. Вот почему — всякий, всякий народ на месте русского вынужден был бы повести борьбу за устья Волги, Дона, Днепра, Днестра, Западной Двины, Наровы, Волхова, Невы, Свири, Кеми, Онеги, Северной Двины и Печоры. Хозяйственный массив суши всегда задыхается без моря. Заприте французам устье Сены, Луары или Роны... Перегородите германцам низовье Эльбы, Одера, лишите австрийцев Дуная — и увидите, к чему это поведет. А разве их «массив суши» может сравниться с русским массивом? — Вот почему пресловутый план Густава Адольфа: запереть Россию в ее безвыходном лесном-степном территориальном и континентальном блоке и превратить ее в объект общеевропейской эксплуатации, в пассивный рынок для европейской жадности, — свидетельствовал не о государственной «мудрости» или «дальновидности» этого предприимчивого короля, но о его полной неосведомленности в восточных делах и о его узкопровинциальном горизонте, ибо он не видел ничего дальше своей Балтики и не постигал, из-за собственного «губернского» империализма, что Европа есть лишь небольшой полуостров великого Азиатского материка...

Нациям, которые захотят впредь загородить России выход к морям, надлежит помнить, что здесь дело идет совсем не о том, чтобы «уловить поступь современности», как выражаются теперь заносчивые сепаратисты русской равнины, и поскорее «расчленились», а о том, чтобы верно увидеть проблему континентального размера и не становиться поперек дороги мировому развитию. Не умно и не дальновидно вызывать грядущую Россию на новую борьбу за «двери ее собственного дома», ибо борьба эта начнется неизбежно и будет сурово-беспощадна.

3. Отстаивая свою национальность, Россия боролась за свою веру и религию. Этим Россия, как духовный организм, служила не только всем православным народам и не только всем народам европо-азиатского территориального массива, но и всем народам мира. Ибо Православная вера есть особое, самостоятельное и великое слово в истории и в системе Христианства. Православие сохранило в себе и бережно растило то, что утратили все другие западные исповедания и что наложило свою печать на все ответвления Христианства, магометанства, иудейства и язычества в России. Всякий внимательный наблюдатель знает, что лютеране в России, и реформаты в России, англикане в России, и магометане в России — разнятся от своих иностранных соисповедников по укладу души и религиозности, удаляясь от своих первообразцов и приближаясь незаметно для себя к Православию... А Католичество кончило тем, что открыто выработало и выдвинуло межеумочно-подражательную форму исповедания: «католичество восточного обряда», — форму, по видимости, православно-свободно-молитвенную, но по существу католически-лукаво-неискреннюю, симулирующую в обрядах не воспринятый и даже не достигнутый Дух Православия...

И при всем том Православная Церковь никогда не обращала иноверных в свою веру мечом или страхом, открыто осуждая это и запрещая уже в ранние века своего распространения. Она не уподоблялась ни католикам (особенно при Карле и Каролингах, и во Франции в эпоху «Варфоломеевской ночи» и религиозных войн, при Альбе, в Нидерландах и всюду, насколько у них хватало сил, напр., в Прибалтике), — ни англиканам (напр., при Генрихе VIII, в период английской революции и междоусобных войн).

В религии, как и во всей культуре, русский организм творил и дарил, но не искоренял, не отсекал и не насиловал...

4. Духовный организм России создал далее свой особый язык, свою литературу и свое искусство. На этот язык, как на родной, отзываются все славяне мира. Но помимо своих особых и великих языковых достоинств, он оказался тем духовным орудием, которое передало начатки Христианства, правосознания, искусства и науки — всем малым народам нашего территориального массива.

Живя и творя на своем языке, русский народ, как надлежит большому культурному народу, щедро делился своими дарами

со своими замиренными и присоединенными бывшими соседями, вчувствовался в их жизнь, вслушивался в их самобытность, учился у них, воспевая их в своей поэзии, перенимал их искусство, их песни, их танцы и их одежды, и простосердечно и искренно — считал их своими братьями; но никогда не гнал их, не стремился денационализировать их (по германскому обычаю!) и не преследовал их. Мало того: нередко он впервые предлагал для них буквенные знаки и переводил им на их язык Евангелие (срв. напр. труды И. А. Яковлева в деле создания чувашской письменности и одухотворения их языка).

Жизненно-культурное значение русского языка быстро обнаружилось после революции и отделения от России западных окраин. К сожалению, немногие знают, что все железнодорожное сообщение между Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей и Бесарабией могло наладиться и происходило до самой Второй мировой войны — на русском языке, ибо малые народы взаимно не знали, не признавали и не хотели признавать соседних языков, а по-русски говорили и думали все... Немногие знают также, как судьи прибалтийских государств вплоть до сенаторов, изучившие русское право на русском языке, готовясь к «слушанию» сколько-нибудь сложного дела, обращались к русскому праву и к образцовым произведениям замечательных русских юристов (от Таганцева до Тютрюмова!), — по ним искали права и правды для своих соплеменников и затем подбирали новые слова на своих языках, чтобы передать и закрепить рецепированное русское право.

Что же касается русского искусства, то о его всенародном и мировом значении нет нужды распространяться.

И вот, в силу того, что на протяжении российского пространства и в длительности веков не оказывалось народа, равного по талантливости, по вере и по культуре русскому народу или соперничающего с ним (в языке, в организации, в творческой самобытности, в жизненной энергии и в политической дальновидности), — русский народ оказался естественно ведущим и правящим народом, «культуртрегером», народом-защитником, а не угнетателем. Всякий талант, всякий творческий человек любой нации, врасая в Россию, пролагал себе путь вверх и находил себе государственное и всенародное признание, — от евреев Шафирова, Левитана, Антокольского и братьев Рубинштейнов до армян Лорис-Меликова, Делянова и Джанилева; от немцев барона Дельвига, Гильфердинга и отца Кли-

мента Зедерхольма до литовцев Ягужинского, Балтрушайтиса и Чурляниса; от грузина Чавчавадзе до карачайского князя Крым-Шохмалова и до текинца Лавра Корнилова. Кто преследовал в России после замирения казанских и касимовских татар? Мордву? Зырян? Лопарей? Армян? Черкесов? Туркмен? Имеретин? Узбеков? Таджиков? Сартов? Кого из них не видели стены российских университетов — сдающими экзамены, кому из них мешали по-своему веровать, одеваться, богатеть и блюсти свое обычное право?.. Однажды полный и беспристрастный словарь деятелей русской имперской культуры вскроет это общенациональное братство, это всенациональное сотрудничество российских народов в русской культуре.

5. Далее, Россия есть великий и единый хозяйственный организм.

Все ее части или территории связаны друг с другом взаимным хозяйственным обменом или «питанием» — отличительный признак всякого организма. Хлебородный юг европейской России нужен не малороссам только, а всей стране, вплоть до далекого севера. Лесообильный север с его невымываемой влагой и незамерзающими выходами в Балтийское море и в океан — необходим всем народам России вплоть до среднеазиатских. Нелепо думать, будто кавказские народы, уцепившись за нефть и марганец, процветут во славу Англии или Германии, предавая им Россию. Ребячливо мечтать о том, будто «Донецкая Всевеликая Республика» — «не даст» на север ни угля, ни железа. Или будто «высокие послы» Мордовии, Черемисии и Чуваши, отрезав Великороссов от Волги и Каспия, добьются от Лиги Наций вооруженного похода на Москву для подавления ее «всевожского империализма»... Сколько во всех подобных замыслах политического дилетантства и доктринерства, того самого, которое погубило «февралистов» и которым они доселе гордятся!..

Хозяйственное взаимопитание российских стран и народов будет рано или поздно органически восстановлено; и если рано, то в мирное процветание всех народов Империи; а если — поздно, то в результате многих лишений, после ряда войн и ценною многой крови. Рабочая сила, сырье, готовые товары и единая валюта—или будут свободно циркулировать от «линии Керзона» до Владивостока и от Баку до Мурманска, и тогда народы российского пространства будут блюсти свою независимость и экономически процветать; или же Россия покроеся

внутренними рубежами и таможами, и сорок бессильных и беспомощных государствиц будут бедствовать на сорока монетных системах, ломать себе голову над сорока рабочими вопросами, вести друг с другом таможенные и иные войны, и сидеть без необходимого сырья и вывоза. Ибо Россия есть единый хозяйственный организм.

6. Само собою разумеется, что этим органическое единство Россия только очерчено. Однажды оно будет раскрыто с подobaющим вниманием и установлено с полной доказательной силой.

Мы приведем здесь только еще одно поучительное доказательство.

Выдающейся русский антрополог нашего времени, пользующийся мировым признанием, профессор А. А. Башмаков, устанавливает замечательный процесс расового синтеза, осуществившегося в истории России и включившего в себя все основные народности ее истории и территории. В результате этого процесса получилось некое величавое органическое «единообразие в различии».

Именно в этом единообразии при различии, пишет Башмаков, «лежит ключ к русской загадке, которая сочетает эти два противоположных начала в единое устойчивое и умеряющее соотношение; в нем резюмируется вся история этих десяти веков, разрешивших между Эвксинским Понтом и пятидесятой параллелью ту проблему, которую другие расы тщетно пытались разрешить и которая состояла в творческом закреплении человеческих волн, вечно обновлявшихся и вечно распадавшихся».

«Этот русский успех, там, где сто других различных рас потерпело неудачу, должен непременно иметь антропологический эквивалент, формулу, резюмирующую... выражение этой исторической мощи, которая привела к успеху после тысячи лет приспособления славянской расы».

«Вот эта формула. Русский народ, славянский по своему языку, смешанный по крови и по множественной наследственности, роднящей его со всеми расами, сменявшимися друг друга до него на русской равнине, — представляет собою в настоящее время некую однородность, ярко выраженную в черепоизмерительных данных и весьма ограниченную в объеме уклонений от центрального и среднего типа представляемой им расы. В противоположность тому, что все воображают, — русская одно-

родность есть самая установившаяся и самая ярко выраженная во всей Европе...»

Американские антропологи исчислили, что вариации в строении черепа у населения России не превышают 5 пунктов на сто, тогда как французское население варьирует в пределах 9 пунктов, а итальянское — в пределах 14 пунктов, причем средний череповой тип чисто русского населения занимает почти середину между не русифицированными народами Империи. Напрасно также говорят о «татаризации» русского народа. На самом деле в истории происходило обратное, т. е. русификация иноплеменных народов: ибо иноплеменники на протяжении веков «умыкали» русских женщин, которые рожали им полурусских детей, а русские, строго придерживавшиеся национальной близости, не брали себе жен из иноплеменниц (чужой веры! чужого языка! чужого нрава!); напуганные татарским игом, они держались своего и соблюдали этим свое органически-центральное чистокровие. Весь этот вековой процесс «создал в русском типе пункт сосредоточения всех творческих сил, присущих народам его территории». (См. труд А. А. Башмакова, вышедший на французском языке в 1937 году в Париже «Пятьдесят веков этнической эволюции вокруг Черного моря»).

Итак, Россия есть единый живой организм: географический, стратегический, религиозный, языковой, культурный, правовой и государственный, хозяйственный и антропологический. Этому организму несомненно предстоит выработать новую государственную организацию. Но расчленение его поведет к длительному хаосу, ко всеобщему распаду и разорению, а затем — к новому собиранию русских территорий и российских народов в новое единство. Тогда уже история будет решать вопрос о том, кто из малых народов уцелеет вообще в этом новом собирании Руси. Надо молить Бога, чтобы водворилось как можно скорее полное братское единение между народами России.

О РУССКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ

Когда мы смотрим вперед и вдаль и видим грядущую Россию, то мы видим ее как национальное государство, ограждающее и обслуживающее русскую национальную культуру. После длительного революционного перерыва, после мучительного

коммунистически-интернационального провала — Россия вернется к свободному самоутверждению и самостоянию, найдет свой здравый инстинкт самосохранения, примирит его со своим духовным самочувствием и начнет новый период своего исторического расцвета.

Тридцать лет терпит русский народ унижения; и, кажется, нет им конца и края. Тридцать лет попирают темные и преступные люди его очаги и алтари, запрещают ему молиться, избивают его лучших людей — самых верующих, самых стойких, самых храбрых и национально преданных, — подавляют его свободу, искажают его духовный лик, проматывают его достояние, разоряют его хозяйство, разлагают его государство, отучают его от свободного труда и свободного вдохновения... Тридцать лет обходятся с ним так, как если бы он был лишен национального достоинства, национального духа и национального инстинкта. Эти годы насилия и стыда не пройдут даром: нельзя народному организму «запретить здоровье», — он прорвется к нему любой ценой; нельзя погасить в народе чувство собственного духовного достоинства, — эти попытки только пробудят его к новому осознанию и новой силе. То, что переживает сейчас русский народ, — есть строгий и долгий ученический искус, живая школа душевного очищения, смирения и трезвения. Первое пробуждение, может быть, будет страстным, неумеренным и даже ожесточенным; но дальнейшее принесет нам новый русский национализм, с его истинной силой и в его истинной мере. Этот национализм мы и должны ныне выговорить и оформить.

В противоположность всякому интернационализму, — как сентиментальному, так и свирепому; в противовес всякой денационализации, бытовой и политической, — мы утверждаем русский национализм, инстинктивный и духовный, исповедуем его и возводим его к Богу.

Мы приветствуем его возрождение. Мы радуемся его духовности и его своеобразию. И мы считаем драгоценным, чтобы русские люди не связывали себя никакими интернационалистическими «симпатиями» или «обязательствами».

Каждый народ имеет национальный инстинкт, данный ему от природы (а это значит — и от Бога), и дары Духа, изливаемые в него от Творца всяческих благ. И у каждого народа инстинкт и дух живут по-своему и создают драгоценное своеобразие. Этим русским своеобразием мы должны дорожить, беречь его,

жить в нем и творить из него: оно дано нам было искони, в зачатке, а раскрытие его было задано нам на протяжении всей нашей истории. Раскрывая его, осуществляя его, мы исполняем наше историческое предназначение, отречься от которого мы не имеем ни права, ни желания. Ибо всякое национальное своеобразие по-своему являет Дух Божий и по-своему славит Господа.

Каждый народ по-своему вступает в брак, рождает, болеет и умирает; по-своему лечится, трудится, хозяйствует и отдыхает; по-своему горюет, плачет, сердится и отчаивается; по-своему улыбается, шутит, смеется и радуется; по-своему ходит и пляшет; по-своему поет и творит музыку; по-своему говорит, декламирует, острит и ораторствует; по-своему наблюдает, созерцает и творит живопись; по-своему исследует, познает, рассуждает и доказывает; по-своему нищенствует, благотворит и гостеприимствует; по-своему строит дома и храмы; по-своему молится и геройствует... Он по-своему возносится духом и кается. По-своему организуется. У каждого народа свое особое чувство права и справедливости; иной характер; иная дисциплина; иное представление о нравственном идеале, иной семейный уклад, иная церковность, иная политическая мечта, иной государственный инстинкт. Словом: у каждого народа иной, особый душевный уклад и духовно-творческий акт.

Так обстоит от природы и от истории. Так обстоит в инстинкте и в духе. Так нам всем дано от Бога. И это хорошо. Это прекрасно. Различные травы и цветы в поле. Различные деревья и облака. Богат и прекрасен сад Божий; обилён формами; блещет красками и видами; сияет и радуется многообразием...

Все хочет петь и славить Бога:
Заря, и ландыш, и ковыль,
И лес, и поле, и дорога,
И ветром зыблемая пыль.

Федор Сологуб

И в этом все вещи, и все люди, и все народы — правы. И каждому народу подобает — и быть, и красоваться, и Бога славить по-своему. И в самом этом многообразии и многогласии уже поет и возносится хвала Творцу; и надо быть духовно слепым и глухим, чтобы не постигать этого.

Вот почему мысль погасить это многообразие хвалений, упразднить это богатство исторического сада Божья, свести все

к мертвому подобию и однообразию, к равенству песка, к безразличию после уже просиявшего в мире различия — может родиться только в духовно-мертвой, больной душе. Эта плоская и пошлая химера, эта всеразрушительная, противокультурная и безбожная затея есть порождение рассудочной души, злой и завистливой, — все равно, стремится ли эта химера воинственно подмять все народы под один народ (химера германского национал-социализма) или растворить все национальные культуры в бесцветности и безвидности всесмешения (химера советского коммунизма). Во всяком случае, эта уродливая химера, в которой крайний национализм сходится с крайним интернационализмом, — нерусского происхождения, как, впрочем, и весь нигилизм, и нехристианского происхождения, как, впрочем, и весь эгалитаризм.

Христианство принесло миру идею личной, бессмертной души, самостоятельной по своему дару, по своей ответственности и по своему призванию, особой в своих грехах и подвигах, и самодеятельной в созерцании, любви и молитве, — т. е. идею метафизического своеобразия человека. И поэтому идея метафизического своеобразия народа есть лишь верное и последовательное развитие христианского понимания; Христос один во вселенной, Он не для иудеев только и не для Эллинов только, а благовестие Его идет и к Эллинам и к иудеям; но это означает, что признаны и призваны все народы, каждый на своем месте, со своим языком и со своими дарами (срв. Деян. 2. 1—42, 1. Кор. 1—31).

Преподобный Серафим Саровский высказал» однажды воззрение, что Бог печется о каждом человеке так, как если бы он был у Него единственным. Это сказано о личном человеке. Что же надлежит думать об индивидуальном народе, — что он Богом осужден, отвергнут и обречен? Каждую лилию Господь одевает в особливые и прекрасный ризы, каждую птицу небесную питает и кормит, и волосы, падающие с головы человека, сосчитывает, а своеобразие народной жизни, от Него данное и заданное, творческую хвалу живой нации, к Нему восходящую, — отвергает?!,

Всей своей историей, всей культурой, всем трудом и пенем своим каждый народ служит Богу, как умеет; и те народы, которые служат Ему творчески и вдохновенно, становятся великими и духовно ведущими народами в истории.

И вот, национализм есть уверенное и сильное чувство, что мой народ тоже получил дары Духа Святого; что он приял их своим инстинктивным чувствилищем и творчески претворил их по-своему; что сила его обильна и призвана к дальнейшим творческим свершениям; и что поэтому народу моему подобает культурное «самостояние», как «залог величия» (Пушкин), и как независимость государственного бытия.

Поэтому национализм проявляется, прежде всего, в инстинкте национального самосохранения; и этот инстинкт есть состояние верное и оправданное. Не следует стыдиться его, гасить или глушить его; надо осмысливать его перед лицом Божьим, духовно обосновывать и облагораживать его проявления. Этот инстинкт должен не дремать в душе народа, но бодрствовать. Он живет совсем не «по ту сторону добра и зла», напротив, он подчинен законам добра и духа. Он должен иметь свои проявления в любви, жертвенности, храбрости и мудрости; он должен иметь свои празднества, свои радости, свои печали и свои моления. Из него должно родиться национальное единение, во всей его инстинктивной «пчелиности» и «муравьиности». Он должен гореть в национальной культуре и в творчестве национального гения.

Что такое есть национализм?

Национализм есть любовь к историческому облику и творческому акту своего народа во всем его своеобразии. Национализм есть вера в инстинктивную и духовную силу своего народа, вера в его духовное призвание. Национализм есть воля к тому, чтобы мой народ творчески и свободно цвел в Божьем саду. Национализм есть созерцание своего народа перед лицом Божьим, созерцание его души, его недостатков, его талантов, его исторической проблематики, его опасностей и его соблазнов. Национализм есть система поступков, вытекающих из этой любви, из этой веры, из этой воли и из этого созерцания.

Вот почему национальное чувство есть духовный огонь, ведущий человека к служению и жертвам, а народ — к духовному расцвету. Это есть некий восторг (любимое выражение Суворова!) от созерцания своего народа в плане Божьем и в дарах Его Благодати. Это есть благодарение Богу за эти дары; но в то же время и скорбь о своем народе и стыд за него, если он оказывается не на высоте этих даров. В национальном чувстве скрыт источник достоинства, которое Карамзин обозначил когда-то, как «народную гордость»; — и источник единений, которое

спасло Россию во все трудные часы ее истории; — и источник государственного правосознания, связующего «всех нас» в живое государственное единство.

Национализм испытывает, исповедует и отстаивает жизнь своего народа, как драгоценную духовную самосиянность. Он принимает дары и создания своего народа как свою собственную духовную почву, как отправный пункт своего собственно творчества. И он прав в этом. Ибо творческий акт не изобретается каждым человеком для себя, но выстрадывается и вынашивается целым народом на протяжении веков. Душевный уклад труда и быта и духовный уклад любви и созерцания, молитвы и познания — при всем его личном своеобразии, имеет еще и национальную природу, национальную однородность и национальное своеобразие. Согласно общему социально-психологическому закону, подобие единит людей, общение усиливает это подобие, и радость быть понятым раскрывает души и углубляет общение. Вот почему национальный творческий акт роднит людей между собой и пробуждает в них желание раскрыться, высказаться, отдать «свое заветное» и найти отклик в других. Творческий человек творит всегда от лица своего народа и обращается прежде всего и больше всего к своему народу. Народность есть как бы климат души и почва духа; а национализм есть верная, естественная тяга к своему климату и к своей почве.

Не случайно русская сердечность и простота обхождения всегда сжималась и страдала от черствости, чопорности и искусственной натянутости Запада. Не случайно и то, что русская созерцательность и искренность никогда не ценились европейским рассудком и американской деловитостью. С каким трудом европеец улавливает особенности нашего правосознания — его неформальность, его свободу от мертвого законничества, его живую тягу к живой справедливости и в то же время его наивную недисциплинированность в бытовых основах и его тягу к анархии. С каким трудом прислушивается он к нашей музыке — к ее естественно льющейся и не исчерпывающейся мелодии, к ее дерзновенным ритмам, к ни на что не похожим тональностям и гармониям русской народной песни... Как чужда ему наша не рассудочная, созерцательная наука... А русская живопись — чудеснейшая и значительнейшая, наряду с итальянской, — доселе еще «не открыта» и не признана снобирующим европейцем... Все прекрасное, что было доселе создано русским

народом, исходило из его национального духовного акта и представлялось чуждым Западу.

А между тем создать нечто прекрасное, совершенное для всех народов может только тот, кто утвердился в творческом акте своего народа. «Мировой гений» есть всегда и прежде всего — «национальный гений», и всякая попытка создать нечто великое из денационализированной или «интернациональной» души дает в лучшем случае только мнимую, «экранный» «знаменитость». Истинное величие всегда почвенно. Подлинный гений всегда национален: и он знает это сам о себе.

И если пророки не принимаются в своем отечестве, то не потому, что они творят из какого-то «сверхнационального» акта, а потому, что они углубляют творческий акт своего народа до того уровня, до той глубины, которая еще не доступна их единоплеменным современникам. Пророк и гений — национальнее своего поколения, в высшем и лучшем значении этого слова. Пребывая в своеобразии своего народа, они осуществляют национальный акт классической глубины и зрелости и тем показывают своему народу его подлинную силу, его призвание и грядущие пути.

Итак, национализм есть здоровое и оправданное настроение души. То, что национализм любит и чему он служит, — в самом деле достойно любви, борьбы и жертв. И грядущая Россия будет национальной Россией.

ОПАСНОСТИ И ЗАДАНИЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Все то, что я высказал в оправдание и обоснование национализма, заставляет меня договорить и признать, что есть большие и извращенные формы национального чувства и национальной политики. Эти извращенные формы могут быть сведены к двум главным типам: в первом случае национальное чувство прилепляется к неглавному в жизни и культуре своего народа; во втором случае оно превращает утверждение своей культуры в отрицание чужой. Сочетание и сплетение этих ошибок может порождать самые различные виды больного национализма.

Первая ошибка состоит в том, что чувство и воля националиста прикрепляются не к духу и не к духовной культуре его

народа, а к внешним проявлениям народной жизни — к хозяйству, к политической мощи, к размерам государственной территории и к завоевательным успехам своего народа. Главное — жизнь духа — не ценится и не бережется, оставаясь совсем в пренебрежении или являясь средством для неглавного, т. е. превращаясь в орудие хозяйства, политики или завоеваний. Согласно этому есть государства, националисты которых удовлетворяются успехами своего народного хозяйства (экономизм), или мощью и блеском своей государственной организации (этатизм), или же завоеваниями своей армии (империализм). Тогда национализм отрывается от главного, от смысла и цели народной жизни — и становится чисто инстинктивным настроением, подвергаясь всем опасностям обнаженного инстинкта: жадности, безмерной гордыне, ожесточенности и свирепости. Он опьяняется всеми земными соблазнами и может извертаться до конца.

От этой ошибки русский народ был огражден, во-первых, своим прирожденным религиозным смыслом; во-вторых, Православием, которое сообщило нам, по слову Пушкина, «особенный национальный характер» и внушило нам идею «святой Руси». «Святая Русь» не есть «нравственно праведная» или «совершенная в своей добродетели» Россия: это есть правоверная Россия, признающая свою веру главным делом и отличительной особенностью своего земного естества. В течение веков Православие считалось отличительной чертой русскости — в борьбе с татарами, латинянами и другими иноверцами; в течение веков русский народ осмысливал свое бытие не хозяйством, не государством и не войнами, а верою и ее содержанием; и русские войны велись в ограждение нашей духовной и вероисповедной самобытности и свободы. Так было издревле — до конца XIX века включительно. Поэтому русское национальное самосознание не впадало в соблазны экономизма, этатизма и империализма, и русскому народу никогда не казалось, что главное дело его — это успех его хозяйства, его государственной власти и его оружия.

Вторая ошибка состоит в том, что чувство и воля националиста, вместо того, чтобы идти в глубину своего духовного достояния, уходит в отвращение и презрение ко всему иноземному. Суждение: «мое национальное бытие оправдано перед лицом Божиим», превращается вопреки всем законам жизни и логики в нелепое утверждение: — «национальное бытие других

народов не имеет перед моим лицом никаких оправданий»... Так, как если бы одобрение одного цветка давало основание осуждать все остальные, или — любовь к своей матери заставляла ненавидеть и презирать всех других матерей. Эта ошибка имеет, впрочем, совсем не логическую природу, а психологическую и духовную: тут и наивная исключительность примитивной натуры, и этнически врожденное самодовольство, и жадность, и похоть власти, и узость провинциального горизонта, и отсутствие гонора, и, конечно, неодолимость национального инстинкта. Народы с таким национализмом очень легко впадают в манию величия и в своеобразное завоевательное буйство, как бы ни называть его — шовинизмом, империализмом или как-нибудь иначе.

От этой ошибки русский народ был огражден, во-первых, присущею ему простодушною скромностью и природным юмором;

Во-вторых, многоплеменным составом России, и в-третьих, делом Петра Великого, научившего нас строгому суду над собою и привившего нам готовность учиться у других народов.

Так, русскому народу несвойственно закрывать себе глаза на свои несовершенства, слабости и пороки; напротив, его скорее тянет к мнительно покаянному преувеличению своих грехов. А природный юмор его никогда не позволял ему возомнить себя первым и водительным народом мира. В течение всей его истории он вынужден был обходиться с другими племенами, говорившими на непонятных ему языках, отстаивавшими свою веру и свой быт, а иногда наносившими ему тяжелые поражения. Наша история вела нас от варягов и греков к половцам и татарам; от хазар и волжских болгар через финские племена к шведам, немцам, литовцам и полякам. Татары, наложившее на нас свое долгое иго, показались нам «нехристями» и «погаными», но они почтили нашу церковь, и вражда наша к ним не превратилась в презрение. Воевавшие с нами иноверцы, немые для нас по языку («немцы») и неприемлемые церковью («еретики») побеждались нами отнюдь не легко, и, нанося нам поражения, заставляли нас задумываться над их преимуществами. Русский национализм проходил — и во внутреннем замирении своей страны, и во внешних войнах — суровую школу уважения к врагам: и Петр Великий, умевший «поднимать за здравный кубок» «за учителей своих» — проявлял в этом исконную русскую черту — уважения к врагу и смирения в победе.

Правда, в допетровском национализме имелись черты, которые могли привести к развитию национальной гордыни и повредить России в целом. Именно в русском народе сложилось и крепло иррациональное самочувствие, согласно которому русский народ, наставляемый святой, соборной и апостольской церковью и водимый своими благоверными царями, хранит единственную правую веру, определяя ею свое сознание и свой быт: это есть некое национальное стояние в правде, от которого невозможно ни отступить, ни что-либо уступить, так, что перенимать у других нам ничего нельзя, смешиваться с другими грешно, и изменяться нам не в чем. Ни у басурманов, ни у еретиков нам не следует учиться, ибо от ложной веры может прозойти только ложная наука и ложное уменье.

Это воззрение к XVII веку формулировалось так: — «богомерзок пред Богом всякий, кто любит геометрию: а се душевные грехи — учиться астрономии и еллинским книгам»... И еще: «если спросят тебя, знаешь ли философию, отвечай: еллинских борзостей не текох, риторских астрономов не читах, с мудрыми философами не бывах, философию ниже очима видех, учуся книгам благодатного закона»...

Русское правительственное самосознание давно уже не соответствовало этому народному самочувствию. Со второй половины XV века, если не ранее, в особенности же после того, как обрушились от самодельной неумелой стройки стены почти довершенного Успенского Собора в Москве (1474 год), с легкой руки Иоанна Третьего, русское правительство приглашает из-за границы архитекторов, врачей и всяких технических искусников: «еретическая наука» уже гостит и служит, но еще не насаждается и не перенимается. Борис Годунов мечтал основать в Москве не то академию, не то университет; Лжедмитрий думал водворить здесь иезуитскую высшую школу. Необходимость учиться светской «еретической» науке становилась все более очевидной, но консерватизм и провинциализм церковно-национального самочувствия и самомнения санкционировали неподвижность быта и сознания. Духовная инерция народа стала опасною...

Петру Великому пришлось вломиться в это самочувствие и заставить русских людей учиться необходимому. Он понял, что народ, отставший в цивилизации, в технике и знании — будет завоеван и поработен и не отстоит себя и свою правую веру. Он понял, что необходимо отличить главное и священное

от неглавного, не священного, земного — от техники, хозяйства и внешнего быта; что надо вернуть земное земле; что вера Христова не узаконивает отсталых форм хозяйства, быта и государственности. Он постиг необходимость дать русскому сознанию свободу светского, исследовательского взирания на мир, с тем, чтобы сила русской веры установила в дальнейшем новый синтез между Православным Христианством с одной стороны, и светской цивилизацией и культурой — с другой стороны. Петр Великий понял, что русский народ преувеличил компетенцию своего исторически сложившегося, но еще не раскрывшего всю свою силу религиозного акта, и что он недооценил творческую силу христианства: Православие не может санкционировать такой уклад сознания, такой строй и быт, которые погубят народную самостоятельность и предадут врагам и веру, и церковь. Он извлек урок из татарского ига и из войн с немцами, шведами и поляками: Запад бил нас нашею отсталостью, а мы считали, что наша отсталость есть нечто правоверное, православное и священно-обязательное. Он был уверен, что Православие не может и не должно делать себе догмат из необразованности и из форм внешнего быта, что сильная и живая вера проработает, и осмыслит, и облагородит новые формы сознания, быта и хозяйства. Христианство не может и не должно быть источником обскурантизма и национальной слабости.

И вот небесное и земное разделились в русском самочувствии. Вместе с тем национальное отделилось от вероисповедно-церковного. Русское самочувствие проснулось, и началась эпоха русского национального самосознания, незаконченная и доныне.

Старообрядцы не приняли этого раздела и стали верными хранителями русского православно-национального самочувствия во всей его неприкосновенности, наивности и притязательности. Это было трогательно и даже полезно; не потому, что старообрядчество в церковном отношении — право, а потому, что оно веками, в душевной целостности и с нравственной ревностью блюло верность первоначальной форме русского религиозного и русско-национального самочувствия. Верность бывает трогательна и полезна даже и в обрядовых мелочах, ибо в них воплощается глубина и искренность религиозного чувства.

А между тем России, русскому духу и русскому национализму предстоял новый путь. Надо было различить в культур-

ном творчестве — церковное и религиозное, и далее — церковное и национальное; открыть себе доступ к светской цивилизации и светской культуре и внести религиозно-православный дух, Иоанновский дух любви и свободы, в свое светское национальное самосознание, в свою новую национально-светскую культуру и национально-светскую цивилизацию. Эта задача не разрешена нами еще и поныне; и разрешением ее будет занята грядущая Россия.

1. Церковь и религиозность не одно и то же, ибо Церковь можно уподобить солнцу, а религиозность — всюду рассеиваемым солнечным лучам. Церковь есть зиждительница, хранительница, живое средоточие религии и веры. Но Церковь не есть «все во всем», она не поглощает нации, государства, науки, искусства, хозяйства, семьи и быта, — не может поглотить их и не должна пытаться сделать это. Церковь не есть начало тоталитарное и всевластное. Православию чужд «теократический» (т. е., строго говоря, экклезиастический) идеал, православная Церковь молится, учит, святит, благоденствует, вдохновляет, исповедует, и, если надо, обличает, но она не властвует, не регламентирует жизни, не карает светскими наказаниями и не берет на себя ответственности за светские дела, грехи, ошибки и неудачи (в политике, в хозяйстве, в науке и во всей культуре народа). Ее авторитет есть авторитет откровения и любви; он свободен и основан на качестве ее веры, ее молитвы, ее учения и ее дел. Церковь ведет духом, молитвой и качеством, но не всепоглощением, как это пытались осуществить Савонарола во Флоренции, иезуиты в Парагвае и Кальвин в Женеве. Она излучает живую религиозность, которая должна свободно проникать в жизнь и во все жизненные дела народа. Религиозному духу — везде место, где живет и творит человек, во всяком светском деле: в искусстве и науке, в государстве и торговле, в семье и на пашне. Он очищает и осмысливает все чувства человека и в том числе и национальное чувство; а национальное чувство, религиозно облагороженное и осмысленное, незримо и ненамечено проникает все человеческое творчество.

Так, Церковь не может и не должна вооружать армию, организовывать полицию, разведку и дипломатию, строить государственный бюджет, руководить академическими исследованиями, заведовать концертами и театрами и т. д.; но излучаемый ею религиозный дух может и должен облагораживать и очищать всю эту светскую деятельность людей. Живая религи-

озность должна светить и греть там, куда Церковь открыто не вмешивается или откуда она прямо устраниет себя.

2. Церковь, как единение единоверующих, сверхнациональна, ибо объемлет и единоверующих другой нации; но в пределах единой нации «поместная» церковная организация получает неизбежно национальные черты. К Православной Церкви принадлежат не только русские, но и румыны и греки, и сербы, и болгары; и тем не менее русское Православие (как церковь, и как обряд, и как дух) имеет своеобразные черты русскости. Итак, церковное и национальное не одно и то же.

Нация, как единение людей с единым национальным актом и культурою, не определяется принадлежностью к единой церкви, но включает в себя людей разной веры, и разных исповеданий, и разных церквей. И тем не менее русский национальный акт и дух был взращен в лоне Православия и исторически определился его духом, на что и указывал Пушкин. К этому русскому национальному акту более или менее приобщились почти все народы России самых различных вер и исповеданий:

И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгуз, и друг степей калмык.

Пушкин

И все они, сами того не зная, таинственно приобщились к дарам русского Православия, сокровенно заложенным в русском национальном акте. Русский национализм распространил скрытые в нем лучи русского Православия по всей России. Но из этого уже ясно, что национальное и церковное не одно и то же.

Это отличие: церковного от религиозного и церковного от национального Россия осознала на протяжении двух веков после Петра. За эти два века Россия вынашивала свой светский национализм, зачатый в Православной церкви и проникнутый христианским Иоанновским духом любви, созерцания и свободы; она вынашивала его и в то же время вносила его во все области светской культуры: в зародившуюся с тех пор русскую светскую науку и литературу; в возникшее и быстро созревшее до мировой значительности светское русское искусство; в новый светский уклад права, правосознания, правопорядка и государственности; в новый уклад русской светской жизни и нравственности; в новый уклад русского частного и общественного хозяйства.

Православная Церковь отнюдь не была чужда всему этому. Она оставалась как бы матерью выросших детей, ушедших на свободу жизненно-религиозного дела и труда, но не ушедших духом из ее света и Духа. Она оставалась матерью-хранительницей молитвы и любви, советницей и обличительницей, лоном очищения, покаяния и умудрения, — вечною матерью, приемлющею новорожденного и молящуюся за почившего. Это ее дух — освободил крестьян, создал суд скорый, правый и милостивый, создал русское земство и русскую школу; это ее дух — возрастил и укрепил русскую национальную совесть и жертвенность; это ее дух — повил и укрепил русскую мечту о совершенстве; это ее дух — внес во всю русскую культуру силу сердечного созерцания, вдохновил русскую поэзию, живопись, музыку и архитектуру и создал Пироговскую традицию в русской медицине... Но всего не исчислишь.

И тем не менее то, что создавалось в России в XVIII и XIX веках — было именно светской национальной культурой. России было дано великое задание — выработать русско-национальный творческий акт, верный историческим корням славянства и религиозному духу русского Православия, — «имперский» акт такой глубины, ширины и гибкости, чтобы все народы России могли найти в нем свое родовое лоно, свое оплодотворение и водительное научение; создать из этого акта новую, русско-национальную, светски свободную культуру (знания, искусства, нравственности, семьи, права, государства и хозяйства) — все это в духе восточного, Иоанновского христианства (любви, созерцания и свободы); и, наконец, узреть и выговорить русскую национальную идею, ведущую Россию через пространства истории.

Это задание — долгое и претрудное, разрешимое только в веках — вдохновением и молитвою, самовоспитанием и неотступным трудом. За два века русский народ только приступил к его разрешению, и то, что им совершено, свидетельствует не только о величии этого задания и не только о чрезвычайной, исторически, этнически и пространственно обусловленной сложности его, но и о тех силах и дарах, которые даны ему для этого от Провидения. Это дело было начато с чрезвычайным успехом, прервано политической смутой и коммунистической революцией и осталось ныне незавершенным. Чтобы завершить это дело, понадобятся еще века свободного творческого расцвета, и нет сомнения, что Россия возобновит его после окончания революции.

И вот, русский национализм есть не что иное, как любовь к этому исторически сложившемуся духовному облику и акту русского народа; он есть вера в это наше призвание и в данные нам силы; он есть воля к нашему расцвету; он есть созерцание нашей истории; нашего исторического задания и наших путей, ведущих к этой цели; он есть бодрая и неутомимая работа, посвященная этому самобытному величию грядущей России. Он утверждает свое и творит новое, но отнюдь не отрицает и не презирает чужое. И Дух его есть дух Иоанновского христианства, христианства любви, созерцания и свободы, а не дух ненависти, зависти и завоевания.

Так определяется идея русского национализма.

ГОСУДАРСТВО КАК ОРГАНИЗМ

ОБ ОРГАНИЧЕСКОМ ПОНИМАНИИ ГОСУДАРСТВА И ДЕМОКРАТИИ

Тот, кто хочет верно понять сущность государства, политики и демократии, — должен с самого начала отказаться от искусственных выдумок и ложных доктрин. Так напр., это есть вздорная выдумка, будто все люди «разумны», «доброприродны» и «лояльны»; жизнь свидетельствует об обратном, и надо быть совсем слепым, чтобы этого не видеть, или совсем прогланым, чтобы лицемерно отрицать это. Точно также это есть ложная доктрина, будто право голоса можно предоставлять людям независимо от их внутренних свойств и качеств; скажем совсем точно — независимо от их правосознания. Это есть величайшее заблуждение, будто государственный интерес состоит из суммы частных интересов и будто на состязании и на компромиссе центробежных сил можно построить здоровое государство. Это есть слепой предрассудок, будто миллион ложных мнений можно «спрессовать» в одну «истину»; или будто «честно» сосчитанные «свободные» голоса способны указать истинное благо народа и государства: ибо надо не только «честно» считать, но считать-то надо именно честные и разумные голоса, а не партийные бюллетени.

Итак, жизнь государства слагается не арифметически, а органически. Самые люди, участвующие в этой жизни, суть не отвлеченные «граждане» с пустыми «бюллетенями» в руках, но живые личности телесно-душевно-духовные организмы; они не просто нуждаются в свободе и требуют ее, но они должны быть достойны ее. Избирательный бюллетень может подать всякий; но ответственно справляться с бременем государственного суждения и действия может далеко не всякий. Человек участвует в жизни своего государства — как живой организм, который сам становится живым органом государственного организма; он участвует в жизни своего государства всем — теле-

сным трудом, ношением оружия, воинскими лишениями, напряжениями и страданиями; своею лояльною волею, верностью сердца, чувством долга, исполнением законов, всем своим (частным и публичным) правосознанием. Он строит государство инстинктивной и духовной преданностью, семейной жизнью, уплатой налогов, службой и торговлей, культурным творчеством и даже славой своего личного имени.

И совсем не в том смысле, что государство, как некий тоталитарный «Левиафан», есть «все во всем», все поглощает и всех порабощает; но в том смысле, что «ткань государственного бытия» слагается из органической жизни всех его граждан. Каждое индивидуальное злодейство совершается «в ткани» государства, вредит ему и разрушает его живое естество; и каждое доброе, благородное и культурное деяние гражданина совершается в ткани государства, строит и укрепляет его жизнь. Государство не есть какая-то отвлеченность, носящаяся над гражданами; или какой-то «я-вас-всех-давишь», вроде сказочного медведя, который садится на жителей домика и передавливает всех. Государство находится не «там где-то», вне нас (правительство, полиция, армия, налоговое ведомство, чиновничий аппарат); нет, оно живет в нас, в виде нас самих, ибо мы, живые человеческие личности, мы есьмы его «части», или «члены», или «органы». Это участие несводимо к внешним делам и к внешнему «порядку»; оно включает и нашу внутреннюю жизнь. Но это «включение» состоит не в том, что «мы ничего не смеем», а «государство все смеет»; что мы — рабы, а государство рабовладелец; что гражданин должен жить по принципу «чего изволите?». Совсем нет. Тоталитарное извращение есть явление сразу болезненное, нелепое и преступное. В государство включают (строят его, укрепляют его, колеблют его, совершенствуют его или наоборот разрушают его) — все свободные, частно-инициативные, духовно-творческие, внутренние настроения и внешние деяния граждан. Продумаем это на живых примерах.

Так, инициативная жертвенность граждан может поддерживать армию, выиграть войну и спасти государство (северорусские города и нижегородцы в Смутное время). Паника населения во время войны, наводнения, землетрясения, эпидемии — может принести государству непоправимый вред. Политическая клевета, подрывающая доверие к законному Государю, отрывает от него сердца граждан, изолирует его и разрушает государство (по правилу: «поражу пастыря и рассеются овцы»). В стране,

где граждане переживают воинскую повинность как честь, как право, как доблестное служение — мобилизация протекает совсем иначе, чем там, где люди «пальцы режут, зубы рвут, в службу царскую нейдут». Чиновник, честно блюдуший «казенную копейку», строит свое государство; чиновник, бормочущий себе под нос «казна — шатущая корова, только ленивый ее не доит», — есть враг своей страны и своего государства.

Тот день, в который патриотическая верность угаснет в сердцах, будет роковым для государства (февраль — октябрь 1917 г.). Политический организм имеет прежде всего душевно-духовную природу: народ, потерявший чувство духовного достоинства, лишенный ответственности и государственного смысла, отрекшийся от чести и честности, — неизбежно предаст и погубит свое государство. Недаром сказано мудрое слово «мир управляется из детской»: ибо воспитание гражданина начинается именно с детской, чтобы продолжиться в школе и завершиться в академии. Гражданин неотрывен от своего духа и своего правосознания: духовно разложившийся человек поддаст на выборах позорный и погибельный бюллетень; человек с деморализованным правосознанием будет вредить своему государству на каждом шагу — неисполнением своих обязанностей, произвольным преувеличением своих полномочий, мелкими правонарушениями и дерзкими преступлениями, взяткой и растратой, избирательной коррупцией и шпионажем. Это не гражданин, а предатель, продажный раб, ходячее криводушие, недопойманный вор. К какому голосованию он способен? Кого он может «избрать» и куда его самого можно выбрать? Что понимает он в делах государства? Недаром сказано мудрое слово: «город держится десятью праведниками»...

Государственное дело совсем не есть «сумма» всех частных претензий, или компромисс личных вожделений, или равновесие «классовых» интересов. Все эти вожделения и интересы — близоруки; они не смотрят ни в государственную ширь, ни в историческую даль. Каждый стяжатель промышляет о «своем» и не понимает, что настоящий гражданин мыслит об общем. Государственное же дело начинается именно там, где живет общее, т. е. такое, что всем важно и всех объединяет; что или сразу у всех будет, или чего сразу у всех не будет; и если — не будет, то все развалится и упразднится, и все рассыплется, как песок.

Такова совместная и общая безопасность жизни; такова национальная армия; такова честная полиция; таков правый

суд; таково верное и мудрое правительство; такова государственная дипломатия; таковы школы, дороги, флот, академии, музеи, больницы, санитарная служба, правопорядок, всяческое внешнее благоустройство и ограждение личных прав. Если это есть «частное вожделение» — то чье же? Если это классовый интерес, то какого же класса? «Никакого. Кому же это нужно и полезно? Всем, ибо это общее; в нем все «суть едино». И пока каждый промышляет о себе и вожделеет для себя, он не подумает об этом и не создаст этого. И постольку он не Гражданин, а стяжатель и хапуга; и голосование его по делам государственным будет сплошь трагикомическим недоразумением («Учредительное собрание» 1917 года!).

Государство состоит из народа и ведется правительством; и правительство призвано жить для народа и черпать из него свои живые силы, а народ должен знать и понимать это, и отдавать свои силы общему делу. Верное участие народа в жизни государства дает этому последнему его силу. В этом выражается демократическая сила истинной государственности. Слово «демос» означает народ; слово «кратос» выражает силу, власть. Настоящее государство «демократично» в том смысле, что оно черпает из народа свои лучшие силы и привлекает его к верному участию в своем строительстве. Это означает, что должен происходить постоянный отбор этих лучших сил и что народ должен уметь верно строить свое государство.

Не следует думать, будто самый способ этого отбора лучших сил раз навсегда найден и будто этот способ применим во всех странах и у всех народов. На самом деле каждый народ в каждую эпоху своей жизни может и должен находить тот способ, который наиболее подходящ и целесообразен именно для него. Всякое механическое заимствование и подражание может дать здесь только сомнительные или прямо гибельные итоги.

Если же этот качественный отбор не происходит или не удается, то правят неспособные или просто порочные элементы и начинается развал государства. А если народ неспособен верно строить свое государство, — в силу политического бессмыслия, или в силу частного стяжательства, или в силу безволия, или же в силу морального разложения, — то государство или погибнет, или же начинает строиться по типу «учреждения» и «опеки» (см. «Н. З.», с. 40—41).

Отсюда необходимо сделать вывод: то механическое, количественное и формальное понимание государства, которое

осуществляется в западных демократиях, не есть ни единственно возможное, ни верное. Напротив: оно таит в себе величайшие опасности; оно не блюдет органическую природу государства; оно отрывает публичное право человека от его качества и способности; оно не единит граждан в общем, а утрясает в компромисс их своекорыстные голоса. Поэтому такая форма «государственности» и «демократии» не обещает России ничего доброго и не подлежит ни заимствованию, ни воспроизведению.

России нужно иное, новое, качественное и зиждительное.

ПРЕДПОСЫЛКИ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

То политическое течение, которое, по-видимому, преобладает в современном мире, должно быть обозначено как «фанатизм формальной демократии». Фанатизм — потому, что это течение превратило свой лозунг в «исповедание веры», в панацею (всеисцеляющее средство), в критерий добра и зла, в предмет слепой верности и присяги; так как надо было выбирать между тоталитарным режимом и формальной демократией, ибо ничего больше нет (тогда как на самом деле есть еще многое другое!). Это есть фанатизм формальной демократии, которая сводит все государственное устройство к форме всеобщего и равного голосования, отвлекаясь от качества человека и от внутреннего достоинства его намерений и целей, примиряясь со свободой злоумышления и предательства, сводя все дело к видимости «бюллетеня» и к арифметике голосов (количество).

Но в действительности такая «демократия» ни от чего не обеспечивает: ни от всеобщей продажности, ни от предательских заговоров, ни от эксплуатации плутами слабых, добрых, темных и глупых, ни от анархии, ни от тирании, ни от тоталитаризма. История (1914—1951) только что дала новые жестокие уроки, присоединившиеся к прежним (из эпохи греко-римской, из эпохи Возрождения и из революций нового времени). Но разве фанатик внемлет урокам исторического опыта? Сколько раз формальные демократии вырождались, теряли свою творческую силу и губили государства! И нам, русским патриотам, совершенно необходимо додуматься в этом вопросе до конца и договориться друг с другом. Демократический строй далеко не всегда и не везде у места. Он имеет свои необходимые основы

или «предпосылки»: если нет их налицо, то ничего, кроме длительного разложения и гибели, демократия не дает.

Каковы же эти предпосылки творческой демократии:

1. Первое: народ должен разуместь свободу, нуждаться в ней, ценить ее, уметь пользоваться ею и бороться за нее. Все это вместе должно быть обозначено как искусство свободы. Нет его — и демократия обречена.

Дело в том, что свобода совсем не состоит в «развязании» граждан или в «разнуздании» народа, но в замене «внешней связанности, идущей «сверху» — внутренней самосвязью, самодисциплиной. Свободный народ сам знает свои права, сам держит себя в пределах чести и закона; он знает, для чего ему дается свобода: он наполняет ее верной творческой инициативой — в религии, самоуправлении, в хозяйстве, в общении, в науке и в искусстве. Он не пойдет за негодями, соблазняющими его «вседозволенностью», но заставит их замолчать. Он не позволит тоталитаристам отнять у него свободу, но сумеет отстоять ее.

Народ, лишенный искусства свободы, будет настигнут двумя классическими опасностями: анархией и деспотией.

Если он воспримет свободу как вседозволенность и начнет злоупотреблять ею (попирать все законы, вторгаться в чужие жилища, грабить чужое имущество, убивать своих действительных или мнимых врагов, разрушать, жечь и громить), то настанет анархия, которая сначала поведет страну и государство к гибели, а потом сменится тиранией, — иногда своей, внутренней; иногда иностранной, завоевательной.

Если же он не поймет, на что ему нужна свобода, и не сумеет ею воспользоваться, то он отдаст ее любому авантюристу за обещания частного или классового прироста. Он продаст ее тому деспоту, который сумеет разжечь его страсти, организовать свой беззастенчивый кадр, увлечь людей несбыточными планами и «наградить» толпу «хлебом» и «зрелищами».

Тогда демократия погибнет. История свидетельствует об этом бесчисленное множество раз.

Не ясно ли, что первая опасность (анархия) настигла Россию в 1917 году и осуществителем ее был Владимир Ульянов и что вторая опасность (деспотия) настигла Германию в 1933 году и осуществителем ее был Адольф Гитлер?

2. Второй предпосылкой творческой демократии является достаточно высокий уровень правосознания.

В каждом из нас есть две силы, обычно противостоящие друг другу: сила инстинкта и сила духа. Инстинкт, взятый сам по себе и не обузданный духом, — есть волк в человеке: он хищен, коварен и жесток. Но он хитрее и изворотливее лесного волка. Человек голого инстинкта — не ведает ни веры, ни совести, ни жалости, ни чести; он посмеивается над честностью, презирает доброту, не верит ни в какие принципы. Для него все хорошо, что ему выгодно. Он ищет богатства и власти. Он именно таков, каким его с восторгом и преклонением описал Фридрих Ницше в своем антихристианском произведении «Воля к власти», где Ницше взывает к «верховному зверю», к «дикому» и «злому» человеку с «веселым брюхом», с «грубым» и «диким» нравом, к безбожному наслаждению.

Бездуховному инстинкту противостоит дух в человек, начало сердца, разумной воли, ответственного предстояния и совести. Дух проявляется в жажде священного, в искании Бога, в способности к самообладанию и к деятельной любви. Правосознание есть одно из основных его проявлений: «я есмь личность с духовным достоинством и правами, я знаю, что мне можно, должно и чего нельзя; и такую же свободную и ответственную личность я чту в каждом другом человеке».

Человек, имеющий здоровое правосознание — есть свободный субъект прав; он имеет волю к лояльности (законопослушанию), он умеет блюсти и свои, и чужие полномочия, обязанности и запретности; он есть живая опора правопорядка, самоуправления, армии и государства.

Человек, лишенный правосознания, подобен зверю и ведет себя, как волк. Человек, способный только к повиновению из страха, превращается в волка, как только отпадает страх. Человек без чувства ответственности и чести — неспособен ни к личному, ни к общественному самоуправлению, а потому неспособен и к демократии.

Если в народе нет здравого правосознания, то демократический строй превращается в решето злоупотреблений и преступлений. Беспринципные и пронырливые люди оказываются продажными, знают это друг про друга и покрывают друг друга: люди творят предательство, наживаются на этом и называют это «демократией». Спасти их и их страну от гибели может только строгий авторитарный (отнюдь не тоталитарный!) режим.

3. Третьей предпосылкой является хозяйственная самостоятельность гражданина. Я разумею при этом не богатство, и не

предпринимательство, и не земельную собственность, но личную способность и общественную возможность кормить свою семью честным, хотя бы и наемным трудом. Свободный гражданин должен чувствовать себя в жизни самостоятельным работником, не извергнутым из жизни своей страны, но органически включенным в реальный жизнеоборот. Только тот, кто чувствует себя самокормильцем, приносящим пользу своему народу, имеет основу для независимого суждения в политике, для неподкупного волеизъявления и голосования. Он имеет под ногами некую творческую почвенность и в душе тот реальный образ мыслей, который возводит к верному пониманию государственного хозяйства и к верному ощущению государственных польз и нужд. Без этого демократия быстро вырождается в непрерывную схватку беспочвенных рвачей: о государстве и его устройении, о родине и ее спасении не думает никто, потому что все заняты личной добычей.

Человек, лично не способный к честному труду, есть профессионал темных путей, опасный проныра, мастер плутни, продажный рукогрей. Он живет вне правопорядка и правосознания и потому оказывается политическим идиотом. После проигранных войн, гражданских войн и длительных революций — в стране оказывается неисчислимое множество таких отбившихся от дела авантюристов, как бы созданных для того, чтобы разложить и погубить всякую демократию. Удачливые выходят в «нувориши» (многоденежные выскочки); неудачливые создают готовый наемный кадр для всевозможных «псевдогенералов», для крайних партий, для иностранного шпионажа и разбойных банд.

Человек, не имеющий общественной возможности кормить свою семью честным трудом, есть трагическое явление безработного. Он не повинен в своем несчастье и нередко сам с ужасом следит, как длительная безработица деморализует его и губит... С массовой безработицей справиться чрезвычайно трудно, ибо она вызывается сложными причинами: хозяйственными кризисами, перенаселением, экономической отсталостью страны, разрушительными войнами и революциями. А эти причины легче поддаются гениальной инициативе одного человека, если таковой найдется, чем парламентской разногласице.

На обоих этих путях демократия гибнет от обилия в стране черни, отвыкшей от честного труда и жаждущей подачек, раз-

влечений и авантюр. Историк, конечно, вспомнит вырождение древнеримской демократии, разложение итальянской гражданской общины в эпоху Возрождения, войну «алой и белой розы» в Англии, русскую Смуту, тридцатилетнюю войну в Германии и первую французскую революцию; он вспомнит еще семь миллионов безработных в предгитлеровской Германии, учтет состояние некоторых держав в современной Европе — и присоединит к этому свой прогноз для послебольшевистской России.

Устанавливая основные предпосылки живой и творческой демократии, и мы должны далее указать на следующее:

4. Есть минимальный уровень образования и осведомленности, вне которого всякое голосование становится своею собственною карикатурою. Здесь нужна не элементарная грамота, которая позволяет человеку вместо «приложения руки», вымазанной чернилами, нарисовать буквами свою фамилию. Здесь нужно понимание самого выборного процесса и предлагаемых программ, умная оценка кандидатов, разумение государственного и экономического строя страны и его нужд, верное видение политических, международных и военных опасностей; и, конечно, приобщенность к источникам правдивых сведений.

Баба Авдотья рассказывала в 1917 году о своем участии в избрании «учредительного собрания»: «Пришла я этта в волость, на крыльце люди толпятся; спрашивают — ты на выборы? на выборы... — что, откеда? — говорю: Авдотья Митрошкина, с Погорелых Выселок, — отыскали они на бумажке, чегой-то отметили, а мне на ладонь крест поставили мелом, иди, говорят, домой, проголосила; ну, я и пошла»... Так социалисты-революционеры составляли свое «большинство» в «учредилке». Недостаточно и такого образования, чтобы принять правильно выписанный чек от партийного секретаря, поджидающего «грамотных избирателей» перед входом к урнам... Есть уровень необразованности, малообразованности и неосведомленности, при котором голосует не народ, а обманываемая толпа; и из этого возникает не демократия, а охлократия (правление темной толпы). И нужно быть совсем наивным, чтобы воображать, будто люди, которым обманно морочили головы 30—40 лет, завтра станут «сознательными гражданами», способными разобрататься в государственном вреде и политической пользе: стоит только провозгласить «свободу» и «равенство» — и все сейчас

же объявят себя сторонниками республики и федерации, Керенского и Федотова, ибо «верно» поймут «благо» государства...

5. Но и этого мало: необходим политический опыт, которого в будущей России будут лишены и более образованные слои, и менее образованные массы.

Надо вдуматься и представить себе все отчетливо. Тридцать-сорок лет подряд голодом, страхом и пыткой людей отучали от самостоятельного мышления, от политической и хозяйственной инициативы, от ответственного решения; и с утра до вечера, от рождения до смерти людям забивали души мертвыми и ложными схемами вульгарного марксизма и пошлостями «диамата». Каких граждан, каких демократов готовила этим коммунистическая власть? Не граждан, а рабов тоталитарного государства; не политиков, а до смерти напуганных карьеристов; не деятелей, а пролаз и доносчиков готовил советский режим; людей, совершенно лишенных государственного кругозора и честного — да, именно честного — опыта и самостоятельного — да, именно самостоятельного — разума.

Человек, пролежавший в тюрьме тридцать лет, заморенный в цепях, разучившийся стоять и ходить, — какой же он участник спортивного состязания? А демократия есть именно политическое спортивное состязание... Этого человека надо под руки водить, а не наваливать на него десятипудовые мешки ответственности...

Какая наивность, какая безответственность, какая историческая слепота нужны для того, чтобы воображать, будто навыки тоталитарного приказчика и тоталитарного поденщика могут создать на что-нибудь способную «демократию»... Как низко расценивают современные «демократы родом из России» — тот режим, которому они присягают! Годы, годы должны пройти до тех пор, пока русский человек опомнится, стряхнет с себя эти унижительные навыки и, встав во весь рост, найдет опять свой уклад, свое достоинство, свою русскую самостоятельность и свою независимую талантливую сметку.

Есть такая политическая неопытность, при которой «народное самоуправление» невозможно и при которой демократия может быть только фальсифицирована, как при позорной памяти «учредилке» 1917 года. На это-то, конечно, и возлагаются надежды.

6. А между тем настоящая, творческая демократия предполагает в человеке еще целый ряд свойств и способностей, без

которых она становится обманым лицедейством и разбазариванием национального достояния.

Участнику демократического строя необходимы личный характер и преданность родине, черты, обеспечивающие в нем определенность воззрения, неподкупность, ответственность и гражданское мужество. Нет этого — и он пустое место, картонный кирпич в стене, гнилое бревно, проржавевшее кольцо в цепи, заранее обеспеченный предатель. Демократически режим, в котором такие люди преобладают, не рушится только тогда, если некому толкнуть его. Бесхарактерные люди неспособны ни к какому благому начинанию; они только кажутся людьми; они мнимые величины. Граждане, научившиеся интернационализму, суть граждане всех остальных государств, только не своего собственного. Голосователи, не имеющие определенных воззрений и не умеющие их отстаивать, подобны тем резиновым игрушкам-зверюшкам, которых надувают сзади и из коих потом чужой воздух выходит с писком, а сами они валятся на бок. Что же сказать о продажных? Ведь деньги-то будут только у иностранцев; а нищему — и вменить его продажным трудно. Человека, лишённого чувства ответственности, совсем нельзя подпускать ни к какому публичному делу: все погубит, словчится и скроется в толпе за ее многоголовой неуловимостью. А гражданское мужество есть сущее условие жизни — для всякого демократа, во всякой демократии.

Напрасно было бы указывать нам на историю западных народов. Уже в силу одного того, что это была иная история. И еще в силу того, что ни один из западных народов не искал спасения в демократии после 30—40-летнего тоталитаризма. И особенно в силу того, что то, что одному народу может быть и здорово, то может принести другому смерть! И как же не спросить себя: почему так трудно дается демократия балканским народам, азиатским народам и южноамериканским народам? Спасала ли демократия Испанию или губила? Почему Германия, начавшая историю своей демократии сто лет тому назад, кончила тоталитарным крушением? Почему демократический режим, разыгрываемый по всем правилам парламента, никак не вывезет из оврага современную Францию, несмотря на ее политический опыт, цивилизованность и гражданственность? И в чем проявилась целебность демократии в современных Польше, Чехии, Венгрии и Румынии? Не следует ли раз навсегда оставить победоносный тон, аргументируя демократическим опытом на Западе?

И пусть не найдется ни одного клеветника среди эмигрантских публицистов, который решится, вопреки всему, приписать нам скрытую симпатию к тоталитарному режиму. Мы видели левый тоталитаризм и правый тоталитаризм; мы испытали на себе оба режима вплоть до арестов, допросов, угроз, запретов; и даже более того, мы имели возможность изучить оба режима до дна и относимся с нескрываемым нравственным и политическим отвращением к обоим.

Но о демократии мы мыслим гораздо выше и лучше, чем господа формальные демократы. И утверждаем следующее: страна, лишенная необходимых предпосылок для здоровой творческой демократии, не должна вводить у себя этого режима до тех пор, пока эти основные предпосылки не будут созданы. До тех же пор введение демократического строя может быть только гибельным для этой страны.

ГОСУДАРСТВО — КОРПОРАЦИЯ ИЛИ УЧРЕЖДЕНИЕ?

ОПТИМИЗМ В ПОЛИТИКЕ

Прожитые нами черные десятилетия должны были, казалось бы, излечить нас от того наивного политического оптимизма, который был внушен девятнадцатому веку Жан-Жаком Руссо и который в свое время породил большую французскую революцию. «Человек от природы добр, и его надо только освободить, тогда все устроится само собою». Вот предпосылка, на которой строили свои программы анархисты, либералы и демократы XIX века. Мы не смешиваем анархистов с либералами, а либералов с демократами, — это различные доктрины и программы, но наивный оптимизм человеческой свободы присущ и донныне им всем (см. напр., статью В. А. Маклакова «Еретические мысли» в XIX книжке «Нового Журнала»), хотя и в различной степени.

Казалось, уже один опыт большой французской революции должен был доказать, что политическая свобода сама по себе не «облагораживает» человека, а только развязывает его, выпускает его на волю таким, каков он есть, со всеми его влечениями, интересами, страстями и пороками, которые он и выносит на улицу. Казалось бы, что опыт всех последующих войн и революций, всего хозяйственного и политического развития за полтора столетия («капитализм» и «демократия»), должен был обличить и опровергнуть наивную и сентиментальную предпосылку такого оптимизма. Этот опыт показал недвусмысленно и ясно: нет, человек есть существо сложное; заряженное страстями, но способное иногда и к доброте; не зверь, но подчас с наклонностями к зверству; расчетливое и жадное, но не лишенное совести; восприимчивое к божественным лучам, но и весьма удобопревратное ко злу; естественное, но с противоземными тяготениями; способное и к доблести, и к самому смрадному душевному «подполью» (см. у Достоевского); и слишком часто бесхарактерное, неустойчивое, погрязающее в

мелочности и трусости. «Свобода» не переделывает его к лучшему, а только «проявляет» (в фотографическом смысле) его со всеми его чертами, склонностями и страстями. «Освободить» его — не значит сделать его внутренне способным понести внешнюю свободу и не превратить ее в разнуздание. Напрасно анархист Кропоткин твердил до конца, будто человек дурен потому, что его угнетают законы государства, и будто тотчас после отпадения государства, законов и власти осуществится свободное, солидарное и гармоническое сожитительство людей.

С этими наивными иллюзиями, надо надеяться, покончено надолго, на века: наши черные десятилетия дали нам незабываемый урок. Мы видели, во что внутренне несвободные люди превращают внешнюю свободу. Мы видели, как злодеи нарочно разнуздывали народные массы, чтобы взнуздать их по-новому, по-своему, «по-свойски», тоталитарно; мы видели, как массы валили за ними, создавая для себя новое, неслыханное и невиданное ярмо коммунизма. И когда мы теперь рассказываем о том, как свободен был русский народ под своими Государями и как эта свобода все возрастала вместе с ростом духовной культуры, то нам верят лишь с трудом: ибо в рабстве выросли заново целые поколения русских людей, которым вдолбили неправду об историческом прошлом России.

Политика будущего должна смотреть на человека трезво и брать его таким, каков он есть. Она будет понимать под свободой — прежде всего свободу внутреннюю: духовное, нравственное и политическое самообладание человека; его способность распознавать добро и зло, предпочитать добро и нести ответственность; его умение обуздывать в себе преступное и добровольно блюсти лояльность законам; его готовность ставить интерес родины и государства выше своего собственного. К этой внутренней свободе людей надо воспитывать, от молодых ногтей, из поколения в поколение: интеллигенцию, рабочих и крестьян, в народных школах, в гимназиях, в университетах, в армии, в общественной и политической жизни. Нельзя исходить из уверенности, будто всякий, умеющий одеться, обуться и заработать себе дневное пропитание — способен активно участвовать в строительстве государства; и будто всякий, кто способен

Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка... —

политически «умен и очень мил»...

Однако и этого мало: надо понять, что происходит в душе человека, голосующего в любом государстве.

Во-первых, он не компетентен в большинстве вопросов, по которым он подает свой голос: он не знает этих предметов; он не разбирается в том, что именно народу и государству полезно и что вредно; он или голосует наобум, или же подменяет пользу государства — своею личною выгодой. Его спрашивают: что нужно народу в целом, в чем польза государства? А он отвечает, подавая свой голос: мне выгоднее «то», а не «это»! Люди «танцуют» от «своей печки»; голосуют про собственную «шкуру»; радуют о личном прибытке, и только самые «развитые» и «сознательные» подменяют государство своим «классом» или «профессией».

«Мне завтра надо голосовать по трем существенным вопросам жизни, — пишет мне из Швейцарии один выдающийся ученый, — а я не знаю, за что голосовать; надо бы изучить каждый вопрос отдельно, отвести на каждый по крайней мере по неделе, а у меня нет времени; придется голосовать наобум...» Таково положение честного ученого. Какова же компетентность рядовых обывателей?

Во-вторых, каждый человек, идущий подавать свой голос, несет в себе весь свой сложный состав: тут и приобретатель, и гражданин; и шкурник, и патриот; и добросовестный, и карьерист; и классовый «требователь», и реальный политик, а может быть, и бессовестный злыдень; а нередко вся эта «сложность» упрощается — и голосовать идет просто хитрый шкурник. Западная демократия — формальна: она «верует» в «свободу» голосования, которая является будто бы лучшей наставницей и «священным правом». Голосование должно быть «свободным» и «тайным»: каждый человек должен иметь обеспеченное священное право подать свой голос из своего внутреннего «шкурника», из «карьериста», из классового требователя и бессовестного злыдня. А потом все эта недоуменные и недоразуменные голоса шкурников будут подсчитаны, и по наивной вере Жан-Жака Руссо — «крайности отпадут, а неопытная никогда Общая Воля будет выяснена»...

Прожитые нами черные десятилетия заставляют нас поставить ребром вопрос: да, полно, так ли это? Определяется ли истина — прессованием недоразумений? Познается ли государственно-полезное посредством арифметического подсчета частных вожделий? Действительно ли священно право граж-

данина — «тайно» и «свободно» рвануть к себе общественный пирог? Хорошо ли это — приравнять голос честного патриота голосу предателя, мнение политического мудреца — мнению ловкого карьериста, суждение Петра Аркадьевича Столыпина — суждению эсера Чернова, голос Ключевского — голосу Абрама Крыленко, мнение Менделеева — мнению батьки Махно? Верен ли и спасителен ли путь формальной демократии, арифметически оперирующей с частными вожделениями?

И вот мы думаем, что этот путь неверен и опасен; а для грядущей России он может стать прямо гибельным. Надо искать других путей.

Но не значит ли это, что мы рекомендуем тоталитаризм с его фальсификацией голосования, в сущности, лишаящей подачу голоса всякого смысла? Нет. Боже избави Россию от всякого тоталитаризма — левого, правого и среднего. Но в таком случае остается только путь западноевропейской демократии? Знаем, что многие так думают: загнали сами себя в мнимый тупик и не видят ни перспективы, ни исхода: или тоталитарная диктатура — или формальная демократия. А между тем, в самой этой формуле уже указываются новые исходы:

1. Диктатура, но не тоталитарная, не интернациональная, не коммунистическая; диктатура, организующая новую неформальную демократию, а потому демократическая диктатура; — не демагогическая, «сулящая» и развращающая, а государственная, упорядочивающая и воспитывающая; не угасающая свободу, а вручающая к подлинной свободе.

2. Демократия, но не формальная, не арифметическая, не пресьющая массовые недоразумения и частные вожделения; демократия, делающая ставку не на человеческого атома и не безразличная к его внутренней несвободе, а на воспитываемого ею, самоуправляющегося, внутренне свободного гражданина; демократия качества, ответственности и служения — с избирательным правом, понятным и осуществленным по-новому.

А за этими двумя возможностями скрывается множество новых политических форм в разнообразнейших сочетаниях, начиная с новой, творческой, чисто русской народной монархии. Но ведь такой формы нигде нет! Странное возражение! Как будто на свете не бывает ничего нового! Или как будто мы, русские, только и можем заимствовать у других народов их моды и их ошибки...

...Ах, если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнания иноземцев...
... Чтоб истребил Господь нечистый этот дух
Пустого, рабского, слепого подражания...

Грибоедов.

России необходимо иное, новое! И русские люди создадут его.

ЧТО ЕСТЬ ГОСУДАРСТВО — КОРПОРАЦИЯ ИЛИ УЧРЕЖДЕНИЕ?

1. Когда мы находим в левых органах русской зарубежной прессы категорические заявления о том, что «теперь-де демократия признана всеми и окончательно», то мы изумляемся политической близорукости и партийной наивности этих писателей. На самом деле «демократия» переживает сейчас «великий и затяжной кризис», который может иметь только два исхода: или торжество диктатуры и тирании тоталитарного направления (чего не дай Бог!), или же полное обновление демократического принципа в сторону отбора лучших и политического воспитания. Идея «формальной демократии», выдвинутая за последние полтора года в качестве всемирной политической панацеи (всеисцеляющего средства), уже привела целый ряд государств, а за ними и все остальное человечество, к величайшим затруднениям и бедствиям и уперлась в выросший из ее последовательного осуществления тоталитарный строй. Не видеть этого могут одни только доктринеры.

То, что в действительности произошло в мире за последние тридцать лет, есть духовное обличение и отвержение тоталитарного строя, все равно — левого или правого; но совсем не политическое оправдание формальной демократии. Напротив, именно «формальная демократия» с ее внутренними пустотами, ошибками и соблазнами, и привела к левому и правому тоталитаризму: эти два политических режима связаны друг с другом, как уродливая реакция на болезненное преувеличение, или как тирания, возникающая из распада; или как рабство, возвра-

щающееся на того, кто не сумел найти и соблюсти духовно верную меру свободы. Ныне мы переживаем период, когда человечество еще не разочаровалось ни в формальной демократии, ни в правовом тоталитаризме; когда одни наивно собираются лечить провалившийся тоталитаризм — формальной демократией, а другие организуются для того, чтобы заменить формальную демократию правым или левым тоталитаризмом.

Мы же настаиваем для России на третьем исходе и считаем его единственно верным. Для того, чтобы уразуметь его, надо поставить весь вопрос со всей возможной политико-юридической ясностью.

Государство, как многоголовый (или совокупный) субъект права может быть или «корпорацией», или «учреждением». Что же оно есть на самом деле?

Спросим себя прежде всего: что есть «корпорация» и что есть «учреждение»?

Корпорация (например, кооператив) состоит из активных полномочных и равноправных деятелей. Они объединяются в единую организацию по своей свободной воле: хотят — входят в нее, не хотят — выходят из нее. Они имеют общий интерес и вольны признать его и отвергнуть. Если они признают его и входят в эту корпорацию, то они тем самым имеют и полномочие действовать для его удовлетворения. Они уполномочены формулировать свою общую цель, ограничивать ее, выбирать голосованием все необходимые органы, утверждать их и дезавуировать их, «отзывать» свою волю, погашать свои решения, обуславливать свое участие «постольку — поскольку». Кооперация начинается с индивидуума: с его мнения, изволения, решения; с его «свободы» и интереса. Она строится снизу вверх; она основывается все на голосовании; она организуется на свободно-признанной (и соответственно свободно-ограничиваемой, свободно-отвергаемой) солидарности заинтересованных деятелей. «Все через народ» — идеал формальной демократии.

Напротив, жизнь учреждения (напр., больницы, гимназии) строится не снизу, а сверху (даже и тогда, когда само учреждение учреждено всенародным голосованием). Люди, заинтересованные в жизни этого учреждения, получают от него благо и пользу, но не формулируют сами ни своего общего интереса, ни своей общей цели. Они не имеют и полномочия действовать от лица учреждения. Они «проходят» через него, но не составляют его и не строят его. Они пассивно принимают от учреждения —

заботы, услуги, благодеяния и распоряжения. Не их слушаются в учреждении, а они слушаются в учреждении. Учреждение само решает, «принимает» оно их или нет; и, если «принимает», на каких условиях и доколе. Они не выбирают его органов, не имеют права «дезаурировать» или «сменять» их; и даже не всегда могут самовольно отвергать его услуги и «уйти». Следовательно учреждение строится по принципу опеки над заинтересованными людьми. Оно имеет свои права и обязанности, свой устав, свою организацию; но все это оно получает не от опекаемых; оно не отчитывается перед ними, и органы его не выбираются, а назначаются. Больные в больнице не выбирают врачей; гимназисты в гимназии не могут сменить директора, и инспектора и кадеты не могут самовольно выйти из кадетского корпуса; студенты принимаются в университет, но не определяют его целей и задач, и профессора не слушаются их распоряжений. И поскольку государство есть учреждение, постольку народ в нем не управляет собою и не распоряжается, а воспитывается, опекается и повинуется.

И вот, сторонники формальной демократии считают, что государство тем лучше организовано, чем последовательнее оно превращено в корпорацию. А сторонники тоталитарного строя убеждены, что государство тем лучше организовано, чем последовательнее всякое самоуправление исключено и подавлено, чем больше государство превращено в учреждение. Принцип корпорации, проведенный последовательно до конца, погасит всякую власть и организацию, разложит государство и приведет его к анархии. Принцип учреждения, проведенный последовательно до конца, погасит всякую человеческую самостоятельность, убьет свободу личности и духа и приведет к каторге. Анархия не лечится каторгой; это варварство. Каторга не оздоравливается анархией — это безумие. Спасителен только третий путь. Какой же? И как найти его?

Прежде всего надо понять и до конца продумать, что корпоративный строй требует от граждан зрелого правосознания. Желаяющий участвовать в управлении государством должен уметь управлять самим собой, понимать сущность государства, его задачи и цели, органичность народной жизни, значение и смысл свободы, технику социальной организации, законы политики и хозяйства. Нет этого — и общий интерес останется неосознанным, подмененным частной корыстью и личными вожделениями, принцип солидарности останется пустым сло-

вом, общая цель утратится, полномочие будет подменено «кулачным правом» — начнется фальсификация государственности и развал. Государство погибнет или сложится вновь по типу диктаториального учреждения.

И вот по отношению ко всем гражданам с незрелым правосознанием (дети, несовершеннолетние, душевнобольные, дикари, политически бессмысленные, уголовно-преступные, аномальные, жадные плуты и г. п.) — государство всегда останется опекающим учреждением. Тех, кто не способен осознать и жизненно оформить свой общественный интерес и кому нелепо давать право голоса, — государство всегда будет опекать и вести.

Но и этим дело не ограничивается. Люди вообще живут на свете не для того, чтобы убивать свое время и силы на политическую организацию, а чтобы творить культуру. Политика не должна поглощать их досуга и отрывать их от работы, а обеспечивать им порядок, свободу, законность, справедливость и технически-хозяйственные удобства жизни. Кипение в политических разногласиях, страстях и интригах, в тщеславии, честолюбии и властолюбии есть не культура, а растрата сил и жизненных возможностей. Поэтому политика не должна поглощать времени и воли больше, чем это необходимо. Корпоративный строй склонен растрчивать народные силы; строй учреждения, если он на высоте, — экономить их.

В довершении всего — политическое дело требует особых знаний, изучения, подготовки, опыта и таланта, которыми «все» никогда не обладали и обладать не будут; политическое строительство всегда было и всегда будет делом компетентного меньшинства.

Поэтому государство никогда не перестанет строиться по типу учреждения, особенно в тех отношениях, где необходимы единая власть и дисциплина: а именно — в делах общественного воспитания, порядка, суда, управления, обороны, дипломатии и некоторых других. Это совсем не означает, что принцип самоуправления исключается из государственной жизни и строительства, что он осуждается и отвергается; но это означает, что сфера его применения по самому существу дела ограничена: 1) принудительным характером государственного союза вообще (подданство — гражданство, лояльность без всякого «постольку-поскольку», налоги, воинская повинность, судебный приговор и наказание); 2) самой техникой государственно-го и в особенности военного строительства (вопросы, требую-

щие тайны и личной ответственности, вопросы стратегии и тактики — не голосуются); 3) наличным уровнем правосознания в стране; 4) необходимой экономией сил (люди живут на свете решительно не для того, чтобы политиканствовать) .

Все это означает, что современные крайности (формальной демократии и тоталитарного режима) являются нездоровыми заблуждениями. Государство в своем здоровом осуществлении всегда совмещает в себе черты корпорации с чертами учреждения: оно строится — и сверху, и снизу, и по принципу властной опеки, и по принципу самоуправления. Есть государственные дела, в которых уместно и полезно корпоративное самоуправление; и есть такие дела, в которых оно решительно неуместно и недопустимо. Голосования в русской армии в 1917 году были проявлением политического кретинизма и революционной интриги (одновременно). Подобно этому есть государственные дела, которые могут вестись только по принципу властного предписания, назначения и взыскания; и есть такие дела, в которых необходимо самоуправление, ибо тоталитарный централизм убивает в них жизнь (срв. советский строй). Нелепо строить все государство по схеме больницы или школы: ибо государственно зрелые граждане не больные и не школьники; их осознанная солидарность драгоценна, их политическая активность необходима, их публично-правовая уполномоченность жиздительна; все это есть могучий политический цемент.

Это означает также, что политик, организующий государство, должен считаться, прежде всего, с наличным в данной стране и в данную эпоху уровнем народного правосознания, определяя по нему то жизненное сочетание из учреждения и корпорации, которое будет наилучшим «при данных условиях жизни».

Таковыми условиями жизни являются:

1. Территория и ее размеры (чем больше эти размеры, тем необходимее сильная власть и тем труднее проводить корпоративный строй).

2. Плотность населения (чем больше она, тем легче организация страны; чем меньше она, тем необходимее начало учреждения).

3. Державные задачи государства (чем грандиознее они, тем меньшему числу граждан они понятны и доступны, тем выше должен быть уровень правосознания, тем труднее корпоративный строй).

4. Хозяйственные задачи страны (с примитивным хозяйством маленькой страны может легко управиться и корпоративное государство).

5. Национальный состав страны (чем он однороднее, тем легче народу самоуправляться).

6. Религиозная принадлежность народа (однородная религиозность масс облегчает управление, разнородная — затрудняет; обилие противогосударственных сект может стать прямой государственной опасностью и т. д.),

7. Социальный состав страны (чем он первобытнее и проще, тем легче дастся народу солидарность, тем проще управление).

8. Культурный уровень народа (чем он ниже, тем необходимое начало учреждения).

9. Уклад народного характера (чем устойчивее и духовно индивидуализированнее личный характер у данного народа, тем легче осуществить корпоративный строй; народ индивидуализированный не духовно, а только биологически, и притом бесхарактерный — может управляться только властной опекой).

Все это указывается здесь только для примера; при всем этом подразумевается оговорка «при прочих равных условиях».

Итак: единого мерила, единого образцового строя для всех народов и государства нет и быть не может. И тот, кто вечно твердит «все через народ» — обнаруживает свое верхоглядство и свою политическую неспособность.

Идея «государства-учреждения» представлена в истории началом монархическим (и диктаториальным); несмотря на это монархическая форма государства способна ужиться с самым широким кооперативным самоуправлением (напр. Англия; Россия до 1917 г.). Идея «государства-корпорации» представлена в истории началом республиканским (и демократическим); несмотря на это республиканская форма государства способна вырождаться в сущий тоталитаризм, приближаясь к диктатуре (Германия после 1933 года; Россия после 1917 года).

Крайние лозунги — «все сверху» и «все снизу», — столь соблазнительные для людей примитивного мышления и страстного темперамента, одинаково несостоятельны и опасны. Тот, кто попытается делать все «сверху», — убьет творческую самостоятельность своего народа, отвратит его от себя, ожесточит его, изолирует себя, захлебнется в сетях формальной и продажной

бюрократии и подрвет жизненную силу своего государства, независимо от того, будет ли он левым или правым тоталитаристом. Тот, кто попытается строить все «снизу», — разложит государство на систему маленьких и бессильных общинок, сделает невозможным единение и правопорядок, даст преобладание дурному количеству над творческим качеством, захлебнется в волнах демагогии и смуты и очнется под пятой у тирана.

Государство по самому существу своему есть организация не частно-правовая, наподобие кооператива, добровольно-свободная, а публично-правовая, властно-повелительная, обязательно-принудительная. И этим одним уже предопределено, что оно никогда не перестает быть учреждением и никогда не превратится в кооперацию чистой воды. Дух учреждения может временно отступать на задний план, но горе той республике или демократии, в которой он выветрится совсем! В час смуты, революции, войны, стихийного бедствия, общей опасности, голода, заразы — самая демократическая, архифедеративная республика вспомнит о ведущей, повелевающей и принудительной опеке учреждения и не будет решать «все через народ», как этого требовали наши русские сверхдемократические головыны в 1917 г.

Грядущей России предстоит найти для себя — свою, особую, оригинальную государственную форму, такое сочетание из «учреждения» и «корпорации», которое соответствовало бы русским, национальным историческим данным, начиная от наличного в России пореволюционного правосознания и кончая национальной территорией.

Перед лицом такой творческой задачи призывы зарубежных партий к формальной демократии остаются наивными, легкомысленными и безответственными.

ОСНОВЫ ДЕМОКРАТИИ

Всякий политический строй имеет свои жизненные основы — в душевном укладе народа, в его правосознании и в его социальном строении. Исчезают эти основы — и политический строй вырождается: сначала в свою зловещую карикатуру, а потом в свою прямую противоположность. Отсутствие этих основ в жизни народа означает, что этот народ неспособен к тако-

му политическому строю; что этого государственного устройства совсем не следует у него вводить под опасением гибельных последствий. Так, нелепо предлагать монархический или аристократический строй для Швейцарии или для Соединенных Штатов; введение республики в Германии только и могло кончиться демагогической тиранией; свергнуть монархии в Греции, в Югославии или в Испании — значило бы поставить эти страны на край гибели и т. д. История учит нас всему этому на каждом шагу; но доктринеры не учатся у истории, они сами думают поучать историю, подчиняя ее своим теоретическим выдумкам.

Так и демократия имеет свои жизненные основы — в духе народа, в его правосознании, в его социальном укладе. Нет этих основ — и демократия вырождается или в охлократию (засилье черни), или в тиранию. Каковы же эти основы?

Демократия (по-русски — «народоправство») предполагает в народе способность не только вести государственную жизнь, но именно править государством.

Для этого народу необходимо, прежде всего, уверенное и живое чувство государственной ответственности: «от того, что я делаю, как я держу себя и за что голосую, — зависит судьба моего народа, моего государства, моя собственная, моих детей и внуков: за все это я отвечаю; все это я должен делать по чести и совести». Это есть сразу чувство творческой связи между собой и государством, и чувство предстояния (Богу, родине и совести, чести и грядущим поколениям). Народ, лишенный чувства ответственности, не способен к народоправству: он поведет себя безответственно и погибнет все дело. И пока это чувство в нем не воспитано — взваливать на него бремя народоправства можно только слепу, от доктринерства и от своей собственной безответственности.

Во-вторых, народоправство неосуществимо без свободной лояльности и без элементарной честности. Народ, не научившийся чтить закон и добровольно соблюдать его за совесть, не будет уважать ни своего государственного устройства, ни им самим изданных законов; всяческое правонарушение окажется основной формой его жизни, и во всех делах его водворится «черный рынок». Мало этого, — этот народ окажется неспособным ни к контролю, ни к суду, ни к принудительным мерам, ни к мобилизации своей армии; ибо в основе всего этого лежит добровольное законоблюдение, чувство долга и неподкупность.

Но где законы не уважаются, там особенно и непрестанно копируются законы имущественные: грани между «твоим и моим», между «моим и общественным»«, между «моим и казенным» утрачиваются; в жизнь внедряется всяческое воровство и мошенничество, продажность и взяточничество; люди не стыдятся уголовщины — и народоправство становится своей собственной карикатурой. Первая же война провалит его с позором.

В-третьих, народоправство требует от народа государственно-политического кругозора, соответствующего размерам страны и державным задачам этого народа. Малому, ниоткуда не угрожаемому народу достаточно уездного политического горизонта: датчанину можно обойтись без того кругозора, который необходим англичанину; гражданин княжества Монако может не видеть далее своей колокольни; но американский «изоляциялист» есть близорукая «деревенщина»; и русский калужанин, отвергающий борьбу за морские берега на том основании, что «нам калуцким моря не надо», неспособен к народоправству. Народ, не понимающий своих исторических и державных задач, создаст жалкую карикатуру на демократа и погубит себя и свою культуру.

В-четвертых, народоправство требует от народной толпы — известных знаний и самостоятельного мышления о знае-мом. Есть степень народного невежества, при которой вводить демократию можно только для того, чтобы надругаться над ней. Народ, не знающий ни истории, ни географии своей страны, — не увидит сам себя; и все его голосования будут бессмысленны. Народ, не понимающий своего хозяйства, будет обманут первой же шайкой демагогов. Народ, не способный самостоятельно мыслить о своей судьбе и о своем государстве, будет цепляться за подсказываемые ему фальшивые лозунги и побежит за льстивыми предателями. Мировая конъюнктура есть обстоя-ние сложное — и дипломатически, и стратегически, и эконо-мически, и национально, и религиозно. К какому народоправ-ству способен народ, не знающий ничего верного о других наро-дах, об их жизни, интересах, претензиях, планах и намерениях? Ни к какому! Он политически слеп и дипломатически глух; в финансовых вопросах он подобен ребенку; в делах культуры и науки он не компетентен; в делах стратегии и войны он беспомощен. Что же весит его голосование? У темного человека «пра-во голоса» будет всегда украдено политическим жуликом...

В-пятых, народоправство осуществимо только там, где народу присуща сила личного характера. Что сделает со своим «голосом» человек, лишенный чувства собственного достоинства? Он продаст его повыгоднее первому же ловкому покупателю голосов.

Во что превратится избирательная кампания у народа, лишенного моральной дисциплины? В погромы, в резню, в гражданскую войну. Массы людей, отучившиеся от взаимного уважения и доверия, неспособны ни к честной организации, ни к сговору, ни к координации сил. Народ без характера быстро разложит «народоправство» в анархию, в войну всех против всех.

Однако, помимо этих духовных основ и условий демократии, есть еще социальные основы.

Во-первых, народ, потерявший оседлость жилища, крепость семьи и уважение к труду, становится беспочвенным и политически несостоятельным; он приближается к римскому плебсу эпохи цезаризма. Люди перестают быть политическими индивидуумами и становятся пылью, трагическим сором, несущимся по ветру. Вспомните войну алой и белой розы; перечитайте исторические драмы Шекспира и не делайте себе иллюзий! Кто не имеет оседлого жилища, тот легко становится «ландскнехтом», ищущим себя «кондотъери». Кто не дорожит традициями своего честного рода и своим семейным очагом, тот превращается незаметно в авантюриста. У кого отнят смысл труда, тот перестает быть гражданином. Народ, находящийся в таком состоянии, неспособен к государственному самоуправлению, к корпоративному строю, к демократии.

Во-вторых, участник народоправства должен иметь волевою независимость и гражданское мужество. Это дается нелегко. Легче всего это дается человеку, имущественно стоящему на своих ногах: крестьянину-собственнику, людям «среднего класса», квалифицированному кадру пролетариата, богатым гражданам. Именно в этих слоях демократия и имеет свою главную опору. Обнищавший народ, опустившийся до состояния черни, быстро выроdit и погубит всякое народоправство.

Наконец, некая исторически-национальная и государственная ткань солидарности. Люди должны быть вращены в нее трудом, семейственностью, правосознанием, религиозным чувством и патриотизмом. Ею держится всякое государство, особенно же демократическое. Нет ее, нет этой незримой твор-

ческой спайки в национальное всеединство — и корпоративное устройство государства становится неосуществимым. Тогда надо искать спасения в государстве-учреждении, которое должно будет медленно, но упорно крепить эту ткань солидарности и растить корпоративные навыки, т. е. демократические способности в народной массе...

Такова основа демократии.

ДЕМОКРАТИЯ — НЕМЕДЛЕННО И ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО

Мы должны предвидеть, что трезвые политические соображения не убедят «доктринеров от демократии». Они внушили себе раз навсегда, что демократическая форма государственной жизни есть высшая и самостоятельная ценность, воздух бытия, свет жизни, радость существования, гарантия всяческой справедливости, смысл творчества... Так они и ставили этот вопрос перед началом революции, когда по их директивам из всех углов страны, бывало, шли резолюции: пока нет истинно демократического учредительного собрания, невозможно ни учить, ни учиться, ни лечить, ни лечиться, ни заседать, ни обсуждать, ни решать, ни торговать, ни печатать, ни вообще вести какую бы то ни было жизнь. Словом, демократия или гибель! Казалось бы, опыт истории мог научить их чему-нибудь: в 1917 году демократия развернулась в России на полной свободе и принесла с собой сущую гибель. Но разве доктринеры учатся у Истории? Прошло более тридцати лет, наполненных бедствиями. И вот мы опять перед тем же вопросом и слышим опять то же решение и тот же ответ: демократия немедленно и во что бы то ни стало, ни с чем не считаясь, любой ценою, ибо она есть воздух бытия, свет жизни, радость существования, гарантия всяческой справедливости, смысл творчества и т. л.

Наша патриотическая тревога о России ничего не говорит им. Мы спрашиваем: что сделает из политической свободы человек, который не созрел для нее и переживает ее как разнуздание? Ведь мы прожили 1917 год с открытыми глазами и с сердцем, обливающимся кровью! Мы наблюдали и учились. Мы учились и научились. Мы спрашиваем: чем же заполнит такой человек свои политические права теперь, после тридцати- или сорокалетнего революционного рабства? Что даст своей стране

моуправлению и к органическому участию в государственном строительстве. Только такая диктатура и может спасти Россию от анархии и затяжных гражданских войн.

Чтобы приучить людей к свободе, надо давать им столько свободы, сколько они в состоянии принять и жизненно наполнить, не погубляя себя и своего государства; безмерная и непосильная свобода всегда была и всегда будет сущим политическим ядом.

Чтобы пробудить правосознание в народе, надо воззвать к его чести, оградить его от погромных эксцессов властными запретами и предоставить на усмотрение народа не более того, чем сколько он сумеет поднять и понести, не погубляя себя и своего государства. Безмерные полномочия никогда не приводили к добру, а только вызывали политическое опьянение и разнуздание страстей. И ныне ни одна государственная конституция не предоставляет ни одному народу таких полномочий.

Чтобы проснулась и окрепла честность, отнюдь не надо выпускать из тюрем всех уголовных (как это было сделано в России в марте 1917 года) и отнюдь не надо обеспечивать им безнаказанность. Честность есть разновидность свободной лояльности, а она воспитывается поколениями. Сентиментальное и фальшивое непротивленчество только поощряет злое начало в людях.

Чтобы приучить людей к государственно верному изволению, надо начинать с ограниченного права голоса: давать его только оседлым, только семейным, только работающим, только никогда не служившим компартии, только возрастно зрелым, только приемлемым и для избирателей, и для национальной власти. Иными словами: надо начинать с системы имущественных цензов, обеспечивающих необходимый минимум почвенности, честности и государственного смысла, с тем, чтобы в дальнейшем, по мере оздоровления народа и страны, расширять круг голосующих. Все остальное было бы доктринерским безумием и погублением России.

Зачем говорить заведомую неправду, будто все народы шли этим путем?

На самом деле ни один народ не имел такого пространства, такого климата, таких границ, такого исторического бремени, такого многонационального состава, таких трудностей и соблазнов, такой героической жертвенности, такого государства и такой культуры! Ни один народ не проходил через такое муче-

ническое насилие и растрение, какое принесла с собою коммунистическая революция.

Глупо ссылаться на падающего ребенка, ибо ныне дело идет не о детском синяке, а о бытии России. Еще глупее ссылаться на промахивающегося стрелка, ибо промах не беда, а вторичное доктринерское надругательство над свободой и над участием народа в государственном самоуправлении (ибо первое надругательство состоялось в 1917 году и длилось с февраля до декабря!) неизбежно закончится новым потоком национальных бедствий.

Самое важное — это бытие России. Она должна прежде всего восстать из порабощения и возобновить свою хозяйственную и духовную жизнь. А потом только, в меру своих наличных способностей к корпоративно-государственной форме,—она может думать о своем демократическом облачении. Россия должна продолжать свое великое, вековое, религиозно-национальное дело, свое общечеловеческое культурное служение. Это главное, это самое существенное. Она не может и не должна платить «любую цену» за это псевдодемократическое разнуздание, которое доктринеры называют «свободой»; от этого разнуздания они сами погибнут первые, если не успеют опять спастись за кордон. Но наша скорбь не о них, а о России. Лозунг «демократия немедленно и во что бы то ни стало» один раз привел уже в России к тоталитарной диктатуре. Он грозит такой же диктатурой и впредь, но уже антикоммунистической.

Мы понимаем, что доктринерам — их доктрина дороже России: на то они доктринеры. Но нам Россия дороже всего и мы не желаем ни всероссийского распада, ни нового вымирания русского народа в подготовленных расчленителями гражданских войнах».

Да спасет нас от этого Господь!..

ФАНАТИКИ «ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА»

Замечательно, что все расчленители России, чем бы они ни руководились, произносят одно и то же слово, формулируя одну и ту же директиву: Россия должна стать федеративным государством, она должна быть построена на всеобщем добровольном соглашении ее народов и ее граждан. В этом они видят

высшее и последнее слово «демократизма»; поэтому они и готовы причислить каждого, несогласного с этой директивой, к «реакционерам», «империалистам», сторонникам деспотизма, террора и т. д.

Действительно, есть старое учение (известное издавна, но обычно приписываемое Жан-Жаку Руссо), согласно которому всякое государство покоится на «общественном договоре», на договоре всех граждан между собою; такой договор, в действительности наблюдавшийся только в немногих федеративных государствах (см. Н. 3. № 69, 70, 72) и имевший там совсем иную форму и иное содержание, считается — молчаливо — предполагаемым и обязательным повсюду. Политические мыслители пытались не раз на протяжении веков формулировать этот фиктивный (т. е. выдуманный, созданный воображением, или, как говорят юристы, «презюмированный» (т. е. предположенный в виде условного допущения) договор, согласно которому каждый гражданин добровольно и свободно включается в свое государство и обязуется повиноваться его законам. Пусть, говорят они, такого договора никогда не было, но надо считать его как бы состоявшимся и принципиально оправдывающим существование государства.

И вот это учение имеет своих фанатиков, которые не удовлетворяются «фикцией» и «презумпцией», но желают довести свой народ до фактического осуществления общественного договора. Они не хотят успокоиться до тех пор, пока в их стране государство не будет построено на всеобщей, свободной «оптации». Они добиваются этого повторно и любой ценой. Великая и позорная неудача 1917 года, когда русский народ не пошел по пути федерации, а предался преступности, убийствам, анархии и гражданской войне, что и привело его к многолетнему тоталитарному рабству, — нисколько не смущает их. Они готовы «начинать сказку сначала». Их утопическое государство должно быть построено в виде корпорации ничем не стесненных «вкладчиков» и стать чем-то вроде потребительской кооперации. Меньше этого максимализма они не способны думать и желать. А того обстоятельства, что государство всегда было и всегда будет учреждением, они не постигнут до самой смерти.

Эта юридическая и историческая слепота должна быть раз навсегда преодолена в России.

В действительности же самая принадлежность гражданина к какому-либо государству определяется отнюдь не его свобод-

ной «оптацией», а законами самого государства и решением власти, применяющей эти законы. Возьмем любую, самую свободную и демократическую конституцию, и мы тотчас же убедимся, что принцип «добровольного самопричисления» и «нестесненного самоотчисления» не признается в ней. Люди приобретают права и обязанности гражданина при самом своем рождении, когда оптация им решительно не по силам. Государства считаются с тем, от кого ты родился, где ты родился, когда ты родился, а впоследствии с тем, сколько лет ты прожил в стране и как ты вел себя при этом. Каждого из нас причисляют к гражданам и отчисляют из состава граждан по законам данной страны, и нигде одностороннее волеизъявление не решает этого вопроса. Найдите хотя бы одно государство, которое предоставляло бы всем желающим входить в свой состав и выходить из него односторонним заявлением; или еще — такое государство, которое давало бы своим гражданам право по взаимному соглашению «отложиться» от него и присоединиться к другому; или же право учреждать в своих пределах новые государства или государствица. История знает односторонние отказы от гражданства, но они сопровождаются удалением за кордон и создают бесправный статус «беженца» или «эмигранта». История знает и односторонние отпадения городов, общин и целых стран (напр. Ирландия). Но эти акты совершаются вне права и с нарушением лояльности. Это внеправовые деяния, это нарушения, потрясения или прямые восстания; это революционные акты, которые могут повести к усмирениям или гражданским войнам. Но право на односторонний выход из государства, или право на отложение и отпадение не признано нигде; о нем не знает ни одна демократическая конституция.

Но расчленители России, желающие превратить ее в федерацию, призывают именно к такому внеправовым потрясениям, к отпадениям, к актам «свободной» измены, к революционным восстаниям. Они мечтают о том, что после падения большевиков граждане единой России опять провалятся в хаос и вседозволенность, безнаказанно разложат свое государство, и осуществят по своему произволу столько «общественных договоров», и учредят, ни с чем не считаясь, столько новых «государствиц», сколько им заблагорассудится, с тем, что каждое из этих новообразований будет иметь свое правительство, свою армию, свою монету и свою дипломатию. Им мало тридцатилет-

ней революции: они хотят длить и углублять ее после падения большевиков. После бесконечного неистовства «монтаньяров» (революционеров-централистов-объединителей) они желают еще бесконечного неистовства «жирондистов» (революционеров-децентрализаторов-расчленителей). Именно поэтому они желают, чтобы «российские народности» не считались больше с существованием единого русского народа и государства, а воспользовались постбольшевицкой смутой для осуществления всеобщего произвола и распада — на основании ложно понятой доктрины «общественного договора».

Каждому жителю России должно быть предоставлено право определить по своему усмотрению, к какому такому государству ему угодно принадлежать — к России или к какому-нибудь иному: кто хочет, потянет к Турции, кто к Китаю, кто к Польше, кто к Германии. Иные пусть учредят новые государства. — Тунгузию, Чувашию, Черемисию, Украину, Белоруссию, Зырянью, Грузию, Крымю, или, подобно тому, как было в 1917 году — Моршанскую Республику, Саранскую Федерацию, Сычевскую Демократию, Чухломской Кантон, Новоржевский Штат, Пошехонскую Советию, Бузулукское Ханство, Иваново-Вознесенскую Социалистическую Олигархию и Минское Прелатство. Фанатики «общественного договора» доселе мечтают, что, после революции тоталитарной тирании, начнется революция всеобщего развязания, меньшинственной анархии и разложения России во имя ложной доктрины, — эпоха погубления «каторжной» Империи (выражение г. Федотова), эпоха завоевания ее окрепшими и хищными иноземцами. Они мечтают превратить Россию во множество политически ничтожных и стратегически бессильных карликов — и тем предать ее на завоевание и порабощение западным и юго-восточным государствам. Достояние России станет, в сущности, «ничьим»; а по старому римскому праву «ничья вещь принадлежит первому захватчику»... Но фанатики федерализма идут и на это.

Прочтите об этом у г. Федотова (в книге XVI «Нового Журнала») и учтите то обстоятельство, что ни один сотрудник этого журнала не нашел в себе мужества, чтобы отмежеваться от его формул: напротив, все стали «примыкать», расшаркиваться и полусоглашаться с ним, так, как если бы он считался среди них вождем или «политруком»... Вот его подлинные формулы: «Если бы не было никаких сепаратизмов в России, их создали бы искусственно». (Кто создал бы?.. — *Ред.*). «Раздел России все равно

был бы предрешен». (Кем... властной «закулисой»?.. — *Ред.*). «Россия — обреченная Империя». Ее «народы потребуют реализации своего конституционного права на отделение». И «если даже победит Великороссия и силой удержит при себе народы Империи, ее торжество может быть только временным». «В современном мире нет места Австро-Венгриям» («Новый Журнал» кн. XVI, стр. 168).

Нетрудно догадаться, из какой среды идет эта программа и кто за ней стоит... Но Россия сама скажет за себя свое последнее слово.

ПАРТИЙНОЕ СТРОЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

Казалось бы, что может быть естественнее и драгоценнее в свободном государстве, как не свободное образование партий? Свободные граждане ищут себе единомышленников, находят их, организуются и выставляют на выборах своих кандидатов! Ведь это входит в самую суть демократии!.. Нет этого — и демократия гибнет... Не так ли?

Однако, история последних десятилетий показала, что демократия разваливается именно вследствие ее партийного строения. Если образование партии свободно, то кто же может помешать людям организовать партию, требующую для себя монополии? Не предотвратили этого в России; не помешали этому в Италии; не сумели противостоять этому в Германии, в Австрии, в Польше, в Латвии, в Эстонии, в Испании и Португалии. А ныне в Югославии, в Венгрии, в Чехии, в Румынии, в Болгарии и в Китае... А разве Англия при социалистическом правительстве запретила у себя англофашизм? А куда тяготеет ход дел в государствах Южной Америки, где партии вот уже полтора десятилетия заняты гражданской войной и ныне только и думают о том, чтобы удачно воспроизвести европейские «уроки»? Не в самой ли партийной демократии заложены те начала, которые губят ее, открывая двери то правому, то левому тоталитаризму?!

Мы понимаем, что сторонники партийной свободы охотно замалчивают это вырождение демократии через партийность, эту антидемократическую эпидемию, захватившую современные демократические государства: им все кажется, что это це-

лый ряд «несчастливых случаев» или «возмутительных злоупотреблений», о которых «в порядочном обществе» лучше совсем не упоминать, наподобие того, как в доме повешенного не говорят о веревке. Они боятся выговорить, что современные демократии гибнут и разлагаются именно от партийного строения и от доктринерского либерализма. Боятся и не умеют бороться. А мы попытаемся извлечь из уроков истории ответственные выводы.

Партия есть союз граждан, организовавшихся для того, чтобы захватить государственную власть в свои руки. К этому стремятся все партии — и демократические и антидемократические. Различие между ними в том, что демократы считают нужным соблюдать правила конституции, а антидемократы склонны пренебрегать ими. Среди этих правил есть писанные и неписанные (традиционные, «само собою подразумевающиеся»), соблюдать все — значит «вести честную игру» (по-английски: «фер плей»). Такая игра является, конечно, редким исключением. Так, демагогические обещания, партийное кумовство, непрозрачное или просто темное финансирование, инсинуации против честных людей чужой партии при покрывании собственных безобразий, лишение противников свободного слова в собраниях и все махинации мировой закулисы — никак не составляют «честной» игры, но практикуются более или менее везде в демократических государствах. И вот демократические партии рвутся к захвату власти дозволенными и полупозволенными путями, а антидемократические — дозволенными и неподзволёнными средствами. Первые — с тем, чтобы спустя некоторое время возобновить «игру», т. е. борьбу, а вторые — с тем, чтобы уничтожить другие партии и оставить власть за собою «навсегда» (что им, конечно, не удастся).

Само собою разумеется, что тоталитарные партии не заслуживают ни малейшего сочувствия: мы вдоволь нагляделись, как и из кого они слагаются и куда они ведут. Однако теперь нам надо «взять под лупу» не только тоталитарные партии, но идею партии как таковую — принцип партийности вообще.

Политическая партия есть всегда часть целого, малая часть всех граждан, и только; и она сама знает это, потому и называет себя «партией» (от латинского слова «парс» — часть). Но посягает она на гораздо большее, на целое, на власть в государстве, на захват ее. Она стремится навязать государству свою частную (партийную) программу всю целиком, вопреки сочувствию и

желанию всех остальных граждан, которые или совсем не высказались (25 проц. абсентизма на выборах!), или же высказались не в ее пользу. В силу одного этого, каждая партия представляет из себя меньшинство, навязывающее свою волю большинству. И в силу одного этого всякий демократический строй должен был бы допускать только одни коалиционные правительства, которые и должны были бы находить спасительный компромисс между партиями («частями»), для того, чтобы представлять целое. Но история показывает, что при современном страстном и распаленном духе партийности — такой сговор достигается лишь с большим трудом: партии не желают друг друга. Таким образом, партийный строй разжигает честолюбие и партийное соревнование и «части» оттесняют друг друга от власти. В лучшем случае из этого возникают вредоносные для государства «качели»: правее, левее, правее, левее — независимо от подлинного государственного дела. Коренник топчется на месте, пристяжные по очереди срывают экипаж в свою ближайшую канаву, кучера нет или он растерянно бездействует, а едущие пассажиры с тревогой следят за своевольными пристяжными и ждут своей судьбы...

При этом считается, будто победившая партия получила «большинство» голосов на выборах. Какое же это «большинство»? В лучшем случае — большинство поданных голосов, и притом совсем не всегда — абсолютное большинство оных (больше половины), а иногда и относительное большинство (т. е. больше, чем у других партий). Но редко бывает, чтобы в выборах участвовало больше 75 проц. избирателей; а бывает, что число голосовавших падает и до 60 и до 55 проц. всех, имеющих право голоса. Тогда власть может захватить партия, получившая от 38 проц. до 28 проц. всех избирателей, а может быть и менее того. И это формально-фиктивное «большинство», т. е. заведомое меньшинство претендует на государственную власть; а в некоторых государствах (Румыния) ему «в виде премии» приписывается на бумаге еще 10—20 проц. голосов («мертвых душ»).

Но если бы даже какая-нибудь партия получила 51—60 проц. голосов всех избирателей, то это «большинство» складывается обычно, даже в самых старых и почтенных демократиях, совсем не из сознательных и убежденных сторонников ее. Статистика выборов давно уже отметила, что дело решается непартийной, колеблющейся, «плавучий» массой, которая не связана с партий-

ной программой, а голосует «по настроению». Так, в Англии победу всегда дает «полая вода» общественного настроения: то она хлынет направо — и завертятся колеса консервативной мельницы; то налево — и запрыгают жернова всеперемалывающего социализма. Не поучительно ли, что, например, в Швейцарии из 100 проц. избирателей только 14 проц. имеют партийную принадлежность, а 86 проц. голосуют «по настроению», и партийные комитеты во всех странах знают это и потому заводят «рыболовную сеть», как можно дальше и шире, чтобы партийно злоупотребить непартийными голосами.

Так «большинство» голосов добывается напором («агитацией») и случаем, властолюбием и демагогией; и как часто оно складывается в силу самых нелепых и нелояльных оснований. Одни поверили демагогическим, почти всегда неисполнимым и невыполняемым обещаниям; другие были подкуплены — перед избирательным помещением прямо выдавались чеки (см. исследование Брайса); третьи голосовали сослепу, по недоразумению или от бестолковости; четвертые потому, что предпочитали «меньшее из зол»; пятые были застрашаны; шестые поддались массовому психозу и т. д.

«Это,— скажут нам,— безразлично: он подал бюллетень за нашу партию, а остальное нас не касается... Мы не можем разбирать, почему он голосовал так, а не иначе: от страха, из-за личной выгоды, по убеждению, вследствие невежества или от глупости. И какое нам дело до его правосознания? Важен бюллетень в урне, а не правосознание голосующего...»

И вот эти-то бреши в живом правосознании и были подмечены и употреблены во зло тоталитарными партиями: если правосознание голосующего безразлично — то почему же не построить выборы на сплошной глупости, лжи, трусости, продажности и порочной демагогии?..

Но, если даже условно «забыть» это все и, сделав глупо-почтительное лицо, согласиться, что такая-то партия «действительно» получила на выборах «большинство», то останется еще решить самый глубокий и ответственный вопрос: разве большинство (самое арифметически точное! (самое лояльное!) — есть, действительно, критерий государственной доброкачественности? Разве правота, достоинство, полезность, государственность программы — решается количеством? Разве история не знает таких примеров, когда народ голосовал за тиранов, за авантюристов, за тоталитарные партии, за изгнание лучших

людей (Аристид), за смертную казнь для праведника (за смертный приговор Сократу было подано 360 голосов из 500)? Конечно, кто-нибудь может стать на ту точку зрения, что «большинство голосов есть мера добра и зла», «пользы и вреда», «здоровья и болезни», «спасения и гибели»; но вряд ли можно будет признать это воззрение самым умным, вдумчивым и глубоким. Мы спросим себя, как русские: не меньшинство ли в стране дало России реформу Петра Великого, освобождение крестьян, земское самоуправление и земельную реформу Столыпина? и не большинством ли голосов было избрано в 1917 году погибельной памяти «учредительное собрание»?

С нас пока довольно! Партийный принцип переживает в современных государствах великий и глубокий кризис. Он сводит политику к количеству и к условным формальностям. Он пренебрегает живым правосознанием, расщепляет государство и растит в народе дух гражданской войны. Мало того: он подготавливает крушение для взлелеявшей его формальной демократии. Мы не сомневаемся в том, что человечество, рано или поздно, вынуждено будет искать новых путей и решений — и чем скорее начнется это искание, тем лучше.

Но к этому вопросу нам надо будет еще вернуться.

КРИЗИС ЗАПАДНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

ОТ ДЕМОКРАТИИ К ТОТАЛИТАРИЗМУ

В наше время существует довольно распространенный предрассудок, будто демократический строй обеспечивает человеческое общество от тоталитарного режима и будто всякое отступление от демократии в сторону авторитарного строя приближает народы к тоталитаризму. Верно ли это?

Обе эти формы государства, — и авторитарная и демократическая, — хорошо известны нам из истории. Всякое государство, управляемое властью, независимо от народного избрания и контроля, является авторитарным государством: таковы все патриархальные общины, все теократические государства, все диктаториальные республики, все аристократические — наследственные республики, все единоличные диктатуры и все неограниченные монархии. Авторитарный строй не исключает народного представительства, но дает ему лишь совещательные права: глава государства (единоличный или коллективный) выслушивает советы народа, но правит самостоятельно.

Такое авторитарное законодательство и правление отнюдь не ведет к тоталитарному режиму. Тоталитаризм состоит в исключении всей и всякой самодеятельности граждан; их личной свободы, их корпоративной организации, их местного и профессионального самоуправления, их усмотрения в делах личных и семейных, их хозяйственной инициативы и их культурной самодеятельности. Такой (или приближающийся к нему) режим отмечается в истории человечества в виде редкого и кратковременного исключения, в виде проваливающихся опытов, отнюдь не связанных с авторитарною формою государства. Такой режим и не мог быть последовательно проведен до XIX века в силу отсутствия технических условий (железных дорог, телеграфа, телефона, радио, авиации) и административной изошренности (организация всеобщей зависимости и взаимодоносительства); он появился впервые, строго говоря, лишь в

XX веке. Для нас поучительна история России: наша страна политически сложилась, окрепла и культурно расцвела при авторитарной форме государства, а ныне нищенствует, терпит унижения, прекратила свой культурный рост и вымирает физически — именно при тоталитарном режиме...

Этот режим определяется тотальным объемом государственного регулирования. А между тем авторитарный строй совсем не покушается на такой объем: он может довольствоваться малым объемом административного вмешательства и совсем не претендовать на всестороннюю навязчивую опеку жизни. Мало того, великие государи всегда стремились приучить граждан к свободной самодеятельности и развязать их инициативу. И когда продажные писаки, желая угодить левым или правым тоталитаристам, начинают приписывать тоталитарные тенденции Петру Великому, то они обнаруживают только свое невежество и свою лживость. Петр Великий имел одну великую, осознанную им самим, задачу: пробудить творческую инициативу русского человека во всех областях жизни; и то, что он сам называл «приневоливанием народа», было пробуждением его воли к живой самодеятельности.

И вот не следует представлять себе дела так, что авторитарный строй ведет к тоталитаризму, а демократический строй спасает и обеспечивает народы от него. Именно демократический строй может обнаружить склонность к систематическому расширению своего административного захвата. Этот процесс мы и наблюдаем теперь в Европе.

Тяготение к вмешательству во все стороны жизни для властного регулирования ее возникло в истории или по теократически-церковным мотивам, или же из демократически-социалистических побуждений.

Так, идея всепоглощающего, выдвинутая Платоном (V—VI века до Р.Х.), носила характер теократический (власть богосозерцающих философов): он хотел подвергнуть регулированию всю жизнь граждан (до собственности, брака, воспитания и музыки включительно). Попытка католического монаха Савонаролы ввести во Флоренции церковно-государственно-принудительную добродетель (1494—1497) носила также теократически-клерикальный характер. Правление реформата Кальвина в Женеве (1541—1564), пытавшееся подвергнуть государственному регулированию верования, нравы, развлечения,

поступки и даже выражение лиц у граждан, и не останавливавшееся перед организацией сыска и доносов, а также перед изгнаниями и казнями (1542—1546 было казнено 58 человек и 75 изгнано) — имело также клерикально-теократический характер. Такой же характер был присущ и сентиментально-коммунистическому государству иезуитов в Парагвае (XVII—XVIII вв.).

С другой стороны, социализм, как хозяйственный, а потом и культурно-бытовой тоталитаризм носил с самой древности революционно-демократический характер. Таков был уже древнекитайский коммунизм (более чем за 1000 лет до Р. Хр.). Еще ярче выражена эта тенденция в коммунистическом заговоре Абдаллы Ибн-Маймуна (IX век по Р.Х.), который привел к установлению общности имущества и жен в отдельных местностях Хузистана и Аравии. Европейский социализм последних веков возрождает эту тенденцию и выступает под флагом революционной демократии. Французской революции (конец XVIII века) с ее демократической диктатурой, с ее террором и тоталитарными тяготениями оставалось сделать только один шаг до полного коммунизма, к которому ее и пытался привести коммунист Бабеф (1797), впрочем, своевременно обезглавленный.

В течение всего XIX века именно революционная демократия Европы, продолжая считать себя демократией, проповедовала и готовила предельное расширение государственно-административного объема, т. е. приближение к тоталитарному режиму; большевики же суть не что иное, как крайнее, волевое и последовательное ответвление этого потока. И ныне, после страшных и показательных опытов левого тоталитаризма в России, а потом и в Польше, Чехии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии и Восточной Германии, — именно европейская социал-демократия делает все возможное, чтобы осуществить во всех демократических странах хозяйственный и культурный тоталитаризм (начиная с промышленности и кончая «национализацией» врачебной помощи и т. п.)... Вот почему противопоставление демократии и тоталитаризма есть предрассудок, иллюзия и ошибка.

Правда, демократическое государство может обнаруживать и свободолюбивые тяготения и отстаивать свободу и самодетельность граждан; так обстоит ныне в Швейцарии и в Соединенных Штатах. Но демократическое государство может выдвинуть и тоталитарно настроенное большинство (напр., в

Англии, в Швеции), которое и начнет вводить тоталитарно-социалистический режим по всем правилам всеобщего равного голосования, парламентских заседаний и министерств. Об этом и стараются ныне европейские социал-демократы при громких и сочувственных восклицаниях нью-йоркского «Социалистического Вестника». Ибо социал-демократы всех стран являются по их основному замыслу и плану третьей по счету тоталитарной партией мира (после коммунистов и наци-фашистов). И то обстоятельство, что они пытаются осуществить свой левый тоталитаризм в эволюционном порядке и по всем правилам формальной демократии, несколько не делает их нетоталитаристами. Тоталитарная каторга, введенная постепенно, не меняет своей природы; и мы отлично помним, какой социально-демократический гнет царил в Австрии перед приходом к власти Дольфуса, и в Латвии — перед приходом к власти Ульманиса.

Итак, демократический строй несколько не обеспечивает народы от тоталитарного режима. Постепенное введение социализма будет означать переход к диктатуре социалистического большинства, но не забудем, большинства, составленного по условным и искажающим схемам формальной демократии.

Тоталитарную природу социализма начали ныне понимать и среди самих социалистов. Там и сям в их среде стали сконфуженно поговаривать и пописывать, что они-де «не хотят тоталитарности», что они попытаются «сочетать социализм со свободой»; или еще, что они хотят «не социализма», а «свободолюбивых социальных реформ». Но этот растерянный лепет не меняет плана, выношенного за 100 лет. Их товарищи, находящиеся у власти, делают свое дело, и логика политического развития определит судьбу их тоталитарной затеи.

<...>

О ФОРМАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Есть два различных понимания государства и политики: механическое и органическое. Механическое отстаивает человеческую инстинктивную особь и ее частные интересы; оно измеряет жизнь количественно и формально. Органическое исходит от человеческого духа и восходит к национальному единству и его общим интересам; оно качественно и ищет ду-

ховных корней и решений. Которое же из этих пониманий желательнее и спасительнее для грядущей России?

Рассмотрим сначала механическое воззрение.

Оно видит в человеке прежде всего инстинктивную особь, имеющую свои «желания» и «потребности»: каждый желает меньше работать, больше наслаждаться и развлекаться; плодиться и наживать, иметь свои безответственные мнения и беспрепятственно высказывать их; подыскивать себе где угодно единомышленников и объединяться с ними; ни от кого не зависеть и иметь как можно больше влияния и власти. Ведь люди рождаются «равными», и потому каждому из них должны быть предоставлены одинаковые права для отстаивания своих «желаний» и «потребностей»: это «неприкосновенные права свободы», которые «не терпят ограничений». Поэтому каждая человеческая особь должна иметь в государственных делах равное право голоса. Сколько людей, столько равных голосов. Что кому нравится, то пусть каждый беспрепятственно и отстаивает. Единомышленники всех стран пусть свободно объединяются; поданные голоса пусть подсчитываются; большинство голосов будет все решать. «Тогда пойдет все гладко и станет все на место...»

Что же касается качества всех этих «желаний», планов и затей у всех этих «единомышленников», а особенно мотивов и намерений всех этих «голосователей», — то до них никому не может быть дела: все это ограждается неприкосновенною «свободою», ненарушимым «равенством» и «тайною» голосования. Каждый «гражданин», как таковой, заранее считается разумным, просвещенным, благонамеренным и лояльным, неподкупным и «почтенным»; каждому дается возможность обнаружить все свои «доблести» и прикрыть словами о «публичном благе» все свои замыслы и затеи. Пока не пойман — он не вор; пока не взят с поличным — он требует к себе всеобщего уважения. Кто еще не попался на месте преступления (напр., предательства, иностранного шпионажа, вражеской агентуры, подготовки заговора, взятки, растраты, подлога, шулерства, торговли девушками, выделки фальшивых документов или монет) — тот считается политическим «джентльменом» независимо от своей профессии и полноправным гражданином («про его художества все знают, да не докажешь»). Главное: «свобода», «равенство» и «счет голосов». Государство есть механическое равновесие частных (личных и партийных) вождедений; государство строится как компромисс центростремительных сил, как лицедейство полити-

ческих актеров. И политика должна двигаться «по равнодействию» (по параллелограмму сил!) взаимного недоверия и состязующихся интриг..

К сожалению, это воззрение (насколько я знаю) нигде не высказано в такой откровенно-отчетливой форм. Оно и не является доктриной; это лишь молчаливый политический «догмат», укоренившийся в мире и выдаваемый за само собою разумеющуюся «сущность демократии»: все формально свободны, все формально равны и все борются друг с другом за власть, ради собственных интересов, прикрываемых общею пользою.

Такое формальное и количественное понимание государства ставит его судьбу в зависимость от того, как и чем заполняется та содержательная пустота и то безразлично-беспризорное качество, которое предоставляются людям формальною «свободою». Государство и правительство суть лишь «зеркало» или «арифметическая сумма» того, что делается в душе и в правосознании человеческой массы. Там вечно что-то само собою варится, в этом непроглядном и, в то же время неприкосновенном котле: всякое вмешательство запрещается как «давление»; всякое ограничение или воздействие клеймится как «стеснение свободы». Каждому гражданину обеспечивается право на кривые и лукавые политические пути, на нелояльные или предательские замыслы, на продажу своего голоса, на гнусные мотивы голосования, на подпольные заговоры, на незаметную измену, на тайное «двойное подданство» — на все те низости, которые бывают людям столь выгодны и столь часто их соблазняют. Гражданину дается неограниченное право тайного самособлазна и совращения других, а также незаметной самопродажи; ему обезличивается свобода неискренного, лживого, коварного, инсинуирующего слова и двусмысленного, расчетливого замалчивания правды; ему дается свобода «верить» лжецам и негодьям или же притворяться поверившим (корыстно симулировать такое-то или противоположное политическое настроение). И для свободного выражения всех этих духовных соблазнов ему дается «избирательный бюллетень». «Мотивы голосования» должны быть свободны; образование партий не терпит стеснений; ограничивать политическую пропаганду — значит «проявлять насилие»; судить и осуждать за «политические воззрения» нельзя: это значило бы покушаться на «сердцеведение» и «преследовать за образ мыслей» (по-немецки «Гезиннунгс-юстиц»). Свобода мнений должна быть полною;

государственный чиновники не смеют покушаться на нее и урезать ее. И самое глупое, самое вредное, губительное и гнусное «мнение» — «неприкосновенно» уже в силу одного того, что нашелся вредный глупец или предатель, который его провозгласил, укрываясь за его «неприкосновенность». А возможно ли заставить его мнить свое мнение пассивно? Как помешать ему проводить его мнение в жизнь — шепотом, тихой сапой, тайным сговором, подпольной организацией, незаметным накоплением складов оружия?... Свобода слова, союзов и оружия только выражает и осуществляет свободу мнений...

Понятно, что все это сразу обезоруживает государство перед лицом его врагов и разлагателей и в то же время обеспечивает этим врагам и разлагателям полную свободу и безнаказанность. Государство и правительство обязаны обеспечивать народу соблазняемость, а разлагателям и предателям — свободу соблазнения; естественно, что очередное голосование подводит итоги — успеху обеспеченного соблазна. И такой порядок будет продолжаться до тех пор, пока соблазн не подорвет самую идею голосования и самую готовность подчиняться большинству (ибо, согласно недавно высказанной революционной формуле бельгийца Шпаака: «меньшинство не обязано подчиняться большинству»): тогда голосование будет заменено восстанием и организовавшееся тоталитарное меньшинство захватит власть.

Это означает, что формально-количественное понимание государства открывает двери настежь всем политическим авантюрам, переворотам и революциям, что мы и наблюдаем из года в год, напр., в Южной Америке. И поистине, негодяи всего мира были бы совершенными глупцами, если бы они не заметили и не использовали эту великолепную возможность захвата власти. Правда, американские «гэнгстеры» не додумывались до этого и «озорничали» вне политики: и сицилийские «маффиатори» тоже довольствуются частным прибытком. Но додуматься было не так уж трудно. Природа не терпит пустоты; и по мере того, как благородные побуждения (религиозные, нравственные, патриотические, духовные) слабели и выветривались в человеческих душах, — в образовавшиеся пустоты формальной свободы неизбежно должны были хлынуть нелепые, злые, порочные и жадные замыслы, подсказывавшиеся демагогами-тоталитаристами слева и справа.

Итак, формальная свобода включает в себя свободу тайного предательства и явного погубления. Механическое и ариф-

метическое состязание частных вожделений с самого начала готовило в душах возможность слепого ожесточения и гражданской войны. Пока центробежные силы соглашались умерить свои требования и найти компромисс — государство могло балансировать над пропастью; но восстали «пророки» классовой борьбы и приблизили момент гражданской войны. Что может им противопоставить формально-механическое понимание государства? Уговоры «главноуговаривающих»? Рыдания о гибнущей свободе?! Или идеи сентиментальной «гуманности», забытой совести, отвергнутой чести? Но это значило бы — «вмешаться» и тем самым отречься от формальной свободы и от механического понимания политики! Это значило бы утратить веру в политическую арифметику и впасть в сущую «демократическую ересь»!.. Ибо формальная демократия не позволяет сомневаться в благонамеренности «свободного» гражданина... Еще Жан-Жак Руссо учил, что человек от природы разумен и добр; и что единственно, чего ему не хватает, это свободы. Надо только не мешать ему свободно извлекать из своего доброприродного сердца — руководительную «общую волю», мудрую, неопибающуюся, спасительную... Только не мешайте!.. — а уж он извлечет!..

Люди уверовали в это два века тому назад. Уверовали французские энциклопедисты и революционеры, а за ними — анархисты, либералы и сторонники «формальной демократии» во всем мире. Уверовали до такой степени, что даже забыли о своей вере и о ее опасностях: решили, что это и есть «сама» «несомненная» «истина» и что она требует в политике благоговения перед свободой, почтительного формализма и честного подсчета голосов. И вот два века этой практики поставили современных политиков перед величайшим политическим землетрясением мировой истории...

Что же им делать? Урезывать формальную свободу? Отказаться от механики частных вожделений? Отменить голосовую арифметику? Но это значило бы усомниться в «священных» догматах современной демократии! Кто же дерзнет на это? Кто сам себя дезавуирует? И что же тогда противопоставить тоталитаристам слева и справа?

Но если здесь тупик, то что же тогда? Неужели соглашаться на уродства и зверства тоталитарного режима? Невозможно!..

СТАВКА НА КОЛИЧЕСТВО

Когда читаешь статьи и программы современных русских зарубежных партий, то невольно удивляешься на ту торопливую беспечность, с которой они все (или почти все) спешат засвидетельствовать о своей «вере» в формальную демократию и «потребовать» для России западнодемократического строя.

Мотивы их, в сущности, понятны: 1. Они отвергают тоталитарный режим (и в этом они правы); но противопоставить ему они не умеют ничего, кроме западной формальной демократии (а это близоруко и беспомощно). 2. Они ищут опоры у иностранных партий, закулисных организаций и тому подобной, заведомо нерусской или противорусской среды (что всегда опасно или прямо губительно), а там без присяги формально-демократическому строю и разговаривать не хотят: вот и приходится приспособляться. 3. Только такой, формально-демократический строй обеспечивает им всем надежду на политическое фигурирование в будущем, а эмигрантская партия только и живет этой надеждой («я буду министром, ты будешь губернатором», он-она будут сенаторами...). 4. Они все еще живут предрассудком, будто всякая демократия гарантирует человеку «права» и «свободу» и будто вне демократии «нет культуры» (то и другое опровергается историей).

Читая их журналы и газеты, понимаешь все это и все-таки удивляешься. Ведь «демократия» есть предмет не веры, а опытного знания. Что же, опыт тридцатилетней эмиграции, а нередко и шестидесяти-семидесятилетней жизни — не научил русских политиков, что демократия не есть величина однозначная и всюду сама себе равная? Неужели они доселе не поняли, что демократия не есть просто «государственная форма», которую можно нахлобучить любому народу, «сойдет-подойдет, не прямо, так набекрень»?.. Ведь демократия предполагает у народа — хозяйственную самостоятельность гражданина, высокий уровень массового правосознания, личный характер, определенность политического понимания и воззрения, гражданское мужество и в особенности опытное разумение государственно-го дела (см. «Наши Задачи», 134—135). Как же это они не уразумели, что западноевропейская формальная демократия — не есть ни единственная, ни лучшая разновидность демократии?

России надо не заимствовать и не подражать, а искать и находить свое, только для нее подходящее. Нам, русским людям, надеяться не на кого; и время наше мы должны поднимать и нести сами. Не можем же мы надеяться на то, что какие-то другие, нерусские люди сумеют понять своеобразие России, постигнуть ее душу, ее дух, ее веру, ее природные трудности и внутренние (душевно-духовные!) недочеты и изобрести для России тот новый политический строй, который ей необходим... Иностранцы не знают России и не понимают ее; они боятся ее и собираются навязать нам свой политический штамп, в расчете, что он разложит и обессилит Русское Государство.

А России действительно необходимо совсем особое и иное.

Автор этих строк несколько не сомневается (и давно уже не сомневался), что народу подобает участвовать в политической жизни своего государства: это необходимо государству для единения, это может быть очень полезно правительству для осведомления и контроля, это важно, достойно и воспитывающе для самого народа. Это имеет великое — духовное, нравственное, политическое, хозяйственное и военное значение. Но форма этого участия и степень этого участия должны соответствовать умственному и нравственному уровню народа, а также личным способностям и духовной зрелости человека. Вся задача состоит в том, чтобы научиться верно распознавать эти способности и верно распределять эти права. А эту задачу нельзя ни замалчивать, ни обходить.

Прошло то время, когда Ульянов-Ленин, этот верный представитель русского политического радикализма, уверял, что «каждая кухарка» способна управлять государством. Уже в 1921—1922 годах он открыто выговаривал: «Мы люди вроде того как бы полудикие», «ни одного шага не умеющие делать со своими правами и со своею властью»; «нам необходимо прежде всего учиться читать, писать и понимать прочитанное»; нас «государством управлять в тюрьмах не учили» и т. д. Уже тогда этот умный авантюрист понял, что наболтал глупостей, что личная непорядочность и массовая некультурность коммунистов губит советское государство и что политика требует качества. Но ставка на беспринципного и безбожного коммуниста была уже сделана и ему оставалось выделять кверху негодный человеческий материал и губить качественных русских людей. Сталин продолжал это дело с еще большей свирепостью.

Совсем не считаться с качеством голосующего человека все-таки невозможно; и это молчаливо признается, как общее правило, всеми конституциями и всеми партиями. Именно поэтому малолетним и невеликовозрастным избирательное право не предоставляется (еще не способны); сумасшедшие также не голосуют и не избираются (уже не способны); уголовные преступники утрачивают на время или навсегда публичные права (доказали свою негодность). Вспомним еще и о женщинах, которым недавно «демократичнейшая» Швейцария в целом ряде кантонов снова отказала в избирательных правах, и притом в порядке всенародного голосования «референдума» (женщины имеют свое, неполитическое призвание).

Это означает, что есть категории людей, признаваемых неспособными и непризванными строить государство своим изволением; и еще, — что в разных государствах эти категории людей определяются различно.

Но вслед за тем у фанатиков формальной демократии начинается слепо-наивный и ничем не оправдываемый оптимизм; а может быть и так, что эти люди не хотят видеть реальную жизнь и ее опасности... Все, все, все остальные признаются политически зрелыми гражданами, полноправными голосователями, компетентными судьями пользы и вреда, политического «добра» и «зла»: все они «призваны» распоряжаться законодательством, национальным воспитанием, обороной государства, благом народа, свободой, культурой и хозяйством страны — и притом независимо от того, какое невежество, какая деморализация и порочность, какая глупость, какой ограниченный кругозор и какие предательские замыслы живут в их душах...

Фанатики формальной демократии стремятся даже всемерно расширить право голосования: они жаждут признать политический авторитет за всяким взрослым-не-сумасшедшим, призвать к свободе некомпетентного и злокозненного суждения и допустить к урнам возможно большее количество обывателей.

Прежде всего — всех женщины, невзирая на органически верный принцип разделения труда («ты блюдешь дом, а я — на службе»; «ты строишь семейную жизнь, а я государство»); не считаясь с образованием женщин и их естественным, органическим бременем (деторождение); и совсем не оберегая их женственное достоинство, их высшее нравственное, духовное и религиозное призвание. Им надо вытащить всех женщин на

митинги, на улицу, на трибуну, заставить их судить и рассуждать за пределами их подготовленности, вовлечь их в партийные раздоры, в политическую клевету, в ругань и драки (ибо теперь дерутся и в парламентах, и в сенатах!); им надо разложить множество браков и семей — партийно-политическим страстным разногласием между мужем и женой.

Затем они стремятся отодвинуть как можно дальше возрастную предельную границу голосования: «Почему 21 года, а не 20? Почему не 19? Почему не 18? Кто зарабатывает свой хлеб, тот взрослый гражданин, Самостоятельный заработок есть признак политической зрелости!»...

— Ну, что же, многие юноши и девушки зарабатывают себе на жизнь уже в школе: иной второклассник репетирует двух приготовишек, да так потом и кормится через всю гимназию. Кто не вспомнит десятилетних «папиросников» на улице? трактирных и лифтовых «пикколо»? В Западной Европе нередко пяти- и семилетние дети разносят по домам газеты... а в некоторых странах труд малолетних применяется в мастерских и на фабриках... А советские беспризорные несомненно сами зарабатывают себе на жизнь...

В революционной России господа «февралисты» пошли еще дальше: в марте 1917 года, на революционных радостях и в знак братского умиления — они освободили из тюрем всех уголовных и дали им право голоса, о чем не без негодования и не без презрения свидетельствует начальник Всероссийского Уголовного Розыска, умный и даровитый Аркадий Францевич Кошко (ныне покойный). Ну, что же, тюрьма — хорошая школа жизни; и «невинные страдальцы» (мошенники, грабители и убийцы) имели полное основание войти в радость февральского, а потом октябрьского режима и проявить свою «гражданственность»... И действительно: проявили!

«Обидели» только сумасшедших и обошли детскую...

Забыли дать свободу помешанным. Или, по крайней мере произвести революционную проверку и демократическую чистку среди них, чтобы оставить вне голосования одних буйных и идиотов... — Помилуйте, среди душевнобольных так много добрых и даровитых людей! Душевнобольными были поэт Батюшков, благороднейший Глеб Успенский, даровитый Гаршин, гениальный Врубель, поэт Кельдерлин, романтик Шуман и столь популярный среди мистических дам стихописатель Райнер Мария Рильке... Да, наконец, сам Дмитрий Иванович Писа-

рев, нигилистические заслуги коего общепризнанны и воспеты даже в энциклопедических словарях, — сидел в сумасшедшем доме, потому что вообразил себя «богом»... (факт!). Как же можно лишать сумасшедших права голоса — огульно?

Да и детей не следовало бы обижать: у них души чистые, доверчивые и добрые; они наверное стали бы голосовать за «справедливость» — все: галчата, волчата, пыжики, рыжики и все остальные...

К сожалению, надо признать, что это тяготение к расширению голосующего кадра считается у фанатиков формальной демократии сущим проявлением «демократичности» или прямо ее критерием: чем большее количество людей имеет право голоса, тем «демократичнее» данный режим... Ибо они исходят из ложного воззрения, будто человек «воистину» участвует в государственной жизни тогда и именно тем, что от времени до времени всовывает в государственную «урну» установленный билетик, чтобы высказаться по вопросу, в котором он мало или ничего не понимает и выдать свое личное, классовое или партийное вожделение за всенародную и государственную пользу...

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОРОЧНОСТИ И СЛЕПОТЕ

Когда наблюдаешь из года в год политическую жизнь в формальных демократиях запада, то изумляешься тому, до какой степени здесь начало количества подавило и вытеснило требования качества. Откуда эта уверенность, что государственное дело настолько элементарно, просто, общедоступно и легкопостижимо, что для него не требуется никаких квалификаций, ни умственных, ни нравственных, ни политических? Сапожник долго учится сапожному делу, в политике политическая подготовка якобы не нужна. Горшечник без умения ничего не стоит; а в государственных делах якобы понимает первый встречный, достигший двадцати лет и явно не буйствующий в сумасшествии, хотя бы его политическая компетентность равнялась нулю. Посмотрите, какую аналитическую силу суждения развивает рабочий из электрической мастерской, когда ему надо установить, почему у вас «перегорала пробка»; он созерцает всю вашу квартиру; прослеживает путь проводов; мысленно, а потом и технически изолирует каждый вы-

ключатель и каждую лампу... И добивается своего. Он этому учился. Он владеет своим предметом. Он понимает, знает, судит и ответственно служит. А государственное дело бесконечно сложнее; политика бесконечно ответственнее и горизонт здесь необходим совсем не квартирного масштаба...

И вдруг оказывается, что государство есть дело улицы. Подобно тому, как по улице всякий может ходить, всем позволено, все для этого хороши, так и в политике — качества не нужно. Тут никакой «компетентности» не надо; ни анализа, ни синтеза, ни сведений, ни понимания, ни ответственности; «ходи» — и все тут. Впрочем, и это иллюзия, ибо цивилизация на каждом ходу напоминает нам, что ходить по улице есть целое искусство, а то как раз окажешься в больнице или в морге. Но судить в политике — выбирать, избираться, примыкать к партиям, требовать, сговариваться, в выгодную минуту промолчать, в другую минуту солгать, нырнуть, угодить и пролезть — это все доступно всякому, это дано всем «от природы»; для этого ни качества, ни квалификации не требуется.

И вот политика, безразличная к качеству людей, качественно снижается, и начинается государственное разложение.

Подумать только: согласно догмату формальной демократии право голоса должно неотъемлемо принадлежать всем, кто прожил на свете необходимое число лет, кто не попал в сумасшедший дом и кто не осужден за тяжкое уголовное преступление с лишением прав. Все компетентны в делах справедливости, свободы, хозяйства, техники, семьи, школы, академии, церкви, суда, армии и национального спасения...

Неужели все? Конечно все!! Сомневаться в этом могут только «враги демократии», «реакционеры», «фашисты», «тоталитаристы» и прочие «подозрительные» или «отверженные» люди.

Допустим, что это так, и сделаем выводы. Причислим к честным и компетентным гражданам и остальных. Вот они: все непойманные воры, пройдохи-спекулянты, заведомые интернационалисты, дезертиры, продажные изменники родины, внезапно исчезающие дипломаты, детопокупатели, растлители, пьяницы, курители опиума, рабы кокаина, содержатели и содержательницы публичных домов, профессиональные контрабандисты, гангстеры, апаши, сутенеры, шулера, сводники и сводни, конокрады, ростовщики, политические и неполитичес-

кие заговорщики всех сортов и калибров, взяточники, аморальные проныры...

Словом, все то нравственное гнилье, все те общественные подонки, которые все вместе образуют политическую чернь. Эта та самая городская чернь, которую Карлейль потрясающе изобразил в своей «Истории французской революции»; та самая чернь, которая, растерзав тело мадам Ламбаль, целый день носила по городу на шесте ее половые органы; та самая чернь, которую в Англии художественно обрисовал Шекспир (в Исторических Хрониках), а в русской революции закрепили с таким мастерством Шмелев и Коровин (в книге о Шаляпине). В подвалах Чеки я часами слушал взволнованные излияния этой черни, всех этих «анархистов-комбинаторов», жутких полуматросов, выпущенных Керенским из тюрем свирепых убийц, спившихся полуинтеллигентов, садистов, пройдох, примкнувших к коммунистам и уже у них проворовавшихся... Излияния, в коих правда и ложь, гнусное хвастовство и неправдоподобный цинизм смешивались в отвратительное единство. Я запомнил на всю жизнь программный гимн первых лет: «Бога нет, царя не надо, мы урядника убьем, податей платить не будем и в солдаты не пойдем»... Таковы были все эти «зеленые», «махновцы», и вся прочая разбойная «атаманщина», показавшая себя в 1917—1921 годах в России...

А в будущей России, на основаниях «всеобщего и равного» голосования к ним присоединятся — чекисты-энкаведисты-смершники, профессиональные доносчики, изолгавшиеся советские карьеристы, активные безбожники, коменданты концлагерей, разрыватели могил (в погоне за золотыми зубами), ограбители трупов, продавцы котлет из человеческого мяса (1921—1932—1933), «бывшие» урки, пронырливые «иерочекисты», наемные шпионы иностранных держав и все прочие погубители России.

Формальная демократия никогда не посмеет лишить их права голоса. Все они будут признаны «полноправными» гражданами, «высококомпетентными» в деле спасения России, воспитателями русского народа. Тем более будут признаны избирательные права за теми, кого следует отнести не к черни, а к массе политических слепцов! Люди, не разумеющие смысла свободы, долга, служения и ответственности; люди, решительно не понимающие государства, его жизни и его интересов; люди, не знающие русского прошлого и не могущие разумать

исторические задачи России; люди с горизонтом деревушки, шалаша, советской землянки, сакли, чума, юрты... Куда поведут они, слепые, нашу страну, если не в разложение и не в яму? Правда, со слепого не взыщешь, но не безумно ли доверять ему водительство?

Все это отнюдь не означает, что людей политически-порочных и политически слепых надо «лишать всех прав»... Но это означает, что предоставляемые им публичные права должны быть соразмерны их государственному горизонту и их политической силе суждения. Публичные права суть права, дарующие человеку участие в решениях государства и в созидании и осуществлении его власти. Нелепо давать «права власти» — людям порочным и слепым, нелепо и губительно. Нелепо провозглашать такую свободу, которая развязывает в государстве порочные и слепые силы, нелепо и губительно. То, что здесь необходимо и спасительно, — это не «лишение всех прав», не превращение человека в «раба», или в «вещь», а ограничение его публичной дееспособности, такое ограничение, которое соответствует его духовной дефективности и в то же время урезает силу его порочного или слепого духа.

Что это означает и как это осуществимо?

ЧТО ЕСТЬ ПРАВО ГОЛОСА?

Право голоса есть признанная за человеком сила суждений и сила решения в государственных делах.

Как возможно «признавать» эту силу суждения за человеком, у которого ее на самом деле нет? «Ее нет, а мы сделаем вид, будто она имеется...» «Этот человек не понимает, что такое государство, право, свобода, справедливость, честь, совесть, родина, вера, дух и культура; но мы притворимся, будто он все это понимает и будто его суждение что-то весит и означает...» Такое притворство невозможно нигде, — ни в техника, ни в ремесле, ни в медицине, ни в сельском хозяйстве, ибо повсюду такой образ действия повлечет за собою наказание: у неумелого неуча аэроплан загорится, поезд сойдет с рельсов, автомобиль опрокинется, сшитый сапог развалится, больные будут умирать, семена не взойдут, коровы перестанут доиться, лошади будут перепорчены. Но в политике это притворство было принято и

стало осуществляться. Это ничего, что человека спрашивают о благе государства, а он отвечает о пользе своего кармана и о выгодах своего класса. Ему предоставили судить о праве, а он стал организовывать такие силовые центры, которые хороши только для нажима на весь остальной народ (профессиональные союзы, закулисные заговоры, тоталитарные партии, «Вик-жель» и т. д.). Ему доверили блюсти творческую свободу, а он предпочел продать ее диктаторам (все равно каким — левым или правым), за «хлеб» и за «зрелища»... Его спросили о справедливости, а он провозгласил равенство, т. е. величайшую несправедливость и величайшее насилие. Ему доверяли вопрос о чести, совести и вере, а он провозгласил право на бесчестие, свободу от совести и гонение на верующих.

Осмелится ли кто-нибудь сказать, что мы «преувеличиваем»? Никто, конечно; ибо если бы нашелся такой, то он выдал бы себя с головою, какого лагеря он агент и пропагандист.

Давно пора сказать и утвердить: тоталитарный строй не случайное явление; он родился из качественного снижения и духовного вырождения демократии. Вера в количество снизила качество. Лицемерное притворство в вопросе о силе суждения и решения отдало власть в руки политической черни, а политическая чернь пошла, как всегда, за демагогами и тиранами, продала им свободу и право и привела к кризису наших дней.

Когда я говорю о черни, то я связываю это понятие отнюдь не с черным трудом, не с бедностью или «неродовитостью», а с низостью души. Эту низость души можно найти во всех социальных слоях, особенно в наше время, когда появилась образованная и полуобразованная чернь, — а благородство души живет и проявляется нередко в бедняках, изнемогающих от черного труда. К черни принадлежат люди злой и порочной воли; люди без чести и совести; люди с мертвым нравственным и социальным чувством; люди беспринципные в своей хищности; люди порочных профессий.

Нельзя так рассуждать, скажут нам, лишать права голоса можно только на основании достоверных, формальных признаков, а не на основании сердцеведения: а мы не нашли юридических оснований для того, чтобы отличить чернь от нечерни! Отвечаю оппонентам: «Вы уподобляетесь человеку, который сказал бы: так как я не умею отличать чумную крысу от нечумной, то предлагаю предоставить свободу циркулирования всем крысам, как таковым; или еще: я не знаю достоверных,

формальных признаков дифтеритной бактерии; поэтому отвергаю всякую дезинфекцию; и моего сына, заболевшего дифтеритом — не лечу: боюсь огорчить не только дифтеритную палочку, но и какую-нибудь невинную бактерию... Провозглашим же свободу и равенство всех бактерий!!!»

Итак, пусть процветают люди порочной воли!..

И еще скажут нам: «Вы говорите о государственной и политической слепоте; но как же распознать ее? вы признаете слепыми других людей, а эти другие признают слепыми вас и меня... Где достоверный и формальный признак? Отвечаю оппонентам: «Так как мы не умеем еще распознать, кто слеп и кто зряч в политике, то и исследовать этот вопрос не надо: признать всех зрячими и предаться на волю судьбы! Как-нибудь все утратится... Ведь это все равно, как если бы вы предложили: лучше не углубляться в вопрос о физическом зрении, все равно ничего не узнаем, давайте лучше насажаем слепых на паровозы, аэропланы, автомобили, поручим им дело живописи и дело артиллерии»...

Итак, пусть политические слепцы ведут государство!..

Пришел исторический час, когда люди или откажутся от подобных рассуждений, или вступят окончательно на путь гибели цивилизации и культуры. Право голоса дает участие в государственной власти, а государственная власть ныне утратила свои границы, забыла свои пределы и выработала такие приемы властвования, порабощения и подавления личности, которых не знала даже католическая инквизиция. Государственная власть овладела такими техническими, химическими и психологическими (психиатрическими) умениями, которые делают ее духовно опасною и бесконечно ответственною силою. Тоталитарное государство, вооруженное радиоволною, воздухоплаванием, атомною бомбою, газовыми камерами, подкожным впрыскиванием ядов и гипнотическим внушением сделалось страшною и губельною сверхсилою. Нельзя отдавать эти страшные средства в руки безответственных авантюристов, в руки политических властолюбцев, в руки ожесточившихся партий, в руки империалистически буйных народов.

В наши дни все думают и говорят о «третьей, атомной войне». Но такая война может и не состояться, и притом именно потому, что все ее предвидят и все ее опасаются. Но дальнейшее политическое развитие может пойти совсем иначе, по путям еще более страшным.

Установим три основные тенденции в современной политике.

1. Развитие в сторону заговоров и переворотов. Южная Америка является практическим рассадником этого способа приходиться к власти уже на протяжении 150 лет. Тридцать четыре года тому назад коммунисты взяли эту практику в свои руки; они выработали с тех пор целую практическую доктрину, изложили ее в резолюциях Исполкома Коминтерна и с тех пор применяют ее во всем мире.

Техника заговора и переворота разработана теперь как никогда, причем ставка делается всегда на худшие элементы страны, на авантюристов, неудачников, честолюбцев, властолюбцев, завистников, продажных, предателей, извращенных и садистов. Давно уже работают подпольные школы, в которых систематически преподаются этим мрачным людям приемы этого темного дела...

2. Профессиональные союзы, с самого начала своего мышлявшие не о государстве, а о классовом интересе и ведущие политику количества, давления и силы, — постепенно научились прибегать к политической забастовке. Железнодорожники поняли, что они могут остановить весь транспорт страны; заговор электрорабочих может остановить ток и движение и погрузить страну в темноту; заговор углекопов — прервать все углеснабжение и отопление; забастовка банковских служащих — остановить нормальное движение торговли и финансов и т. д.

Психология заговора овладела синдикатами рабочих и служащих. Она перекинулась и в военные круги, если не прямо в армию. Вспомним германский «Стальной шлем»; вспомним, что итальянский фашизм возник из «ячеек соратников» (фашио ди комбатименто); вспомним о союзе «ветеранов в Соединенных Штатах». В Южной Америке заговоры то и дело вспыхивают именно в армиях.

Принципу демократического «большинства» противостал новый принцип: заговор инициативного меньшинства. Эти меньшинства постепенно научаются у коммунистов технике заговора и переворота и начинают понимать, что воля к власти, энергия напора, козыряние забастовкой и иные угрозы могут весить больше, чем подсчитанное большинство пассивных голосов.

3. Этому противостоит на стороне демократических правительств слепая вера в мнимую лояльность граждан, в коли-

чество и подсчет, а также вера в почти неограниченную свободу слова, печати, организации, агитации, партийной и профессиональной пропаганды. Иными словами: культ «акратии», т. е. полувластия и безвластия.

Современное государство обладает потенциально страшной силой. Но осуществляет актуально слабовластие. В это политически слабое или пустое место может вломиться клин чуждищного заговора: профессиональный союз атомных и атомобомбных предприятий соединится с профессиональным союзом авиаторов (кто и чем может помешать этому?) и установит тиранию атомного страха и безудержной порочности. Ибо та страшная сила, которую коммунисты фактически уже развернули в захваченных ими государствах, не охраняется в слабых странах; и примеры множества «атомных» предательств, бегств или «исчезновений» обнаружили это недвусмысленно. И вряд ли мы ошибемся, если скажем, что коммунисты давно учли это слабо-пустое место и работают в этом направлении.

Этому мы противопоставляем для России тезис: власть должна находиться в руках качественных и сильных. Необходим качественный отбор. Право голоса должно принадлежать верным гражданам, а не предателям, не черни и не слепцам. Участие народа в государственном строительстве должно выражаться в отборе лучших. Необходимо не количественное, а качественное «народоправство».

НЕОБХОДИМО ОГРАНИЧИТЬ ПУБЛИЧНУЮ ДЕЕСПОСОБНОСТЬ

Будущее скрыто от человеческого взора. Мы не знаем, как сложится государственная власть в России после большевиков. Но знаем, что если она будет антинациональной и противогосударственной, угодливой по отношению к иностранцам, расчленяющей страну и патриотически безыдейной, то революция не прекратится, а вступит в фазу новой гибели; и тогда все предлагаемое нами будет отсрочено. Но придет час, когда русская национальная власть вступит ради спасения России на

указываемые нами пути. Мы не знаем, когда это будет; но мы твердо знаем, чего следует желать для спасения России.

Образование государственной власти должно быть изъято из рук толпы, улицы, черни и передано в руки лучших, государственно и национально мыслящих граждан. Эти граждане, как государственно дееспособные должны быть выделены в качестве политически зрелого и активно строящего ядра. Всякие дальнейшие выборы и голосования будут осуществляться уже ими и только ими. Они составят тот трезвый слой, тот государственно-мыслящий кадр, который сможет повести народ и страну к возрождению. Все остальные — отнюдь не станут «рабами» и отнюдь не перестанут быть гражданами; но политической активности, права слагать государственную волю, участия в строительстве государственной власти — у них не будет.

Это и обозначается словами: их политическая дееспособность будет ограничена.

Юриспруденция отличает правоспособность человека от его дееспособности. В имущественных отношениях есть множество лиц, не располагающих дееспособностью, т. е. не имеющих права самостоятельно совершать юридические акты. Уже римские юристы знали и понимали, что малолетних, слабоумных и сумасшедших нельзя включать в нормальный и свободный имущественный оборот. С одной стороны, они несведущи, беспомощны и беззащитны и всякий плут может их соблазнить, надуть, вовлечь в невыгодные сделки и обобрать: необходимо защитить их самих от недобросовестных сограждан и злонамеренных иноземцев. С другой стороны, они не в состоянии отвечать за свои волеизъявления, обещания и обязательства (безответственность!), и вменить им их поведение невозможно (невменяемость!); их дееспособность была бы вредна или даже губительна и для них самих, и для их сограждан. Поэтому и современное право ставит таких лиц (малолетних, несовершеннолетних, слабоумных, слепых, глухонемых, пьяниц и расточителей) под опеку или попечительство. Они остаются правоспособными и имеют признанные и охраняемые права, но юридических актов совершать не могут.

Так обстоит дело на протяжении тысячелетий, и притом в вопросах личной имущественной пользы; и никто и не думает оспаривать или осуждать обоснованность и справедливость такого порядка. И вдруг в вопросах общественного блага, всенародной пользы и государственного спасения мы видим пол-

ное забвение всякой осторожности, всякого трезвения и всякого жизненного реализма. Страна, кишущая политически малолетними и несовершеннолетними, государственно слабоумными, патриотически сумасшедшими (интернационалисты!), морально слепыми, социально глухонемыми, партийно пьяными и национальными расточителями (расчленители!) — пытается строить свое государство при обязательном участии всех этих заведомо безответственных и невменяемых лиц. Законодательство умалчивает об их политической недееспособности, а сам народ удивляется, — что это ему ничего не удастся? И идет на гибель, не понимая того, что с ним происходит.

И вот, подобно тому, как в имущественных делах людей признают недееспособными — в интересах всего общества и самих лишенцев, и никто не вопит об их мнимом бесправию; совершенно так же необходимо признать целый ряд людей политически недееспособными — в интересах всего народа, государства и самих лишенцев. Гражданин и активный гражданин — не одно и то же. Недееспособный гражданин сохраняет все свои законные права: право на государственную защиту, право на территориальное пребывание, общие права инициативы и неприкосновенной личности, право на труд, все социальные права, все имущественные права, все семейные и наследственные права; он сохраняет и все свои публично-правовые обязанности, которыми он преимущественно и строит государство, свое государство (повинности: налоговая, воинская, натуральная и др.). Он нисколько не становится «рабом». Он только не имеет права голоса в государственных делах.

Прошло то время, когда люди — то ли по либеральной наивности, то ли по оптимизму, то ли по глупости, — верили в «свободную игру добрых и злых сил» (как в личном человеке, так и в государстве) и полагали, что «от злых сил в жизни бывает большая польза». За долгие годы всемирной революции мы могли окончательно убедиться в том, что «свободная игра» добрых и злых сил ведет к победе именно злых сил и что предоставление свободы злу есть или сентиментальная глупость, граничащая с предательством, или луково-умышленное злодеяние. Подобно тому, как в хозяйстве либералы постепенно научились тому, что творческое равновесие не дается множеству самочинно хозяйствующих людей, безвольно барахтающихся в собственной жадности; что неурегулированное хозяйство ве-

дет к противосоциальным явлениям, к перевоплощению капиталов, к перепроизводству, к биржевым крахам, к затяжным кризисам и депрессиям; что частно-инициативное хозяйство надо не подавлять и не искоренять, а организовывать и приобщать к целесообразному регулированию, отнюдь не впадая в социализм; подобно этому наступает эпоха, когда такое творческое регулирование будет признано необходимым и в политике. Свободу человека, его верований, его убеждений и политических мнений не надо подавлять, но ее надо воспитывать, оформлять и духовно направлять.

Обыкновенный человек, идя на выборы, несет в себе и нравственную личность, и обывателя, и патриота, и шкурника, и гражданина, и карьериста, и государственно-мыслящего избирателя, и ненасытного классового требователя. «Сверху» ему не говорится ничего из уважения к его «свободе»; но со стороны и снизу ему открыто и настойчиво внушают — утвердить в себе классового требователя, обывателя, шкурника и карьериста, и забыть все иное. В странах формальной демократии вокруг избирателя жужжат, как мухи, всевозможные искусители, политические торгаши из разных партий и даже стран, суля, зазывая, волнуя, пугая, колебля, забрасывая пропагандными листочками или предлагая прямую подачку (то «хлебом», то «зрелищами», то просто чеком). Они сулят шкурнику, запугивают обывателя, зазывают карьериста и натравливают классового требователя. В трудном, сложном и чрезвычайно ответственном для голосования — делается все, чтобы сбить человека и захватить его голос, чтобы снизить политически уровень голосующего; и все это — во имя «свободы».

И вот допускать этот порядок, в коем есть элементы базара, биржи, азарта и спорта, в послереволюционной России было бы безумно и губительно. Ибо за годы революционного унижения и революционной грязи шкурничество, карьеризм, классовый образ мысли, гражданская трусость и продажность получили такое распространение и укоренение, такую силу и до такой степени исказили душу, отодвинули патриота, заглушили гражданина и погасили государственное мышление, что пробудить это потребует особых длительных, воспитывающих усилий со стороны национально-государственной власти. Рано или поздно это удастся. Но спасения можно ждать только от выделения истинно дееспособного кадра, от лучших людей.

Как же возможно осуществить это?

КРИЗИС ДЕМОКРАТИИ ОБОСТРЯЕТСЯ

Когда двадцать лет тому назад автор этих строк выступил в печати с рядом статей, вскрывавших кризис современной демократии, то он встретил слева явные признаки раздражения, обиды и гнева. Это было понятно: эта критика оскорбляла политическую «веру», подтачивала мирозерцание людей, покушалась на усвоенные ими «нравственные» основы. «Демократия», как «знамя жизни», была тогда, да для многих осталась и теперь — «священным догматом» бытия, критерием добра, заветным идеалом, той высшей целью, которой они посвятили свою жизнь, ради которой они боролись, приносили жертвы и гимнами провожали в могилу своих товарищей, героически «павших в борьбе роковой»... Она заменяла людям утраченную религию, и их «демократическая гуманность» с ее фальшивой сентиментальностью, обращенной исключительно налево, составляла последний искаженный остаток христианства. От демократии ждали, да и теперь ждут, — ждут с уверенностью, с пафосом, с инквизиционной нетерпимостью, — «спасения» для будущей России. Кто приемлет эту веру, тот «человек», деятель, строитель будущего; ему открыты «двери», «салоны», газеты и издательства; он будет приглашен во всевозможные «координирующие» «субординации», а в «решающие дни российской эмиграции» (как теперь заносчиво и глупо выражаются) ему позволят сесть за один стол с болтливо-претенциозными «вождями» и получить «свою долю» в распределении добытых «нумизматических коллекций»... Но кто не приемлет эту веру, тот будет беззастенчиво оклеветан, извергнут, изолирован и демократически казнен по системе организованного «замалчивания».

Так было двадцать-тридцать лет тому назад, так осталось и теперь. На свете существует и сплоченно работает демократическая инквизиция. И чем она настойчивее и активнее, тем больше жертв, мук и крови потребуются в будущем для того, чтобы люди отрезвились и образумились от этого демагогического угара... Однажды эта инквизиция будет, конечно, изжита наподобие того, как изжилась и угасла католическая инквизиция, но до тех пор мы, все мы, не разделяющие эту слепую веру и обладающие другими, религиозно-духовными основами мирозерцания, должны быть готовы ко всякой клевете и ко вся-

кой интриге. Недемократ должен знать и помнить, что законы чести, порядочности, права и свободы в применении к нему будут истолкованы в самом превратном и для него вредном смысле; что демократическая инквизиция всегда будет требовать «гуманности» — налево, даже для заведомого и избалованного атомного шпиона, но никогда не вспомнит о «гуманности», когда дело коснется патриотов и героев правого умонастроения. Последние десять лет дали тому более чем достаточно иллюстраций и доказательств.

Но все это относится к «идеологам» демократии. А между тем исторический процесс развивается сам по себе, независимо от этих фанатиков и инквизиторов, и свидетельствует недвусмысленно о том, что кризис демократии все углубляется и обостряется... Основные черты его могут быть описаны так:

1. Исторически демократия выступала с протестом против «дурного» управления и «дурных» правителей старого режима. Ее претензия состояла в том, что именно она призвана указать прекрасных правителей и справедливое управление. Демократия претендовала на выделение нового, истинного политического отбора: новой «аристократии» свободы, справедливости, честности и характера; и все это должно было осуществляться периодически всеобщими и равными выборами. И вот эта претензия слишком часто не оправдывается. Выборы стали выделять слишком много партийных честолюбцев; «деятелей», лишенных политического и хозяйственного опыта; людей с интернационально подорванным патриотизмом «политиков», радеющих не о государственном деле, а о классовых и партийных завоеваниях; демагогов вроде Гитлера, Геринга, Геббельса, Тельмана, Тореза, Тольятти, Дмитрова, Бэвана и Джона Льюиса; международных нырял вроде Парвуса-Гельфанда, Радека и Лео-на Блюма; авантюристов-предателей вроде Альфреда Розенберга, Пьера Лаваля и норвежского Квислинга; спекулянтов-приобретателей вроде Ставицкого; близоруких политиков вроде Мэкдональда и Чемберлена-мюнхенского; и многое множество парламентских карьеристов. Таким образом демократические выборы не обеспечили нового качественного отбора и выдвигали людей небольшого государственно-мирового масштаба.

2. Далее, кризис демократии вызывается тем, что ее форма обезволивает государство и государственную власть. За последнее столетие сложность и ответственность государственных задач все возрастала. Культурная, хозяйственная и националь-

ная жизнь народов дифференцировалась (т. е. становилась все сложнее и многограннее), а единство и сила государственной власти шли в демократиях на убыль. Демократия несет государству расслоение, самоутверждение корыстной особи, идею классово-партийной борьбы, партийную непримиримость и волевым застой. Демократия хочет строить все на «сговоре» и в то же время развязывает центробежные силы. Она не желает сильной власти и задвигает крупных, волевых и сильных людей. Она принципиально вовлекает всех в политику и будит в людях честолюбие, властолюбие и жажду фигурирования. Ее политика очень легко приобретает черты беспринципного ловкачества, демагогии, интриги и торговли. Этим она растрчивает время и энергию и попирает принцип экономии сил. Демократия лишь с большим трудом добивается государственного единения; она презирает начала авторитета, субординации, водительства и принуждения; и не понимает, что за этим скрывается тяга к революции и анархии. Единая, сильная, прочная, устойчивая и ответственная власть не желательна ей и не дается ей — и в этом заложено начало кризиса и распада. Преуспевать она может только в малых и притом невоюющих государствах, подобных федеративной Швейцарии; или же в государствах с устойчивым благосостоянием (Соединенные Штаты, прежняя Англия).

3. Итак, вовлечение всех в политику, в голосование, в избирание и в кандидирование — входит в самую сущность демократического строя. Но всякая подача голоса есть суждение о судьбах народа, о государстве, о строении власти, о национальной культуре, о церкви, об армии, о финансах, о школе, о воспитании, о праве, о суде и о хозяйстве страны. А так как «все» отнюдь не компетентны во всех этих великих делах и ответственных задачах, то почти все эти изъявления оказываются превышающими личную силу суждений у голосующего. Люди судят и решают о том, о чем понятия их отнюдь не позволяют им судить. Поэтому они отвечают не на тот вопрос, о котором их спрашивают; они подменяют ответственный и претрудный вопрос — безответственным и легким. Их спрашивают о едином и общем благе народа и государства, а они отвечают о своем личном или партийном интересе. Им не хватает правосознания, знаний и гражданского мужества. Поэтому демократическое голосование пытается извлечь публичное спасение из множества ошибочных и недоразуменных суждений, из вороха шкурных ответов. Вот почему мудрый Томас Карлейль воскли-

цал с неподдельным отчаянием: «Мир изобилует олухами, а вы добились всеобщего голосования!»

Поэтому демократии слишком часто выбирают не лучших и не компетентных людей, а массовых «угодников», обещателей, льстецов, демагогов, крикунов и честолюбцев. Голосование здесь безответственно, а тайная процедура «хоронит все концы в воду». Остальное доделывает арифметический подсчет голосов: он и решает, которая из партий, проламывающаяся к власти всеми правдами и неправдами, «победила» и в данный момент «имеет право» захватить государственную власть.

Итак, принцип демократии есть безответственный человеческий атом и его лично заинтересованное и некомпетентное изволение. В этом уже заложено начало кризиса.

4. Демократ строится механизмом выборов. Этот механизм якобы основывается на «свободе мысли» и «воззрений»; и именно в силу этого он предоставляет в государственном деле каждому неучу право на невежество, каждому глупцу право на тупость, каждому жадному право на продажность, каждому бессовестному человеку право на интригу, каждому неразоблаченному предателю право на предательство. О воспитании ответственности и о прикреплении личного голоса к основам здорового правосознания формальная свобода не позволяет и думать. Об умственном и нравственном ранге людей принцип равенства не позволяет и заикаться. Зато слепая и мстительная партийность часто разворачивается во всей своей вредоносности.

Но партийная работа требует прежде всего личного честолюбия и денежных средств. И вот, оказывается, что демократия напрягает и развязывает в народе силы честолюбия и ставит их в зависимость от финансовых ассигнований. Наивно было бы думать, что партийные денежные средства, необходимые на издание газет и брошюр, на пропаганду и агитацию, на содержание организационных центров, на разъезды ораторов и на подкуп нужных лиц, могут быть собраны партийными членскими взносами. Эти средства поступают обычно из непроглядной кулисы, из источников, которые, например, в современных Соединенных Штатах, то и дело подвергаются заподозрению и безнадежной «проверке»: ни партийные деньгодатели, ни партийные деньгополучатели не заинтересованы в публичной и недвусмысленной отчетности, и все тонет во тьме. Наиболее яркими образцами партийного «субсидирования» являются

сношения между Лениным и Людендорфом (через Парвуса-Гельфанда), широкое излияние валюты национал-социалистами по всей Европе и та бесконечная растрата русских национальных средств, которая вот уже 36 лет практикуется советскими коммунистами во всем мире для оплаты партийных и избирательных голосов во всех странах света... Само собой разумеется, что кроме таких явно иностранных источников в каждой стране имеются еще свои внутренние: то полумеждународные, то национально-капиталистические, то правительственные, то конфессиональные...

Во всяком случае, история устанавливает как факт, что демократические выборы требуют больших партийных средств и расходов и что источники этих «дотаций» тонут в международной мгле и не встречают достодолжного разоблачения и отпора в демократиях. Таков четвертый главный источник кризиса демократии: партийная зависимость от непроглядных «дотаций», то внутренних, то прямо вражеских, нередко просто корруптивных...

Тот, кто внимательно продумает указанные мною опасности, раскрывающееся для демократического режима на каждом шагу, тот поймет без труда политические события последних двадцати лет; он сумеет верно предусмотреть и предстоящую политическую эволюцию.

Государство есть начало волевое и действенное. Его нужды и пользы требуют зоркого видения и решимости. Режим, не способный к волевым решениям будет неизбежно погрязать в партийной торговле и интриге, растрачивать время, упускать спасительные возможности и разочаровывать своих граждан. Вследствие этого голосующие граждане давно уже начали охладевать к своему «праву голоса»; и чем чаще их тревожат призывом к урнам, и чем сложнее жизнь страны, и чем сильнее волевые колебания и нерешительность правления — тем острее становится кризис демократии; особенно тогда, когда последние остатки гражданской жертвенности иссякают в войнах, а левые или правые демагоги манят «спасительными» программами, льстят массовым страстям и обещают волевою политикой. Демократические массы самых передовых государств не в силах разобраться в лживости и несбыточности этих демагогических посулов: это превышает их силу понимания и суждения. Помимо этого они дорожат частным прибытком и закрывают себе глаза на несовместимость этого вождельного

прибытка с национальным благом или даже публичным спасением. К этому их особенно неумолимо и систематически приучают социалистические партии, мыслящие по схемам классовой программы и интернациональной солидарности: «зачем вооружаться, когда в крайнем случае можно интернационально брататься?»; «что нам колониальные владения, когда пробил час для экспроприации стальной промышленности?»; «не к чему затрачивать деньги на постройку флота, когда лучше повысить рабочим заработную плату и тем привлечь их голоса на выборах!»; «нельзя увеличивать бюджет на авиацию, когда несколько миллионов партийной полуинтеллигенции требуют себе доходных мест в рядах социалистической бюрократии!»; «а может быть бесплатная выдача очков, париков и корсетов гораздо важнее для народного здоровья, чем надлежащий импорт жиров и мяса?»...

Во всех таких постановках вопроса смысл государственно-го бытия утрачивается совершенно; демократический режим начинает заживо разлагать государство и вступает в период острого кризиса (современная Англия).

Иной путь того же самого кризиса ведет через машину парламентаризма. Партии думают не о государстве и его судьбе, а о своих избирателях. Избирателям надо угождать, иначе грозит провал на следующих выборах. Но угождение это состоит в предоставлении им реальных благ: свои вождедения у крестьян, свои у рабочих, свои у городского мещанства... Все обременительное для них надо предотвратить; всякие облегчения и подачки им надо протащить через парламент. А тут, как назло, выступают конкурирующие партии, которые того гляди обещают и продвинуть больше. Отсюда эта специфическая «парламентская» атмосфера: «Я ни за что не дам тебе провести такую-то реформу, потому что я ее сам хочу провести; реформа нужна и хороша, но она должна идти не от тебя, а от меня; если же и ты мне тоже не дашь провести ее, то пусть она проваливается...» И еще: «Всякое министерство, спасающее страну не по моему рецепту, должно быть провалено!..» Или еще: «Вы мое министерство провалили, хорошо: за это я провалю всякое ваше министерство, будь оно хоть семи пядей во лбу и предлагай оно хотя бы одни мудрые и справедливые реформы...» Парламент превращается в какую-то спортивную площадку, совершенно лишённую «спортивного джентльменства». «Лес» забывает; остаются одни «деревья»; и люди, цепляясь за деревья, старают-

ся нанести друг другу обессиливающие удары палками. И только в одном враги готовы солидаризироваться: не пускать впереди людей с сильным, независимым характером, хотя бы мудрость и правота была всецело на их стороне. Есть такие шумливые и скучные машины, перетирающие тяжелые камни в гравий; они не строят, а только перемалывают. В такой законодательной машине ни одно государство не нуждается; и если парламент начинает молоть гравий, то он разочаровывает народ и губит государство.

Третий путь этого кризиса ведет прямо к диктатуре! Это путь безволия и творческого бессилия средних партий и обманной демагогии со стороны крайних партий — то левых, то правых. Опыт истории показывает, что народные массы ценят в демократии не свободу, а прибыль. Свобода нужна тем, кто ведет духовную жизнь; безмерная свобода особенно желанна, честолюбцам, карьеристам и демагогам. Широкие же массы мечтают о легком и быстром улучшении своего материального состояния: меньше налогов, меньше повинностей, меньше работы, отсутствие сословных (а по возможности — и образовательных) ограничений, легкое обогащение, легкое карьерное возвышение, прочность «социальных завоеваний», комфорт и удобство (автомобили, мотоциклетки, велосипеды) и поток развлечений. С самой древности, выдвинувшей лозунг «хлеба и зрелищ», изменилось немного; точно сформулировал это мне недавно итальянский подросток, сводивший все к лозунгу «хочу развлечений» («io volo divertisi»).

Подобно этому наивно и неверно воззрение, будто народные массы стремятся к равенству; совсем нет, они хотят неравенства в свою пользу («ôte toi de l'a que je m'y mette») и считают это «справедливостью». В основе же этого мнимого «эгалитаризма» лежат жадность и зависть.

Вот почему в периоды исторической нетерпеливости (после стихийных бедствий, эпидемий, войн, во время экономических кризисов, революций и гражданских войн) слух народных масс оказывается особенно обостренным и отзывчивым для всяких «волевых» программ имущественного сдвига, передела или просто грабежа. И надо признать, что демократический строй, приучающий массы не к служению, а к приобретательству, не к жертвенности, а к притязаниям — готовит сам себе крушение именно в этом направлении. На всякого «обещателя» найдется более беззастенчивый конкурент; на всякого социаль-

ного демагога найдется превосходящий его проповедник уголовного грабежа (Ленин: «грабь награбленное»). И если демократия организует сущий «аукцион» государственной власти, то ее сметет революция, разрешающая «вольную экспроприацию» — и народ отдаст «свободу» за прибыток и «равенство», за вольное захватное неравенство в свою пользу. И тогда все это увенчается левым или правым тоталитаризмом....

Эволюция демократического режима совершается за последние 20 лет именно в этом направлении. На наших глазах демократическая Германия организовала себе правительственное безволие, накопила 6 миллионов безработных, отеклась от свободы и голосования и рухнула в правый тоталитаризм Гитлера, увлекая за собою всю восточную половину Европы (1933—1945). На наших же глазах разложился демократический Китай Сун-ятсена и провалился в кровавый тоталитаризм Маотзентунга. На наших глазах совершается распад английской империи, метрополия которой предалась демагогическому социализму; и надо еще знать, что за первую половину 1953 года Эттли и его партия настолько полевели, что выставили в своей программе новое возвращение к социализму (новый захват промышленности, вмешательство в строение кораблей и воздушных аппаратов, в дело продовольствия, возврат к бесплатному лечению и т. д.): они ничего не забыли и ничему не научились...

А ныне все указанные нами опасности надвигаются на Францию и на Италию.

Поучительно, что тревога за устойчивость демократии, вызываемая указанными нами опасностями, обнаруживается и в кругах самих «верующих» демократов. Приведу несколько показательных выдержек из современной прессы.

Вот что писали, например, за последний месяц авторитетные демократические газеты объективной Швейцарии.

Франция «со своим парламентом, совершенно не поддающимся ни руководству, ни предусмотрительному учету, с этим парламентом, выбрасывающим из седла всех претендентов на пост министра-президента, одного за другим, — опустилась на самый низкий уровень своего политического развития». «Из двадцати политических кризисов, разыгравшихся после освобождения страны от оккупации, современный кризис является самым злостным, грозящим скорее всего развернуться в кризис государственный...» Этот кризис «гасит всякую надежду на скорую нормализацию нынешних хозяйственных и платежных

отношений... И та отчаянная политика отчаянных мер (Desperado-Politik), которая стала ныне неизбежной, скоро отомстит за себя всему французскому хозяйству».

Еще гораздо резче прозвучали слова председателя французского парламента Эррио: «У нас всякая политика уперлась в мертвую точку. В глазах всего мира мы оказываемся неспособными наладить собственные внутренние дела. Никогда еще Франция не страдала подобным малокровием. Наша угрожаемая, ославленная и презираемая страна гибнет от того, что каждый требует жертв от другого, но не желает принять их на себя»... — Тот, кто просматривал за этот месяц французские газеты «L'Aurore», «Le Figaro», «Le Monde», находил в них слова настоящего политического отчаяния. Что делать? Где спасение? В роспуске парламента? В обновлении конституции? Мы отвечаем: в обновлении и облагораживании национального правосознания...

Слова эти были только что написаны, как телеграф принес из По текст последней речи французского президента Венсена Ориоля. Приводим буквальную выдержку: «Демократия есть труднейший из всех режимов». Она требует от граждан и от их представителей большого гражданского мужества, соглашений и единомыслия! Иначе она вырождается в анархию и бессилие. Поэтому необходим государственный авторитет для того, чтобы бороться с этой болезнью, которая грозит всем свободным режимам и в особенности режиму во Франции. Государственный авторитет необходим для того, чтобы защищать национальный суверенитет от нападений со стороны различных интересов, которые желают оказывать давление на парламент. Необходим пересмотр французского государственного устройства, но еще неотложнее реформа политических нравов во Франции». В заключение Ориоль вспоминает завет великого французского короля Генриха Четвертого (первого из Бурбонов, 1555—1610): «Мы родились не только для себя, но, прежде всего, для того, чтобы служить родине...» Мудрые и верные слова Ориоля, увы, конституционно бессильного и беспомощного главы государства!

Еще в более серьезном тоне обсуждаются итоги последних выборов в Италии. За последние годы казалось, что осторожная, но мудрая и социальная политика Де Гаспери консолидирует финансовое, хозяйственное и международное положение страны. Но июньские выборы 1953 года дали неожиданные ре-

зультаты: ослабление центральных, созидательных партий и радикализация крыльев; — мощное укрепление левого крыла и некоторое небольшое укрепление правого крыла. Коммунисты и их оруженосцы, левые социалисты Ненни, имевшие в 1948 году 8,1 миллиона голосов, получили на этот раз 3,6 миллиона (прирост в полтора миллиона). Католики («христианские демократы»), получившие ныне 10,8 миллиона голосов, потеряли за пять лет два миллиона. И вот люди встревожено спрашивают себя: что же будет, если такое явление возобновится на следующих выборах 1958 года? Тогда коммунисты соберут 11 миллионов голосов, а католики всего 9 миллионов — и Италия станет на путях легальной демократии провинцией Коминтерна!

Необходимо учесть при этом следующее. Голосовали и мужчины, и женщины. Процент активно участвующих был необычайно высок, выше 1948 г. Подано было из 30,2 миллиона голосов 28,3, что составляет почти 94,7 проц. Из мужчин воспользовались правом голоса 93,5 проц., из женщин 94,7 проц. — Возрастной ценз для выборов в сенат был 25 лет; для выборов в парламент — 21 год. Эти 4 года дают в общем те 2 миллиона голосов которые и были отданы крайним партиям. Важно отметить, что конфессионально итальянцы считаются католиками почти на 99 проц. всего населения. Марксисты являются в Италии отлученными от церкви. Огромные вспомогательные организации были пущены в ход католиками, чтобы привлечь голоса к католической партии; но выборы показали, что всего 40 проц. католиков пошли за церковь, тогда как остальные не посчитались ни с ее запретами, ни с ее угрозами. Падение политического авторитета Ватикана оказалось катастрофическим; а тайна голосования сокрыла массовый государственно-религиозный грех.

В результат Италия повернула налево. Обманные призывы коммунистов к «международному миру», к «социалистическому благополучию» и т. д. превозмогли. Слабость политического суждения у итальянских баб и ребят и свобода коммунистического лганья — пошатнули все здание итальянского государства. И швейцарская демократическая печать делает такие выводы. «Опасность, которая ныне грозит Италии, состоит в возможности, что демократия во имя демократических принципов разрушит демократию, т. е. себя самое». До первой войны не было никаких коммунистических и фашистских партий, а парламентские выборы и образование правительства были дейс-

твительно демократическими процедурами. Ныне, по опыту последних 35 лет, всякий знает, что коммунисты суть политические шулеры. Но если шулер предлагает кому-нибудь играть в карты, то тот имеет только две возможности: или избить шулера его собственными картами, или, еще лучше, совсем не садиться с ним за стол. Применительно к теперешней Италии это означает, что необходимо покончить с прежней близорукой и сверхтерпимой политикой по отношению к коммунистической партии. Терпеть дольше от лица демократии и смотреть, как сила, враждебная демократии, разрушает демократию — было бы самоубийством демократии. И вся судьба Италии, а с тем вместе и судьба свободной Европы зависит от того, поймут ли это Де Гаспери и другие демократические партии, включая и социал-демократов Сарагата, и сумеют ли они найти в следующее пятилетие перед лицом необычайно серьезной коммунистической опасности новые и более смелые решения или нет».

Трудно сказать, какие «более смелые» решения могут найти принципиальные демократы, еле-еле располагающие большинством в стране? Нельзя же запретить коммунистическую партию, владеющую почти десятью миллионами голосов в стране и представленную 70 депутатами в сенате и 218 депутатами в парламенте; да и правые социал-демократы на это не пойдут, ибо им выгоднее опираться на своих крайних левых «братьев». Не могут же «истинные демократы» решиться на гражданскую войну! Но они не могут также лишить права голоса итальянских баб и ребят... Решиться же на радикальные социалистические реформы в стране — значило бы отречься от своей программы и начать «увертюру» к коммунистической «опере». Остается правофашистский переворот, осуществляемый католиками... Но фашистская карта в Италии уже отыграна, скомпрометирована и бита.

Эта тревога швейцарских газет за устойчивость демократии в Европе вполне обоснована. Люди, подобные Бенито Муссолини, имеющие мужество открыто признать свои левые ошибки, оторваться во имя социальной программы от социалистической доктрины, и начать новый политический отбор на формально недемократических основах, — редки и задача их, как показала история двадцатого века, чрезвычайно трудна. Демократия подняла и расшевелила повсюду человеческую гущу, а коммунизм раздражил и мобилизовал из этой гущи человеческий отброс, который ныне готов затопить собою всякий но-

вый политический отбор. История фашизма в Италии и национал-социализма в Германии доказала это наглядно.

Вот почему мы имеем полное основание утверждать, что кризис демократии обостряется. И невольно спрашиваешь себя: неужели народам Европы недостаточно тех потрясающих социально-политических уроков, которые явлены в России, в Польше, в восточной Германии, в Венгрии, в Румынии, в Болгарии и в Китае? Неужели только то, что испытано на своей собственной «шкуре», способно открыть людям глаза? Неужели необходима школа коммунистического рабства и отчаяния?

КАКИЕ ВЫБОРЫ НУЖНЫ РОССИИ?

Как бы ни сложился дальнейший ход событий в России, никакие общегосударственные выборы не будут возможны в первые годы после падения большевиков: в хаосе не выбирают; в состоянии общего брожения, возвращения, переселения, без оседлости и приписки — выборы неосуществимы. Всякая попытка произвести выборы и провозгласить «учредительное собрание» — будет заведомой фальсификацией, партийной подтасовкой, политическим мошенничеством. Заранее ясно, что такая «демократия», начинающая с обмана и фальши — будет обречена.

Пока национальная диктатура не подберет себе честный и идейный правительственный аппарат, способный честно составить законные избирательные списки, до тех пор говорить о выборах невозможно. Представлять же себе дело так, что какое-то, кое-как сбитое, из закулисных щелей понасаженное «полусобрание» провозгласит себя «учредилкой» и объявит в виде избирательного закона «всеобщее, равное и прямое» голосование, значит прямо предвидеть фальсификацию выборов, как неизбежную, или даже готовить ее, как «желательную». Вряд ли кто-нибудь дерзнет на такое историческое позорище...

До всякого составления избирательных списков должен быть проведен генеральный, всенародный перебор граждан. Должен быть прежде всего издан закон, в силу которого право голоса не может принадлежать, — помимо несовершеннолетних (мужчин до 25 лет, женщин до 30 лет), слабоумных, сумасшедших, глухонемых, заведомых пьяниц и кокаинистов, — еще следующим категориям лиц: интернационалистам — навсегда; рядовым коммунистам — на 20 лет; членам Совнаркома, Политбюро, Чеки, ГПУ, НКВД, МВД — навсегда; палачам и полномочным начальникам концлагерей — навсегда; избличенным политическим доносчикам — на 20 лет; уркам — на 10 лет; всем, служившим в иностранной разведке, — на 20 лет; лицам пороч-

ных профессий (кои будут перечислены в законе) — на все время их промысла и еще на 30 лет по прекращении такового (к таким профессиям принадлежат: разбойники, дважды присужденные воры, скупщики и укрыватели краденого, конокрады, контрабандисты, содержатели и содержательницы публичных домов, сводни и сводницы, члены террористических партий и организаций, шулера, чернорыночные спекулянты, незаконные ростовщики и т. под.). Этот закон должен быть предан самой широкой гласности по крайней мере за год до составления списков.

В предлагаемом всенародном переборе граждан участвует, во-первых, весь народ на местах — по селам, поселкам, заводам, фабрикам и городским участкам; во-вторых, представители центральной власти. За год до составления списков глава государства собирает на особые съезды губернских начальников и городских начальников, чтобы разъяснить им основную задачу нового перебора и отбора. Здесь вырабатывается единая, общая инструкция, которая передается на места и публикуется во всеобщее сведение. Губернские и городские начальники разъясняют ее своим подчиненным (уездным, участковым и заводским представителям власти), а те разъясняют ее сельским и участковым собраниям.

Внимая этой инструкции, народ должен убедиться и поверить, что коммунистическая революция кончена, что партийный кошмар изжит, что начинается новое, разумное строительство, основанное на любви к России, на добросовестности, чести и честности, на частной инициативе, на верности доляльному правительству и на отбор лучших людей. Народ должен понять, что от него ждут не партийного притворства, не лжи, не доносов, не взаимного предательства и угодничества перед властью, а составления избирательных списков с устранением всех утративших право на голос.

Это устранение происходит закрытым голосованием на основании общего, еще не избирательного списка жителей, составленного участковым начальником. Голосованию подлежит всякий, против которого подано пять отводящих записок, без подписи, но с указанием законного основания для отвода. Например: Семен Семенович Гайдук отводится, как доносчик; или как палач; или как скупщик краденного; или как интернационалист. Записки прочитываются вслух, обсуждению не подлежат,

протоколируются и тотчас же уничтожаются; отведенный имеет право возразить публично; возражение его не обсуждается; вопрос решается простым большинством при закрытом голосовании.

Во всех случаях, где участковый начальник видит, что негодные элементы не отведены, а ценные элементы отведены, он обязан обжаловать производство перед губернским и городским начальником и добиться повторения процедуры. Там, где будет обнаружено сплоченное коммунистическое большинство и его успешные интриги, участок может быть оставлен совсем без избирательного списка.

Такова первая стадия: всенародный перебор. После него составляются избирательные списки в обычном порядке и со всеми гарантиями законности, справедливости и беспартийности. Эти списки определяют состав политически дееспособных граждан на 10 лет. Именно таковые и только они являются активными гражданами. По миновании сроков и утверждении списков самые выборы производятся в следующем порядке.

Выборы не должны быть «тоталитарными». Всякий, занесенный в списки, имеет право воспользоваться своим правом голоса и не воспользоваться им. Но выборы не должны быть и партийными: никаких партийных программ, плакатов, никакой агитации быть не должно. Выделение лучших — должно быть произведено самим народом, совершенно свободно и без всяких партийных «обещаний», нажимов, подсаживаний и иных фокусов. России необходимы не партийные заговорщики, не партийные штукари и перевертни, а люди реальной жизни и чести. Свобода голосования должна быть гарантирована его тайною.

Выборы должны происходить не на основами партийных предложений и рекомендаций, а по принципу личной известности и уважительности. Для этого необходимо избирание по участкам или малым округам. При таком порядке будет избрано минимум столько лиц, сколько будет всего избирательных участков (по одному на участок), или же вдвое, втрое и вчетверо больше. Это означает, что в первой стадии будут избираться не члены Государственной Думы, а выборщики и притом выборщики выборщиков.

Это означает, что желательны отнюдь не прямые выборы, а многостепенные, где на каждой «ступени» возможен спокой-

ный, трезвый, деловой отбор людей, со все более серьезным и глубоким осознанием цели и смысла избирания и где партии все более и более утрачивают свое вредное влияние. Примерно говоря: села выбирают волостных выборщиков, волостные выбирают уездных, уездные губернских, губернские членов Государственной Думы; в городах — малые избирательные участки посылают своих выборщиков в городской округ, окружные в главное городское собрание, которое и выбирает членов Государственной Думы. Народ должен воспринять «задание на лучших», и, почувствовав себя свободным, должен действительно вложиться в это дело и объединиться на нем.

Это были бы выборы общие (с повышенным качественным и возрастным уровнем), равные (ибо никто не имел бы более одного голоса), тайные (по способу голосования) и многостепенные.

Итак, я считаю совершенно необходимым осуществление всенародного перебора, повышение возрастного уровня и строгий, но справедливый и всенародный отвод порочных элементов. Далее, я считаю столь же необходимым освобождение народа от тоталитарного нажима сверху и от партийной агитации снизу: цель и задача выборов — отбор лучших — должна быть властно подсказана народу национальной диктатурой, но в осуществлении этой цели народ должен сохранить свою свободу. Диктатура должна не навязывать, а лишь предлагать народу своих кандидатов. И тем не менее я не считаю ни целесообразным, ни жиздительным предоставление выборного производства на волю случая, пустого количества и закулисной интриги.

Потрясение, пережитое русским народом, было слишком глубоко и длительно. Большевики недаром хвалились своей «твердокаменностью», «рукастостью» и «костоломностью». За все время своего господства они стремились произвести свою костоломную операцию над каждым русским человеком: поставить его культурно, хозяйственно и морально на колени и сломать ему духовный хребет. Пусть он попробует после этого самостоятельно встать на ноги... В результате революция нанесла правосознанию русского народа такие язвы, с которыми он, предоставленный самому себе, не скоро справится. Но именно поэтому освобождение от ярма не должно повести его к соблазну, идущему от политических партий. Верная задача выборов, — отбор лучших, — должна быть не просто указана

из национального центра (провозглашена); но самое разрешение ее должно встретить помощь и содействие. После тридцати- или сорокалетнего политического разврата и террора, русский народ, свободно выделяя своих лучших граждан кверху, будет нуждаться в помощи и контроле государственно мыслящего центра. Но эта помощь и этот контроль получают особую силу и значение именно тогда, если такая же помощь и такой же контроль будет оказан диктатуре со стороны самого народа. Вкладываясь в этот отбор, народ должен иметь возможность исправлять на ходу возможные ошибки помогающей ему власти. Помощь и контроль должны быть одновременными и взаимными; а отбор должен быть совместным и общим.

Чтобы это осуществилось, надо отказаться от слепой веры в количество собранных голосов и в его политическое значение. Надо искать качества и требовать его от избираемых. Ибо, в самом деле, от роста числа голосов заблуждение не превращается в истину, авантюрист не становится государственно мудрым человеком, предатель вроде Лавалья не заслуживает доверия. И если бы все, буквально все, потребовали бы в ослеплении политически губительных мер, то эти меры не стали бы от этого политически спасительными.

Далее, для этого надо отказаться от веры в партийную рекомендацию и искать достоверного и непосредственного знания рекомендуемого кандидата. На самом деле партия выдвигает совсем не лучших людей, а согласных с нею и послушных ей. Европейский политический опыт изобилует примерами, где лучшие люди совсем не выдвигались потому, что они не мыслили партийно, а имели свои личные воззрения; мало того, известна тенденция в европейских демократиях не выдвигать лучших именно потому, что они лучшие, выдающиеся, сильные, энергичные, независимые и потому для демократии, якобы, «опасные» люди. Достаточно вспомнить политическую карьеру Черчилля, которого долгое время «задвигали» (т. е. не давали ему ходу) за его явное превосходство. Партии не только не непогрешимы, но обычно тенденциозны, односторонни и думают не о государстве в целом, а о себе.

Далее, надо отказаться от механического и арифметического понимания политики, от заглазных и отвлеченных кандидатур, никому не известных, кроме партийного центра; надо вернуться к естественному, органическому общению в полити-

ке, при котором личное знание, личное уважение и личное доверие имеют решающее значение. Выборы должны быть не подсовыванием партийных карьеристов партийными карьеристами, а действительным отбором действительно лучших людей. Глупо искать всенародного спасения в безличном механизме, в партийном интриганстве, в нравственно и религиозно-безразличном совании записок в урны и подсчете голосов.

Надо отказаться далее от больших избирательных округов с партийными списками и от так называемых «прямых» (в сущности, «кривых» и мертвых) выборов и обратиться к малым округам, где все друг друга хорошо знают, где почти невозможно протереться вперед случайному авантюристу или профессиональному политическому «ныряле». Надо обратиться к выборам вдумчивым, проверяющим и перепроверяющим, к выборам многостепенным, творящим осторожный отбор и дающим ответственное предпочтение.

И в довершение всего надо искать на выборах государственного единения, а не бесконечного дробления в направлении честолюбия и властолюбия. Казалось бы, что могло бы быть справедливее пропорциональной системы? «Сколько голосов собрано, столько и депутатов»... Сама арифметическая «справедливость»! На самом же деле пропорциональная система прямо вызывает к жизни беспочвенный партийный авантюризм. Надо только «прибresti» голоса, захватить в свои ловко расставленные сети побольше наивных и доверчивых глупцов, и «ему», придумавшему соблазнительную программу, место в парламенте будет обеспечено. Само собою разумеется, что возникают не партии, а обрывки, осколки, ошметки партий: ни одна из них не способна взять власть, повести государство и оградить страну. Но разве это важно мелким честолюбцам и карьеристам? Им важно «выйти в люди», «фигурировать», словчиться на министерский или полуминистерский пост; а для этого существуют «компромиссы» с другими полупартиями и подфракциями. И вот государственное дело превращается в мелкий базар политических спекулянтов, в неустойчивое равновесие множества групп и группочек, в компромисс политических «нырял» и «протирал». Скажем прямо: в политический разврат.

А между тем, на самом деле люди, творящие политику, призваны искать единства, государственного спасения, некой еди-

ной программы, которая необходима государству; они призваны искать общего, единого, того, что у всех сразу или будет, или не будет — права, порядка, сильной армии, неподкупного суда, честной администрации, воспитывающей школы, прочных финансов, хозяйственного и культурного расцвета народа. Политика, по самому существу своему, означает единение, а не разброд, общее, а не частное (будь то личное или классовое), силу народа, а не изнеможение.

Это единение есть основа государства: единение граждан между собою и единение граждан с властью.

Именно поэтому неправы все те теории и доктрины, которые пытаются уверить нас, будто в основе политики лежит вечная и неизбывная борьба граждан с государственной властью: ибо, де, власть означает «нажим» и «гнет», а гражданство означает «свободу» и «независимость». Все эти теории революционного происхождения и анархической природы. Напротив: государство зиждется и держится добровольным признанием власти со стороны граждан, с одной стороны, и уважением и доверием государственной власти к гражданам, с другой стороны. На вражде государства не построить. Из вечной и ненавистной оппозиции граждан может вырасти только революция, разложение и гибель народа.

Вот почему грядущая Россия нуждается в такой избирательной системе, которая покоится на взаимном сотрудничестве народа и власти, на их сознательном объединении вокруг единой государственной цели.

Предлагаемая мною здесь избирательная система покоится на ясно сформулированной предпосылке, согласно которой государство есть не корпорация («все снизу») и не учреждение («все сверху»), но сочетание того и другого. Государство есть учреждение, которое ищет в корпоративном духе и в корпоративной форме — народного доверия и прочности, и потому чтит свободу своих граждан и добивается их сочувствия и содействия; и в то же время государство есть корпорация, которая ищет в учреждении силы и прочности и потому чтит авторитет своей власти и не посягает на ее свержение и поругание.

Это органически-духовное единение правительства с народом и народа с правительством должно проникать всю избирательную систему с самого низа и создавать следующий порядок.

Выборы должны быть разделены на небольшие участки, где все друг друга знают и где социально негодные элементы

столь же хорошо известны всем, сколь и социально ценные и почтенные люди. Далее, выборы должны быть построены на форме постепенно восходящей «лестницы» (трех- и четырех-степенные выборы). Принципиально в отборе лучших должны участвовать две стороны — народ и правительство. Обе участвующие стороны имеют право предлагать своих кандидатов и одобрять (или не одобрять) чужих кандидатов, конкурируя друг с другом в обретении лучших и проверяя друг друга в выделении подлинно достойных людей.

Поясним это на примере. В каждом селе избираются волостные избиратели, которые потом соберутся в волости. Допустим, что в данном селе надо выбрать четырех избирателей. И вот сельский сход избирает от себя тайным голосованием четырех, а начальник уезда назначает от себя тоже четырех. Это первая стадия отбора. В тот же день, непосредственно после первой стадии, начальнику уезда представляется список четырех избранных кандидатов, из коих он уполномочен и обязан двоих утвердить, а двоих отвести; а сельскому сходу представляется список четырех назначенных кандидатов, из коих сход тайной баллотировкой подтверждает большинством голосов двоих. Если обе стороны сколько-нибудь верны своей задаче, то есть ищут не льстецов, не проныр, не партийных демагогов и не «фашистов», а подлинно лучших людей, то двойная проверка даст необходимые результаты: четверо лучших будут «утверждены» и «подтверждены».

Волостные выборы, проведенные по той же системе, дадут такие же результаты для уезда. Это вторая ступень отбора. Уездные выборы (третья ступень) дадут губернских выборщиков. Наконец в губернии соберутся люди многожды и всесторонне отобранные и отсеянные в смысле морального и политического качества, и они произведут уже в обыкновенном порядке, без вмешательства администрации, свободно и тайно, выборы положенного числа членов «Государственной Думы».

Подобная же процедура выделения лучших будет проведена и в городах, но не в четыре ступени, а в три: выборы по участкам, выборы по городским округам и выборы общегородские.

Такая система выборов вводит в правосознание участников некий новый внутренний мотив: мотив соперничества из-за качества. Каждая сторона получает поощрение выдвинуть бесспорного кандидата; такого, которого нельзя отвести, не ос-

кандалившись; такого, качества которого говорят сами за себя; и при том выдвинуть его надо из данной среды, не «орателя», забежавшего со стороны, не неведомого политического пролазу, а местного, оседлого, известного, заявившего о себе в жизни — и словом, и делом. Да и стоит ли предлагать заведомого проходимца, если ему предстоит заведомое отвержение со стороны другого «партнера»? Не лестно ли самолюбию и честолюбию предложить таких кандидатов, достоинство которых будет признано единогласно? Правосознание и чувство собственного достоинства каждой из сторон получает особое побуждение и поощрение выдвинуть действительно лучших людей, против которых другая сторона решительно ничего возразить не могла бы: возникает волевое состязание о достоинстве, поиск объективно лучших людей, борьба за безукоризненных кандидатов. Политический «семафор» передвигает «стрелку» с количества на качество, ибо каждая сторона знает, что «негодное» будет отведено. Важным оказывается не партийность кандидата, а его годность, полезность, справедливость, честность, ум, опыт...

В одном случае такое сотрудничество правительства и народа получит значение взаимного совета и подсказа («вот кого надо!»); в другом — смысл исправления («нет, это ошибка!»); в третьем — смысл прямого отвержения («куда нам эдаких?!»); в четвертом — прямой солидаризации («вот и мы таких ищем!»); во всех случаях — смысл взаимной проверки и взаимного содействия в держании единого и общего государственного хребта.

Надо предвидеть, что такой порядок может иметь успех только при двух основных условиях: во-первых, при наличности в стране национально-мыслящей и непартийной диктатуры, не впадающей ни в правый, ни в левый тоталитаризм, но дорожающей свободным отбором лучших людей в стране; во-вторых, при государственном отрезвлении народа. Тоталитаризм погубит корпоративное начало государственности и — или подавит, или исказит народное мнение; государственно не отрезвившийся народ будет бессмысленно ломиться в распадение и анархию и пойдет за теми демагогами, которые погубили Россию в 1917 году. Тогда наша система выборов может дать самые отвратительные и гибельные последствия: тоталитарная диктатура будет назначать и утверждать одних крайних правых, а народ будет выбирать и подтверждать одних крайних левых. Качество будет забыто. Крайние партии восторжествуют и вы-

боры превратятся в гнусное зрелище партийных драк и всеобщего развала.

То, что необходимо России после революции, — это государственно трезвая и мудрая диктатура и государственно отрезвевший народ, нашедший свою старую историческую установку: «Дело государственное вести честно и грозно»; оставить «криводушие» и «малодушие», «воровской обычай» и «смуту» и понять, что тот, кто «Русь несет розно», — губит сам себя.

Есть такой уровень правосознания, при котором не поможет никакая система выборов: деморализованная чернь вообще не способна к выборам (т. е. к выделению лучших), она неизбежно выделит худших и притом за частный прибыль (тот или иной вид коррупции). И подобно этому: если диктатура окажется в руках авантюристов-демагогов, то они «отберут» себе свиту и партию столь же низменную по уровню правосознания, сколь низки они сами. Нет и не может быть такой системы выборов, которая спасла бы государство от негодяев, если негодяйский политический уровень преобладает в стране.

Зато возможны и реальны такие избирательные системы, которые дали бы ход и успех худшим элементам страны, несмотря на то, что общий уровень правосознания гораздо выше этой политической черни. Демагогия и коррупция могут погубить страну при помощи демагогической и коррумптной системы выборов. И главная послереволюционная опасность России состоит в том, что ей извне (или, Боже избави, изнутри!) будет навязана именно такая гибельная система, при которой худшим элементам развязаны руки, а лучшие люди лишены возможности сказать свое свободное слово и не могут быть выдвинуты вперед и наверх.

Дело здесь совсем не в том, чтобы выделить «грамотных»: грамота сама по себе ничего не обеспечивает. Среди русских простых людей, особенно среди крестьян, всегда бывало немало государственно здоровых и даже мудрых людей, не умеющих ни читать, ни писать: а «грамотеи» нередко сразу выходят в плуты и прохвосты. Здесь дело в выделении государственно настроенных, а не партийных и не продажных людей. Чернь совсем не есть «чернь» труда и мозолистых рук, или чернь малого образования, но чернь воли, сердца и порока.

Невозможно и губительно переносить к нам из Западной Европы идею противогосударственного «спорта в политике»,

идею частнозаинтересованной толкотни вокруг государственного дела, идею классовой борьбы, всегда чреватой гражданской войною. Невозможно превращать Россию в смертную драку бесчисленных пауков в огромной банке, как этого хотят господа закулисные расчленители! Гибельно предоставлять партиям право на заговоры и на подготовку переворотов; или распродавать с молотка русскую государственную власть ценою обманных обещаний («кто больше?! — как было на выборах в Учредительное собрание 1917 г.). Все это было бы делом политической слепоты и государственного предательства...

Нет, России нужно совсем иное: организованная ставка на качество. Политическая чернь, политическая слепота и противогосударственная партийность погубят нашу Родину. Нам нужно подлинное выделение государственно здоровых элементов страны, к какому бы племени, к какой бы народности они не принадлежали.

О ПОЛИТИЧЕСКОМ УСПЕХЕ

Спросим же себя: что есть истинный политический успех и какими аксиоматическими основами определяется сущность политики?

Самые опасные предрассудки это те, которые замалчиваются и не выговариваются. Так обстоит особенно в политике, где предрассудки цветут буйно и неискоренимо. И вот первый политический предрассудок должен быть сформулирован так:

«Что такое политика — известно каждому, тут не о чем разговаривать...»

«Известно каждому»... Но откуда же это ему известно? Откуда приходит к людям верное понимание всего того тонкого, сложного и судьбоносного, что таит в себе политика? Что же, это правильное постижение присуще людям «от природы»? Или, может быть, оно дается им во сне? Откуда этот предрассудок, будто каждому человеку «само собой понятно» все то, что открывается только глубокому, дальнзоркому и благородному духу? Не из этого ли предрассудка вырос современный политический кризис? Недаром человечество постепенно приходит к тому убеждению, что наш век есть эпоха величайших политических неудач, известных в мировой истории. И может быть, уже пора извлечь уроки из этих неудач и подумать о новых путях, ведущих к спасению...

Было бы необычайно интересно и поучительно проследить через всю историю человечества и установить, какие данные, какие предпосылки ведут к настоящему политическому успеху и что надо делать, чтобы добиться в жизни такого подлинного политического успеха? В этой области человеческий опыт чрезвычайно богат и поучителен — от древности и до наших дней... Кто, собственно говоря, имел политический успех? Какими путями он шел к нему? Кто, наоборот, терпел крушение и почему? И, в конце концов, что же такое есть «политический успех» и в чем он состоит?

Установим прежде всего, что в неопределенной и легко вырождающейся сфере «политики» — отдельные люди и целые

партии могут иметь кажущийся успех, который в действительности будет фатальным политическим провалом. Люди слишком часто, говоря о политике, разумеют всякие дела, хлопоты и интриги, которые помогают им захватить государственную власть, не останавливаясь ни перед какими подходящими средствами, фокусами, подлостями и преступлениями. Люди думают, что все, что делается ради государственной власти, из-за нее, вокруг нее и от ее лица, — что все это «политика», совершенно независимо от того, каково содержание, какова цель и какова ценность этих деяний. Самая коварная интрига, самое отвратительное преступление, самое гнусное правление — является с этой точки зрения «политикой», если только тут замешана государственная власть.

Так, история знает людей и партии, которые делали свою скверную и преступную политику, нисколько не заботясь и даже не помышляя об истинных целях и задачах государства, о политическом общении, о благе народа в целом, о судьбах нации, о родине и о ее духовной культуре. Они искали власти, они желали править и повелевать. Иногда они совсем даже не знали, что они будут делать после захвата власти. Иногда они открыто выговаривали, что они преследуют интересы одного-единственного класса и ничего не желают знать о народе, в целом или об отечестве. Они бывали готовы жертвовать народом, родиной, ее свободой и культурой — во имя захвата власти и во имя классового злоупотребления ею. Иногда же они обманно прикрывались «социальной программой», с тем, чтобы после захвата власти творить свои собственные желания, вожделения и интересы... История знает множество авантюристов, честолюбцев, хищников и преступников, овладевавших государственной властью и злоупотреблявших ею. Нужно быть совсем слепым и наивным, чтобы сопричислять эти разбойничьи дела к тому, что мы называем Политикой.

Когда мы видим в древней Греции в эпоху Пелопоннесской войны, как люди высшего класса связываются такими обязательствами: «Клянусь, что я буду вечным врагом народа и что сделаю ему столько зла, сколько смогу» (см. у Аристотеля и Плутарха), то мы отказываемся признать, это «политической деятельностью»... Когда в той же Греции властью овладевают повсюду честолюбивые, жадные и легкомысленные тираны, то это не Политика, а гибель политики. Когда в Милете демократы, захватив власть, забирают детей богатого сословия и бросают их под

ноги быкам; а аристократы, вернувшись к власти, собирают детей бедного сословия, обмазывают их смолой и сжигают живыми (см. у Гераклита Понтийского), то это не Политика, а ряд позорных злодеяний.

Когда мы изучаем историю таких римских «цезарей», как Тиберий, Калигула, Нерон, Вителлий, Домициан, то мы чувствуем, что задыхаемся от отвращения ко всем их низостям и жестокостям, к их разврату и злодейству — и нет тех аргументов, которые заставили бы нас признать их деятельность «политической» и «государственной»: она остается криминальной и развратной.

Когда в Италии в XV веке воцаряются тираны, — почти в каждом городе свои, — то их злодеяния можно называть «политикой» только по недоразумению. Нет того вероломства, нет той жестокости, нет того ограбления, нет того кощунства, которого бы они не совершали; нет той противоестественности, перед которой они останавливались бы. Такие имена, как Галеаццо Мария Сфорца, Ферранте Аррогонский, Филипп Мария Висконти, Сигизмунд Малатеста, Эверсо д'Ангвиллари — должны найти себе место в истории мировых преступников, а не в истории Политики. Ибо политика имеет свои здоровые основы, свои благородные, духовные аксиомы — и тот, кто их попирает, причисляет сам себя к злодеяниям.

Робеспьер, Кутон и Марат были не политические деятели, а палачи. Тоталитарные деспоты и террористы наших дней позорят политику и злоупотребляют государством; им место среди параноиков, прогрессивных паралитиков и преступников, а не среди политических правителей.

И вот, если такие люди «имели успех», если им удавалось захватить в государстве власть и осуществить в своей жизни торжество произвола и своекорыстия, то это означает, что они «преуспели» в своей частной жизни, на горе народу и стране, а сам народ переживал эпоху бедствий и унижений, может быть, прямую политическую катастрофу. С формальной точки зрения их житейская борьба и их карьера имели «политический» характер, потому что они добивались государственной власти и захватывали ее. Но по существу дела их деятельность была антиполитической и противогосударственной. Как авантюристы и карьеристы — они «преуспевали»; но как «политики», они осуществляли позорный провал, ибо они губили свой народ в нужде, страхе и унижениях. Их «орудие» — государствен-

ный аппарат» — имел политический смысл и государственное значение; но их цель попирала всякий политический смысл и последствия их дел были государственно разрушительны. Тот путь, которым они шли, казался им, а может быть, и народной массе — «политическим»; но то, что они делали, и способ их деятельности, и создаваемое ими — все это было на самом деле противогосударственно, противообщественно, праворазрушительно, антиполитично и гибельно: источник несправедливостей, бесчисленных страданий, ненависти, убийств, развала и разложения.

Все это означает, что Политику нельзя рассматривать формально и расценивать по внешней видимости. Она не есть дикая скачка авантюристов; она не есть погоня преступников за властью. Есть основное и общее правило, согласно которому никакая человеческая деятельность не определяется теми средствами или орудиями, которые она пускает в ход, — ни медицина, ни искусство, ни хозяйство, ни политика. Все определяется и решается тою высшею и предметною жизненной целью, которой призваны служить эти средства. Государственная власть есть лишь средство и орудие, призванное служить некоей высшей цели — и не более того. Дело определяется тем великим, содержательным заданием, которому государственная власть призвана служить и в действительности служит. Политика не есть пустая «форма» или внешний способ; она зависит от цели и задания, так что цель определяет и форму власти и способ ее осуществления. Политика есть сразу: и содержание, и форма. И поэтому истинный политический успех состоит не в том, чтобы завладеть государственной властью, но в том, чтобы верно ее построить и направить ее к верной и высокой цели.

Итак, надо различать истинный политический успех и мнимый.

Частный, личный жизненный «успех» тирана — есть мнимый успех. Истинный успех есть публичный успех и расцвет народной жизни. И если кто-нибудь удовлетворяется устройством своей личной карьеры и пренебрегает благополучием народа и расцветом его национальной жизни, то он является предателем своего народа и государственным преступником.

Итак, что же есть истинная политика?

Политика есть прежде всего служение — не «карьера», не личный жизненный путь, не удовлетворение тщеславия, честолюбия и властолюбия. Кто этого не понимает или не примет,

тот не способен к истинной политике: он может только извратить ее, опошлить и сделать из нее карикатуру или преступление. И пусть не говорят нам, что «большинство» современных политиков смотрит на дело «иначе»: если это так, то все беды, опасности и гнусности современной «политики» объясняются именно этим.

Служение предполагает в человеке повышенное чувство ответственности и способность забывать о своем личном «успехе-неуспехе» перед лицом Дела.

Истинное Политическое служение имеет в виду не отдельные группы и не самостоятельные классы, но весь народ в целом. Политика по существу своему не раскладывает людей и не разжигает их страсти, чтобы бросить их друг на друга; напротив, она объединяет людей на том, что им всем обще. Народная жизнь органична; каждая часть нуждается в остальных и служит им; ни одна часть не может и не смеет подавлять остальные, используя их безответственно. Каждый из нас заинтересован самым реальным образом в благополучии каждого из своих сограждан: один бедствующий без помощи — ставит всех в положение черствых предателей; один нищий есть угроза всем; один заболевший чумою заразит всех; и каждый сумасшедший, каждый запойный пьяница, каждый морфинист есть общая опасность. Поэтому истинная политика утверждает органическую солидарность всех со всеми. И поэтому истинный политический успех доступен только тому, кто живет органическим созерцанием и мышлением.

Такая программа всеобщей органической солидарности ясна далеко не всем, и чем более человек духовно близорук и своекорыстен, тем менее она ему доступна. История знает бесчисленное множество живых примеров того, что массы совсем не желали настоящей политики и соответствующей ей программы, а валили за антиполитическими и противогосударственными предложениями демагогов. В XIX веке такую разрушительную практику, такой политически разврат формулировал и провозгласил Карл Маркс с его классово-партийной программой...

Но мудрые и верные отнюдь не должны соблазняться этим: они должны блюсти свое понимание и свою программу даже тогда, если это грозит им изоляцией и преследованиями. Надо иметь достаточно гражданского мужества, чтобы справиться и с изоляцией, чтобы принять и преследование, иными словами,

чтобы примириться со своим личным политическим неуспехом. Надо быть уверенным, что придет иное время, придут иные отрезвленные и умудренные поколения, которые признают этот кажущийся политический «провал» за истинный политический успех и найдут настоящие верные слова для осуждения политического разврата.

Но если настоящий политик встретит сочувствие у своих современников, тогда он должен вести борьбу и попытаться увлечь на верный путь широкие круги народа. Ибо политика есть искусство объединить людей, приводить к одному знаменателю многоголовые и разнообразные желания людей. Здесь дело не в том, чтобы люди «сговорились друг с другом на чем угодно», ибо они могут согласиться и на антиполитической программе, и на противогосударственных основах: сговариваются ведь и разбойники, и эксплуататоры, и террористы, и дтопокупатели... Нужно политическое единение, политическое и по форме, и по содержанию: лояльное, правовое, свободное по форме, и общенародное, справедливое, органическое и зиждущее по содержанию. И в этом состоит задача истинной политики.

Поэтому политика есть волевое искусство — искусство социального волнения. Надо организовать и верно выразить единую всенародную волю, и притом так, чтобы это единение не растратило по дороге силу совокупного решения. Ибо история знает множество примеров того, где «единение» с виду удавалось, но на самом деле уже не имело за собою реальной волевой силы: попутно делалось так много «нежелательных уступок», заключались направо и налево те неискренние лукавые «компромиссы», что люди охладевали и только притворялись «согласными»; на самом же деле никто уже не хотел — ни единения, ни его программы и когда начиналось строительство, то все рушилось как карточный дом. Вот почему политика есть искусство совместимого и решительного волнения: безвольная политика есть недоразумение или предательство, всегда источник разочарования и бедствий.

Отсюда вытекает, что политика нуждается в свободной и необманной (искренней) воле. Истинное единение покоится на добровольном согласии: люди должны объединяться не по принуждению, не из страха, не по лукавству и не для взаимного обмана. Чем меньше интриги в политике, тем она здоровее, глубже и продуктивнее. Комплот обманщиков, провокаторов, диверсантов, словом — людей бесчестных и безответственных

никогда не создаст ни здорового государства, ни верной политики. Чем больше в политике конспирации, тем больше в ней лжи и обмана. Чем сильнее влияние таинственной и двусмысленной закулисы, тем больше лжи, предательства и своекорыстия будет в политической атмосфере. Нельзя объединить и согласить всех; это не удастся никогда. Надо объединить лучших, умнейших, способных к ответственному служению, не связанных никакими закулисными «приказами» и «запретами»; а это объединение должно позвать за собой разумное большинство общества и народа. И при этом надо всегда помнить, что это «большинство» не способно творить и создавать, созерцать и строить политику: оно способно только отзываться на идею и поддерживать программу. Всегда все значительные и великие реформы вынашивались инициативным меньшинством и им же проводились в жизнь; а большинство только соглашалось, участвовало и подчинялось. Это отнюдь не означает призыва к тоталитарному строю, самому больному, извращенному и унижительному из всех политических режимов. Но это означает призыв — не переоценивать голос массы в политике, ибо масса не живет органическим созерцанием и мышлением, доступным только лучшему меньшинству, которое и призвано осуществлять его и вовлекать в него массу доказыванием и показыванием...

Для того, чтобы создать это единение, лучшие люди народа (т. е. именно те, которые хотят и могут служить общей органической солидарности) должны договориться и согласиться друг с другом, сомкнуть свои ряды и затем приступить к объединению народа. Если лучшие политики страны этого не сделают, то это дело будет вырвано у них противогосударственными антиполитиками. Это значит, что политика требует отбора лучших людей, — прозорливых, ответственных, несущих служение, талантливых организаторов, опытных объединителей. Каждое государство призвано к отбору лучших людей. Народ, которому такой отбор не удается, идет навстречу смутам и бедствиям. Поэтому все то, что затрудняет, фальсифицирует или подрывает политически предметный отбор лучших людей, — вредит государству и губит его: всякая властолюбивая конспирация, всякие честолюбиво-партийные интриги, всякая продажность, всякое политическое кумовство, всякая семейная протекция, всякое привлечение государственно негодных элементов к голосованию, всякое укравательство, всякое партийное, племенное

и исповедное выдвижение негодных элементов... Кто желает истинного политического успеха, тот должен проводить всеми силами предметный отбор лучших людей.

И вот то, что этот отбор может и должен предложить народу, есть осуществимый оптимум в пределах общей органической солидарности. Тут немедленно возникает ряд вопросов: как осуществлять эту цель? какие меры необходимы? какие законы должны быть изданы? и возможно ли немедленно отыскать и осуществить «всеобщую справедливость»? В ответ на эти вопросы необходимо всегда находить и предлагать наилучший исход из осуществимых. Никогда не следует мечтать о максимуме и ставить себе максимальные задачи: из этого никогда ничего не выйдет, кроме обмана, разочарования, ожесточения и демагогии. Нужен не фантастический максимум, а наилучшее из осуществимого (резвый оптимизм!).

Это означает сразу: политика невозможна без идеала; политика должна быть трезво-реальной. Нельзя без идеала: он должен осмысливать всякое мероприятие, пронизывать своими лучами и облагораживать всякое решение, звать издали, согревать сердца вблизи... Политика не должна брести от случая к случаю, штопать наличные дыры, осуществлять безыдейное и беспринципное торгашество, предаваться легкомысленной близорукости: истинная политика видит ясно свой «идеал» и всегда сохраняет «идеалистический» характер».

И в то же время она должна быть трезво-реальной. Ее резвый «оптимум» не должен покоиться на иллюзиях и не смеет превращаться в химеру. Но именно сюда ведет полное невежество массы и слепое доктринерство полуобразованных демагогов; и хуже всего бывает, когда такое доктринерство имеет успех у невежественной толпы и когда ему удастся закрепить свою власть системой террора...

Резвый и умный «оптимум» (наилучшая возможность! наибольшее из осуществимого!) всегда учитывает все реальные возможности данного народа, данный момент времени, наличные душевные, хозяйственные, военные и дипломатические условия. Этот оптимум должен быть исторически обоснованным, почвенным, зорко рассчитанным, реализуемым. Истинная политика — сразу идеалистична и реалистична. Она всегда смотрит вдаль, вперед — на десятилетия или даже на столетия; она не занимается торгашеством по мелочам. И в то же время она всегда ответственна и трезва и не считается с утопиями и про-

твоестественными химерами. Политика без идеи оказывается мелкой, пошлой и бессильной, она всех утомляет и всем надоедает. Политика химеры есть самообман; она растрчивает силы и разочаровывает народ. Истинная же политика имеет крупные очертания, она значительна и благодетельна; и силы ее возрастают от осуществления; и в то же время она никого не обманывает, но экономит силы и поощряет народное творчество. Ее судит время, и суждение грядущих поколений всегда оправдывает ее.

Для того, чтобы осуществить в жизни этот возможный «оптимум», политика нуждается в возможно лучшем государственном устройстве и в возможно лучшем замещении правительственных мест.

Государство есть властная организация, но оно есть в то же время еще и организация свободы. Эти два требования, как две координаты, определяют его задачи и его границы. Если не удастся организация власти, то все распадается в беспорядок, все разлагается в анархии — и государство исчезает в хаосе. Но если государство пренебрегает свободой и перестает служить ей, то начинаются судороги принуждения, насилия и террора — и государство превращается в великую каторжную тюрьму. Верное разрешение задачи состоит в том, чтобы государство почерпало свою силу из свободы и пользовалось своей силой для поддержания свободы. Иными словами — граждане должны видеть в своей свободе духовную силу, беречь ее и возводить свою духовную свободу и силу к государственной власти. Свобода граждан должна быть верным и могучим источником государственной власти.

Власть призвана повелевать и, если нужно, принуждать, судить и наказывать. В государстве никогда не должна иссякать импонирующая воля; сила его императива должна быть всегда способна настоять на своем и вызвать повиновение. Но это господство должно непременно обеспечивать гражданам свободу, уважать ее и блюсти ее. Внешняя деятельность государства (устройство порядка, взыскание налогов, законодательство, суд, администрация, организация армии) — не есть нечто самостоятельное и не может держаться как чисто внешний процесс, как дело «погонщика». Если вся эта деятельность становится чисто внешним делом (вынуждения, выжимания, проталкивания, приговаривания, наказывания, «окрика» и казни), — чем-то механическим, нажимом и прижимом, взывающим не к сер-

дцу и духу, а к страху и голоду (как в тоталитарных государствах), то государство рано или поздно терпит крушение и разлагается. Ибо на самом деле государственная жизнь есть выражение внутренних процессов, совершающихся в народной душе, — инстинктивных влечений, мотивации, волевых решений, импонирования, самовмещения, повиновения, дисциплины, уважения и патриотической любви. Государство и политика живут правосознанием народа и почерпают свою силу и свой успех именно в нем. И здесь важно, с одной стороны, правосознание лучших людей, а с другой — правосознание массы, ее среднего уровня. Держится правосознание — и государство живет; разлагается, мутится, слабеет правосознание — и государство распадается и гибнет. Правосознание же состоит по существу своему в свободной лояльности.

Вот почему всякая истинная политика призвана к воспитанию и организации национального правосознания. Это воспитание должно совершаться в свободной лояльности (не в запугивающем рабстве!) и приучать граждан к свободной лояльности, т. е. к добровольному блюдению права. Поэтому настоящий и мудрый политик должен заботиться о том, чтобы государственное устройство и состав правительства были приемлемы для национального правосознания и действительно вызывали в нем и сочувствие, и готовность к содействию. Так, если народное правосознание мыслит и чувствует авторитарно, то демократический строй ему просто не удастся. Напротив, правосознание с индивидуалистическим и свободным укладом не вынесет тирании. Нелепо навязывать монархический строй народу, живущему республиканским правосознанием; глупо и губительно вовлекать народ с монархическим правосознанием в республику, которая ему чужда и неестественна. Государственное устройство и правление суть «функции» внутренней жизни народа, ее выражения, ее проявления, ее порождения; они суть функции его правосознания, т. е. его духовного уклада во всем его исторически возникшем своеобразии.

Всякий истинный политик знает, что государственная власть живет свободным правосознанием граждан; поэтому она должна давать этой свободе простор для здорового дыхания и выражать эту свободу в жизни. А народ призван заполнять свою свободу лояльностью и видеть в правительстве — свое правительство, ограждающее его свободу и творчески поддерживаемое народом. Поэтому истинная государственная

власть призвана не только «вязать», но и освобождать; и не только освобождать, но и приучать граждан к добровольному самообязыванию. Власть «вяжет», чтобы обеспечивать людям свободу; она освобождает, чтобы люди учились добровольному подчинению и единению..

Однако государственная власть отнюдь не призвана к тому, чтобы развязывать в народе злые силы. Горе народу, если возникнет такая власть, — все равно, будет ли она освобождать зло по глупости или в силу порочности. Свобода не есть разнузданье злых и право на злые дела. Отрицательные силы должны обуздываться и обезвреживаться; иначе они злоупотребят свободой, скомпрометируют ее и погубят. Зло должно быть связано для того, чтобы добро была свободно и безбоязненно разворачивало свои силы. Поэтому истинная политика властно связует и упорядочивает жизнь, чтобы тем освобождать и поощрять лучшие силы народа.

Но и связанные силы зла не должны гибнуть. Истинная политика мудра, осторожна и экономит силы народа. Поэтому ей присуще искусство — щадить отрицательные силы и волевые заряды и находить для них положительное применение, указуя злему, завистнику, разрушителю, преступнику, разбойнику, бунтовщику и предателю возможность одуматься и приняться за положительный труд...

Такова сущность истинной политики. Таков путь, ведущий к истинному политическому успеху.

Политика есть искусство свободы, воспитание самостоятельно творящего субъекта права. Государство, презиращее свободную человеческую личность, подавляющее ее и исключаяющее ее — есть тоталитарное государство, учреждение нелепое, противоестественное и преступное; оно заслуживает того, чтобы распасться и погибнуть.

Политика есть искусство права, т. е. умение создавать ясную, жизненную и гибкую правовую норму. Государство, издающее законы темные и непонятные, несправедливые и двусмысленные, нежизненные, педантичные и мертвые — подрывает в народе доверие к праву и лояльность, развязывает произвол и подкупность в правителях и судьях и само подрывает свою прочность.

Политика есть искусство справедливости, т. е. умение вчувствоваться в личное своеобразие людей, умение беречь индивидуального человека. Государство, несущее всем несправед-

ливое уравнение, не умеющее видеть своеобразие (т. е. естественное неравенство!) живых людей и потому попирающее живую справедливость — накапливает в народе отрицательные заряды, которые однажды взорвут и погубят его.

Такова сущность истинной политики. Она творится через государственную власть и потому должна держать это орудие в чистоте; государственная власть, став бесчестной, свирепой и жадной, заслуживает свержения и позорной гибели. Политика дает человеку власть, но не для злоупотребления и не для произвола; грязный человек, злоупотребляющий своею властью и произволяющий, является преступником перед народом. Напротив, истинный политик переживает свое властное полномочие как служение, как обязательство, как бремя и стремится постигнуть и усвоить искусство властвования. И пока его искусство не справилось и не нашло творчески верное разрешение задачи, и пока он сам не освобожден от своего обязательства, он должен нести бремя своего служения — ответственно и мужественно, — хотя бы дело шло о его личной жизни и смерти. Государственная власть есть не легкая комедия и не маскарад, где снимают маску, когда захочется. Нет, ей присуща трагическая черта; она каждую минуту может превратиться в трагедию, которая захватит и личную жизнь властителя, и общую жизнь народа. Поэтому истинный политик обязан рисковать своею жизнью подобно солдату в сражении; и именно поэтому люди робкие и трусливые не призваны к политике.

И вот истинный политический успех доступен только тому, кто берется за дело с ответственностью и любовью...

Нет ничего более жалкого, как бессовестный и безответственный политик: это человек, который желает фигурировать, но не желает отдаться целиком своему призванию; который в своей деятельности всегда не на высоте; который не умеет расплачиваться своею земною личностью; который бежит от своей собственной тени. Это трус по призванию, который не может иметь политического успеха.

И нет ничего более опасного и вредного, как политик, лишенный сердца; это человек, который лишен главного органа духовной жизни; который не любит ни своего ближнего, ни своего отечества; который не знает верности, этого выражения любви, но способен к ежеминутному предательству; который с самого начала уже предает всякое свое начинание; который не имеет ни одного Божьего луча для управляемой им

страны; циник по призванию, который может иметь «успех» в личной карьере, но никогда не будет иметь истинного политического успеха. Вокруг его имени может подняться исторический шум, который глупцы и злодеи будут принимать за «славу». Вокруг него могут пролиться потоки крови; от него могут произойти катастрофические бедствия и страдания, но творческих путей он не найдет для своего народа.

История знает таких тиранов; но никаких Неронов, никаких Цезарей Борджиа, никаких Маратов не чествовали так, как их чествуют ныне при жизни и по смерти. Современные люди утратили живое чувство добра и зла; они принимают извращения за достижения, низкую интригу за проявление ума, свирепость за героическую волю, противоестественную утопию за великую мировую «программу». Наши современники забыли драгоценные аксиомы политики, права, власти и государства. Они «отменили» дьявола, чтобы предаться ему и поклониться ему...

И величайший, позорнейший провал игровой истории (русскую революцию) они переживают как величайший политический успех.

Но час недалек, и близится отрезвление.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ БУДУЩЕЙ РОССИИ

О ГОСУДАРЕ

Когда прислушиваешься к современным политическим мнениям и толкам, то незаметно приходишь к выводу, что наши радикальные современники внушают сами себе и друг другу, будто эпоха монархии безвозвратно «минула» и наступила «окончательно» эпоха республики, и будто монархист есть тем самым реакционер, а республиканец есть друг всего «высокого и прекрасного», всякого света, свободы и просвещения. Воззрение это прививается и распространяется искусственно, из-за кулисы и притом в расчете на политическую наивность и слепоту массового «гражданина».

Не подлежит никакому сомнению, что в нашу эпоху (на протяжении XIX и XX веков) чувство зависти вырвалось в политике из подполья и люди, не стесняясь, предаются ему во всевозможных формах и видах, начиная от беспредметного свободолюбия и кончая последним воплем моды, начиная от модернизма в искусстве и кончая похищением детей у богатых сограждан, начиная от плоской и злобной доктрины равенства и кончая политической интригой или коммунистическим заговором. Особенно надо отметить, что естественное и драгоценное чувство собственного духовного достоинства, к сожалению, отжило и извратилось в ложное учение о мнимом «равенстве» всех людей, ослепляющее в делах хозяйства и политики. Именно этим прежде всего и объясняется отзывчивость массового «гражданина» на агитацию республиканцев. С тем вместе меркнет чувство ранга, столь существенное во всех делах духовной культуры и особенно в религии. «Просвещенное» безбожие стало обозначать «свободу» и «равенство»; чувство зависти распространилось и на потусторонний мир и образ «демона-дьявола» оказался соблазнительнейшим из всех соблазнов. Замечательно, что это эгалитарное республиканство, внушаемое наивной массе и принимаемое ею, таит в самом себе свою

опасность и свое наказание. А именно: заговорщическое и революционное свержение монархического строя быстро приводит совсем не к республиканским свободам и «радостям», а к персональной тирании очередного авантюриста или к партийной диктатуре. Всюду, где необходима и спасительна сильная власть, — а в революционный период смуты и разложения она особенно необходима повсюду, — слагается не многоголовая и многоголосая республика, а централизованный диктаториальный строй или персонально деспотического, или партийно-тоталитарного характера, в котором не только отсутствуют столь вожделенные «республиканские радости», но в коих произвол заменяет собою право и возникает новое неравенство, открывающее двери всем сомнительным или худшим элементам страны. И вот лягушки, добивавшиеся республики, «от дел своих казнятся» (Крылов) и медленно, туго, с неискренними оговорками, начинают все же постигать назначение и благо монархического строя.

В этой связи становится понятным целый ряд особенностей нашего смутного времени. Люди отворачиваются от монархии потому, что утрачивают верное понимание. Просыпаясь к политической «сознательности», они смотрят на государственную власть жаднозавистливым глазом снизу и чувство собственной малости, подчиненности, приниженности гложет их обидою. Что же видит такой глаз в монархе?

Высочайшую «превознесенность», которую нельзя ни «принять», ни «посетить». Он «велик», а я мал. Но чем же он так особенно «велик»? И почему же я так безусловно мал, до беззащитной покорности? Ведь справедливость требует равенства... А здесь строй торжествующего неравенства! Ему принадлежит «вся полнота власти», а я — «ничто», обязанное слепо повиноваться. Он один из самых богатых людей в стране, а я еле живу и кое-как перемогаюсь. Он может делать все, что захочет, и не подлежит никакой ответственности; во всей стране есть единственный «свободный» человек, это он, а мы, остальные, — не больше, чем его «подданные? Он может сделать со мною все, что захочет, вплоть до отнятия имущества и казни; а я обязан все терпеть. Вся жизнь его — сплошное развлечение и наслаждение... Какие роскошные дворцы, какая обстановка, какие наряды, коллекции, драгоценные камни, посуда, прислуга, лошади, автомобили... Какие пиры, какие женщины, какой почет! И никто его не выбирал. И ни в чьем одобрении он не нуждается. Уве-

ряют даже, что он не связан никакими законами и что каждое его желание — для всех закон. Словом, в монархии все устроено так, чтобы возмущать всякого «порядочного» человека и накапливать «общественное негодование». А наследственность этого звания имеет только тот смысл, что она увековечивает этот «возмутительный» строй и порядок.

Так смотрит и видит Государя завистливый и жадный взгляд снизу. Этот взгляд свойствен нашей эпохе особенно, и притом потому, что современное «просвещение» вот уже более полутора столетия лет насаждает в душах материалистическую установку, приучающую видеть внешнее, чувственное, общедоступное, поверхностное и отучающую видеть в жизни и делах — внутреннее, нечувственное, сокровенное, глубокое. Духовные и религиозные предметы — ради постижения и осуществления коих только и стоит жить на земле, — все меньше говорят современному человеку, так что, в конце концов, он вообще перестает с ними считаться и объявляет их несуществующими, реакционной выдумкой. Множатся люди духовно слепые и притом в высшей степени довольные своей слепотой. «Все, чего им не взвесить, не смерить, — Все, кричат они, надо похерить! — Только то, говорят, и действительно, — Что для нашего тела чувствительно»... (А. К. Толстой).

Так у них обстоит во всем, и в политике. То, что их манит и удовлетворяет, — есть формальная демократия, не требующая от гражданина силы суждения; это развязывающие человека «права», не связанные с правосознанием; это «самоопределение» и «самоуправление», не обеспеченные духовной самостоятельностью человека; это «глава государства», ничего не возглавляющий и никуда не ведущий — иллюзия права и государства и реальность лукавого карьеризма и закулисной интриги. Естественно и неизбежно, что люди, живучие таким духовным актом, в котором нет ни духа, ни сердца, ни разума, ни совести, ни созерцающего ока, а есть только поверхностные сведения, расчет, рассудок, изворотливость и внешнее наблюдение, — не имеют внутреннего органа для восприятия Государя и для живого монархического служения. Они теряют Царя и в сердце, и в голове; не понимают монархии и произносят о Государе те поверхностные глупости и пошлости, которые мы только что охарактеризовали.

Сравнительно недавно еще, в эмиграции, один поверхностный и сумбурный публицист, наивно считающий себя «исто-

риком», на мой прямой вопрос, «монархист ли он», ответил со злобою: «я не холуй», как если бы только одни холуи могли быть монархистами.... Но так уж они духовно ушиблены, эти болтуны.

Современный исторический опыт показал нам, что они готовят себе и своим народам. Мы же обязаны показать им, что есть истинная идея Государя, которую они утратили своим завистливым сердцем и формальным рассудком.

Но при этом мы не делаем себе иллюзий: они вряд ли увидят показываемое, вероятнее всего, не поймут того, что мы имеем в виду, и наверное не примут его в смысле согласия. Что увидит человек с завязанными глазами? Что поймет тот, кто оторекся от разума во имя плоского рассудка? Как примет человек сердцем, если он исключил свое сердце из жизни и поставил себе свое бессердечие и пустосердечие в особую доблесть? Музыка не скажет ничего глухонемому. Радость чести и честности остаются недоступными тому, кто ищет жизненного и политического успеха во что бы то ни стало. Все это мы предвидим. Но это несколько не меняет сущности вещей.

Чтобы верно увидеть идею Государя, надо понять, что принадлежащая ему в государстве верховная власть отнюдь не безгранична, а связующие его верховные обязанности возлагают на него такое бремя, с которым человек может справиться только принося себя целиком в жертву, испрашивая благодатную помощь свыше и опираясь на всенародное верное служение в своей стране.

Это означает, что дело Государя есть самоотверженное служение и что служение это состоит в государственно верховном властвовании. Такое единство властвования и служения имеет существенное, определяющее значение; оно не может и не должно расторгаться. Гражданин, видящий одно только властвование монарха, становится на путь протеста, легко переходящего в возмущение, в заговор, бунт и революцию. Монарх, понимающий свое дело лишь как властное произволение, незаметно впадает в противогосударственный «абсолютизм», презирает право и закон, становится деспотом и тираном, начинает править террором и вырождает всю государственную жизнь. В действительности же властвование Государя должно быть осмысливаемо — и им самим, и гражданами как служение и при том в каждом совершаемом акте; а служение его состоит именно в том, что он возглавляет, а во многих случаях и воплощает начало власти в государстве.

Государь властвует. Но не потому, что он «властолюбив», а потому, что он к этому призван и обязан: в этом его служение. И нет ничего более нелепого, как если ему начинают ставить в укор это властвование. Государь, не способный к власти есть явление болезненное, опасное и, может быть, губительное для всего народа. При безвластном монархе в государстве начинается смута и замешательство: источник строя, законности и дисциплины, источник организованной государственной воли — иссякает; все колеблется, волевая жизнь государства останавливается, престол окружается честолюбивыми и властолюбивыми интриганом, всюду появляются вспышки произвола и анархии, начинается быстрая смена министров, растрата и расхищение драгоценной власти и лояльности. Или же рядом с безвольным Государем появляется его незаконный волевой «двойник», — иногда в лице его супруги или родственника, иногда в лице «временщика», избранного самим Государем, или ловко выдвинувшегося интригана...

Власть есть функция воли, и Государю подобает быть волевым человеком. Безвольный или слабовольный Государь, вечно колеблющейся или меняющий свои решения, «пресекает» сам себя и оказывается своим опаснейшим врагом. Он мертвит и разлагает жизнь государства и готовит сам себе печальный конец. Ему лучше заранее отказаться от своего права и не вступать на престол. Ибо к самой сущности монархии, относится решающее единоволие, противопоставляемое «многогласию», «разноволию» и необходимости бесконечных «дискуссий, голосований и многодушных, но неискренних соглашений. Монархия нуждается в единой воле, а не в колеблющемся безволии; в персональном и ответственном несении власти, а не в благодушном уклонении от решений и решительных мер.

Поэтому, надо признать, что безвольный и безвластный монарх является только видимостью Государя: он есть, но так, что его как бы и нет. И все, что творится при нем, — приписывается монархии и монархическому строю без достаточного основания: ибо в стране начинается республиканский хаос; и этот республиканский хаос с его губительным разложением, с его смутой совершенно неосновательно считается «монархическим режимом».

Государь призван к власти; он обязан властвовать и вести. А для этого ему необходима самостоятельная воля и повышенное, всеобъемлющее чувство ответственности.

Итак, первое, что необходимо понять в положении Государя, есть ограниченность его власти и безграничность связующих его обязанностей.

Власть Государя ограничена прежде всего законами природы и законами человеческого естества.

Государь вынужден считаться с климатом своей страны, с ее географическим положением, с ее пространством и объемом, с ее прошедшей историей. Для этого он должен изучить все это, видеть как бы издали возможности и невозможности своего государства, его нужды, потребности и опасности, грозящие ему судьбы и его державные задания. И вот вся жизнь Государя есть изучение и научение, взглядывание, вчувствование и созерцание. И притом не теоретически отвлеченное, как у научных исследователей, и не любительски-дилетантское, как у свободного обывателя, а практически-политическое, творческое, сопряженное с действительными замыслами и с величайшей ответственностью. Государь, не знающий своей страны и законов ее природы, не может и править: какие он проложит дороги? какие проведет каналы? культуру каких растений и животных подскажет он своему народу? какие насадит леса? какие отведет суховеи? какие осушит болота? какие оросит степи? какие укажет металлы и минералы, ископаемые и горные породы? Великие Государи все это разумели и обо всем этом пеклись, начиная от императора Адриана, 28 лет объезжавшего свое государство, и кончая французским королем Генрихом IV и особенно гениальнейшим из Государей Петром Великим. Безэтого — как подвинуть свою страну, как организовать ее оборону, как пробудить самодеятельность своего народа? А Государь за все это отвечает...

Далее, он должен разуместь законы человеческого естества и плодотворно считаться с ними. Он должен знать естественные потребности своего народа — в питании и в одежде, на суше и на море, в труде и в отдыхе, во время войны и во время мира. Он должен разуместь своеобразие тех народов, которыми он призван править, их характер, их веру, их обычаи, их национальную силу и слабости, их семейный быт и их способ прокормления, чтобы каждому из них подсказать лучший труд и лучшее самоуправление и чтобы каждый из них чувствовал себя признанным, оцененным и нашедшим свое место в сердце своего Государя. Для этого Государь должен всю жизнь неустанно изучать свое наследие, чувствовать себя как бы учеником свое-

го государства и притом учеником, обремененным властной ответственностью, — согласно той штемпельной печати, которую заказал себе и жизненно применял двадцатипятилетний Петр Великий, отправляясь за границу: «Аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую».

Отсюда видно, сколь велико трудовое бремя познания, лежащее на Государе. Образование его должно начинаться в детстве, чтобы закончиться лишь с его смертью. Особенного внимания от него потребует история человечества, которая раскрывает ему выношенный народами и монархами опыт правления, политическое и дипломатическое искусство, и, наконец, стратегию, как обязательную науку царей и полководцев. Государь, не понимающий этого, — как управит своим государевым делом? Какую реформу сможет он задумать и провести? Как распознает он людей? Каких назначить министров? Какую войну он сумеет обдумать и подготовить? Каких полководцев избрать? Какие победы одержать? — Ясно, что жизнь Государя насыщена ответственностью и трудом, как никогда и ни у кого другого. Ибо обыватель отвечает за себя и за свою семью; чиновник за препорученное ему дело; а Государь за все, за всю жизнь и судьбу своего народа.

Но на нем лежит еще многое другое и особенно — великая ответственность за свой царский род и его продолжение, а также за всю династию. Государь, получающий свой трон в порядке кровного преемства, должен иметь хорошую наследственность в естественноорганическом отношении. Телесно- или душевнобольной монарх не сможет нести бремя своего призвания и трона. Несчастье, конечно, может постигнуть каждого человека, и от заболевания (телесного или душевного) оградить можно далеко не всегда. Но достаточно вспомнить двух сыновей баварского короля Максимилиана II (XIX век) — Людовика и Оттона, страдавших душевной болезнью, чтобы понять, какие государственные затруднения могут отсюда возникать. Государь естественно и неизбежно отвечает за здоровье своих наследников и должен предвидеть все поддающееся предвидению. Брак, заведомо грозящий больным потомством, недопустим ни в смысле родительского разрешения, ни в смысле взрослого самостоятельного произволения. А это означает, что каждый член династии должен быть готов к тому, чтобы отречься во имя законов «эвгенетики» (наука и практика здорового потомства) от своей самой сильной любви и влюбленности. Здесь

жертвенность монарха не знает пределов. В вопросах брака Государь столь же мало свободен, сколько и в вопросах образования и быта, ибо брак царя есть дело династическое и государственно всенародное; и поэтому лучше отказаться от престола во имя «всепоглощающей» личной любви, чем ввести болезную наследственность в династическое преемство.

В этом порядке слагается вся жизнь Государя. Она имеет свой «царственный облигаториум», т. е. систему обязанностей, диктуемых престолом и связывающих монарха. Совершенно независимо от того, соответствуют эти обязанности личным склонностям Государя или не соответствуют, он должен стать «мастером» в их выполнении.

Он должен знать военный строй, уметь командовать, разуместь состав армии и современное оружие; он должен верно ценить наличный резерв своих армий, полководцев и командиров и уметь выбирать способных. Бремя разводов, парадов, смотров и упражнений никогда не снимается с него.

Он должен разуместь строение национального суда снизу доверху, понимать аксиому его независимости, добиваться повсюду суда «скорого, правого и милостивого» и мудро располагать принадлежащими ему правами помилования (прощение осужденных) и аболиции (прощение до суда), милуя везде, где возможно, и мужественно отказывая в помиловании, где это необходимо.

Он должен разуместь смысл и значение народного представительства — его введения, расширения и ограничения, смысл созыва и роспуска палаты — значение, пределы, соблазны и опасности избирательного права. Он должен исключить из народного представительства элемент «соперничества» с троном, и организовать его на основах взаимной верной помощи и лояльного сотрудничества; а это потребует от него великого терпения, такта и мудрости.

Он должен зорко и верно ориентироваться в положении международных дел и разуместь все хитросплетения дипломатической работы и среды. Он должен выработать в себе тот «шарм» обхождения, тот незаметный такт, ту легкую осторожность в словах и делах, которые никогда не станут «фальшивыми» и всегда останутся естественными и мудрыми проявлениями властного патриотизма. История всех стран изобилует примерами того, как международная бестактность Государя, обрушивалась на его народ бедствиями.

Далее, Государь есть призванный и ответственный воспитатель своего народа. Он должен верно разуть его характер, уровень его правосознания и его национальную идею. Он должен удостовериться в том жизненном бессилии, в котором пребывает невежественный народ — в опасности, исходящей от полуобразованности и «полунауки» (выражение Достоевского) и в том вреде, который несет с собой разрыв между интеллигенцией и простым народом. Словом, глубокие и руководящие идеи народного образования министры народного просвещения должны получать от своего Государя.

Воспитание же народа есть воспитание в нем патриотизма, чувства собственного достоинства, силы суждения, чувства ответственности — и в результате этого способности к самоуправлению. Воспитывать народ значит воспитывать его к свободе, к этому высокому искусству, сочетающему воедино самостоятельность бытия и верность предмету. И призвание Государя состоит не в том, чтобы подавлять свободную веру и свободное творчество в своем народе, но в том, чтобы растить и укреплять их. Полновластие дается монарху не для тоталитарного правления, как иные толкуют «абсолютизм», смешивая его с «самодержавием», а для освобождения своего народа к свободной религиозности и самостоятельному творчеству. Именно так понимал свое полновластие Петр Великий.

Понятно, что в вопросах политических убеждений и религиозной веры от Государя требуется величайший такт и сущее искусство.

Государь ни при каких условиях не может мыслить партийно и быть членом партии. Партий много, а народ один и Государь один. Партий много, но беспартийных гораздо больше, чем партийных (в Швейцарии, например, 86 проц. голосующих не записаны ни в какой партии). «Широко цареве сердце», в нем есть место всей стране. Партийный царь с партийным значком есть снижение и искажение. Орлий взор Государя должен глядеть в «солнце» своего народа и предоставить обывателям коснуться на партийную программу и добычу.

Еще глубже и тоньше отношение Государя к исповеданиям. Государю естественно иметь, кроме своего монаршего патриотизма, два источника вдохновения — религиозную веру и всенародную любовь. Вера наверное приведет его к известному, национально выношенному исповеданию и в соответствующую церковь, в которой он был рожден и духовно вскормлен.

Но это не значит, что он может и должен утопить силу своего монаршего суждения в мнениях современного ему духовенства: ни светская власть не должна посягать на церковь и на церковное дело, ни духовенство не должно посягать на власть Государя, на ее подчинение и поглощение. Взаимный совет и взаимная поддержка образуют здесь предел совместной свободы. Такова была древняя православная традиция на Руси. Обратное осуществлялось в Англии при Стюартах, где, например, король Иаков II, католик и приверженец иезуитов, оказывался в силу своих монарших прав главой протестантской церкви... Но это не означает также, что государственный и притом именно монаршей власти подобает свойственная католикам нетерпимость к другим исповеданиям: конфессиональная принадлежность не должна становиться (как это было при императоре Карле V) синонимом государственной лояльности, так, что все не католическое объявлялось непокорным и подвергалось возмездию. Напротив, монархическое государство призвано к веротерпимости по отношению к другим исповеданиям и может делать исключение из этого только для извращенных и не лояльно-агрессивных исповеданий.

Наконец, одно из важнейших призваний Государя и Династии состоит в том, чтобы иметь верную, творческую и устойчивую социальную, отнюдь не социалистическую, идею, т. е. план ведения государственных дел в неуклонном направлении свободной духовности, справедливости и хозяйственной продуктивности. Государь, не имеющий творческой социальной идеи, будет править от случая к случаю, от наущениа к наущениа, а может быть, и по отжившей и государственно вредной традиции, а может быть от каприза к капризу. А между тем он призван к своего рода социальному ясновидению: его прозорливость и дальнорзкость должны верно видеть, что именно (и именно у его народа) может развязать творческие силы, подвигнуть его к хозяйственному и культурному расцвету и пробудит в нем волю к справедливости. Для этого Государь призван стоять над всеми сословиями, классами и над всякими партиями: он должен быть свободен от заговорщиков, его выдвинувших, от легионов, его провозглашающих, от банкиров, его финансирующих и от мировой закулисы, пытающейся связать его государственную волю. Так, Императрица Елизавета Петровна и Императрица Екатерина Алексеевна не были свободны от своих заговорщиков и от ведомого ими сословия, и

поэтому не имели всенародной социальной идеи. К ней пытался пробиться Петр III, и не сумел, и не успел. О ней мечтал Павел I, но убийцы его опасались этой идеи, и история не дала ему времени. Настоящее поиски ее жили в душе Александра I; он начал с них, но войны и заговоры слишком обременили его царствование. Подготовительные работы были начаты при Николае I (освобождение трона от давления дворянства, как реакционного, так и революционного; творческий замысел отмены крепостного права властью Государя — у Жуковского, Пушкина и Гоголя; кодификация Сперанского; подготовительные комитеты 1826, 1835, 1839, 1840, 1846, 1848 и 1849 годов) и осуществлены Императором Александром II, которому за них отомстило подлым убийством революционное мещанство. Драгоценное время было затем упущено до 1906 года, когда революционные посягательства всенародной черни побудили, наконец, Императора Николая II принять социальную идею П. А. Столыпина...

Воплощенным носителем социальной идеи был Петр Великий. Из истории других стран, мы могли бы указать, напр., на социальные замыслы и меры Октавиана Августа, императора Адриана, Генриха IV Бурбона, консолидатора французской революции Наполеона Бонапарта («Code Napoléon») и многих других Государей (начиная с древних, социально мыслящих царей Греции и Рима).

Невозможно исчислить здесь все обязанности, несомые Государем, и описать все их бремя. Но нам достаточно сказанного и пора обратиться к основным выводам, вытекающим из верного понимания Престола.

После всего нами сказанного и установленного («Н. З.» 199—200) трудно представить себе человека, у которого хватило бы невежества или политической наивности для того, чтобы разглагольствовать о «привилегированности», или тем более о «безответственной привилегированности» Государя. Настаивать на этом могли бы только люди, изнемогающие от честолюбия, зависти и жажды равенства, или просто тупые от природы: они будут, по слову Козьмы Пруtkова, рассуждать о том, о чем их понятия им это не позволяют и суждения их будут совершенно неосновательны и глупы.

Граждан много, а Государь один. И от каждого из граждан идет к Государю нить правовой подчиненности; и эта нить обязывать и связывает Государя. Государь один в стране и от него идет к каждому гражданину нить власти; и эта власть связыва-

ет и обязывает Государя. И так во всем и всегда, он связан чужой подчиненностью и своею властью, даже и тогда, когда в данный момент и в отношении к данному гражданину ни власть, ни подчиненность ни в чем определенном, по-видимому, не выражаются.

Об этой связи своей с каждым гражданином и отдельности Государя прекрасно знают; они пользуются ею всегда и повсюду в ту меру, в какую им это нужно, — и тогда, когда выходят к бунтовщикам (холерный бунт, декабристы), и тогда, когда надписью на документе решают участь провинившегося (резолуция Александра III об освобождении «этой дуры Цебриковой»), и тогда, когда, подобно Императору Николаю II, проезжая мимо, отдают честь не кланяющемуся человеку в студенческой форме (Арцыбашев). Нить Государя, связующая его с подданным, не порывается и в отсутствие его (портреты, молитвы о Государе, «Зерцало», Гимн, поголовное отдание чести в войсках, дворцы, почтовые марки, царские ложи в театрах, формы свиты, оклики экипажей, и многое другое, рассеянное по всей жизни монархической страны). Дело не обстоит так, что человек, всю жизнь не выдавший своего Государя непосредственно, прожил «в отрыве» от него. В пространстве встреча двух людей, может быть, и не осуществилась, но нити правосознания имеют нематериальную природу и живут незримо и неосвязаемо: они не прекращаются оттого, что остаются без настоящего жизненного напряжения, и не теряют своего бытия оттого, что о них не думают. Ведь солнце светит и из-за облаков, и есть немало людей, которые трудно переносят лучи солнца без всяких покровов. И тем не менее солнце, с которым народное сознание так охотно сравнивает Государя, светит и через облака; оно сохраняет в своей власти и ночную спящую природу.

Поэтому надо признать, что в служении Государя нет «перерывов»: в каждую минуту своей жизни он несет все бремя своего служения и своей ответственности. С раннего детства он должен принять всю «нагрузку» своих подготовительных работ, занятий и изучений, независимо от того, что его, может быть, привлекают совсем другие предметы. С раннего детства воспитатели будут вырабатывать в нем ту всезаинтересованную наблюдательность, ту особую милостивую любезность, тот находчивый такт, которые необходимы ему в соответствии с его призванием. Он представляет собою начало национального единения, синтеза, органического центра, в котором все долж-

но сходиться и примиренно сочетаться. Поэтому, ему необходим особый диапазон видения, особый горизонт далекого расстояния и особое искусство интенсивного сращения, которое нуждается в живой активности и неутомимой пронизательности. Без этой пронизательности он не будет узнавать и выделять лучших людей: его окружают люди вкрадчивые, люди льстивые, люди «забавники» и «анекдотчики», опытные симулянты, порочные актеры, карьеристы.

Звание Государя, его обязанности и служение требуют от него, далее, памяти, но не механической, а органической, а также творческого воображения, в тишине выращивающего новые «плоды», новые планы и преобразования. Понятно, что это дело посягает на всю его личную жизнь, вовлекая ее в себя целиком.

Поэтому Государю естественно и необходимо приучить себя к тому, что просто «личной» жизни, «частной» жизни, как таковой, которая «никого, кроме него, не касается», у него — нет и не будет. Можно было сказать, что Государи проводят свою жизнь как бы в большом стеклянном помещении, стены, пол и потолок которого состоят из огромных увеличительных стекол, так что весь народ все время смотрит в эти стекла, видит все — и излишнее, и ненужное, и нередко, наоборот, не видит самого главного; и всегда остается готов к всевозможным пересудам и кривотолкам. Личная жизнь Государя есть во всем и всегда — достояние его народа: ее нельзя выделить из этого великого исторического потока, невозможно объявить ее «безразличной» во всенародном масштабе. Сказать, «что до этого никому нет дела», значит высказать неверное и совершить целый ряд ошибок в жизни.

Тот бесчеловечный разврат, которому предавался на Капри кесарь Тиверий, был, конечно, проявлением его «личной жизни», но в то же время он составлял центральное гноище всенародного римского существования. Личный уклад характера голландско-английского короля Георга III навеки вписан в историю английского народа. Милостивый Царь Алексей Михайлович строил милосердие своего народа; Петр Великий творил свою храбростью, волею и предвидением русскую национальную стратегию; личная жизнь Императрицы Екатерины II Алексеевны органически-политически отражалась на жизни и судьбе ее народа. Личная жизнь праведника Марка Аврелия развливала вокруг себя чистоту и духовное благоухание.

И так — везде, всегда и во всем. А это означает, что духовная и политическая ответственность Государя всеобъемлюща и

непрерывна. Все, касающееся Государя лично и его семьи, все есть достояние его народа, все входит в ореол его государственного облика, или, наоборот, в затемнение и искажение его облика. Низкие уличные компании роняли императора Нерона. Византия знала гнусных временщиков, одно появление коих у трона уже губило престол. Монарх есть вечный центр всенародного внимания; на тысячах незаметных путей каждое слово его, каждое деяние его передается во все стороны, как любопытная или даже драгоценная новость, как нечто подлежащее обсуждению, а может быть, и подражанию, как своего рода событие дня или образец. И таким образом, вся частная и личная жизнь Государя остается органически включенной в его публичное служение.

Чтобы удостовериться в этом, достаточно только дать себе хотя бы приблизительный отчет в том, какое количество духовных, политических, дипломатических и иных бестактностей каждому Государю приходится выслушивать и отражать и, отражая, обезвреживать... Какая находчивость ему необходима, какая ширина воззрений, какая снисходительность и благородная доброта!.. А между тем каждый неосторожный ответ рискует породить вредные толки и пересуды.

Так, например, на съезде русских зарубежных писателей в Белграде Зинаида Гиппиус сочла приличным, сидя за ужином рядом с рыцарственным Королем Югославии Александром I и кокетливо поигрывая своим пресловутым лорнетом, задать ему вопрос: «А скажите, Король, Вы в самом деле стоите за монархию?»... Сколько раз представители итальянской аристократии являлись в эпоху Муссолини к королю Италии Виктору Эммануилу изливать свои антифашистские чувства и никак не хотели понять, почему он выслушивал их молча и только в конце аудиенции давал понять, что наговорено «*troppo molto*»... А ведь есть и неосторожные ответы, которые могут прямо погубить Государя...

С другой стороны, какие обширные возможности открывают перед Государем его сердечная чуткость и творческий такт в непосредственной жизни, особенно в силу присущей придворным подражательности. Простого внимания и сочувствия Государя бывает достаточно, чтобы выручить и поставить на ноги порядочного человека... Государь, как благотворитель, как покровитель литературы и искусства, как утешитель страдающих, как источник справедливости и заслуженных на-

град имеет перед собою необозримое поле для добрых дел. И его благородное сердце не может не обретать в этом тихих радостей.

Ввиду всего этого надо признать, что Государь, усвоивший свое призвание и всю полноту своей ответственности, начинает чувствовать себя пленником, а нередко и мучеником своего престола. Он всю жизнь призван жить не по своему вкусу, желанию и выбору, а по зову трона, то подготавливая себя к будущему, то пронизывая данные обстоятельства и предстоящих людей, то жертвуя всем, главным и любимым, то заставляя себя превозмогать во имя своего народа сущую муку жизни, от которой ему нельзя отказаться.

Имея это в виду, нетрудно понять, что у Государя, стоящего перед престолом, отдающего себе полный и ясный отчет в своей ответственности и не чующего в себе призвания к власти, могут быть часы, дни и годы, когда он будет мечтать о неприязни трона, об освобождении своей личности и своей частной жизни от этого плена и мученичества; в особенности, если ожидающий его трон окружен дурными, низкими и развратными людьми. В этой связи нельзя не вспомнить замечательного и глубоко прочувствованного письма Великого Князя Александра Павловича, которое он написал 10 мая 1796 года своему другу Виктору Павловичу Кочубею.

«Да, милый друг, повторю снова: мое положение меня вовсе не удовлетворяет. Оно слишком блистательно для моего характера, которому нравятся исключительно тишина и спокойствие. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякий раз страдаю, когда должен являться на придворную сцену и кровь портится во мне при виде низостей, совершаемых другими на каждом шагу для получения внешних отличий, не стоящих в моих глазах медного гроша. Я чувствую себя несчастным в обществе таких людей, которых не желал бы иметь у себя и лакеями; а между тем, они занимают здесь высшие места, как напр., З..., П..., Б..., оба С..., М... и множество других, которых не стоит даже называть, и которые, будучи надменны с низшими, пресмыкаются перед тем, кого боятся. Одним словом, мой любезный друг, я сознаю, что не рожден для того высокого сана, который ношу теперь и еще менее для предназначенного мне в будущем, от которого я дал себе клятву отказаться тем или другим образом... Знаю, что вы осудите меня, но не могу поступить иначе, потому что покой совести ставлю первым для себя законом, а

могла ли бы она оставаться спокойною, если бы я взялся за дело не по моим силам?»...

Кто раз вчувствуется и вдумается в Государево дело и призвание, тот убедится в жертвенности его служения. Дело обстоит совсем не так, что его ждет участь, исполненная развлечений, наслаждений и всяческих самоугождений, как воображают иные легкомысленные авантюристы, честолюбцы и завистники. Должно прямо признать, что чем ближе сам претендент на престол к такому воззрению, тем менее он понимает свое призвание, тем менее он вообще способен стать Государем, тем более он исказит свое служение и навредит своему народу. Напротив, Государь должен быть готов пожертвовать всеми своими силами, своим досугом, своими пристрастиями, своим личным счастьем (в любви и браке), своим здоровьем и своей жизнью. Великий прообраз этого дан в истории всеми воистину великими монархами, особенно же Петром Первым. Государь, вступая на престол, становится не просто властелином, но пленником и мучеником своей власти. Так разумел это дело и Император Николай Павлович, отвечая своей матери Императрице Марии Федоровне при вступлении на престол от Константина Павловича: «Это еще вопрос, которую из двух жертв в этом случае должно считать выше — со стороны ли отказывающегося или со стороны принимающего...» — Достаточно помыслить о том, сколь великое число монархов пало от руки убийц, чтобы погасить раз навсегда завистливые разговоры о привилегиях Государя и его звания и увидеть все это по-новому, из глубины и в верном величии.

О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФОРМЕ

Этот сложный и очень ответственный вопрос надо ставить с осторожностью и с полной непредвзятостью мысли.

Прежде всего: государственная форма есть не «отвлеченное понятие» и не «политическая схема», безразличный к жизни народов, а строй жизни и живая организация народа. Необходимо, чтобы народ понимал свой жизненный строй; чтобы он умел — именно «так» — организовываться; чтобы он уважал законы этого строя и вкладывал свою волю в эту организацию. Иными словами: именно живое правосознание народа дает го-

сударственной форме осуществление, жизнь и силу; так, что государственная форма зависит прежде всего от уровня народного правосознания, от исторического нажитого народом политического опыта, от силы его воли и от его национального характера.

Нелепо сажать за шахматы человека, не понимающего игры и ее правил, не умеющего задумать план партии, не желающего вложить в игру свою мысль и свою волю.

Спортивная дружина, не сыгравшаяся в футбол, провалит состязание.

Суворов готовил каждое сражение, разъясняя солдатам ход и смысл предстоящей операции; и именно благодаря этому он выигрывал бой за боем.

Так и в политической жизни: она делается живыми людьми, их патриотической любовью, их государственным пониманием, их характером, их чувством долга, их организационными навыками, их уважением к закону. Все это надо воспитать. Нелепо вводить в стране государственную форму, не считаясь с уровнем и с навыками народного правосознания.

Далее, государственная форма должна считаться с территориальными размерами страны и с численностью ее населения. В республике Сан-Марино (59 квадрат. километров, 9000 жителей!) исполнительная власть доселе принадлежит двум «капитанам», избираемым «Большим Советом» (парламентом) на 6 месяцев, причем один из них обыкновенно выбирается из пришлых иностранцев... Некоторые, совсем маленькие кантоны Швейцарии доселе собирают раз в год свое «однодневное вече» — на площади, и, в случае дождя, — под зонтами... Уже в большинстве остальных кантонов Швейцарии — это невозможно.

Далее, государственная форма должна считаться с климатом и с природою страны. Суровый климат затрудняет всю организацию народа, все сношения, все управление: природа влияет на характер людей, на продовольствие страны, на ее промышленность; она определяет ее географические и стратегические границы, ее оборону, характер и обилие ее войн. Все это должно быть учтено в государственной форме.

Многонациональный состав населения предъявляет к государственной форме свои требования. Он может стать фактором распада и привести к губительным гражданским войнам. Но эта опасность может быть и преодолена: природой страны и

горным свободолюбием солидаризирующихся народов (Швейцария); они же долгим и свободным эмигрантским отбором, заокеанским положением страны и торгово-промышленным характером государства (Соединенные Штаты); или же — наконец — религиозно-культурным преобладанием и успешным политическим водительством численно сильнейшего племени, если оно отличается настоящей уживчивостью и добротой (Россия).

Выводы:

— Каждый народ и каждая страна есть живая индивидуальность со своими особыми данными, со своей неповторимой историей, душой и природой.

Каждому народу причитается поэтому своя, особая, индивидуальная государственная форма и конституция, соответствующая ему и только ему. Нет одинаковых народов и не должно быть одинаковых форм и конституций. Слепое заимствование и подражание нелепо, опасно и может стать губительным.

Растения требуют индивидуального ухода. Животные в зоологическом саду имеют — по их роду и виду — индивидуальные режимы. Даже людям шьют платье по мерке... Откуда же эта нелепая идея, будто государственное устройство можно переносить механическим заимствованием из страны в страну? Откуда это наивное представление, что своеобразнейшая английская государственность, выношенная веками в своеобразной стране (смешение кровей! остров! море! климат! история!) своеобразнейшим народом (характер! темперамент! правосознание! культура!) — может воспроизводиться любым народом с любым правосознанием и характером, в любой стране любого размера и с любым климатом!? Можно поистине подумать, что образованные политики совсем не читали — ни Аристотеля, ни Макиавелли, ни Монтескье, ни Бокля...

Какое же политическое верхоглядство нужно для того, чтобы навязывать всем народам государственную форму монархии, даже и тем, у которых нет и тени монархического правосознания (напр., Соединенным Штатам, Швейцарии или бунтовщической Мексике, — где Император Максимилиан был убит восставшими республиканцами через три года по воцарении в 1867 г.)?! Однако не столь же ли безответственно — загонять в республиканскую форму жизнь народа, выносившего в долгие века монархическое правосознание (напр., Англию, Германию, Испанию, Сербию и Россию)?! Какое политическое доктринерство нужно было для того, чтобы в 1917 году сочинять

в России некую сверхдемократическую, сверхреспубликанскую, сверхфедеративную конституцию и повергать Россию с ее наиболее индивидуальной историей, душой и природой в хаос бессмысленного и бестолкового распада, который только и мог закончиться тиранией бессовестных интернационалистов! Сколь прав был один из составителей избирательного закона в учредительное собрание, говоривший через три года (1920) с горем и ужасом: «О чем мы тогда думали?! Что мы делали? Ведь это был просто психоз! Мы стремились превзойти в демократичности все известные конституции — и погубили все!..» К сожалению, этому умному, честному и мужественному патриоту, погибшему вскоре после того в советской тюрьме, насколько не подражают эмигрантские политики...

Ныне почти все эмигрантские партии, следуя по прежнему собственному политическому доктринерству и нашептам своих интернациональных «покровителей», снова требуют для России — демократической, федеративной республики. Они знают, что вышло из «одnodневногo» учредительного собрания в 1917 году; они знают, что с тех пор русских людей обобрали до нищеты, стараясь превратить их в рабов; они знают, что их в течение тридцати лет лишали всякой верной осведомленности во внутренних и внешних делах и превращали в политических слепцов; они знают, что русских людей систематически отучали от всякого самостоятельного знания, суждения и понимания, от независимого труда и от личной ответственности; что их тридцать лет унижали, разрушали их веру и все духовные и нравственные основы жизни, приучая их к голодной продажности и гнусному взаимодоносительству... Они знают все это и считают это подходящим условием для немедленного введения демократической республики...

Чего же можно ждать от осуществления этих программ, кроме новых всенародных бедствий?

Пройдут годы национального опаматования, оседания, успокоения, уразумения, осведомления, восстановления элементарного правосознания, возврата к частной собственности, к началам чести и честности, к личной ответственности и лояльности, к чувству собственного достоинства, к неподкупности и самостоятельной мысли, — прежде, чем русский народ будет в состоянии произвести осмысленные и не погибельные политические выборы. А до тех пор его может повести только национальная, патриотическая, отнюдь не тоталитарная, но авторитарная — воспитывающая и возрождающая — диктатура.

ПРАВИТЬ ДОЛЖНЫ ЛУЧШИЕ

Первое, что мы должны сделать при обсуждении устройства русского государства, это стряхнуть с себя гипноз политических формул и лозунгов. Предоставим «верующим» демократам — верить в необходимость и спасительность этого режима и освободим себя для беспристрастного наблюдения и опытного исследования. И еще: предоставим людям, ищущим успеха у толпы, поносить «аристократов» или совсем обходить молчанием идею аристократии как якобы «реакционную», «контрреволюционную», «старорежимную» и т. д. Когда мы думаем о грядущей России, то мы должны быть свободны, совершенно свободны от боязни кому-то не угодить и от кого-то получить «осуждение», будь то западноевропейцы или свои, доморощенные — леворадикалы или праворадикалы. Мы повинны Богу и России — правдой, а если она кому-нибудь не нравится, то тем хуже для него.

Обычно «демократию», как правление людей «излюбленных» и выбранных народом, и «аристократию», как правление людей «наследственно привилегированных» — противопоставляют друг другу. Это есть ошибка, которую надо понять и отвергнуть. Она есть порождение политических страстей, демагогии и ожесточения. Править государством должны лучшие люди страны, а народ нередко выбирает не лучших, а угодных ему льстецов и волнующих его бессовестных демагогов. Править государством должны именно лучшие, а они нередко выходят из государственно воспитанных и через поколения образованных слоев народа. Демократия заслуживает признания и поддержки лишь постольку, поскольку она осуществляет подлинную аристократию (т. е. выделяет кверху лучших людей); а аристократия не вырождается и не вредит государству именно постольку, поскольку в ее состав вступают подлинно — лучшие силы народа.

Убедимся в этом.

«Аристос» значит по-гречески «лучший». Не «самый богатый», не «самый родовитый», не «самый влиятельный», не «самый ловкий и пронырливый», не привилегированный, не старший возрастом. Но именно — лучший: искренний патриот, государственно мыслящий, политически опытный, человек чести и ответственности, жертвенный, умный, волевой, организаци-

онно даровитый, дальноркий и образованный. Можно было бы добавить к этому и другие качества, напр., храбрый, сердечный; но трудно отбросить хотя бы одно из перечисленных и отнести к «лучшим» человека жадного, продажного, интернационалиста, бесчестного, лишённого государственного разума и опыта, безвольного глупца, организационного растеряху или наивного невежду. Именно лучшие должны править во всех государствах и при всех режимах. Всякий режим плох, если при нем правят худшие. Нелепо и противоестественно говорить: «Мы требуем демократии, хотя бы в ней выбирались, выдвигались и правили безвольные глупцы, продажные невежды, бесчестные растеряхи и тому подобный социальный отброс». Наоборот, необходимо и верно ответить: «Демократия, не умеющая выделить лучших, не оправдывает себя; она губит народ и государство и должна пасть». Безумно вводить в стране демократию, чтобы погубить государство и народ, как сделали в России в 1917 году. А к чему ведет правление подлинно худших людей, это русские люди испытывают на себе уже тридцать второй год... Суровая школа!

Можно было бы назвать наше требование политической аксиомой (т. е. истиной самоочевидной): править должны лучшие. В жизненном распознавании этих лучших людей можно ошибаться, можно соглашаться и не соглашаться в оценке их, но задача их выделения бесспорна и основоположна. Можно было бы выразить это в виде лозунга: дорогу честным и умным патриотам! Дорогу им — независимо от того, принадлежат они к какому-нибудь сословию, классу, к какой-нибудь партии, или нет! Важно качество человека: его политическая ценность и его политическое воление; и не важно его происхождение, его профессия, его классовая и партийная принадлежность. Важна его нравственная и умственная мощь, а не его предки; важна его верность родине, существенно направление его воли, а не его партийный билет. Партийность (всякая партийность!) не удостоверяет качества человека, а только подменяет или заслоняет его. А качество человека — первое всего и драгоценнее всего.

Поэтому всякие выборы должны иметь в виду единую, главную и необходимую цель: выделение качественно лучших сынов народа и поручение им политического дела. Глупо и слепо прельщаться демагогами, которые, прикрывшись партийным ярлыком, яростно отстаивают интерес какого-нибудь класса, сословия, национального меньшинства, территориального округа или же попросту — свой собственный!

Во-первых, потому, что государственное дело ищет единого, общего, всенародного интереса, а не частных вожделений; и демагог, разжигающей страсти именно в сторону частных вожделений, открыто свидетельствует о своей политической негодности: он является фальсификатором в политике; он подобен цыгану, выхваляющему подменно-поддельную лошадь; по отношению к наивному и доверчивому народу он выступает в качестве развратителя детей, строящего свое благополучие на подтасовке и лжи.

Во-вторых, потому, что самая его демагогия свидетельствует о его качественной несостоятельности: он разжигает страсти, чтобы выдвинуться и погубить государственное дело, превращая его в лучшем случае в дело частного вожделения, а в худшем случае — в дело своей личной корысти.

Россия может спастись только выделением лучших людей, отстаивающих не партийный и не классовый, а всенародный интерес. На этом все должны согласиться и сосредоточиться. Это надо разъяснить самому русскому народу прежде всего. Для этого должны быть приняты все меры, как то: освобождение народа от всех и всяких партий; введение голосования по округам с выставлением персональных, лично всем известных кандидатур; и, главное, выработка особого вида конкурирующего сотрудничества в нахождении и выдвижении лучших людей — сотрудничества государственного центра с избирателями. Это предложение будет обосновано и изложено в дальнейших выпусках *Наших Задач*.

Демократические выборы являются лишь условно целесообразным средством для безусловно верной цели (отбор лучших). Если такая цель и такое средство сталкиваются, то условное средство должно уступить безусловной цели. Требование, чтобы правили лучшие, относится к самому естеству, к самой идее государства; строй, при котором у власти водворятся худшие, будет жизненно обречен и рухнет рано или поздно, с большим или меньшим позором. Всякое государство призвано быть аристократией в нашем смысле слова: и монархическое и диктаториальное, и демократическое; и можно было бы сказать с уверенностью, что если бы исторически законные государства были на политической высоте, то они извлекали бы этих подлинно лучших из всех слоев населения; и тогда профессиональным революционерам нечего было бы делать на свете!

Поэтому вопрос «всемирных выборов» (по четырехчленной формуле — всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право) есть вопрос средства, а не высшей непрерываемой цели или догмы. Это средство может в одном государстве и в одну эпоху оказаться целесообразным, а в другой стране и в другую эпоху нецелесообразным. Ребячливо верить в это средство, как в политическую «панацею». Совсем не всякий народ и не всегда способен выделить к власти лучших при помощи таких выборов. Вопрос надо поставить иначе: какой народ и когда, при каком размере государства, при каком уровне религиозности, нравственности, правосознания, образования и имущественного благосостояния, при какой системе выборов, в спокойные или бурные периоды жизни — действительно разрешал эту задачу успешно?

Спросим поэтому: какие основания имеют современные эмигрантские демократические партии для того, чтобы считать, что русский народ, после всеразлагающей, духоопустошительной и развращающей всякое правосознание эпохи коммунизма, после водворения в стране повальной нищеты (разбогатевшие совкарьеристы не в счет!), после тридцатидвухлетнего рабства, после отвычки от самостоятельного мышления, после полной и застарелой неосведомленности в вопросах политики, хозяйства и дипломатии, после укоренившейся привычки бояться, воровать, промышлять доносами и спасать свою жизнь пресмыкательством, сумеет осуществить такие выборы? Если у них имеются серьезные основания, то не следует их замалчивать; а если их нет, а есть обратные основания, то к чему безответственное программное пустословие?

Россия нуждается в такой системе выборов, которая дала бы ей верный способ найти и выделить своих подлинно лучших людей к власти. В этих выборах лучших людей не могут и не должны участвовать члены интернациональной партии, заведомые губители и палачи русского народа, «нырнувшие» коммунисты, переукрашившиеся предатели и т. д. А это означает, что эти выборы не могут быть ни всеобщими, ни прямыми. Лучших людей могут найти только те, которые не утратили чести и совести, те, которые страдали, а не те, которые пытались страдальцев. Иначе Россия будет опять отдана во власть политической черни, которая из красной черни переукрасится в черную чернь, чтобы создать новый тоталитаризм, новую каторгу и новое разложение. Избави нас Бог от этого!

РОССИИ НЕОБХОДИМА СВОБОДА

Кто любит Россию, тот должен желать для нее свободы; прежде всего свободы для самой России, как государства, ее международной независимости, ее державной самостоятельности; далее — свободы для России, как национального, хотя и многочленного единства, т. е. творческой нестесненности, любовного взращивания русской и всех других российски-нерусских национальных культур; и, наконец, — свободы для русских людей, как множества духовных и хозяйственных личностей, свободы для всех нас, как живых субъектов права: свободы веры, искания правды, творчества, труда и собственности.

Это требование свободы есть основное, неоспоримое, аксиоматическое... Его необходимо продумать и прочувствовать до конца. Его необходимо принять духом и волею, чтобы уже не колебаться. Грядущая Россия должна быть свободна и будет свободна. Отвергающий эту аксиому жизни будет готовить и ей и нам всем, и нашим детям и внукам — распад, соблазн и порабощение. Спорить здесь можно не о самой свободе, а лишь о мере ее и о формах ее политического и хозяйственного осуществления.

Необходимо прежде всего признать, что старый спор между «либералами» и «антилибералами» потерял свой былой смысл и обновился. За последние десятилетия в мире совершились события, которые сделали этот спор устаревшим. Впервые за всю свою историю мир увидел тоталитарное государство и испытал, что значит лишиться всякой свободы; он увидел и понял, что такой строй восстает и против Бога, и против всех законов созданной им природы; что он превращает человека — не то в раба, не то в машину; что такой строй служит делу дьявола и что он поэтому обречен и гибелен!

В результате этого спор о свободе передвинулся и углубился. Оказалось, что он вращался на поверхности жизни и касался всего лишь некоторых отдельных видов личной свободы, о мере и о формах которой можно спорить и теперь, разрешая этот спорный вопрос различно в разных странах, ибо и здесь, как во всех человеческих делах, нет единого, спасительного рецепта для всех времен и народов.

Оказалось, что либералы не предусмотрели, что крайняя или несвоевременно и неуместно предоставленная свобода ве-

дет к разнузданию и порабощению; они не предугадали, что человек, не созревший для свободы, может злоупотребить ею в разнуздании и продать ее за личный или классовый интерес, за частный прибыток; что в мире встанут поработители, которым он и отдастся в рабство; они сумеют зажать разнуздавшихся, извести людей чести и совести, организовать злых, заставить своих новых рабов служить себе за страх пуще, чем за совесть,— и тогда посягнуть на порабощение и всех остальных народов всего мира. Либералы с ужасом поняли, что они хотели совсем иного: они готовились к идиллии, а настал разврат... И даже самые крайние либералы, — анархисты, — с отвращением увидели безобразное буйство черни и живой ад тоталитарного коммунизма (князь Петр Кропоткин). Но было уже поздно. Безмерная свобода есть или ребяческая мечта, или соблазн дьявола, а в жизни — то и другое вместе. Зло скрывается совсем не «в принуждении» и не в «государственности», как проповедовал Лев Толстой, а в безбожной и злой человеческой воле, которой безумно предоставлять «свободу». И потому всякая свобода должна иметь свою меру и форму, и притом у каждого народа — свою особую...

С другой стороны, оказалось, что противники либерализма гораздо вернее предвидели опасности разнуздания и тирании; но и они отрицали только известные виды свободы, которые они считали развращающими и опасными. Они и не думали отвергать всякую свободу и всю свободу, но всегда разумели человека, как существо самостоятельное, призванное к внутреннему (духовному) самоуправлению и самодеятельности. Уже дохристианское римское право, выговорившее парадоксальное утверждение — «раб есть вещь», не сумело и не захотело проводить в жизнь это духовно противоестественное обобщение и постоянно отступало от него в сторону права и свободы. А после торжества Христианства, с его учением о личной, нравственно ответственной и бессмертной душе, человек явился нам живым и творческим центром нравственной самодеятельности. Самые последовательные антилибералы, вроде английского философа Гоббса — начинали с человеческой самодеятельности и свободы, пытались примирить и уравновесить множество состязающихся личных центров, не угашая их жизни и творчества; и никто не думал о возможности или желательности коммунистического бедлама.

Итак, новейшее тоталитарное государство явилось великим потрясением и для сторонников политической свободы, и для их противников. Этого исхода, такой развязки — никто не ожидал. Перед таким финалом старые споры потеряли свой смысл и ныне весь вопрос должен быть поставлен и разрешен заново.

Историческое наказание было очень сурово и наставительно: кто не дорожит свободой, этим Божьим благом, — кто злоупотребляет им или торгует им, — тот лишается его, лишается целиком, до конца, до гибели, чтобы другие на его примере научились ценить его... Мы имели в дореволюционной России: свободу веры, исследования, слова, печати, труда, собственности, неполную свободу союзов, свободные выборы в законодательное собрание, чрезвычайно разветвленное и всестороннее общественное самоуправление, — и роптали... И только тогда, когда пришла настоящая полная несвобода, — цельная до конца, до гибели, — тогда мы поняли, сколь свободны мы были в Императорской России и чего мы лишились... — не «мы, русская буржуазия» и не «мы, русская интеллигенция», — а мы, русский народ всех званий, сословий и племен...

Ибо все утратили все.

Русские люди роптали на то, что недостаточно ограждены права личности — казалось бы, следовало им совершенствоваться в стране соответствующие законы и порядки, ибо огражденность личных прав ни в одной стране не сваливалась с неба, но они «уверовали» в революцию, которая впервые «все даст и устроит»; а революция отвергла личность и совсем отменила и попраала ее права. Русские люди тянули к экспроприации и социализации земель, — одни хотели получить чужое в неограниченном количестве и даром, — другие «уверовали», будто русский мужик только и мечтает о том, чтобы ему ничего не принадлежало, а только — все общине; а революция отняла все у всех, погасила частную собственность и ввела вождеденный «социализм». Русские люди роптали на государственную цензуру: «пусть всякий пишет, кто во что горазд и пусть ему никто не мешает»; за эту глупую и наивную безмерность история подарила им коммунистическую монополию мысли, слова, печати и преподавания. Русские люди отходили от своей Церкви и не участвовали в ее жизни, а о духовенстве рассказывали друг другу плоские анекдоты; и вот дьявол истории поднял вихрь, безбожия, гонений и кощунств.

Тогда русский народ понял, что он был свободен и стал рабом; что Императорская Россия никогда не стремилась создать тоталитарный режим; что Россия при Государях строилась совсем не полицейским гнетом, как писали тогда радикальные газетчики, а национальным самоуправлением.

Только совсем неосведомленные и зложелательные иностранцы, да теперь свои доморощенные клеветники без стыда и совести — могут говорить о «деспотическом строе» или о «народном рабстве» в России применительно к XX веку. Со стороны иностранцев это до известной степени понятно: они не понимают, что самое пространство всегда требовало в России децентрализации и самоуправления; что опасность анархии всегда была в России больше, чем возможность авторитарного зажима; что самое дыхание Православной Церкви обеспечивало нам признание личного начала и вовлечение сердца в строительство государства; что наши многоплеменность, многоязычность и многоверие — делали у нас самоуправление неискоренимым; что самые властные русские Государы, как Петер Великий, заботились больше всего о том, чтобы поднять народную самодеятельность; что самый консервативный русский Царь, Николай Павлович, систематически подготавливал освобождение крестьян и прямо называл крепостное право «началом зла». Иностранцы не знают Россию, меряют ее своим маленьким аршинчиком и потому ошибаются. Другое дело — доморощенные поносители, которые и теперь еще имеют бесстыдство писать о России как о «каторжной империи», которая якобы держалась «похотью власти» и «радостью унижения слабых» (смотри статью пресловутого Федотова в 16-й книжке «Нового Журнала»).

Скажем же однажды сами себе: культура законности и свободы бесспорно нуждалась в России в дальнейшем совершенствовании, но к началу XX века русский народ имел в основном сильную для него свободу, которую он утратил целиком при Советах. При Императоре Николае II народная самодеятельность в России непрерывно крепла и росла: и в расцвет Земств и Городов, и в трудах Государственной Думы, и в движении за восстановление Православной Соборности, и в личной земельной собственности Столыпина, и в росте кооперации, и в движении за свободные рабочие союзы, и просто в нестесняемой правительством культурной инициативе самого населения на всех поприщах жизни. Словом: России грозило не «самодержа-

вие трона», а разнуздание народа, над которым работали революционные партии; опасность лежала совсем не в «деспотическом режиме», а в неукрепленности массового правосознания; страшна была не реакция, а революция...

После революционного порабощения русский народ, может быть, поймет, что он жил доселе не в рабстве, а в свободе; что свобода есть неотъемлемое право человека на законно урегулированную самостоятельность, но отнюдь не право на революцию или на грабеж; что свобода всегда будет иметь свои законные пределы; что у разных народов мера свободы бывает различна и что она зависит от укорененности и не соблазнимости общенародного правосознания.

Мы не сомневаемся: Россия вернет себе свободу, укрепит ее и приучит свой народ к свободной лояльности. Но в дьявольской школе тоталитарного коммунизма она научится ценить свободу, не злоупотреблять ею, не торговать ею и стойко блюсти ее законные пределы.

ОБОСНОВАНИЕ СВОБОДЫ

Человеку подобает свобода в силу двух оснований: 1) в силу того, что он есть живой организм; 2) в силу того, что он есть живой дух.

1. Всякий живой организм (от растения до человека) есть самостоятельное существо, со своею внутреннею, таинственною самостоятельностью и особым жизненным инстинктом. На эту инстинктивную самостоятельность можно оказать снаружи известное влияние (например, поливкой, удобрением и прививкой у растений; кормом, усовершенствованием породы и лечением у животных; питанием, лечением, словом, духовным воспитанием у людей); но подавить, пресечь или отменить ее невозможно ничем. Организм живет сам по своим внутренним законам. Изучая эти законы, вплетаясь в них и комбинируя их, можно до известной степени направлять жизнь организма, но погасить его самостоятельность можно, только прекратив его существование. В этом и состоит естественная свобода человека: он от природы самостоятелен, он строит себя сам — в здоровье и в болезни, в потребностях и в отвращениях, в питании и труде, в любви и размножении. Его инстинкту присуща внут-

ренности целесообразность, которую необходимо признавать, поощрять, духовно воспитывать (дисциплина) и устраивать в свободе. Заменить эту самостоятельность ничем: этого нельзя достигнуть ни гипнозом, ни приказом, ни страхом. Все подобные попытки обречены на жизненную неудачу, на уродование организма, на ослабление его функций и на унижение его души и духа. Коммунисты пытались это сделать: как материалисты, они приравнивали человека — машине и ставили его в положение «робота» или раба. Они отняли у него собственность, свободную хозяйственную инициативу, свободу труда и свободу предметного суждения. В ответ на это человек как бы отвлек свой инстинкт от коллективного сектора жизни, от коллективной собственности, от коллективной инициативы, от коммунистического труда и коммунистического общественного мнения. Творческий инстинкт спрятался и ушел в себя: он сосредоточился на частном секторе жизни и предал коммунистическое хозяйство и коммунистическую культуру на изуродование, расхищение и вырождение. Вот почему коммунистический транспорт разваливается, совсем дома не стоят, коллективная земля не родит, колхозная корова не телится, а уровень коммунистического образования неудержимо падает: у человеческого организма отняли свободную самостоятельность и инстинкт его вышел из жизни. В грядущей России это должно быть исправлено и восстановлено: личный творческий инстинкт человека должен быть признан, поощрен, духовно дисциплинирован и устроен в свободе. Русский человек опять получит доступ к частной собственности: он будет иметь свободу труда и свободу предметного суждения. И вся Россия быстро возродится и зацветет.

2. Но человек есть не только живой организм: он есть живой дух. Духу же подобает свобода веры и любви, созерцания, убеждений и творчества. Дух есть живая личность, ответственная перед Богом и отвечающая за себя перед другими людьми, — за свои верования и воззрения, за свое делание и неделание. А ответственность предполагает свободу. При этом надо разуметь не «метафизическую свободу воли», а отсутствие общественно-политического принуждения в нашем духовном самоопределении; не отсутствие законов (уголовных, гражданских и политических), не разнуздание человека, не злоупотребление правами и преимуществами, но законное ограждение внутренней духовной жизни человека. Человек имеет священ-

ное, неотъемлемое право на духовное самоопределение и на духовное творчество; узреть Бога в небесах и ризу Его — в земной природе: избрать себе исповедание и церковь; полюбить нравящееся и отвергнуть ненавещающее. Самостоятельно внять закону своей совести и попытаться осуществить его; увидеть красоту и попытаться художественно изобразить ее; выработать себе воззрения, убеждения и мирозерцание; познавательно исследовать то, что его пленяет, и самостоятельно добиваться истины; найти в себе живого субъекта права и определить свои политические воззрения; самостоятельно построить себе семью, жилище и жизнь. Вся эта духовная деятельность полноценна только тогда, когда она в своем внутреннем существе не регулирована обязательными запретами и предписаниями, идущими извне, от других людей или от государственной власти. Она должна быть самопочинна и самодеятельна, повинуваясь только совестному (Божьему) зову и личному дарованию человека. Тогда ею правит вдохновение; тогда она может быть цельна и искренна; тогда она цветет и плодоносит. Тогда она свободна. И все так называемые «права личной свободы» имеют лишь тот смысл, что они политически ограждают творческую самодеятельность человека, как организма и как духа.

Надо понять, что религиозная вера может быть цельна и искренна только тогда, когда она свободна. Приказ и требование бессильны создать веру. Запрет и гонение не могут прекратить ее. Ибо вера есть цветок Благодати, дар веющего Духа. И все приказы и запреты могут привести только к притворству и лицемерию. Но притворствоваться и лицемерить будут не лучшие люди, а худшие. Поэтому исповедные гонения дают преимущества худшим людям и осуществляют отбор лжецов и симулянтов. Вера есть личная и добровольная связь души с Богом; именно поэтому на нее нельзя покушаться, ее нельзя вымогать, ее нельзя преследовать и гнать.

И Императорская Россия разумела это и выговаривала открыто. В статье 67 Основных Законов (в Свод Законов см. том I, часть I, раздел I, статья 45), свобода веры присвоилась всем русским гражданам, включая и язычников: «Да все народы, в России пребывающие, славят Бога. Всемогущего разными языки по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование Российских Монархов и моля Творца вселенной о умножении благоденствия и укреплении силы Империи». Императорская Россия понимала, что только искреннее верование

полноценно и что только свободное верование может быть искренним. Мы не сомневаемся в том, что будущая Россия восстановит эту свободу, — не свободу соблазна, лукавого совращения, извращения, сатанизма и безбожной пропаганды, но свободу Богосозерцания и Богоисповедания.

Далее нам необходимо понять, что любить, созерцать, исследовать и творить человек может только по внутреннему дару и влечению, согласно требованиям сердца, вдохновения и совести. Все это полноценно только тогда, когда свободно. Нельзя полюбить по приказу и разлюбить на основании запрета. Нелепо ждать художественного искусства от «социальных заказов», скрепленных голодом и террором. Ученый, готовый исследовать по предписанному методу и трафарету, — есть не ученый, а лишенный духовного достоинства симулянт. Ибо творчество есть всегда дело свободы и предметного вдохновения.

Наконец, мы должны убедиться в том, что все живые источники человеческого качества — от элементарной порядочности до высших ступеней святости, — суть дело с в о б о д ы, т. е. не навязанного и не вынужденного другими людьми, самостоятельного приятия и осуществления. Так, чувство собственного духовного достоинства — эта воспитанная в нас христианством живая основа личности и ее служения (морального, общественного, гражданского и воинского), есть дело свободного опыта и свободного утверждения: кто сам не воспринимает в себе Божьего сына, того не исправит никакой террор. Чтобы пробудилось в человеке чувство чести, надо погасить в нем раба; и совесть есть прямое проявление личной свободы в добре; и патриотизм можно пробудить и расшевелить в людях, для того, чтобы он свободно загорелся в них, но навязать его невозможно. И самый высший героизм, и самое чистое самоотвержение являются проявлением свободной, доброй воли.

Кто берет у людей свободу, тот лишает их всех источников добра в жизни. Путь к вере, к любви, к смирению и героизму, к очевидности и художественному созерцанию — есть путь свободы, личного обращения к лучу Благодати. Покорность же без свободы ведет в лучшем случае к законничеству (к внешней, мертвой лояльности), но не к любви. А без свободной любви — иссякает в жизни всякое благо: вера и знание, совесть и честность, правосознание и верность, художество и хозяйственный труд, патриотизм и жертвенность. И потому государственная

власть, подавляющая свободу человека, строящая все на тоталитарности и терроре, подтачивает свои собственные силы и силы управляемого ею народа.

И вот будущей России предстоит сделать выбор — между свободным человеком и рабом, между воспитанием народа к свободной качественности духа и тоталитарным террором. И ныне уже ясно, что именно она выберет. Безумию левого большевизма Россия должна противопоставить не безумье правого большевизма, а верную меру свободы: свободу веры, искания правды, труда и собственности. Это не будет свобода разнуздания. Это не будет свобода соблазна, преступления, эксплуатации, предательства, шпионства, революции и анархии. Это будет свобода здорового, органического инстинкта и свобода духовного опыта, пределы коей будут указаны в законе.

Россия велика, многолюдна и многоплеменна, многоверна и многопространственна. В ней текут многие воды и струятся разные ручьи. Она никогда не была единосоставным, простым народным массивом и не будет им. Она была и будет Империей, единством во множестве: государством пространственной и бытовой дифференциации и в то же время органического и духовного единения. Она и впредь будет строиться не страхом, а любовью, не классовым произволом, а правом и справедливостью, не тоталитарностью, а свободой.

ЧТО ЖЕ ПРЕДСТОИТ В РОССИИ

Взвесив все высказанное нами об основах народоправства, всякий трезвомыслящий и ответственный демократ должен со скорбью признать, что русский народ после тридцатилетнего разгрома, насилия, обнищания и всяческого разврата окажется неспособным к осуществлению демократического строя, до тех пор, пока он не восстановит в себе честь, совесть и национально-государственный смысл. Ныне в его душе все элементарные и необходимые основы народоправства подорваны, поруганы, извращены или прямо упразднены тоталитарными коммунистами. Русский народ существует, но существование его подобно мученическому унижению его собственных беспризорных детей. Состояние его — религиозное, духовное, интеллектуальное, волевое, политическое, хозяйственное, трудовое, семейст-

венное и бытовое — таково, что введение народоправства обещает ему не правопорядок, а хаос, не возрождение, а распад, не деление, а «войну всех против всех»; это было бы последним и горшим бедствием. За кошмарной эпохой революционного «якобинства» началась бы эпоха затяжной «жирондистской» анархии — со свирепой крайне правой тиранией в заключение. Ребячливо и безответственно — закрывать себе на это глаза.

Поэтому первое, что обязан выговорить идейный и ответственный демократ, есть пессимистический диагноз и прогноз: коммунистическая революция не приблизила Россию к народоправству, напротив — она подорвала все его живые основы, имеющиеся налицо в Императорской России.

Революция длится уже 32 года; и она еще не окончена. За это время коммунисты сделали все, чтобы убить в некоммунистической массе русского народа чувство государственной ответственности и духовного предстояния; чтобы сделать государственное начало ненавистным для русской души, синонимом бессмысленной каторги; чтобы отучить русского человека от свободного и верного политического изволения; чтобы погасить в его душе гражданина и приучить его к рабству; чтобы внушить ему презрение к унижениям избирательной комедии. Какое же «народоправство» может быть построено на этом?

За эти долгие, мучительные годы советская власть делала все, чтобы отучить русских людей от свободной лояльности, чтобы смешать ее в душах с пресмыканием, с грубой лестью и подлым доношением. В советской России право стало равнозначным произволу и насилию; в душах угашалось всякое уважение к закону; правонарушение стало основной и необходимой формой жизни. Еще в 1919 году из Совнаркома была формулирована директива: «сущность революции состоит в открытом попирании всякого права, включая и собственные декреты революции». И вот по этой директиве — чиновник становился разбойником и взяточником, а социальный отброс возводился в чиновники. Загнанный же русский обыватель, — в порядке жизненной самообороны от революционного разбоя, превратил «блат» в естественный и неизбежный способ борьбы за существование. Сверху сделано было все, чтобы смешать «мое» и «твое», «мое и казенное» — в одну неразличимую кучу, чтобы вытравить из душ всякую имущественную законность и

честность. Какую же демократию можно построить на таком «воровстве»?

Коммунисты и поныне продолжают делать все, чтобы лишить народ русского национально-государственного кружозора и подменить его всемирно-революционным угаром, заносчивостью, самоуверенностью международного авантюризма. То чувство державной правоты и державной меры, которое столетиями воспитывалось в русской душе и на котором строилась вся Русь от Киева до Петербурга, попорчено и распалось. Четвертый десяток лет коммунисты истощают без всякого национального смысла жертвенность, чувство долга и силу служения, присущие русскому народу, как редко какому другому; проматывается русский патриотизм; разочаровывается русское самоотвержение; русский гражданин проходит величайшую принудительную школу политического разврата. Нужно совсем не знать историю и ничего не понимать в политике, чтобы пытаться строить демократию на этом разврате.

Русский человек никогда не жил чужою мыслью. Он всегда предпочитал думать «глупо», но самостоятельно; идти в разброд и тонуть в разногласии, но не подчиняться слепо чужому авторитету. И вот четвертый десяток лет из него выколачивают, революционной «учебой», голодом, страхом, навязчивой пропагандой и партийной монополией печати, — способность к самостоятельной мысли. В его образовании — все опошлено, искажено и пролгано; в его принудительном «миросозерцании» — все мертво, трафаретно, безбожно и аморально. Он в течение целых поколений оторван от верного знания — и о самом себе, и о других народах. Он слеп в политике и часто не знает о своей слепоте, и все чаще принимает свою слепоту за высшую умственную «зрячесть». Предлагать ему народоправство можно только в надежде: заменить тоталитарный трафарет коммунистов новым, тоже тоталитарным партийным трафаретом. Что же может быть противнее истинному демократу, чем такая фальсификация «народоправства»? Или они попытаются создать новый «демократический фашизм», чтобы, воспевая свободу, попирать ее от лица новой, неслыханной в истории псевдodemократии?

После большевиков Россию может спасти или величайшая государственная дисциплинированность русского народа, или же национально-государственно-воспитывающая диктатура. Какая же психологическая наивность нужна для того,

чтобы «верить» будто русский народ, всегда страдавший недостатком характера, силы воли, дисциплины, взаимного уважения и доверия, найдет в себе именно после этих долгих лет рабства и растреления эту сверхвыдержку, эту сверхумеренность, сверхволю и сверхсолидарность для осуществления демократического строя?

Подорваны все духовные и все социальные основы демократии — вплоть до оседлости, вплоть до веры в труд, вплоть до уважения к честно нажитому имуществу. В клочки разодрана ткань национальной солидарности. Повсюду скопилась невиданная жажда мести. Массы мечтают о том, чтобы стряхнуть с себя гипноз подлого страха и ответить на затяжной организованный террор бурным дезорганизованным террором. И в этот момент им предложат: 1. «Демократическую свободу», 2. «Право всяческого самоопределения» и 3. «Доктрину народного суверенитета».

Кто же будет отвечать за неизбежные последствия этого?..

О СВОБОДНОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ

Когда мы говорим о «лояльности», то мы разумеем согласие и готовность гражданина признавать и блюсти законы своей страны. Английское слово «лоо» означает «закон, право»; согласно этому «лойэл» надо переводить — «верный, честный, законопослушный». И вот всякий правопорядок, всякий государственный строй покоится на согласии граждан верно и честно блюсти действующие законы: не преувеличивать произвольно свои полномочия, не преуменьшать произвольно свои обязанности и избегать всего запрещенного.

Принудить граждан к этому нельзя. Нет такого режима, который обеспечил бы механическую покорность граждан. Правда, современное нам поколение тоталитаристов-террористов изобрело такие меры, которые отпугивают граждан от всякой открытой непокорности и закрепляют их повиновение страхом, голодом, ссылкой, всяческими унижениями и оскорблениями, пытками и казнями. Но жестоко ошибается тот, кто думает, что этот режим обеспечивает «законопослушность» в стране. Никогда и нигде еще произвол чиновников и партийцев, дерзание «урков», признающих один только «блат», изощ-

ренная ловкость отчаявшихся граждан и, главное, внутреннее отвращение всех честных и свободолюбивых людей к «декретам» «своей страны», и к противоестественным и варварским распоряжениям «своей власти», не достигали такого развития и такой силы. Люди повинуются потому, что не сумели преодолеть свой страх; они покоряются и проклинают; они «подписывают» — и внутренне отрекаются. И ждут только такого стечения обстоятельств, и ищут только тех лазеек, которые дали бы им возможность осуществить свою жизненную потребность в непослушании и свою мечту о «нелегальности».

Напрасно продажные журналисты пишут в Европе о том, что коммунизм «воспитывает» русский народ к законопослушности и дисциплине и укрепляет в России лояльность и порядок. В действительности происходит обратное: противоестественный режим, закрепляемый страхом и предательским доносом, разлагает русское правосознание до глубины, подрывает его основы (религиозность, чувство собственного достоинства, честь, совесть и веру в добро), возвращает в людях вкус к «блату» и безразличие к «доброму имени». Никогда еще и нигде страх не воспитывал правосознания и рабский порядок жизни не вел людей к свободному повиновению. Нигде еще и никогда тирания не научала граждан чтить закон и право, и не прививала им добровольной лояльности.

А между тем, истинная лояльность свободна и добровольна. Каждый из нас призван к ней и каждый из нас должен сам, без принуждения и страха — постигнуть ее сущность, признать ее необходимость для родины и ее значение в собственной жизни и добровольно вменить себе свои полномочия, обязанности и запретности, выражаясь юридически — весь свой «правовой статус». В этом никто никогда не заменит «меня самого»: ни родители, ни учителя, ни полиция, ни судьи, ни правительство. Этого не вынудят у человека ни тюремщики, ни палачи. Это есть дело духа и притом личного духа и свободного духа. Нельзя быть «верным» от страха; такая верность недолговечна: пройдет страх, и человек станет предателем. Нельзя быть «честным» по принуждению; и там, где принуждение кончается, из такой «честности» вырастает обман или прямая подлость. Честным, верным, законопослушным можно быть только самому, по личной убежденности, в силу личного решения, по зову личной чести и совести, из чувства собственного достоинства, на основе крепкой веры в Бога. Нет этого — и нет правосознания

и лояльности: человек превращается из гражданина в плута, в ловчилу, в авантюриста, в лицемера, в полупредателя; он становится вечным кандидатом в уголовные или в дезертиры и сам утешается поговоркой — «не пойман — не вор». Он не опора правопорядка, а живая брешь в нем. В государственном здании — он «картонный кирпич». В армии — он, по древнему русскому слову «бегун и хороняка».

Настоящее государство держится не принуждением и не страхом, а свободной лояльностью своих граждан: их верностью долгу, их отвращением к преступности, неподкупностью чиновников, честностью судей, патриотизмом избирателей, государственным смыслом парламентариев, гражданским мужеством писателей и ученых, инициативной храбростью и дисциплиной солдат. Все это не может быть заменено ничем. Человек есть самодеятельный волевой центр, субъект права, а не объект террора и эксплуатации. Он должен строить себя сам, владеть собою, управлять собою и отвечать за себя. В этом основная сущность всякого права, правопорядка и государственности.

Только при таком понимании нам раскроется смысл идеи «общественного договора». Эта идея имеет в государственной жизни свой строгий предел, а именно: он выговаривает основу человеческого правосознания, а не принцип государственной формы. Каждый из нас призван вести себя как человек, свободно обязавшийся перед своим народом к лояльному соблюдению законов и своего правового «статуса» (т. е. своих полномочий, обязанностей и запретностей). Такого «общественного договора», о котором пишет Ж.-Ж. Руссо, никогда не было и не будет, и Руссо сам знает это. Но нечто подобное этому должен пережить каждый человек в глубине своего правосознания, налагая на себя (свободно и добровольно) духовно — волевое самообязательство гражданина.

В основе идеи «общественного договора» лежит верная потребность воззвать к свободному самообязательству и к добровольной лояльности в душе гражданина; ибо без этой лояльности — нет гражданина, а есть одна пустая видимость его; и нет государства, а есть одна иллюзия. Народы и государства держатся только правосознанием своих граждан и своих правителей. И от воспитания его зависит вся будущность России.

Но сколь же нелепо превращать этот призыв к личному правосознанию в основу государственной формы и признавать только те режимы, которые, якобы, основаны на «обществен-

ном договоре» — как на единообразном историческом событии, или как на беспрестанно повторяющейся политической процедуре. Именно так истолковала идею «общественного договора» первая французская революция; именно этим она потрясла и измучила свою страну до основания; именно этот предрассудок она оставила в наследие последующим французским революциям (1830, 1840, 1870), а также, увы, русским доктринарам. Но дело в том, что таких режимов вообще нет, не было и не будет: ибо всякое «учредительное собрание» есть лишь грубая карикатура на «общественный договор», и никакой «референдум» не в состоянии осуществить его. Общественный договор требует в идее — чтобы голосовали все без исключения и чтобы всеобщее решение было единогласно; ибо только тогда действительно осуществится начало всеобщей добровольности. Добиваться этого — безнадежно, наивно, нелепо и губительно. Всеобщая добровольность, превращенная в государственную форму, приведет к порядкам прежнего польского сейма, где один несогласный или протестующий голос срывал всякое решение («не позволям!»). Такой порядок существовал в Польше с 1652 до 1764 года; он «взорвал» 48 сеймов из 55, подорвал польское законодательство и государство и обессилил страну; и даже конституции 1764 и 1791 годов, формально отменившие этот порядок, не сумели преодолеть его в жизни. Ныне на наших глазах введение «единогласия» и право «вето» губит организационную работу Лиги Наций (УНО).

Нелепа претензия гражданина, чтобы ему дали право заключать в пределах своего государства любые «общественные договоры», расчленять свою страну, федерироваться или не федерироваться с кем ему заблагорассудится, останавливать организацию государства и действие закона заявлением своего несогласия, заявлять об одностороннем «выходе» и «вхождении» и т. д. Все это есть путь к анархии и соответствует программе анархизма. Поэтому все это — безгосударственно и противогосударственно, политически бессмысленно и национально губительно.

Неужели же русские «жирондисты» не понимают всего этого... Нет, конечно, понимают. Для чего же они требуют этого, предсказывают это как «неизбежное» и замалчивают губительность всего этого для России... Потому, что они приняли задание расчленить Россию во что бы то ни стало и погасили в себе русскую национальную лояльность.

В ПОИСКАХ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Сколь бы разрушительны и свирепы ни были проявления русской революции, как бы ни попирала она всякую свободу и всякую справедливость, — мы не должны упускать из вида, что русский народ пошел за большевиками в смутных и беспомощных поисках новой справедливости. «Старое» — казалось ему несправедливым, «новое» манило его «справедливостью». К этому присоединились, конечно, и не благие побуждения: жадность, мстительность, злоба, честолюбие и т. д.; но за потакание этим страстям русский народ был жестоко, невообразимо наказан самою революцией. И вот верно понять революцию значит понять ее не только как наказание злой воли, но и как заблуждение доброй воли. И вывести русский народ из революции сумеет лишь тот, кто вернется к первоначальным поискам справедливости и восстановит эту старую традицию русской души и русской истории.

Русский народ должен быть возвращен к этим поискам. Он должен покаянно опознать выстраданное им заблуждение, — свою беду, и свою кару, и свой грех. Он должен увидеть впереди иные, новые, творческие пути, действительно ведущие к справедливости, — пути, указанные христианством, но доселе не найденные и не пройденные человечеством. Он должен понять, что именно дурные страсти подготовили его порабощение, ибо они ожесточили его сердце, разложили его ум, подорвали его государственную волю и обессилили его инстинкт государственного самосохранения. Ожесточившись, он пошел за безбожием, бессовестностью и бесправием, а они только и могли привести его к вящей несправедливости.

Однажды все народы поймут, что социализм и коммунизм вообще ведут не к справедливости, а к новому неравенству и что равенство и справедливость совсем не одно и то же. Ибо дело в следующем.

Люди от природы не равны: они отличаются друг от друга — полом и возрастом; здоровьем, ростом и силою; зрением, вкусом, слухом и обонянием; красотой и привлекательностью; телесными умениями и душевными способностями — сердцем и умом, волею и фантазией, памятью и талантами, добротой и злобой, совестью и бессовестностью, образованностью и необ-

разованностью, честностью, храбростью и опытом. В этом надо убедиться; это надо продумать — раз навсегда и до конца.

Но, если люди от природы не одинаковы, то как же может справедливость требовать, чтобы с неодинаковыми людьми обходились одинаково... Чтобы им предоставляли равные права и одинаковые творческие возможности... На самом деле справедливость совсем и не требует этого; напротив, она требует, чтобы права и обязанности людей, а также и их творческие возможности предметно соответствовали их природным особенностям, их способностям и делам. Так, именно справедливость требует, чтобы законы ограждали детей, слабых, больных и бедных. Именно справедливость требует, чтобы способным были открыты такие жизненные пути, которые останутся закрытыми для неспособных. («Дорогу честности, храбрости, уму и таланту»). Подходный налог устанавливает справедливое неравенство; напротив, «партийный билет» коммуниста устанавливает несправедливое неравенство.

Уравнивать всех и во всем — несправедливо, глупо и вредно. Но это не значит, что всякое неравенство будет справедливым. Есть несправедливые преимущества (напр. — безнаказанность влиятельных чиновников); но есть и справедливые преимущества (напр., трудовые льготы беременным женщинам).

Бывают верные, справедливые неравенства (т. е. преимущества, привилегии, послабления, ограждения), но бывают и неверные. И вот нередко люди, возмущаясь чужими, неверными привилегиями («это несправедливо»), начинают восставать против всяких привилегий вообще и требовать всеобщего равенства. Это требование несправедливо; оно проистекает из ожесточенного и потому ослепшего сердца, а ожесточенное сердце не видит человеческого разнообразия и начинает «приводить всех к одному знаменателю».

Но, помимо этого, всеобщее уравнивание вредно и в жизненном отношении; уравнивать всех «наверх» (т. е. сделать всех одинаково образованными, хорошо одетыми, богатыми и здоровыми) — невозможно. Всякое преднамеренно быстрое уравнивание может двигаться только «вниз», понижая общий уровень (т. е. делая всех одинаково необразованными, плохо одетыми, бедными или больными). К этому и стремилась коммунистическая революция; чтобы не было капиталистов и «кулаков», она делала всех нищими; чтобы не было профессиональной касты ученых, она наводняла профессорский состав невеждами и болту-

нами, и этим насаждала всероссийское невежество. И так от коммунистического равенства русские люди становились полубольными, оборванцами, измученными, нищими и невеждами — они все теряли и не выигрывали ничего.

Однако, опыт революции выяснил еще и то, что такое уравнивание на самом деле просто неосуществимо. Никакие человеческие меры, никакой террор не может сделать людей «одинаковыми» и стереть их природные различия; люди рождаются, растут и живут — неравными от природы; а равное обхождение с неравными людьми создает только мучительные для них и нравственно отвратительные несправедливости. Революционное равенство «вниз» ведет к тому, что худшие люди (карьеристы, симулянты, подхалимы, люди беспринципные, бессовестные, продажные, «ловчицы») выдвигаются вперед и вверх, а лучшие люди задыхаются и терпят всяческое гонение (по слову Шмелева: «гнус наверху, как пена, а праведники побиваются камнями»). В результате этого худшие сплываются в новый привилегированный слой («партия») и создают новое, обратное неравенство, — беспомощность обнищавшего народа перед всемогущим партийным чиновником, политическим доносчиком и палачом.

Отсюда уже ясно, что справедливость не только не требует уравнивания, а наоборот: она требует жизненно верного, предметного неравенства. Надо обходиться с людьми не так, как если бы они были одинаковы от природы, но так, как этого требуют их действительные свойства, качества и дела, — и это будет справедливо. Надо предоставлять хорошим людям (честным, умным, талантливым, бескорыстным) больше прав и творческих возможностей, нежели плохим (бесчестным, глупым, бездарным, жадным), — и это будет справедливо. Надо возлагать на людей различные обязанности и бремена: на сильных, богатых, здоровых — большие, а на слабых, больных, бедных — меньшие, — и это будет справедливо. Если два человека совершат по видимости одно и то же преступление, но один совершит его по злобе, а другой по легкомыслию, то справедливость потребует для них не одинакового, а различного наказания. И так во всем.

Так мы должны осмыслить и русскую историю. Освободить крестьян от крепостного права надо было не потому, что «все люди равны», а потому, что привилегия душевладения была несправедлива, жизненно вредна и для обеих сторон уни-

зительна. Провести аграрную реформу Столыпина надо было именно для того, чтобы освободить крестьян от принудительного, арифметического (душевого) уравнивания в общине и развязать их творческие, от природы неравные трудовые силы. Отменить во имя равенства жизненные, предметно обоснованные и потому справедливые привилегии, связанные с образованием, с организационным талантом и опытом, и поставить во главе русского государства и хозяйства невежественных коммунистов и бездарных «выдвиженцев» — могли только ослепшие от классовой ненависти революционеры; и вредоносные последствия этой меры вопиют к небу вот уже тридцать с лишним лет. Только от зависти и ненависти можно требовать вместо справедливости — нового, обратного неравенства и восхвалять его, как высшее достижение. «Вот так-то, сударыня, — говорила угольщица маркизе во время одной из французских революций, — теперь все будут равны: я буду ездить в вашей карете, а вы будете торговать углем...» Ибо на самом деле справедливость требует жизненно верного, предметного неравенства: в одном случае привилегии, в другом — лишение прав; в одном случае — наказания, в другом — прощения; в одном случае полновластия, в другом — безоговорочного повиновения. И пока люди не поймут этого, пока они будут настаивать, вслед за Французской Декларацией Прав, на всеобщем равенстве, — им не понять и не осуществить справедливости.

Равенство — однообразно. Оно не считается с жизненной сложностью и человеческими различиями. Но именно потому оно отвлеченно, формально и мертво. Оно не видит живого человека и не желает его видеть.

Справедливость же многообразна. Она знает, что жизнь бесконечно сложна и что одинаковых людей нет. Именно поэтому она не отвлеченна и не формальна, а конкретна и жизненна. Она всматривается в живого человека, стремится верно увидеть его и предметно обойтись с ним.

Равенство нуждается в формальных правилах и удовлетворяется ими. При этом сторонники равенства воображают, что простое, формальное соблюдение этих правил ведет к справедливости. На самом деле последовательное и мертвое законничество всегда ведет к несправедливости («суммум юс — сумма иньюриа»).

Напротив, справедливость невозможно ни найти, ни водворить на основании формальных правил, ибо она требует жи-

вого созерцания разнообразной жизни. Поэтому невозможно придумать такие справедливые законы, которые годились бы для всех времен и народов; но невозможно также обеспечить справедливый строй и в какой-нибудь одной стране — силою одних законов. Всякий закон есть отвлеченное правило. Никакой закон не может уловить и предусмотреть всю полноту и все разнообразие жизни. Поэтому он по необходимости условно уравнивает людей, связывая с известными, отвлеченно указываемыми свойствами и делами их (если таковые окажутся в действительности — напр., «мужчина», «такого-то возраста», «телесно здоровый», «душевно нормальный»; или: «укрававший», «ударивший», «убивший», «дезертировавший» и т. д.) — известные полномочия, обязанности или наказания. Но между законом и живым человеком стоит еще применение закона (административное или судебное), т. е. подведение конкретного жизненного случая под отвлеченное правило. И вот здесь-то и должно развертываться истинное царство справедливости.

Это отнюдь не значит, что условно уравнивающие законы безразличны для справедливости; но от них нельзя требовать слишком многого. От законов надо требовать: 1. Чтобы они не устанавливали несправедливых привилегий — послаблений, ограждений, бесправий, угнетений, а также несправедливых уравнений. 2. Чтобы все устанавливаемые ими неравенства заведомо не попирали справедливости. 3. Чтобы они вводили такие способы применения права (в управлении, самоуправлении и суде), которые, с одной стороны, гарантировали бы от произвольного и непредметного применения закона, а с другой — требовали бы от чиновников, научали бы их и представляли бы им возможность вводить повсюду поправки на справедливость.

Ибо справедливость не обеспечивается общими правилами; она требует еще справедливых людей. Она требует не только удовлетворительных законов, но еще живого человеческого искания и творчества. Если в стране нет живого и справедливого правосознания, то ей не помогут никакие и даже самые совершенные законы. Тут нужны не «правила», а верное настроение души — необходима воля к справедливости. А если ее нет, то самые лучшие законы, начертанные мудрецом или гением, будут только прикрывать язвы творимых несправедливостей.

Нам необходимо понять, что справедливость не дается в готовом виде и не водворяется по рецепту, а творчески отыски-

вается, всенародно выстрадывается и взращивается в жизни. Нет готового справедливого строя, который оставалось бы только ввести («анархия», «социализм», «коммунизм», «кооперация», «фашизм», «корпоратизм» и т. п.). Безнадежны и нелепы все подобные надежды и обещания. Справедливое в одной стране может оказаться несправедливым в другой. Справедливое в одну эпоху может впоследствии превратиться в вопиющую несправедливость.

Справедливость есть великое и вечное всенародное задание, которое неразрешимо «раз навсегда». Это задание подобно самой жизни, которая вечно запутывает свои нити и узлы и вечно требует их нового распутывания. И распутывать эти нити, и развязывать эти узлы должны не одни законы и не одни правители, а весь народ сообща, в непрерывном творческом искании и напряжении.

О ВОСПИТАНИИ РУССКОГО НАРОДА К СПРАВЕДЛИВОСТИ

Восстановить Россию, заживить раны революции и войны, и укрепить величие и великодержавие нашей родины можно только исходя из духа справедливости и служа ему. А для этого необходимо прежде всего необманно уверить весь русский народ, что новый, послереволюционный порядок — искренно хочет и практически ищет справедливости; и далее необходимо воспитывать и укреплять в самом народе волю к справедливости, здоровое христианское правосознание и чувство всенародного, сверхклассового и сверхсословного братства. Как только народ почувствует дух справедливости — он поверит новой национальной власти и раскроет ей свое сердце. А к этому раскрывающемуся народному сердцу новая власть должна обращаться с авторитетным обещанием отыскивать справедливость для всех и с требованием того же самого от народа. Новая власть должна провозгласить и осуществить конец принудительной «уравниловке и «обезлички»; конец революционного бесправия, беззакония, взяточничества; конец «срезания верхушек», «беднячества», упрощения, снижения террора против лучших и преуспевающих. Она должна восстановить справедливый ранг и качество;

возродить истинный авторитет и наконец начать воспитание народа к живой, творческой справедливости.

Воспитывать людей к справедливости нельзя без веры и религии, ибо вера в Бога есть главный и глубочайший источник чувства ранга и воли к качеству. Справедливость есть не что иное, как любование и художественное вчувствование в живого человека с желанием верно видеть его и верно обходиться с ним. Справедливость есть совестное доброжелательство. Справедливость есть всенародное братство. Справедливость есть живое и чуткое правосознание, которое готово поступиться своим и отстаивать чужое. Справедливость есть чувство меры в размежевании людских притязаний и интересов. Справедливость есть искусство искать и находить «для каждого свое» (формула римского права).

Воспитывать эти способности и настроения в народе — значит вести его к справедливости. И русский народ с его живым нравственным чутьем, с его природным благодушием и с его навеки охристианившейся совестью сумеет не только оценить справедливость новой власти и довериться ей, но сумеет и раскрыть свою душу для такой системы воспитания. Тогда начнется новая эпоха его истории.

Это новое воспитание должно не только будить в народе волю к справедливости, но и укреплять в нем дух жертвенности, т. е. согласие во имя общего, национально-государственного дела отдавать свое и не добиваться во что бы то ни стало справедливости для себя. Истинная христианская и гражданская доблесть ищет справедливости для других и охотно жертвует «своим» сверх всякой справедливости. И чем сильнее и живее этот дух в народе, тем могущественнее его государство: ибо жертвенность народа есть источник настоящей политической силы.

Замечательно, что люди часто расходятся друг с другом в толковании и понимании «справедливости». Это объясняется не только тем, что все мы вообще судим о вещах и делах «субъективно» и потому не соглашаемся друг с другом; но еще гораздо более и тем, что мы обычно взываем к «справедливости», отстаивая свой собственный интерес, и тотчас же забываем о ней, когда обсуждается чужой. Нам все кажется, что справедливость всегда «за нас» и что всякое удовлетворение наших желаний и интересов — «справедливо». И при этом мы не замечаем, что нами владеет в действительности не искание справедливос-

ти, а личная корысть; — что наша ссылка на справедливость на самом деле ничего не стоит; — что мы то и дело выступаем в жизни контрабандистами несправедливости. Тогда оказывается, что людей нельзя ни согласить, ни примирить; что справедливость становится пустым и мертвым словом и что в действительности происходит не искание справедливости, а борьба личных своекорыстий, — гражданская война всех против всех. Так бывало и в истории России: люди кривили душою (в старину это называлось «воровали») и, по слову летописи, «несли Русь розно». Так было и в Смутное время (1605—1613). Именно так возникла и большевицкая революция (1917). При таком настроении в народе государство существовать не может; центробежные силы одерживают верх над центростремительными; личный интерес становится выше общего; все рассыпается в прах, в песок — и буря событий несет этот песок в пропасть.

Отсюда первое требование: каждый из нас должен научиться отличать вопрос о справедливости от вопроса о личном интересе и не прикрывать свою корысть декламацией о справедливости. «Мои притязания» могут быть и необоснованны; «моя выгода» может противоречить справедливости; «мое право» может и не простирается до пределов моей жадности.

Однако этого недостаточно. Необходимо нечто большее: мы должны научиться не настаивать на наших самых справедливых притязаниях, если этого требует единый и общий интерес родины. Это второе требование.

Справедливость, как уже установлено, не есть готовая программа мероприятий или готовая система жизни, которую можно немедленно ввести и осуществить. Она отыскивается в непрерывном всенародном творческом созерцании и действии, которое отправляется от исторически данного нагромождения несправедливостей и полунесправедливостей. Это наследие веков, эту исторически запутанную ткань жизненных нитей и узлов каждый народ вынужден принять, как отправной пункт, как исходную основу жизни. Наивно и ребячливо думать, будто от человеческого произвола зависит «немедленно ввести совершенный строй жизни»; будто от земной юдоли до блаженной жизни всего один шаг; будто блаженное «тысячелетнее царство» (отсюда выражение — «хилиастический», тысячелетний), или «золотой век» — может наступить от каких-то правительственных или государственных реформ.

С давних, древнейших времен людям снится в их ночном сознании мечтательный сон о некоем блаженном «тридесатом Царстве», где царит абсолютная справедливость и полная свобода, где нет ни слабостей, ни страданий, ни болезней, там можно обойтись без труда и лишений, где люди не знают ни греха, ни запрета, ни преступлений, ни наказаний, ни принуждения, ни справедливости. «Там» — все притязания оправданы, все погрешности удовлетворены; люди наслаждаются всеобщей справедливостью и всеобщим счастьем. При этом одни думают, что это есть воспоминание об «утраченном рае», а другие предполагают, что это есть предчувствие «грядущего блаженства». А народная масса мечтает об этом — то в сказках, то в сновидениях, то в бесформенном, молчаливом ожидании и вожделинии.

Если это «блаженное царство» видится людям в потустороннем мире и связывается с будущей, загробной жизнью, то взор человеческий становится ясным и трезвым для здешней, земной жизни: тогда он видит ее несовершенства и невозможность; он постигает слабость и греховность человеческого существа; он научается духовно ценить труд и лишения, страдания и болезни; он убеждается в необходимости запретов, принуждения и наказания; он начинает мириться с неизбежностью несправедливости в земной жизни. Ибо на самом деле земная жизнь требует от человека работы и терпения, смирения и жертвенности, отречения и уживчивости; здесь — качество родится из страдания и труда; здесь человек должен заплатить за все великое — напряжением и мукою. А покрыть и исцелить все это может только любовь. Именно таков дух Христианства, именно таково христианское правосознание.

Но если люди утрачивают веру в Бога и в будущую жизнь, то они начинают считать здешнюю, посястороннюю земную жизнь — единственной, всеобещающей и ни к чему не обязывающей. Тогда их духовный взор тускнеет, а их земной взгляд становится близоруким и алчным: он уже не видит и не желает видеть несовершенство и невозможность земной жизни; он прилепляется к своей максималистической химере и начинает галлюцинировать. Тогда «тысячелетний сон» выплывает из бессознательного, завладевает дневным сознанием, и начинается эпоха брожений и революций. Душа становится как бы «перутомленной», нетерпеливой, требовательной и ожесточенной. Тогда появляются темпераментные «истолкователи» этого

«переутомления» и нетерпения, «пророки» этой требовательности, вожди этого ожесточения. Пишутся «гимны» этой неосуществимой химеры (напр., «Капитал» Маркса); слагается «наука» грядущего переворота; сеются утопические идеи; возникают партии «немедленного введения» тысячелетнего царства, (социалисты, коммунисты); политика начинает галлюцинировать; слепая воля ожесточается и люди пытаются прорваться к неосуществимому блаженству ценою многой крови.

Какое тягостное пробуждение готовится этим людям и народам! Какое разочарование! Кровавая химера врывается в жизнь, развязывая души, подрывая веру и нравственность, опрокидывая правосознание и разрушая историческое наследие народа... Она нагромождает силы государственного террора и хозяйственной техники, опустошает и порабощает души, пытается создать «нового человека» — и все для того, чтобы осуществить новое, обратное неравенство и утопить людей в потоке небывалой несправедливости. Урок поистине жестокий и отрезвляющий... А политика есть дело трезвое и не терпит галлюцинаций. И хозяйство есть дело живого и здорового инстинкта и гибнет от противоестественных выдумок. Справедливость же есть дело веры, совести и всенародного творческого искания; она неосуществима в порядке уравнилельных декретов и мстительного насилия.

И нашему поколению, пережившему и перестрадавшему весь этот трагический опыт, надлежит поставить перед собою вопрос: стоило ли русскому народу отдавать свой исторически накопленный запас свободы и справедливости во имя этого обратного неравенства и этого порабощения? И далее — другой, более радикальный вопрос: есть ли справедливость столь драгоценное благо в жизни народа, чтобы из-за призрака «новой, полной справедливости» приносить столь безмерные жертвы?... Что же, человек живет на свете для того, чтобы установить «справедливый строй»? Или справедливый строй ему нужен для того, чтобы развязать и оплодотворить его высшие творческие силы? Что лучше и мудрее: временно терпеть несправедливый порядок во имя Родины, или отдавать Родину на поток и разграбление во имя немедленной «прибавочной справедливости»? И кажется мне, что поставить этот вопрос — значит уже ответить на него. По крайней мере русская история уже ответила на него и вписала свой ответ кровавыми буквами в историю человечества.

Справедливость есть существование и драгоценное начало в жизни народа. Но она не есть ни высшая, ни последняя ценность человеческого духа. Естественно желать своему народу справедливости для того, чтобы открыть свободную дорогу творчеству и качеству — честности, совести, уму, таланту, гению; но неестественно разжигать в своем народе завистливую химеру равенства, для того, чтобы «погасить высшие способности» (Достоевский, «Бесы»); и столь же неестественно внушать своему народу, что до водворения «полной справедливости» нельзя ни жить, ни творить культуру (русские революционные партии). Ибо на самом деле вся культура человечества вплоть до наших дней создавалась при отсутствии «полной справедливости»; она создавалась благодаря предметному неравенству людей и притом именно творчеством «высших способностей»...

Человек живет на свете не для того, чтобы быть педантом справедливости, и не для того, чтобы требовать «немедленно» ее «полного» осуществления. Тысячу раз прав тот, кто, пренебрегая выпадающими на его долю несправедливостями, продолжает посильно служить Божьему Делу на земле. И, наоборот, неправ тот, кто прекращает свое служение (а, может быть — и свою жизнь) впредь до восстановления «причитающихся ему» справедливостей.

Для того, чтобы народ творчески служил своей родине и своей национальной культуре, ему несомненно нужно и важно искать справедливость. Но так как «полная справедливость» — есть бесконечное задание (не более, чем «регулятивная идея»), то все народы творили и будут творить свою духовную культуру — при отсутствии полной справедливости, т. е. в исторически данном нагромождении справедливости, полусправедливости и несправедливости. Мы не должны скрывать этого от нашего народа; напротив, мы должны открыть ему глаза на то, что «полную» справедливость надо самому искать и творить в течение всей своей жизни, а не требовать ее «немедленно» от других; и что с этим надо раз навсегда примириться. Мы должны открыть ему глаза на то, что во имя немедленной «прибавочной справедливости» нельзя отдавать свое государство на поток и разграбление; что мы все должны быть готовы временно терпеть несправедливость во имя нашей родины, ибо прежде, чем наслаждаться «справедливой жизнью», надо обеспечить себе хоть какую-нибудь жизнь. Жизнь на земле невозмож-

на без терпения, смирения и отречения. Эти три основы были заповеданы нам Евангелием. Коммунисты восстали против этих традиционных добродетелей как «реакционных» и «выгодных только буржуазии». И что же? Ни один исторический режим не возлагал на своих «подданных» такого бремени изнурительного терпения, вынужденного смирения и унижительного отречения как коммунистический строй. То, что Евангелие раскрыло нам, как добродетель и мудрость, как религиозное служение, — коммунисты возложили на нас в порядке каторжной покорности и притом без меры, без чести, без свободы и без духа — в виде публичной порочности и в форме политического пресмыкательства; и то, что в евангельском учении являлось добровольным самоограничением и в христианском обществе творило духовную культуру, — оказалось в коммунистическом порядке источником всеобщего культурного снижения и разрушения...

Именно поэтому строительство грядущей России должно исходить из следующих основных правил:

1. Справедливость драгоценна и необходима в жизни народа, но она отнюдь не есть высшая ценность жизни и последняя цель государства.

2. Справедливость нельзя смешивать с равенством; а требовать всеобщего уравнивания — протivoестественно и несправедливо.

3. Важней всего, чтобы правительство и народ искренно хотели справедливости и взаимно верили друг другу в том, что это хотение искренно и жизненно.

4. Надо, чтобы люди не ценили справедливость выше того, чего она стоит, и не задавались задачей «немедленно» добиваться «полной справедливости».

5. Надо воспитывать в народе христианское понимание справедливости, а именно — настойчивое искание ее для других и жертвенную щедрость в перенесении несправедливостей, выпадающих на собственную долю.

6. Надо воспитывать в народе государственно-патриотический дух, готовый во имя единого и общего блага Родины не настаивать на немедленном удовлетворении собственного справедливого интереса.

Только на этом пути восстановим Россию. Только этим укрепим ее.

О СИЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Россия, как национально-политическое явление, была создана сильной государственной властью, которая, однако, никогда (даже при Иоанне Грозном!) не покушалась на тоталитарное ведение жизни, культуры и хозяйства. Так было в прошлом. Так будет и впредь. И нам, русским патриотам, надлежит помнить это и, не ослепляясь безобразиями коммунистически-тоталитарной диктатуры, явившей миру не сильную власть, а насильственно-произвольное попиране жизни, самостоятельности и свободы, крепить нашу национально-государственную власть — в ее конституционном строении, в ее государственном направлении, в ее волевой энергии, в ее блюдении права и свободы, в ее политическом искусстве и особенно в ее всенародных духовных корнях.

Строго говоря, самое выражение «сильная власть» должно бы считаться странным и излишним: ведь власть сама по себе есть общественно выделенная и организованная сила—в этом ее сущность и назначение; она есть явное средоточие уполномоченной и могущественной воли, которую все признают, уважая ее, подчиняясь ей и исполняя ее требования и законы. Что же означает выражение: «сильная власть»?.. «Сильная сила»? Не плеоназм ли это? Однако, исторически и политически это выражение полно глубокого и сложного смысла.

В истории народов государственная власть нередко преувеличивала свое призвание и свою сферу действия; она направляла свою энергию к неверным целям, попирала свои правовые формы и злоупотребляла своею мощью. Это вызывало протест и борьбу. Но борьба эта, движимая страстями, — открытым честным возмущением и прикровенным личным честолюбием, — не только стремилась умерить преувеличения, исправить заблуждения, прекратить бесправие и злоупотребления исторической власти, но расшатывала и ослабляла самую власть. Борьба за «новую», «лучшую» государственность вела к подрыву самой государственной организации. Создавали не просто «лучшую власть», а слабую власть, бессильную, беспомощную, раздробленную. Опасаясь злоупотребления властью, обессиливали самую власть, а вместе с тем подрывали и внут-

ренный порядок и внешнюю обороноспособность государства. Придумывали такие формы власти, которые затрудняли и волевую концентрацию, и принятие решений, и проведение их в жизнь. Вводили в государственное устройство всевозможные «поправки», не замечая того, что эти поправки подтачивают действие власти, но не обеспечивают ни от безвластия, ни от ошибочных целей, ни от злоупотреблений... Так, ввели состязание государственных органов друг с другом (глава государства, министерство, верхняя палата и нижняя палата); ввели многоголовый сговор и взаимную борьбу многих партий; полномочия главы государства ограничили избираемостью его и срочностью и тем поставили его под контроль и увеличили медлительность в течении дел; стали выделять к власти людей слабых, безвольных, незначительных, зависимых от политической кулисы; конституционно закрепили недоверие народа к власти, — и не заметили, что всем этим создали сущее государственное безвластие и безволие. Замесили современное государство на дрожжах взаимного недоверия, классовой борьбы, тайных соглашений и закулисных интриг, — и не сообразили, что все это соответствует идеям анархизма, а не идеям здоровой государственности. Боролись с бесправием и произволом преувеличенной власти, — и были в этом правы; но пришли к бесправию от растроченной власти, к распаду, к всеобщей политической интриге всех против всех, к тайновластию всевозможных интернационалов, к «перманентной революции», к гражданской войне, к анархии... И что всего поучительнее, что этому ослаблению государственной власти исторически соответствовало не сужение государственных задач, не сокращение их объема и размаха, а возложение на государственную власть новых непосильных ей задач: началось притязание на великодержавие, на колониальное водительство, на мировое преобладание и даже на социалистическое регулирование хозяйства... Всего противоречивее и даже комичнее оказалась позиция социалистов: «последовательные демократы», сто лет делавшие все, чтобы расшатать и ослабить государственную власть, они все время носились с планом реорганизации всей жизни, предполагавшим монопольно- и тоталитарно-сильную государственную власть... И когда такая уродливая и болезненная власть, которая им была необходима, оказалась предвосхищенной у них большевиками, тогда обида их оказалась пожизненной и неисчерпаемой...

Есть государства, которые могут существовать при сравнительно слабой власти. Но и в их истории может пробить час, который потребует единства, волевой энергии, доверия, повелительности, быстроты, сильных людей и ответственных решений. И тогда все будет зависеть от их способности быстро и успешно перестроить свой порядок, свой ритм и свой привычный отбор людей...

Бывают исторические условия, при которых государство может плести ткань своей жизни, не имея сильной власти. Вот эти условия (перечисляю их с оговоркой — «при прочих равных условиях»).

1. Малый размер государства. Чем меньше государство по территории, тем легче ему обойтись без сильной власти. Пространство требует, чтобы излучения власти пронизывали, прорабатывали его; оно поглощает и ослабляет их действие. Чем большая территория подчинена единой власти, тем сильнее, тем авторитетнее должна быть эта власть, тем более она должна импонировать гражданам. Поэтому территориальные размеры России (перед революцией — 22,4 миллиона кв. килом.) требуют сильной власти. Достаточно сообразить, что территория Швейцарии составляет одну десятую часть Кавказа (вместе с Закавказьем); что территория европейской Франции составляла одну сорок четвертую тогдашней России; что Россия по пространству впятеро больше Китая, почти втрое больше Соединенных Штатов, и вчетверо больше всех (нерусских) государств Европы, взятых вместе. — Сможет ли слабая власть пронизать своими организующими и упорядочивающими лучами такое пространство?

2. Малочисленность населения. Чем меньше население государства, тем легче ему обойтись без сильной власти. Наоборот, чем больше людей входит в государство, тем труднее создается политическое единодушие и единоволение, — особенно на путях сговора (будь то «непосредственный» или «представительный» сговор). Голос слабой власти всегда утонет в шуме «сговаривающихся» миллионов. Поэтому численность русского населения требует для России сильной власти. Население коренной России (160—170 милл.) численно почти соответствует населению всей Северной Америки и значительно превосходит все население Африки. При слабой плотности расселения (в до-революционной России 29 человек на кв. килом. в Европейской

России и 2,3 чел. на кв. килом. в Азиатской России), русский народ всегда склонен к состоянию полуанархии и лишь с большим трудом приучается к правопорядку. Чего же достигнет в России слабая власть?.. Февральская революция это показала наглядно.

3. Обилие средств сообщения. Чем легче людям сноситься друг с другом в пределах единого государства, — передвижением (жел. и шосс. дороги, автомобили, пароходы, аэропланы), ус-тно (телефон, радио) и письменно (почта, телеграф»), — тем более страна оказывается спаянной общением, бытом и хозяйством; тем легче может справиться со своей задачей слабая власть; и обратно. Средства сообщения в России пребывали ранее и пребывают и ныне на весьма низком уровне. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить Россию и Германию. В России 1 километр железнодорожных линий приходится на 262 килом. площади, а в Германии на 7 килом. (кв.др.); в России 1 автомобиль обслуживает в среднем 850 жителей, а в Германии 54 жителя; в России одним телефонным аппаратом пользуются (вернее — не пользуются!) в среднем 295 человек, а в Германии 22 человека. Все эти данные относятся ко времени до Второй мировой войны и основываются на, как всегда пропагандных, подсчетах советской статистики; в действительности все обстоит, вероятно, еще хуже. И тем не менее эти данные достаточно показательны. И вот Российская власть должна быть тем сильнее, чем труднее ей прорабатывать человеческую разъединенность страны.

4. Слабая дифференциация страны. Чем меньше в стране национальных, языковых, религиозных, бытовых, климатических и хозяйственных различий, тем легче управлять государством, тем удовлетворительнее справится со своей задачей слабая власть; и обратно. Маленькая приморская Португалия (величиной с нашу самую малую — Черноморскую губернию), с ее 7 миллионами единоплеменных, единоверных жителей, говорящих на одном языке и не затронутых ни климатической, ни хозяйственной дифференциацией, — и та создала свою сильную власть и внутренне замирилась. Уже в соседней Испании слабая власть обычно ведет к распаду и гражданской войне. Что же сказать о России?.. Число ее «национальностей и языковых групп» доходит до 170. Число ее религий и исповеданий до 30. Климат ее знает все колебания от вечной ночи до полу-

денной пустыни. Ее природа требует от нас органического и хозяйственного приспособления — и к тундре, и к солончаку, и к винограду, и к полярному мху, и к тайге, и к горам, и к океану. Кровь и язык, вера и быт, хозяйственный уклад и культурный уровень — дифференцированы в России в высочайшей степени. Государственное единство возможно здесь только при наличии сильной и мудрой власти.

5. Свобода от великодержавных задач. — Чем проще национальная, культурная, хозяйственная и международная проблематика страны, тем легче ее государственные задания, тем уместнее во главе ее слабая власть. И обратно: только сильная власть справится с великодержавными задачами страны. Спать внутренне множество в органическое единство; поднять культурный уровень народных масс; вызвать к жизни хозяйственный расцвет большого народа; установить трудовое равновесие и возможно большее хозяйственное самопитание (автаркию) страны; найти верное торговое взаимодействие с соседями и ввести страну в меновой и дипломатический организм мирового общения, — все это требует сильной власти, независимой от партийного прилива и отлива, не опасющейся «сроков», не трепещущей перед новыми выборами, прозорливо ведущей свою линию из десятилетия в десятилетие. — Именно так создавалась Россия. Удельно-вечевая власть была слаба и не могла противостоять монголам. Московская власть не собрала бы Русь, если бы не окрепла. Россия нуждалась в Иване Васильевиче Третьем, чтобы покончить с татарами. Иоанн IV подготовил смуту не только опричниной и свирепым правлением, но больше всего — подрывом царского авторитета, т. е. ослаблением власти. Россия нуждалась в Петре Великом, чтобы осознать и развернуть свое великодержавие. Дворцовые перевороты восемнадцатого века (1725, 1730, 1740, 1741, 1761, 1801 и 1825) расшатывали и ослабляли российскую государственную власть и готовили Россию, по плану декабристов, в начале XIX века дворянскую республику с освобожденным без земли, т. е. пролетаризованным и подготовленным к новой пугачевщине крестьянством. Только сильная, эмансипированная от заговорщических партий, сверхсловная и сверхклассовая власть могла дать России великие реформы шестидесятих годов. Так и в будущем: слабая власть не поведет Россию, а развалит и погубит ее.

6. Высокий уровень народного правосознания. — Чем выше уровень народного правосознания, тем легче слабая власть справится со своей задачей; и наоборот. Правосознание есть умение уважать право и закон, добровольно исполнять свои государственные обязанности и частные обязательства, строить свою жизнь, не совершая преступлений; в основе его лежит чувство собственного духовного достоинства, внутренняя дисциплина, воля, взаимное уважение и доверие граждан друг к другу, граждан к власти и власти к гражданам. Чем сильнее и глубже правосознание народа, тем легче править им, тем менее опасна слабая власть; и наоборот. Русское правосознание имеет тяжелое историческое наследие: удельные раздоры, татарское иго, смуту, кочевой и разбойничий юго-восток, восстания Разина и Пугачева, дворцовые перевороты, революционные движения XIX и XX веков, правление большевиков. Все это нарастало на тот особый уклад души, который можно охарактеризовать как равнинную недисциплинированность, как славянский индивидуализм и славянскую тягу к анархии, как естественную темпераментность, как дыхание Азии. Все это, вместе взятое, выработало в русском народе такое правосознание, которому импонирует только сильная власть («строгое начальство», по выражению Шмелева). Слабая власть всегда вызывала и долго еще будет вызывать в России чувство вседозволенности и общественный распад.

7. Отсутствие военной угрозы. — Чем замиреннее границы государства, тем менее грозят народу войны и нападения, тем легче справится слабая власть со своей задачей; и наоборот. Слабая власть вообще не способна вести войну, ибо война требует воли, дисциплины, подготовки, концентрации и сверхсильных напряжений. Именно поэтому римская республика назначала на время войны (а также и внутренних затруднений) — диктатора, осуществлявшего единую, сильную и концентрированную власть. Обычный расчлененный и сложный аппарат государственной власти должен без труда упрощаться, сосредотачиваться и приобретать некую элементарную динамичность в трудные и опасные периоды: и чем легче происходит этот процесс упрощения и сосредоточения, тем боеспособнее угрожаемое войною государство. — История России была такова, что в первый период своей жизни (1055—1462) она имела в среднем один год войны на один год мира (данные С. М. Соловьева), а во

второй период своей жизни (вплоть до двадцатого века) она имела в среднем два года войны на один год мира (данные ген. Н. Н. Сухотина). Нам не дано предвидеть будущего, но мы не имеем никаких оснований считать, что русские границы замиренны, что государственное достояние России закреплено в международном отношении и что нам не грозят новые оборонительные войны. По-видимому, дело обстоит как раз наоборот, и сильная власть будет необходима России, как, может быть, еще никогда...

Все законы общественной жизни могут быть выражены так: чем труднее народу дается государственное объединение, и чем необходимее оно в данный период его истории, — тем сильнее должна быть его государственная власть. Слабая власть есть своего рода «роскошь», которую может себе позволить только народ, находящийся в исключительно благоприятных условиях; не тот народ, которого все еще тянет в анархию, т. е. к безвластному замешательству, а тот народ, которому мало-властие или безвластие уже не грозит замешательством; — не тот народ, внешнее расстояние и державные задания которого намного опередили силу и гибкость его правосознания, а тот народ, который духовно дорос до своих численно-пространственных размеров, который идейно, технически и организационно справился с бременем своих государственных задач. Народ, не могущий позволить себе этой роскоши, не должен и посягать на нее, ибо это посягание будет жизненно-беспочвенным и опасным и непременно приведет к образованию утопических партий и к гибельным попыткам с их стороны.

Силою равнинного пространства, силою национального темперамента, силою славянского индивидуализма и слабостью своей общественной дисциплины русский народ поставлен в условия, требующие не слабого, а сильного государственного центра. На протяжении своей истории он не раз обнаруживал, и ныне, в революции, вновь обнаружил тягу к безвластному замешательству, к страстному разрушительному кипению, к хаотическому имущественному переделу, к противогосударственному распаду. Русский человек способен блюсти порядок и строить государство; он способен держать образцовую дисциплину, жертвенно служить и умирать за родину. Но эта способность его проявляется и приносит плоды не тогда, когда она предоставлена самой себе, а тогда, когда она вызывается к жиз-

ни, закрепляется и ведется импонирующим ему, сильным и достойным государственным авторитетом.

Именно поэтому России необходима сильная власть. И она будет ее иметь.

Однако идея «сильной власти» совсем не так проста и общепонятна, как это многим кажется. Она должна быть верно и глубоко продумана. Она окружена соблазнами. Она может неверно истолковываться, противоправно строиться и дурно применяться в жизни. Здесь необходима большая предусмотрительность и ясность в определениях. Здесь преувеличения столь же вредны и опасны, как преуменьшения...

Принципиально говоря, государственная власть имеет вполне определенное и ограниченное призвание. Она совсем не «все может» и совсем не призвана «всем распоряжаться». Напротив, — все то, что требует свободного дыхания, добровольного самоопределения со стороны человека, его творческой инициативы, не подлежит произволению и властному распоряжению государственной власти. Человек не машина, а живой организм. Дух человека живет не по приказу и творит не по принуждению. Заменить хозяйственно-трудовую инициативу человеческого инстинкта нельзя ничем; предписывать человеческому духу любовь, веру, молитву, совестные движения души, чувство достоинства и чести, способы научного исследования и художественного созерцания противоестественно и нелепо. К добродетели и верности можно призывать; их преимущества можно показывать и разъяснять; злые деяния можно воспрепятствовать и наказывать. Но «Царство Божье» и духовная культура не вызываются к жизни государственным повелением. Это не означает, что государственной власти совсем «нечего делать»; но дело ее здесь ограничено, оно сводится к правовому обеспечению свободы, к препятствованию всем злым и соблазнительным начинаниям, к организации народного просвещения и к выделению людей благой воли.

Это означает, что сильная власть совсем не то же самое, что «тоталитарная власть».

У нас в России она существует под видом коммунизма вот уже 33 года, и нам, русскому народу, она принесла только разорение, горе и унижение. Поэтому благоденствие России и русского народа требует упразднения тоталитарной власти.

Сильная власть грядущей России должна быть сильна в своих верных пределах. Она совсем не призвана посягать на необъятное и неосуществимое. Забывая свои пределы и подминавая под себя всю свободную, творческую жизнь граждан, она стала бы неизбежно надрываться и компрометировать себя. Она вынуждена была бы претендовать на всеведение, всепредвидение и всемогущество и не смогла бы оправдать свою претензию. Никакая судорожная суетливость, никакая грозная требовательность не спасла бы ее. Ей пришлось бы прибегнуть к террору и системе доносов, и это только повредило бы ей: она стала бы, наподобие советской власти, ненавистной всему народу; и свободная лояльность не водворилась бы в России. Излучения власти не смогли бы пронизать правовую жизнь народа. Никакие жестокие и дурные средства не помогли бы разрешить объективно неразрешимую задачу — и оказалось бы, что новая власть подрывает себя так, как подрывала себя власть коммунистическая.

Сила власти определяется совсем не размером ее посяганий и не готовностью ее прибегать к любым и даже самым дурным средствам. Сила власти совсем не сводится к тому, что она готова истощать народное терпение и растрачивать народное уважение и доверие.

В чем же состоит сила государственной власти?

Сила власти есть прежде всего ее духовно-государственный авторитет, ее уважаемость, ее признаваемое достоинство, ее способность импонировать гражданам. Поставить себе неосуществимую задачу не значит проявить силу; растрачивать свой авторитет не значит быть сильным. Сила власти проявляется не в крике, не в суете, не в претенциозности, не в похвальбе и не в терроре. Истинная сила власти состоит в ее способности звать не грозя и встречать верный отклик в народе. Ибо власть есть прежде всего и больше всего — дух и воля, т. е. достоинство и правота наверху, которым отвечает свободная лояльность снизу. Чем меньшее напряжение нужно сверху и чем больший отклик оно вызывает внизу, тем сильнее власть. Принуждение бывает необходимо; но оно есть лишь техническое подспорье или условно-временная замена истинной силы. Государственная власть есть прежде всего — явление внутреннего мира, а потом только внешнего. Власть сильна не штыком и не казнью. Штык нужен тогда, когда власть недостаточно авторитетна;

казнь говорит о недостаточной лояльности снизу. Власть сильна своим достоинством, своею правотою, своею волею и ответом народа (т. е. блюдением закона, доверием, уважением и готовностью творчески вливаться в начинания власти).

Эту основную природу свою, — духовную и волевою, — власть должна помнить, беречь и укреплять. В ее распоряжении всегда остается аппарат принуждения, — т. е. возможность поддерживать свои веления внешней силой. Но внешняя сила никогда не заменит внутреннюю, — ни ее достоинства, ни правоты, ни ее духовного импонирования. Пугачевский бунт свидетельствовал о том, что духовный авторитет русской государственной власти вновь (после Петра!) поколебался; что народный «идеал царя» не воплощался петербургским тронотого времени... Лучшие люди той эпохи понимали это: А. И. Бибиков, которому Императрица поручила усмирение пугачевского бунта, писал фон Визину: «Не Пугачев важен, важно общее негодование!» Исторически дело обстояло так, что лояльность русского простонародья пыталась поставить трону свои условия. Бунт, конечно, надо было подавить. Но штык Михельсона и казни графа Панина не разрушали вопроса: надо было принять «корректуру» народного правосознания и творческими реформами восстановить истинную силу императорской власти. Ибо государство держится не штыком, а духом; не террором, а авторитетом власти; не угрозами и наказаниями, а свободно лояльностью народа.

Поэтому, говоря о сильной власти в грядущей России, я разумею прежде всего и больше всего — ее духовный авторитет. Этот духовный авторитет предполагает наличность целого ряда условий.

Так, прежде всего, необходима та особая национальная вдохновенность власти, которая должна излучаться из нее: народ должен уверенно чувствовать, что это есть наша, русская, национальная власть, преданная историческому делу, верная, неподкупная, блюдущая и строящая; без этой уверенности не будет ни доверия, ни уважения, ни готовности «аккумулировать» и служить. Сильная власть есть национально убедительная власть.

Далее, в России необходимо религиозное доверие народа к власти: власть инославная, иноверная или безверная всегда будет пользоваться в России скудным, урезанным, сомнительным

авторитетом. Власть, оторванная от Бога, не может знать, что полагается «по-Божьи»; она будет чужда верующему сердцу, а потому вообще не привлечет к себе сердец. Сильная власть есть религиозно убедительная власть.

Далее, духовный авторитет власти будет тем больше, чем независимее будет эта власть. Зависимая власть не будет пользоваться ни уважением, ни доверием. Человек, который сам не стоит и не идет, не сможет и вести: за ним не пойдут. Всякая зависимость будет подрывать авторитет власти: зависимость от иностранных войск, от своей армии, от каких-либо международных явных или тайных организаций, от партий, от капитала, от всяких ультимативных «нажимов» и т. д. Даже зависимость от церкви была бы нежелательна и противоречила бы древней, русско-православной традиции. Русская государственная власть может определяться только верою, совестью, честью и российским всенародным благом. Это должна быть автономная и предметно убедительная власть.

Наконец, эта власть должна быть в государственных делах волевым центром страны. Безволие и слабование не импонирует русскому человеку. Сам не имея зрелого волевого характера, русский человек требует воли от своего правителя. Он предпочитает окрик, строгость, твердость — уговариванию, «дискуссиям» и колебаниям; он предпочитает даже самоуправство — волевому ничтожеству. Ему необходима императивная убедительность власти.

Таковы основные условия внутренней силы власти. Им должна соответствовать ее внешняя форма. Отчетливо вычертить эту форму можно было бы только в виде конституционного проекта с подробным объяснительным комментарием. Здесь можно установить только основы грядущего государственного устройства России и то лишь вкратце. Вот эти основы.

1. Сильная власть грядущей России должна быть не неправовая и не сверхправовая, а оформленная правом, и служащая по праву, при помощи права— всенародному правопорядку. России нужна власть не произвольная, не тираническая, не безграничная. Она должна иметь свои законные пределы, свои подножия, обязанности и запреты, — во всех своих инстанциях и проявлениях. Это относится и к органу верховной власти, как бы он ни назывался и кем бы ни был представлен. Русский народ должен осознать себя, как правовое единство,

как Субъекта Права, состоящего из множества субъектов права: как живую Всероссийскую Личность, которую строит и ведет сильная правовая власть.

2. Итак, русское государство будет субъектом права, юридическим лицом. А юридическое лицо организуется или по образцу корпорации, или по образцу учреждения (см. «Н. З.» № 40 и 41).

Корпорация строится снизу вверх равноправными членами: это есть осуществленное самоуправление. Каждый участник ее есть полномочный член целого, решающий о своем участии в корпорации, о ее целях и задачах, о ее уставе и правлении. Правовая жизнь корпорации строится через тех, кого она объемлет и обслуживает. Так, последовательная демократия пытается построить государство по принципу строгой корпорации, сводя принцип «учреждения» к минимуму.

Учреждение строится сверху вниз, учредителем и группой назначенных им лиц; это есть осуществленное попечение о людях. Цель и задачи учреждения устанавливаются с самого начала учредителем; они определяются уставом; уставом же определяется структура учреждения и способы его действия. Одни люди ведут учреждение и в этом состоит их служба; другие люди пользуются благами этого учреждения, но полномочными членами его не являются. Правовая жизнь и деятельность учреждения строится не теми, кого она обслуживает (напр., школа, больница). Так, абсолютная монархия пытается построить государство по принципу строгого учреждения.

В действительной жизни государство никогда не бывает ни последовательной корпорацией, ни последовательным учреждением. Государство всегда строится — не только сверху вниз, но и снизу вверх. Оно всегда осуществляет властное попечение и всегда имеет сферы народного самоуправления. Понятно, что государство, нуждающееся в сильной власти, будет более склоняться к форме учреждения, а государство, удовлетворяющееся слабой властью, будет более походить на корпорацию.

В грядущей России необходимо будет найти верное, жизненно целесообразное, для русского правосознания подходящее сочетание из учреждения и корпорации. Участие русского гражданина в строительстве русского государства будет драгоценно, жизненно, необходимо; но оно не должно будет ослаб-

лять силу государственной власти. Это участие не должно колебать и разлагать ее единства, авторитета и ее силы. Составитель будущей русской конституции должен понять и запомнить, что все установления, правила и обычаи демократического строя, которые усиливают центробежные силы в политике или ослабляют центростремительные тяготения народной жизни, — должны быть специально для России обезврежены и заменены иными, закрепляющими национальное единение. Здесь требуется творчество новых государственных форм: нового избирательного права, новых партийных принципов, новых форм контроля, единения и водительства. Русский гражданин должен присутствовать своею лояльною волею и своим уважающим признанием во всех делах своего государства, — даже и там, где он не участвует в делах формальным голосованием. Форма «общественного договора» неосуществима в России: всенародный сговор с арифметическим подсчетом голосов быстро развалит русское государство. Но именно поэтому «общественный договор» должен стать живой, всепокрывающей, непоколебимой предпосылкой русского правосознания.

Задача нового государственного устройства России состоит в том, чтобы найти такую форму, при которой дух братской корпорации насытит форму попечительно ведущего учреждения, — при обеспеченном и непрерывном отборе качественно лучших людей к власти. Это учреждение должно быть несомно тем корпоративным духом, который оно само питает и насаждает, приучая народ к самоуправлению, но не рабству корпоративной схеме и доктрине.

Новая конституция России должна совместить преимущества авторитарного строя с преимуществами демократии устраняя опасности первого и недостатки второй.

3. Государственный строй новой России должен быть по форме унитарным, а по духу федеративным. Единство державы к центральной власти не может зависеть от согласия многих отдельных самостоятельных государств (областных или национальных); это развалит Россию. Но единая и сильная центральная власть должна выделить сферы областной и национальной самостоятельности и насытить всенародное единение духом братской солидарности.

4. Сильная власть отнюдь не должна привести в России к формам централизации и бюрократизма. Русское государство

должно быть единым, но дифференцированным. Оно должно иметь сильный центр, децентрализирующий все, что возможно децентрализовать без опасности для единства России. Центральное управление не сможет обойтись без назначаемого чиновничества, но надо будет найти новые формы для выдвижения снизу людей талантливых и достойных назначения. И в то же время бюрократии центра должно соответствовать широкое — местное, сословное и профессиональное самоуправление. Россия должна иметь сильный центр, формально-авторитетный, но по существу и по духу — народный и всенародный.

5. Все государственные дела должны быть разделены на две категории: центрально-всероссийские, верховные, и местно-автономные, низовые. К первым должны принадлежать все дела общегосударственные, единые для всех, субстанциальные для России как великой державы. Ко вторым — все остальные. Делами первой категории должен ведать сильный, авторитетный центр (отнюдь не исключаяющий народного представительства и питаемый свободным всенародно-корпоративным духом). Делами второй категории должны ведать органы самоуправления, работающие в согласии с децентрализованными, местными органами центра (что обеспечит их органическую поддержку центральной власти). Должна быть найдена такая форма государственного устройства, при которой низовая сила будет вовлекаться в работу авторитарного центра, а авторитарный центр будет иметь возможность влить свою оздоровляющую силу в то низовое место, которое потребует этого своею слабостью или своим расстройством.

В этом органическом единении важнее всего, чтобы сильная власть верно соблюдала меру своего проявления: все, что может делаться нецентралью, должно совершаться автономно; сила центра не должна подавлять автономное творчество людей в корпорации; но в час необходимости свободные люди и автономные корпорации должны получать опору и оздоровление из сильного центра. Тогда сильная власть окажется примиримой с свободною самодеятельностью народа.

6. Что касается верховного органа власти (Глава государства) в грядущей России, то необходимо помнить следующее. Коллективное (не единоличное) строение этого органа ослабит его политическую силу: при прочих равных условиях единоличный глава государства представляет более сильную во-

левую власть, нежели совокупный орган. Точно так же — избираемый Глава в полномочиях своих срочный (или тем более — краткосрочный), сменяемый (или тем более — легко сменяемый), зависимый от других пресекающих или авторитетно контролирующих органов, лишенный самостоятельной инициативы, — явит власть слабую. По общему правилу он создает на ответственной месте государства — центр безволия, интриг и замешательства.

Таковы общие основы, на которых может и должно покоиться государственное устройство грядущей России. Современные поколения русских людей сумеют найти соответствующие формы государственного бытия, творчески новые и национально-спасительные.

ОБ ОСНОВНЫХ ЗАКОНАХ БУДУЩЕЙ РОССИИ

О РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Ст. 1. — В порядке Божьего изволения возникшее, Божьим Промыслом в веках ведомое, Российское Государство утверждается, как установление по духу своему христианское и национальное, призванное ко хранению и осуществлению закона правды в жизни российских народов.

Ст. 2. — Российское Государство есть правовое единство,— священное, исторически преемственное, властное и действительное. Оно покоится на братском единении русских людей, на их верности Богу, Отечеству, государственной власти и закону.

Ст. 3. — Российское Государство едино и нераздельно. Оно имеет единый состав граждан, определяемый законом; единую, законом очерченную территорию; единую государственную власть, строение коей устанавливается основным законом; единый свод законов, в который включаются и все местные своды.

Всякое произвольное выхождение граждан из состава государства, всякое произвольное расчленение территории, всякое образование самостоятельной или новой государственной власти, всякое произвольное создание новых, основных или обыкновенных законов — объявляется заранее недействительным и наказуется по всей строгости уголовного закона, как измена или предательство.

Ст. 4. — Российское Государство есть правовой союз. Каждый русский гражданин имеет свои неприкосновенные права, свои установленные обязанности, свои ненарушимые запреты; все это устанавливается законами, ограждается властью и судом. Всякое беззаконие, превышение власти, вымогательство и произвол преследуются. Праву подчинены все без исключения. Основы правопорядка обязательны для всех.

Ст. 5. — Российское Государство есть единство священное, ибо оно объединяет людей не только внешне, но и внутренне, не токмо за страх, но и за совесть, не токмо перед лицом всех людей но и перед лицом Божьим. Российское Государство слу-

жит делу Божьему на земле: оно ограждает и обслуживает жизнь русского национального духа в его единстве и в его всенародной и общенародной совокупности.

Ст. 6. — Российское Государство есть единство исторически преемственное. Оно основано нашими предками; оно утверждено всенародными жертвами, приносившимися отечеству под водительством русских Князей и Государей; оно не может прекратиться и не прекращается никакими временными смутами, восстаниями, вторжениями и засильями.

Ст. 7. — Российское Государство есть единство властное, т. е. публично-правовое, и притом верховное. Оно само создает свою верховную власть, не подчиненную никакой внешней силе, никакой иной власти, явной или тайной, никакой иной державе. Русская государственная власть призвана править и повелевать: она властвует по праву и обязана в пределах права опираться на силу.

Ст. 8. — Российское Государство есть единство действительное. Это означает, что русские граждане призваны к правовой свободе и самостоятельному творчеству, к добровольной законопослушности (лояльности), к верной, незазорной семейной жизни, к свободному труду и частной собственности. Они суть субъекты права. Они повинны вкладывать в государственное дело свой почин, свое сердце, волю и разум. Они должны всеми способами, как лучше, промышлять о своем отечестве и о пользе своего народа. Они обязаны содействовать всем благим и правым начинаниям своей власти.

Ст. 9. — Российское Государство связывает людей в братский союз. Русский русскому есть брат и помощник, всегда, везде и во всем. Всякая взаимная неправда возбраняется. Всякое взаимное притеснение преступно. Всякая злостная эксплуатация наказуема по закону. Всякое оставление в беде предосудительно и позорно. Все за одного — один за всех.

Ст. 10. — Российское Государство связывает русских людей с отечеством и между собою преимущественно, а в случае столкновения с другими союзами — исключительно. Поэтому двойное подданство недопустимо; оно воспрещается и наказуется, как измена. Также воспрещается всякая принадлежность граждан к каким бы то ни было международным (интернациональным) объединениям.

Ст. 11. — Российское Государство связывает всех своих граждан единою патриотическою солидарностью: общим отечеством, общею целью, общею властью, общим правопорядком.

Общее выше частного. Частные интересы должны уступать, подчиняться, служить средством для высшей цели (ст. 4). Русский гражданин повинен своему отечеству служением и жертвенностью; он повинен своим согражданам уважением, миролюбием и сотрудничеством.

Ст. 12. — Всякое деление русских граждан на враждебные политические станы объявляется вредным, предосудительным и в случаях, особо предусмотренных, — наказуемым срочною или бессрочною утратою публичной правоспособности. Бороться за классовые, партийные и корпоративные интересы позволительно лишь постольку, поскольку эти интересы соответствуют единому и общему благу народа и государства.

Ст. 13. — Русский суд призван быть правым, справедливым, милостивым, скорым и равным. Русский судья, всегда укрепляя себя в законе Божьем, ведает в решениях своих два источника: закон Российского Государства и свое совестное правосознание. Он не может ни кривить душою, ни угождать предержавшим властям.

Ст. 14. — Русский государственный чин есть звание честное и ответственное, милостивое и строгое. Творящий кривду или растрату разрушает отечество и позорит себя. Российское чиновничество обязуется помнить, что оно призвано строить и украшать свою родину.

Ст. 15. — Солдатом именуется всякий военнотружущий, от рядового до старшего генерала. Русский солдат есть звание высокое и почетное. Он представляет всероссийское народное единство, русскую государственную волю, силу и честь. Армия есть кость от кости народной, кровь от крови его, дух от его духа. Служащий в русской армии, — пожизненно или временно, — осуществляет почетное право верного за отечество стояния и приобщается национальной славе. Военское знамя есть священная хоругвь всего российского народа. Военный инвалид — почетное лицо в государстве.

Ст. 16. — Русский язык есть язык общегосударственный. Он обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях. Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях допускается только наряду с русским языком: оно обязательно во всех общинах с иноязычным большинством и определяется особыми законами и указами.

Так можно было бы формулировать основные аксиомы всероссийского государственного порядка и единения.

О ПРАВАХ И ОБЯЗАННОСТЯХ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН

Если бы кто-нибудь поставил вопрос, какими свойствами должен обладать настоящий гражданин и что следует воспитывать в будущих русских гражданах, то мы ответили бы так.

Первое, что отличает настоящего гражданина — есть свойственное ему чувство собственного духовного достоинства: он чтит духовное начало в самом себе (свою религиозность, свою совесть, свой разум, свою честь, свои убеждения, свое художественное чутье, христиански говоря — свое человеческое усыновление Богу); и в силу этого он чтит самого себя, как искру божественного Огня, и не совершает ничего бесчестного, безбожного, бессовестного, унижающего и роняющего его духовную природу.

Второе, что отличает настоящего гражданина,— это его внутренняя свобода, превращенная в самостоятельную дисциплину. Он есть некий ответственный, самоуправляющийся волевой центр, он есть тот истинный субъект права, которому подобает быть свободным внутренне и потому принимать участие в государственных делах. Такому гражданину подобает уважение и доверие. Он есть как бы камень государственности; носитель верности и самообладания; гражданственный характер.

Третье, что отличает настоящего гражданина,— это есть то взаимное уважение и доверие, которое связывает его с другими согражданами и с его государственной властью. Не уважать свою власть есть не признак «критического ума» и «свободы мысли»; это есть сущее несчастье, грозящее предательством и разложением. Не доверять своим согражданам значит подозревать или прямо презирать их: политическое единение становится невозможным. Если же власть не уважает своих граждан и не доверяет им, то она вынуждена править не свободой и верностью, а страхом и гнетом; и творческая сила ее оказывается подорванной и обреченной.

И, наконец, четвертое, что отличает настоящего гражданина,— это есть умение его превращать свою свободу в добровольную лояльность. А это значит переживать и осуществлять свои публично-правовые права, как вмененные самому себе обязанности; а свои публично-правовые обязанности, как свои драгоценные и почетные права. Это не парадокс и не игра словами. Там, где гражданин имеет свободу слова и печати, он дол-

жен испытывать ее, как призвание быть граждански мужественным стоятелем за правду и справедливость; и тогда свобода его будет на высоте. Там, где он имеет право голоса, он никогда не предастся абсентеизму и партийной интриге. Внесение налога он будет переживать, как свое почетное право пополнить государственную казну; воинскую повинность, как свое почетное право отстаивать свой народ с оружием в руках и т. д... Чем больше этого разума и этого умения в гражданах, тем выше уровень их правосознания и тем прочнее их государство.

Принимая все это во внимание, мы могли бы попытаться дать такие формулы для выражения основ будущей русской гражданственности.

О правах и обязанностях российских граждан.

Ст. 1. — Российское гражданство есть звание почетное и обязывающее. Носящий сие звание повинен верностью отечеству и государству, верховной власти и законам страны.

Ст. 2. — Приобретение и утрата прав российского гражданства определяется особым законом. Во всех случаях перехода иностранцев в российское гражданство ими приносится торжественная и публичная присяга России, как отечеству, русским основным законам, русской верховной власти и русской армии. Сия присяга сопровождается подпиской о несостоянии в двойном подданстве. Подписка должна быть скреплена и удостоверена подписью пяти русских граждан, пользующихся доверием русского министерства иностранных дел по принадлежности.

Ст. 3. — Право свободной веры есть право священное и неприкосновенное. Оно принадлежит всем российским гражданам и не умаляется ни при каких наказаниях, ни при каких ограничениях публичной правоспособности.

Ст. 4. — Вооруженная защита отечества и государства есть не только священная обязанность, но и почетное право каждого русского гражданина. Лишение этого почетного права по суду принадлежит к позорнейшим наказаниям и сопровождается утратою всякой публичной правоспособности (право голоса, право общественной и государственной службы и др.). Мужское население подлежит призыву в войска согласно установлениям закона. Права и обязанности женщин в деле обороны страны определяются особым законом.

Ст. 5. — Российские граждане обязаны платить установленные законом налоги и пошлины. Сия обязанность есть по смыслу своему почетное право участия в создании и пополнении отечественной казны. Злостные недоимщики лишаются по суду и закону известных публичных прав. Налог, установленный государством, указывает каждому гражданину не наибольшую, а наименьшую долю его участия. Каждое превышение этой наименьшей доли составляет отечественную заслугу гражданина и влечет за собою почетные последствия, определяемые особым законом.

Ст. 6. — Российские граждане обязаны также отбывать все иные повинности, возлагаемые на них законом. Всякое проявление почина, добровольчества и жертвенности составляет и здесь отечественную заслугу и влечет за собою предусматриваемые особым законом почетные последствия.

Ст. 7. — Все русские граждане, не ограниченные в своих правах по закону или по суду, равны перед законом. Российский правопорядок не знает сословий, которые сообщали бы своим членам неосновательные преимущества или ограничения в правах или изымали своих членов из под действия основных и общих законов.

Ст. 8. — Только российские граждане могут занимать военные и гражданские должности в России. Граждане иных государств могут приглашаться на службу лишь временно, по договору найма, при условии подписания торжественного обязательства никак и ни в чем не вредить интересам Российского Государства.

Ст. 9. — В борьбе с политической смутою, разбоем, неприятельским вторжением или чрезвычайными народными бедствиями Глава Государства имеет право объявлять известные категории лиц, как из российских граждан, так и из числа иностранцев — вне закона. Объявление это печатается в газетах и расклеивается в присутственных местах. Оно действительно в течение одного месяца и должно быть возобновлено в том же порядке.

Лица, объявленные вне закона, подлежат немедленному аресту и суровому, ускоренному судопроизводству, определяемому особым законом. С момента объявления их вне закона они утрачивают все субъективные публичные права, кроме особо оговоренных.

Ст. 10. — Никто не может подлежать преследованию, суду и наказанию иначе, как на точном основании закона, изданного и обнародованного до совершения поступка, и лишь в порядке, в законе определенном. Сие не распространяется на лиц, объявленных вне закона.

Ст. 11 — Никто не может быть задержан, взят под стражу или иным образом лишен свободы иначе, как в случаях, в законе определенных и с соблюдением правил, им предписанных. Сие не распространяется на лиц, объявленных вне закона.

Ст. 12. — Всякое задержанное лицо в городах и других местах пребывания судебной власти должно быть в течение двадцати четырех часов, а в прочих местностях Государства не позднее, чем в течение трех суток со времени задержания — или освобождено, или представлено судебной власти; судебная же власть, по рассмотрении обвинения, или освобождает задержанного, или постановляет, с изложением оснований, о дальнейшем содержании его под стражей. Сие не распространяется на лиц, объявленных вне закона.

Ст. 13. — Жилище каждого российского гражданина неприкосновенно. Производство в жилище обыска или выемки без согласия хозяина допускается не иначе, как в случаях и в порядке, определяемых законом. Сие распространяется и на лиц, объявленных вне закона.

Ст. 14. — Никто не может быть судим иным судом, кроме того, коему дело его по закону подлежит. Изъятия из этого правила допускаются только в порядке закона о чрезвычайном и военном положении. Лица, объявленные вне закона, судятся особым судом, нарочито для сего в порядке закона составляемыми

Ст. 15. — Русские граждане, достигшие гражданского совершеннолетия (20 лет), могут в общих пределах, установленных законом, свободно избирать и менять местожительства и занятия, приобретать и отчуждать имущество и беспрепятственно выезжать за пределы государства. Ограничения в сих правах, как для русских граждан, так и для иностранцев, устанавливаются особыми законами.

Ст. 16. — Собственность — неприкосновенна. Принудительное отчуждение недвижимого и движимого имущества допускается только тогда, когда сие оказывается необходимым для какой-нибудь государственной пользы. Оно совершается только в законном порядке и притом за справедливое возна-

гражданин, учитывающее и особые, доказанные интересы лица.

Ст. 17. — Российские граждане имеют право устраивать собрания в целях, не противных религии, нравственности, отечеству и законам, мирно и без оружия. Законом определяются условия, при которых могут происходить собрания, порядок их закрытия, а равно и ограничения мест для собраний. Всякое собрание, в котором произнесен призыв к неповиновению властям и законам или ко взаимной вражде граждан между собою, становится с этого момента противозаконным сборищем, участие в коем наказуемого суду утратою публичных прав. Участие в собрании с огнестрельным или холодным оружием без особого разрешения носить таковое приравнивается к попытке начать вооруженное восстание.

Ст. 18. — В пределах, установленных Основными Законами и особым законом, каждый может высказывать устно или письменно свои мысли, а равно распространять их в письменном или печатном виде.

Ст. 19. — Российские граждане имеют право образовывать неполитические общества и союзы, в целях, не противных Основным и иным законам государства. Каждое образуемое существо или союз должен быть зарегистрирован в законном порядке с предъявлением устава и с откровенным изложением целей. Тайные общества и союзы воспрещаются. Они, так же, как и их участники, заранее объявляются вне закона. Условия образования общества и союзов, порядок их действий, условия и порядок сообщения им прав юридического лица, равно как и порядок их закрытия определяется особым законом.

Ст. 20. — Российские граждане имеют право образовывать также и политические партии, подлежащие обязательной регистрации. Партии противообщественные, противогосударственные и революционные воспрещаются. Противозаконное образование их и участие в них наказуются по закону и суду, всякое судебное осуждение за это влечет за собою, помимо наказания, еще и полную утрату публичных прав. Членам партии воспрещается всякая государственная и общественно-публичная служба, а также избрание или назначение в законотворческие органы. Всякий назначаемый на такую службу, избираемый или назначаемый в такие органы должен выйти из партии и дать торжественное обязательство сообразоваться в своей деятельности не с указаниями своей бывшей партии, а с пользою

отечества и государства, а также с голосом своего неподкупного правосознания и своей совести.

Ст. 21. — Российские граждане имеют право единолично или совместно обращаться к государственным властям с письменным изложением своих просьб и пожеланий. Совместное обращение допустимо только от лица зарегистрированного общества или союза через его правление или особую депутацию.

Ст. 22. — Тайна переписки неприкосновенна. Закон определяет, какие чиновники ответственны за нарушение тайны писем, доверенных почте. Почтовая тайна не распространяется на переписку лишь умаленных по суду в публичных правах или объявленных вне закона.

Ст. 23. — За нарушение прав граждан должностные лица подлежат гражданской и уголовной ответственности на общем основании, причем для привлечения их к суду не требуется согласия их начальства.

Ст. 24. — Иностранцы, пребывающие в Россию, пользуются гражданскими правами на основании действующих законов международного частного права. Из публичных прав им предоставляется свобода веры, неприкосновенность личности, неприкосновенность жилища, неприкосновенность собственности и право петиций. Их подсудность, право передвижения и промысла, право собраний, право слова и печати, право союзов подлежат особым законам и указам. В особенности им воспрещается под страхом высылки из страны публичное произнесение, письменное распространение или печатное опубликование суждений о России, о ее внутренних и внешних делах.

Ст. 25. — Действие сих постановлений о правах граждан не распространяется на граждан, состоящих на действительной военной службе, а также на всех граждан, находящихся в местностях, объявленных на чрезвычайном или военном положении. Порядок этого объявления и сущность изъятия из этих постановлений определяется особым законом.

Ст. 26. — Все бывшие члены коммунистической партии, по каким бы основаниям и мотивам они в нее ни входили, и сколько бы времени они в ней ни оставались, исключаются на 20 лет из политической жизни; в течение этого срока они не имеют права занимать какие бы то ни было должности на государственной и общественно-публичной службе, печататься, избирать и избираться. Отступления от этого возможны только в

порядке личной аболиции по личному прошению на имя главы государства.

Ст. 27. — Никто из российских граждан не имеет права принимать от иностранных представительств или правителей никаких назначений, отличий, титулов или пожалований.

Ст. 28. — Каждый российский гражданин, осведомленный о чем-либо злом умысле против жизни, здоровья, чести или имущества кого-либо из своих сограждан, обязан предупредить угрожаемого об опасности. Оба вместе имеют право обратиться за защитой к органам полицейского управления. В случаях особой важности, предупреждающий имеет право самостоятельно сообщить полиции об имеющейся опасности. Такие заявления протоколируются и подписываются сообщителем. Во всех случаях обнаруживающейся заведомой лжи, клеветы, шантажа и т. д. полиция обязана предать сей протокол гласности в порядке напечатания в Полицейских ведомостях, и затем привлечь виновного к судебной ответственности.

Ст. 29. — Каждый политический донос протоколируется, за подписью доносителя и с его точным адресом. Безымянные политические доносы воспрещаются. Они не могут иметь никаких правовых последствий. Если автор такого доноса будет обнаружен, то он предается суду по обвинению в нарушении ст. 9 Первого Раздела; в случае осуждения он лишается публичных прав на десять лет.

Ст. 30. — Каждый политический донос, без исключения, в течение трех дней предъявляется тому, против коего он направлен. Имя доносителя должно быть ему названо. Возражение его протоколируется. В случае его желания, ему дается очная ставка с доносителем, по желанию — в присутствии трех избранных им свидетелей.

Ст. 31. — Бремя доказательства лежит на доносителе, а не на том, против коего донос направлен.

Ст. 32. — Если предметом доноса является деяние юридически непредусмотренное и не наказуемое, то дело прекращается. Если же деяние предусмотрено или наказуемо, то в случае подтверждения доноса или недостаточного опровержения его — дело передается мировому судье. Мировой судья судит не только о деянии и о содеявшем его, но и о доносителе. Донесший, хотя бы верно, но из личной вражды, или по злобе, или же заведомо ложно, обвиняется в нарушении ст. 9 Первого Раздела; в случае осуждения он лишается публичных прав на 10 лет.

Так, приблизительно, можно было бы представить себе формулы, которые могли бы определить права и обязанности Российских Граждан, Основной смысл их в следующем: гражданам не предоставляется свобода зла, бесчестия и предательства, доноса и подлости, но им обеспечивается свобода патриотической инициативы, соответствующая их духовному достоинству. Благие силы, направленные к добру и спасению, должны быть не связаны, а развязаны.

РОССИЯ БУДЕТ ВОЗРОЖДЕНА ТОЛЬКО РУССКИМИ

Плохо человеку, который утратил всякую надежду и ни на что не надеется... Он как бы отрезает себе перспективу в свое будущее; он перестает верить в возможность лучшего; он ослепляет свой дух и обессиливает свой инстинкт; он отрекается от своего спасения и добровольно «опускается на дно». Нельзя жить без надежды. Это знают врачи и не отнимают ее у больного до самого конца. Это хорошо знают все тонувшие и спасшиеся; все, забытые на поле битвы и потом найденные и вырученные; все, проходившие через горькую нужду. Людям надежда необходима...

Но есть надежда мудрая и есть надежда глупая; зрячая и слепая; органически верная и беспочвенная; подъемлющая силы и угашающая их. Мудрая, зрячая, органически верная, подъемлющая силы — ведет, укрепляет и спасает; а глупая, слепая, беспочвенная и угашающая силы — питает душу иллюзиями, разочаровывает и нередко прямо губит. И если кто-нибудь был действительно вынужден пройти через все эти виды и оттенки, то это мы, русские люди, неприявшие революцию и временно обессиленные врагами России: мы переживали это всюду, где бы мы ни находились, за рубежом или под ярмом, на своей недоотнятой «жилплощади», или на Лубянке, или в ссылке... И казалось бы, что мы могли и должны были, пребывая в этом потоке тщетных надежд, научиться настоящему реализму, трезвому учету сил и политической дальнорзости. Научились ли? Не сомневаюсь в том, что многие научились. Но есть и другие «многие», которые этому не научились, да вряд ли когда и научатся: и возраст не благоприятствует; и зуд политического

фигурирования ненасытен, и слепота врожденная; да и сила суждения уж очень невелика. Так и сойдут со сцены, налаживая себе предметно безнадежные конъюнктуры...

Стоит только вспомнить те шепоты, которыми утешалась и питалась небольшевицкая Россия в первые годы революции: овые надеялись на немцев, в действительности мечтавших закрепитесь в занятых ими русских пространствах; овые надеялись на французов в Одессе, на самом деле мечтавших только о том, чтобы уехать домой; овые — на чехословаков, подготовивших при содействии французов (Жанен) и при попустительстве англичан величайшее грабительство и предательство в Сибири (Сыровой); овые на англичан, активно топивших русские корабли под предлогом их революционности и мечтавших о выгодной торговле с советскими «людоедами». Определеннее всех действовал на Дальнем Востоке атаман Семенов, договорившейся с японцами на «таинственных» условиях — японцам призрачная выгода, Семенову призрачная власть. По этому типу можно было бы называть многие подобные позднейшие соглашения с иностранцами «семеновщиной»: это такая координация, которая скрывает за собой действительную субординацию; это раздел российских риз в отсутствии и при безмолвии России; это антинациональная стряпня под «национальным» флагом; это призрачная выгода иностранной державе и призрачная власть «обещателю»...

И сколько их было за эти 36 лет таких поисков, как будто бы позволявших «верить» и «надеяться», надеяться и утешаться, утешаться и, главное, фигурировать. Были «шепоты» польские, немецкие, итальянские, французские, английские, даже венгерские, а теперь чуть ли не аргентинские. И все это не «слухи», не «сплетни», и не пустые слова.

Прочтите о польских шепотах хотя бы в воспоминаниях Зинаиды Гиппиус (Мережковский, Философов, Савинков, Деренталь)... И чем кончилось? Поляки «наобещали», «наразрешили», а потом, выкарабкавшись из беды, примирились с большевиками, предали белый Крым и подготовили себе ту конъюнктуру, которая завершилась Катынью, предательством героически восставшей против немцев Варшавы и военной диктатурой под вывеской Рокоссовского. Даже с венграми шептались: нашелся генерал с русской фамилией, объявивший себя «туранцем» и докладывавший венгерским парламентариям об «освобождении» «туранских» народностей России при содей-

твии «соплеменных» венгров и о жажде этих народностей обратиться в католическую веру; дали ли ему денег — неизвестно, но венгерский орден патеры ему выхлопотали... Что ж, все-таки пофигурировал перед смертью...

А немецкие шепоты?! Вспомним работу «украинского института» в Берлине; вспомним партию «русских национал-социалистов», руководимых самым тупым из онемечившихся эмигрантов и, конечно, национал-социалистической полицией; вспомним статьи самого развязного публициста в эмиграции, всегда и на все готового, уверявшего и национал-социалистов и нас, будто тоталитарный строй есть в истории России явление обычное. И в то же время вспомним германского партийного «идеолога», полуэстонца Розамяги, называвшего себя Розенбергом, уже набравшего кадр внутрироссийских губернаторов на жаловании (до Вятки, Оренбурга и Тифлиса включительно); и параллельно — вымаривание русских военнопленных, миллионами гибнувших в тифу, в голоде и в людоедстве. Шепоты — надежды — слепота — иллюзии — предательство; но зато — фигурирование. Без иллюзий держались только члены РОВС, Власов и группа честных русских офицеров-патриотов вокруг него.

Нельзя умолчать об английских шепотах и упованиях. Вспомним борьбу Северо-Западной армии в 1919 году; обещания англичан и коварное невыполнение их: присылали тяжелые орудия без замков, не стреляющие винтовки, фехтовальные рапиры; бездействовал «обещанный» английский флот; не сражались английские танки. А в тылу Юденичу ставились условия: эстонцы вступят в Петербург и водворят в России федеративную демократию. И сами эстонцы, только что вырученные белыми русскими, предпочитали не помогать им вопреки обещанию, предоставлять им замерзать при отступлении перед Нарвою; а сами уже переговаривались с большевиками (о поведении англичан см. брошюру Кузьмина-Караваева, А. В. Карташева к М. Н. Суворова. 1920 г., а также у Куприна «Купол Св. Исаакия»).

И впоследствии директива Ллойд-Джорджа «торговать можно и с людоедами» отнюдь не исчерпывала свою английскую пробольшевицкую политику. Вспомним только... Вспомним коварную выдачу русских генералов и офицеров с П. Н. Красновым во главе: высокоджентльменский поступок... Вспомним, как по донесениям Черчилля-сына Черчилль-отец признал бо-

лее выгодным для Англии поддерживать коммуниста Титоброза и предать белого сербского патриота генерала Михайловича. Еще в 1942 году английское радио и английский фильм превозносили героизм Михайловича и его четников; летом 1943 г. началась неожиданная и совершенно беспочвенная «подготовительная» «критика»; а при перемирии с Италией Черчилль потребовал, чтобы итальяно-балканская армия передала все свое вооружение коммунистическим партизанам, которое Тито использовал для истребления сербских патриотов; последовало тегеранское соглашение, а англичане уверяли себя и других, что старый и тогда еще верный агент Сталина, Титоброз — «либерал, демократ, только и мечтающий превратить Югославию в западную демократию». Напрасно умный и опытный английский разведчик предупреждал Черчилля о коммунистических планах Титоброза... Черчилль ответил ему: «Вы что же, разве хотите после войны осесть в Югославии? Нет! Ну и я тоже нет. Так какое же нам дело до этого?..» А ныне Титоброз, одной рукой приемлющий миллионные субсидии от Запада, а другой рукой закупающий драгоценные камни у всех мировых ювелиров, чествуются английской королевской семьей в Лондоне.

А отношения Англии к Китаю?.. Главная забота состояла здесь в том, чтобы спасти обширные английские «инвестиции» в Китае и поддержать вывозную торговлю. Джентльмены любят бизнес дорожат им. А для этого надо было угождать Мао-Тцетунгу (т. е. Сталину) и содействовать мировому коммунизму. И вот директива либерального Ллойд-Джорджа возрождается и осуществляется английскими консерваторами.

Серьезный и очень осведомленный корреспондент пишет в начале текущего мая (1953) из Лондона. Напрасно англичане, признавшие коммунистическое правительство в Китае, уверяют, будто «они этим не высказывают никакого одобрения самому режиму. Американцы смотрят на это дело совсем иначе: признание режима есть не просто дело факта, торговли и выгоды, но и дело одобрения. Почему же, спрашивает корреспондент, англичане так долго не признавали правительства Франко в Испании и упорно объясняли это «отвержение» как протест и осуждение? Почему они не признавали правительство Пэтэна во Франции, которому подчинялась большая часть французской территории? Где здесь логика?..» Но политика явно руководится не логикой, а «психологией» и демагогией наживы. Если соседняя держава склонна к правой диктатуре, то надо

протестовать и демонстрировать; а если к левой диктатуре, то надо приспособляться и думать о наживе. Вот английская директива.

И вот отношение англичан к Мао-Тцетунгу определяет их отношение к Чيانг-Кайшеку. «Для американцев,— пишет тот же корреспондент,— националистический генералиссимус Китая есть законный представитель всей страны; но для англичан (так обычно говорят господа в Нижней палате) Чيانг-Кайшек есть совершенно дискредитированный, провалившийся, истаскавшийся реакционер. По мнению англичан, Формозу следовало бы присоединить к китайскому матерiku и подчинить тамошнему режиму... Да и принять красный Китай в Лигу Наций следовало бы давно уже. Мир в Азии есть примирение с коммунистами...»

Если принять все это во внимание, то станет понятным влечение Черчилля к Маленкову и жажда повидаться с ним. А какой-то торопливый лорд Кальверлей уже выдвинул кандидатуру Маленкова на Нобелевскую «премию мира» (32 000 долларов). Конечно, есть опасность, что Маленков не досидит на своем месте до визита «тяготееущего» Черчилля. А между тем от этого тяготения падает яркий и зловещий луч света на все былые соглашения со Сталиным в Тегеране, а Ялте и в Потсдаме. И понятнее становится, почему Англия так упорно держится в стороне от европейского оборонительного союза... Направо «двери заперты»; налево «двери настежь». В Англии призваны править — конечно! — консерваторы; но коммунистическая разруха и обилие других стран могут быть совсем не убыточны для английского мирового «бизнеса»...

Еще ли не показательны эти формулы? Еще ли не поучительны? Еще ли не прозрели русские «патриоты», склонные к шепоту и фигурированию? Или, может быть, эта зрелая политика, выражаемая в словах «ставка на чужое ослабление, расчленение и обеднение» характерна только для Англии, а другие державы ведут иную политику? Но разве оклеветание Чيان-Кайшека и сдача Китая коммунистам — не определяли собою дальневосточную политику Трумана? И разве нашлась какая-нибудь держава, которая возражала бы против сдачи Югославии Титоброзу? И разве есть какой-нибудь народ и какое-нибудь правительство на свете, которые поняли бы мудрую политику европейского равновесия, проводившуюся русскими Государями? Разве общественное мнение Запада, руководимое

мировую закулисою, научилось где-нибудь отличать Россию от Советии и русских людей от коммунистов? Кому же доверяете вы наши национальные русские интересы, эмигрантские шептуну и фигурирователи?!

На все наши соображения, тревоги и предвидения уповающие шептуну могут возразить со свойственным им апломбом: «Мы знаем, что мы делаем... Мы знаем и те условия, на которых нам содействуют в расходах и во всяческой пропаганде... Мы спасаем Россию! Мы боремся и сопротивляемся, а наши критики стоят за пассивное непротивление». — Конечно, надо предвидеть и такое возражение. Пусть их возражают... «Людям губа не заперта»... Да и свободу слова мы уважаем настолько, что признаем даже свободу глупого и неверного слова...

Но рассмотрим же все это обстояние в политическую лупу. С самого начала кое-кто, пожалуй, захочет признать, что если уж «содействуют в расходах» и во всяческой пропаганде, то значит «договорились» или, осторожнее сказать, «кабинетно дошептались» до «единомыслия». Однако и тут необходима оговорка. Дело в том, что политические дотации бывают предварительные и последующие. Предварительная дается, чтобы легче договориться; это аргумент «вступительный», «располагающий», синица в руках. Последующая дотация дается уже после вступления в соглашение, для осуществления условий; не как залог грядущей акции, а как реализация ее. Так, например, Титоброз получил от Англии итальянское вооружение в порядке предварительной дотации. Украинский институт в Берлине так и застрял на предварительных дотациях. Но современные субсидии Титоброзу относятся уже к последующим дотациям. Ни логически, ни психологически, ни политически — это не одно и то же и забывать этого не следует.

Но допустим, что стороны кабинетно дошептались до «единомыслия». Что же, спросим мы, есть ли среди нас столь наивные люди, которые поверили бы, что дотирующие иностранцы постигли и признали русский национальный и великодержавный интерес, приспособили свои планы, интересы и программы к российским, приняли наше как свое и обязались соблюдать, беречь и проводить в будущем всероссийское благо как обязательное для них? Что они «оценили» и «решили жертвенно спасти» Россию, так, как Россия верно и жертвенно спасала то славян во время балканской войны семидесятых годов, то Сербию в 1914 году, то Францию и Англию (августовское на-

ступление Самсонова), то Италию после Капоретто (1936, майское наступление Брусилова)?.. Есть ли среди нас столь наивные люди? Если есть, то следовало бы строжайше воспретить им заниматься политикой, чтобы зря не болтали, Россию не предавали и соблазна не сеяли! Знаем мы, что запретить некому, что запретить нельзя; и даже помешать нельзя. Но говорить вслух правду — можно; открыть себе и другим глаза на смысл этих шепотов — должно; а пребывать в ложных иллюзиях нелепо и вредно.

Нет, не было и не будет таких иностранцев, таких чужестранных правительств, которые признали бы государственную верность и международную законность русских национальных интересов и реально помогли бы русской патриотической эмиграции вести борьбу за великодержавную Россию. Есть, были и будут отдельные иностранцы, особенно из тех, которые жили в дореволюционной России, которым наш сердцем открытый и добрый народ успел показать свои внешние и внутренние просторы, успел раскрыть их сердце и сумел перестроить их понимание России и внушить им вместо тупого страха и злого презрения — сочувствие или даже любовь. Есть приобщившиеся русскому Православно, прозревшие в вопросах русского духа, постигшие место русской государственности и уразумевшие историю наших национальных трудностей, отсталостей и несовершенств. Но это отдельные люди, с не провинциальным горизонтом, с не зачерствевшим сердцем, с окрыленным воображением. Мы знаем их, мы ценим их и всегда радуемся, слыша их живое или читая их печатное слово. Но именно вследствие этих своих личных особенностей эти люди не чувствуют себя в своих странах зауряд-обывателями, штампованными гражданами, антирусскими парламентариями, напористыми дипломатами и агрессивными генералами. В них жива, как и в нас самих, международная честь и совесть; они не называют коммунистов «русскими» и советию «Россией»; они понимают, что русская трагедия двадцатого века есть всемирная трагедия, что дьявольский Мальстром, крутящийся в России, рожден на западе и стремится опять на запад, что пробил исторический час, когда об «аннексиях», «расчленениях» и «бизнесах» прилично думать только Гитлеру и ему подобным хищным слепцам. Они понимают это. Но когда они говорят об этом гласно в своих странах, то они теряют свою «популярность» и политически де-

завуируются в своих демократиях. И не с ними, о, конечно, не с ними кабинетно шепчутся русские фигурирователя... Они шепчутся с другими, не знающими, не понимающими Россию, но желающими делать политическую карьеру в своей стране; а где, в какой стране может сделать карьеру, политик, сочувствующий национальной России? Такова была только королевская Сербия.

Вывод ясен. Во всех кабинетных шептаниях не иностранцы приемлют русские интересы, а договаривающиеся русские эмигранты приспособляются к иностранным деньгодателям, к их воззрениям, одним словом — к их интересам,

Да, скажут нам, но интересы иностранцев в настоящее время сводятся прежде всего к борьбе с коммунизмом и с коммунистами; и в этих пределах было бы ошибочно уклоняться от сотрудничества с ними.

Отвечаем. Во-первых, самый антикоммунизм иностранцев отнюдь не беспорен; он двусмыслен и неустойчив. В чем проявился антикоммунизм англичан, начиная с 1917 года и кончая 1953 годом? В том, что они пока еще не пошли за Беваном, но сдают советским коммунистам одну мировую позицию за другую? Да, у себя они не хотят коммунизма, но коммунизм в других странах им кажется не только не опасным, но как-то даже «полезным: в одних странах он истребит национальную аристократию и тем обеспечит «демократический режим»; в других странах он подготовит расчленение государства и ликвидирует великодержавность; а впоследствии он всюду откроет пустые и голодные рынки, что так важно для английской вывозной торговли. Замечательно, что даже в Соединенных Штатах мудросторожный Эйзенхауер, высокоосведомленный Хувер и последовательный Мэк-Картти. — совсем не считают только что ушедшего Трумана сколько-нибудь надежным антикоммунистом; этим и объясняется строгая «переборка» всего государственного чиновничества и непрекращающаяся тревога в широких здоровых кругах народа. Ведь были же советники у Рузвельта, внушившие ему симпатию и доверие к величайшему злодею истории, — к так называвшемуся «дяде Джо»... Ведь уцелели же эти сотрудники и при Трумане... Ведь доходило все дело до того, что чуть не за каждым «кустом» сидел коммунист — от фильма до кафедры и от рабочего союза до атомного дела.... А что принесут следующие выборы — это еще вопрос...

Во-вторых, только совсем неопытные журналисты могут воображать и рассказывать, что в государственных и особенно

международных делах «единомыслие» может быть построено на отрицании: «Ты против коммунизма и я против коммунизма; вот и отлично: давай дошептываться до единомыслия и братски сотрудничать». Так бывает только в ребяческом воображении у обывателей. На самом же деле имеется в виду совсем иное, а именно: «Что мне твой антикоммунизм, если ты не примешь целиком мою положительную программу? Обязуешься ли ты повинованием во всем, что мы укажем? Потребуем демократию — будешь демократом; потребуем расчленения — будешь расчленять; потребуем хозяйственного, финансового, военного, дипломатического порабощения — будешь поработать свой народ по нашей указке... Нет? Не согласен? Иди, — мы найдем более послушных антикоммунистов»... Вспомним английские условия, поставленные в Ревеле Юденичу. Вспомним нацистские требования от коллаборантов: там надо было все проглотить, — начиная от антисемитизма и кончая доносами в гестапо, начиная от тоталитарного пафоса и кончая расстрелом русских заложников, начиная от смертных лагерей для русских военнопленных и кончая Аушвицем... Мы знаем, что это привело к бензинной смерти Гитлера и к виселице для Розенберга. Но эта судьба постигла их не потому, что они навязывали своим коллаборантам всю стою программу целиком, а потому, что и программа их и тактика их — были свирепы, нелепы и вызывающи для всей вселенной. Навязывание же своей программы свойственно всем партиям во всех странах. Мыслимо ли, чтобы социалистическое правительство поддержало в другой стране буржуазно-аристократическую контрреволюцию? Можно ли серьезно допустить, что иноземное правительство, желающее расчленить Россию, будет содействовать пропаганде унитаристов, отстаивающих Единую Неделимую? Республиканское правительство всегда сумеет использовать чужую монархию и будет требовать от нее всех жертв и всей крови; но восстанавливать сокрушившуюся монархию ни один республиканский министр и не подумает, — немислимо, неосуществимо; да и опасно: на следующих же выборах забаллотируют...

Иными словами: субсидии даются только единомышленникам, т. е. людям, безоговорочно приемлющим политический и международный интерес субсидирующей страны. И не только интерес, но и слепые предрассудки деньгодателя. Надо угождать ассигнующему; надо угождать тому, кто будет «содействовать в расходах»; надо обязаться угождать ему до конца.

И эмигрантские шептуны знают это. И потому состязаются друг с другом в угождениях; и возмущаются, если кабинетное шептание происходит помимо них еще и с другими; и тогда начинают нашептывать деньгодателям про своих конкурентов; нашептывать и «отводить»; эти — не годятся, они крайне правые; и эти неприемлемы — они средне правые; и этих надо гнать — они недостаточно демократы; а эти совсем не федералисты и т. д. Слушаешь, читаешь эти нападки: следишь за всей этой суетней, за всеми этими эмигрантскими «выдвижениями» и «задвижениями», — жалобами, опорочениями, дезавуированиями (чтобы не сказать, доносами) — и душа наполняется скорбью и стыдом. Скорбью за Россию. Стыдом за этих «русских» людей, которые уверили себя, будто спасение России состоит в том, чтобы их субсидировали и чтобы они фигурировали.

Но на что же тогда надеяться? Нельзя же без надежды! У нас две надежды. И прежде всего на Бога, что не до конца прогневался и помилует. Во-вторых, на духовное оздоровление русского народа, во всех его племенах, — и там, под коммунистическим ярмом, и здесь за рубежом, в неволе у иностранных народов; на то, что мы — сами — здесь, все мы и наши братья-соотечественники — там — сможем сделать, сердцем продумывая, ответственно выговаривая и делами осуществляя русский великодержавный интерес. Россия может быть освобождена и возрождена только русскими!

ЦЕРКОВЬ И РЕЛИГИЯ

О ПРАВОСЛАВИИ И КАТОЛИЧЕСТВЕ

Значение Православия в Русской истории и культуре духовно определяющее. Для того, чтобы понять это и убедиться в этом, не надо быть самому православным; достаточно знать русскую историю и иметь духовную зоркость. Достаточно признать, что тысячелетняя история России творится людьми христианской веры; что Россия слагалась, крепла и развешивала свою духовную культуру именно в христианстве, и что христианство она восприняла, исповедовала, созерцала и вводила в жизнь именно в акте Православия. Именно это было достигнуто и выговорено гением Пушкина. Вот его подлинные слова:

«Великий духовный и политически переворот нашей планеты есть христианство. В этой священной стихии исчез и обновился мир». «Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер». «Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой»...; «история ее требует другой мысли, другой формулы...»

И вот ныне, когда наши поколения переживают великий государственный, хозяйственный, моральный и духовно-творческий провал в истории России, и когда мы повсюду видим ее недругов (религиозных и политических), подготовляющих поход на ее самобытность и целостность, — мы должны твердо и точно выговорить: дорожим ли мы вашей русской самобытностью и готовы ли мы ее отстаивать? И далее: в чем эта самобытность, каковы ее основы и каковы те покушения на нее, которые мы должны предвидеть?

Самобытность русского народа выражается в его особливом и своеобразном духовном акте. Под «актом» надо разуметь внутренний строй и уклад человека: его способ чувствовать, созерцать, думать, желать и действовать. Каждый из русских, попав за границу, имел, да имеет и ныне, полную возможность убедиться на опыте в том, что другие народы имеют иной, от-

личный от нас бытовой и духовный уклад; мы испытываем это на каждом шагу и с трудом привыкаем к этому; иногда видим их превосходство, иногда остро чувствуем их неудовлетворительность, но всегда испытываем их инородность и начинаем томиться и тосковать по родине. Это объясняется самобытностью нашего бытового и духовного уклада, или, выражаясь кратчайшим словом, у нас иной акт.

Русский национальный акт сложился под влиянием четырех великих факторов: природы (континентальность, равнина, климат, почва), славянской души, особой веры и исторического развития (государственность, войны, территориальные размеры, многонациональность, хозяйство, образование, техника, культура). Невозможно осветить все это сразу. Об этом есть книги, — то драгоценные (Гоголь. «В чем же, наконец, сущность русской поэзии»; Н. Данилевский. «Россия и Европа»; И. Забелин. «История русской жизни»; Достоевский. «Дневник писателя»; В. Ключевский. «Очерки и речи»), то мертворожденные (Чаадаев. «Философские письма»; Милюков. «Очерки по истории русской культуры»). В понимании и толковании этих факторов и самого русского творческого акта — важно оставаться предметным и справедливым, не превращаясь ни в фанатического «славянофила», ни в слепого для России «западника». И это особенно важно в том основном вопросе, который мы здесь ставим — о Православии и Католичестве.

Среди недругов России, не приемлющих всю ее культуру и осуждающих всю ее историю, совершенно особое место занимают римские католики. Они исходят из того, что в мире есть «благо» и «истина» только там, где «ведет» католическая церковь и где люди беспрекословно признают авторитет римского епископа. Все остальное идет (так они понимают) по неправильному пути, пребывает во тьме или ереси и должно быть рано или поздно обращено в их веру. Это составляет не только «директиву» католицизма, но и само собою разумеющуюся основу или предпосылку всех его доктрин, книг, оценок, организаций, решений и действий. Некатолическое в мире — должно исчезнуть: или в результате пропаганды и обращения, или же погублением Божьим.

Сколько раз за последние годы католические прелаты принимались объяснять мне лично, что «Господь выметает железною метлою православный восток для того, чтобы воцарилась единая католическая церковь»... Сколько раз я содрогался от

того ожесточения, которым дышали их речи и сверкали их глаза. И внимая этим речам, я начинал понимать, как мог прелат Мишель д'Эрбиньи, заведующий восточно-католическою пропагандою, дважды (в 1926 и в 1928 г.) ездить в Москву, чтобы налаживать унию с «обновленческою церковью» и соответственно «конкордат» с большевиками, и как мог он, возвращаясь оттуда, перепечатывать без оговорок гнусные статьи коммунистов, именующие мученическую православную патриаршую Церковь (дословно) «сифилитической» и «развратной»... И я понял тогда же, что «конкордат» Ватикана с Третьим Интернационалом не осуществился доселе — не потому, что Ватикан «отверг» и «осудил» такое соглашение, а потому, что его не захотели сами коммунисты. Я понял разгром православных соборов, церквей и приходов в Польше, творившийся католиками в тридцатых годах текущего века... Я понял наконец, в чем истинный смысл католических «молитв о спасении России»: как первоначальной, краткой, так и той, которая была составлена в 1926 году папою Бенедиктом XV и за чтение которой у них дается (по объявлению) «триста дней индульгенции»...

И ныне, когда мы видим, как Ватикан годами снаряжается в поход на Россию, проводя массовую скупку русской религиозной литературы, православных икон и целых иконостасов, массовую подготовку католического духовенства к симуляции православного богослужения на русском языке («католичество восточного обряда»), пристальное изучение православной мысли и души, ради доказательства их исторической несостоятельности, — мы все, русские люди, должны поставить перед собой вопрос о том, в чем же отличие Православия от Католицизма и постараться ответить себе на этот вопрос со всею объективностью, прямою и исторической верностью.

Это есть отличие догматическое, церковно-организационное, обрядовое, миссионерское, политическое, нравственное и актовое. Последнее отличие есть жизненно первоначальное: оно дает ключ к пониманию всех остальных.

Догматическое отличие известно каждому православному: во-первых, вопреки постановлениям Второго Вселенского Собора (Константинопольского, 381 г.) и Третьего Вселенского Собора (Ефесского, 431 г., Правило 7) католики ввели в 8-й член Символа Веры добавление об исхождении Духа Святого не только от Отца, но и от Сына («филиокве»); во-вторых, в XIX веке к этому присоединился новый католический догмат о том,

что Дева Мария была зачата непорочною («дэ immacулата кон-цепционэ»); в-третьих, в 1870 году был установлен новый догмат о непогрешимости римского папы в делах церкви и вероучения (экс катэдра); в-четвертых, в 1950 году был установлен еще один догмат о посмертном телесно и вознесении Девы Марии. Эти догматы не признаны Православной Церковью. Таковы важнейшие догматические отличия.

Церковно-организационное отличие состоит в том, что католики признают римского первосвященника главою церкви и заместителем Христа на земле, тогда как Православие признает единого главу Церкви — Иисуса Христа и считает единственно правильным, чтобы Церковь строилась вселенскими и поместными соборами. Православие не признает также светскую власть за епископами и не чтит католические орденские организации (в особенности иезуитов). Это важнейшие отличия.

Обрядовые отличия суть следующие. Православие не признает богослужения на латинском языке; оно блюдет литургии, составленные Василием Великим и Иоанном Златоустом и не признает западных образцов; оно соблюдает завещанное Спасителем причащение под видом хлеба и вина и отвергает введенное католиками для мирян «причащение» одними «освященными облатками»; оно признает иконы, но не допускает скульптурных изображений в храмах; оно возводит исповедь к незримо присутствующему Христу и отрицает исповедальню как орган земной власти в руках священника. Православие создало совсем иную культуру церковного пения, молитвословия и звона; у него иное облачение; у него иное знамение креста; иное устроение алтаря; оно знает коленопреклонение, но отвергает католическое «приседание»; оно не знает дребезжащего звонка во время совершительных молитв и многого другого. Таковы важнейшие обрядовые отличия.

Миссионерские отличия суть следующие. Православие признает свободу исповедания и отвергает весь дух инквизиции, — истребление еретиков, пытки, костры и принудительное крещение (Карл Великий). Оно блюдет при обращении чистоту религиозного созерцания и его свободу от всяких посторонних мотивов, особенно от застрашивания, политического расчета и материальной помощи («благотворительность»); оно не считает, что земная помощь брату во Христе доказывает «правовере» благотворителя. Оно, по слову Григория Богослова, ищет «не победить, а приобрести братьев» по вере. Оно не ищет влас-

ти из земли, любой ценою. Таковы важнейшие миссионерские отличия,

Политические отличия таковы. Православная церковь никогда не притязала ни на светское господство, ни на борьбу за государственную власть в виде политической партии. Исконное русско-православное разрешение вопроса таково: церковь, и государство имеют особые и различные задания, но помогают друг другу в борьбе за благо; государство правит, но не поведает Церкви и не занимается принудительным миссионерством; Церковь организует свое дело свободно и самостоятельно, соблюдает светскую лояльность, но судит обо всем своим христианским мерилom и подает благие советы, а может быть, и обличения властителям и благое научение мирянам (вспомним Филиппа Митрополита и Патриарха Тихона). Ее оружие — не меч, не партийная политика и не орденская интрига, а совет, наставление, обличение и отлучение. Византийские и послепетровские уклонения от этого порядка были явлениями нездоровыми.

Католицизм, напротив, ищет всегда и во всем, и всеми путями — власти (светской, клерикальной, имущественной и лично-суггестивной).

Нравственное отличие таково. Православие призывает к свободному человеческому сердцу. Католицизм — призывает к слепой покорной воле. Православие ищет пробудить в человеке живую, творческую любовь и христианскую совесть. Католицизм требует от человека повиновения и соблюдения предписаний (законничество). Православие спрашивает о самом лучшем и зовет к евангельскому совершенству. Католицизм спрашивает о «предписанном», «запрещенном», «позволенном», «простительном», и «непростительном». Православие идет в глубь души, ищет искренней веры и искренней доброты. Католицизм дисциплинирует внешнего человека, ищет наружного благочестия и удовлетворяется формальной видимостью добродетели (См. «Н. З.» № 119).

И все это теснейше связано с первоначальным и глубочайшим актовым отличием, которое необходимо продумать до конца и притом раз навсегда.

Исповедание отличается от исповедания по своему основному религиозному акту и его строению. Важно не только то, во что ты веруешь, но еще и то, чем, т. е. какими силами души осуществляется твоя вера. С тех пор, как Христос Спаситель утвер-

дил веру на живой любви (Матф. 23. 37. Марк. 12. 30-33. Луки 10. 27, срв. 1 Иоанна 4. 7-8. 16), мы знаем, где искать веру и как найти ее. Это есть самое важное для понимания не только своей веры, но и особенно чужой веры и всей истории религий. Именно так мы должны понять и Православие и Католичество.

Есть религии, которые рождаются из страха и питаются страхом; так, африканские негры в своей массе прежде всего боятся темноты и ночи, злых духов, колдовства, смерти. В борьбе с этим страхом и в эксплуатации его у других и слагается их религия.

Есть религии, которые рождаются из вожделения и питаются эротикой, принимаемой за «вдохновение»; такова религия Диониса-Вакха; таков «Шиваизм левой руки» в Индии; таково русское хлыстовство.

Есть религии, живущие фантазией и воображением; их сторонники довольствуются мифическими легендами и химерами, поэзией, жертвоприношениями и обрядами, пренебрегая любовью, волей и мыслью. Таков индийский браманизм.

Буддизм был создан как религия жизнеотвержения и аскеза. Конфуцианство возникло как религия исторически выстраданной и искренно прочувствованной моральной доктрины. Религиозный акт Египта был посвящен преодолению смерти. Иудейская религия искала прежде всего национального самоутверждения на земле, выдвигая генотеизм (бог национальной исключительности!) и моральное законничество. Греки создали религию семейного очага и зримой красоты. Римляне — религию магического обряда. А христиане?

Православие и Католичество одинаково возводят свою веру ко Христу, Сыну Божью и к евангельскому благовествованию. И тем не менее их религиозные акты не только различны, но и несовместимы по своей противоположности. Именно этим определяются и все те отличия, которые я указал в предшествующей статье (№ 118).

Первичное и основное пробуждение веры для православного есть движение сердца, созерцающей любви, которая видит Сына Божья во всей Его благодати, во всем Его совершенстве и духовной силе, преклоняется и приемлет Его, как сущую правду Божью, как свое главное жизненное сокровище. При свете этого совершенства православный познает свою греховность, укрепляет и очищает им свою совесть и вступает на путь покаяния и очищения.

Напротив, у католика «вера» пробуждается от волевого решения: довериться такому-то (католически-церковному) авторитету, подчиниться и покориться ему и заставить себя принять все, что этот авторитет решит и предпишет, включая и вопрос добра и зла, греха и его допустимости.

Посему у православного душа оживает от свободного умиления, от доброты, от сердечной радости, и тогда зацветает верою и соответственными ему добровольными делами. Здесь благовестие Христа вызывает искреннюю любовь к Богу, а свободная любовь пробуждает в душе христианскую волю и совесть.

Напротив, католик постоянными усилиями воли понуждает себя к той вере, которую ему предписывает его авторитет.

Однако в действительности воле подчинены всецело только внешние телодвижения; в гораздо меньшей степени ей подчинена сознательная мысль; еще меньше — жизнь воображения и повседневных чувствований (эмоций и аффектов). Ни любовь, ни вера, ни совесть воле не подчинены и могут совсем не отозваться на ее «понуждения». Можно принудить себя к стоянию и поклонам, но невозможно вынудить у себя благоговение, молитву, любовь и благодарение. Только внешнее «благочестие» повинуется воле, а оно и есть не более чем внешняя видимость или же просто притворство. Можно принудить себя к имущественному «пожертвованию»; но дар любви, сострадания, милосердия не вынудим ни волею, ли авторитетом. За любовью — как земною, так и духовною, — мысль и воображение следуют сами собой, естественно и охотно; но воля может биться над ними всю жизнь и не подчинить их своему давлению. Из раскрытого и любящего сердца — совесть, как голос Божий, заговорит самостоятельно и властно. Но дисциплина воли не ведет к совести, а покорность внешнему авторитету заглушает личную совесть окончательно.

Так разворачивается эта противоположность и непримиримость двух исповеданий; и нам, русским людям, необходимо продумать ее до конца.

Тот, кто строит религию на воле и на покорности авторитету, тот неизбежно должен будет ограничить веру умственным и словесным «признанием», оставляя сердце холодным и черствым, заменяя живую любовь — законничеством и дисциплиною, а христианскую доброту — «похвальными», но мертвыми делами. И самая молитва превратится у него в бездушные слова

и неискренние телодвижения. Тот, кто знает религию древнеязыческого Рима, тот сразу узнает во всем этом его традицию. Именно эти черты католической религиозности всегда испытывались русской душой как чуждые, странные, искусственно натянутые и неискренние. И когда мы слышим от православных людей, что в католическом богослужении есть внешняя торжественность, доводимая иногда до грандиозности и «красивости», но нет искренности и тепла, нет смирения и горения, нет сущей молитвы, а потому и духовной красоты — то мы знаем, где искать объяснения этому.

Эта противоположность двух исповеданий обнаруживается во всем. Так, первая задача православного миссионера — дать людям Св. Евангелие и богослужение на их языке и в полном тексте; католики держатся латинского языка, непонятного большинству народов, и воспрещают верующим самостоятельное чтение Библии. Православная душа ищет непосредственного приближения ко Христу во всем, от внутренней одинокой молитвы до приобщения Св. Тайн. Католик смеет думать и чувствовать о Христе только то, что ему позволит авторитетный посредник, стоящий между ним и Богом; и в самом приобщении он остается лишенным и умаленным, не приемля пресуществленного Вина и получая вместо пресуществленного Хлеба — некую замещающую его «облатку».

Далее, если вера зависит от воли и решения, то, очевидно, неверующий не верит потому, что не хочет веровать, а еретик еретичествует потому, что решил веровать по-своему; и «ведьма» служит дьяволу потому, что она одержима злою волею. Естественно, что они все преступники против Закона Божья и что их надо карать. Отсюда инквизиция и все те жестокие дела, которыми насыщена средневековая история католической Европы; крестовые походы против еретиков, костры, пытки, истребление целых городов (напр., города Штединг в Германии, в 1234 г.); в 1568 г. все жители Нидерландов, кроме названных поименно, были приговорены к смерти, как еретики. В Испании Инквизиция исчезла окончательно лишь в 1834 году. Обоснование этих казней понятно: неверующий есть не желающий верить, он злодей и преступник перед лицом Божиим, его ждет геенна; и вот лучше кратковременный огонь земного костра, чем вечный огонь ада. Естественно, что люди, вынудившие веру волею сами у себя — пытаются вынудить ее и у других и видят

в неверии или инаковерии — не заблуждение, не несчастье, не ослепление, не скудость духовную, а злую волю.

Напротив, православный священник следует Ап. Павлу [11 Кор. 1, 24), не стремиться «брать власть над чужою волею», но «споспешествовать радости» в сердцах людей; и твердо помнить завет Христа о «плевелах», не подлежащих преждевременному выпалыванию (Матф. 13. 25-36). Он признает руководительную мудрость Афанасия Великого и Григория Богослова: «то, что совершается силою против желания, — не только вынуждено, несвободно и не славно, но просто даже и не состоялось» (Слово 2. 15). Отсюда и указание Митрополита Макария, данное им в 1555 году первому казанскому архиепископу Гурю: «Всякими обычаяи, как возможно, приучать ему татар к себе и приводить их любию на крещение, а страхом их ко крещению никак не приводити». Православная Церковь искони веровала в свободу веры, в ее независимость от земных интересов и расчетов, в ее сердечную искренность. Отсюда и слова Кирилла Иерусалимского: «Симон волхв в купели тело омочи водою, но сердца не просвети духом, и сниде, и изыде телом, а душею не спогребесе и не возста».

Далее, воля земного человека ищет власти. И Церковь, строящая веру на воле, — непременно будет искать власти. Так было у магомеган; так обстоит у католиков на протяжении всей их истории. Они всегда искали в мире власти, так, как если бы Царство Божье было от мира сего; — всякой власти: самостоятельной светской власти для папы и кардиналов, а также власти над королями и императорами (вспомним средние века); власти над душами и особенно над волею своих последователей (исповедальня как орудие); партийной власти в современном «демократическом» государстве; тайной орденой власти, тоталитарно-культурной: надо всем и во всех делах иезуиты). Они считают власть орудием к водворению Царства Божья на земле. А эта идея всегда была чужда и Евангельскому учению, и Православной Церкви.

Власть на земле требует ловкости, компромисса, лукавства, притворства, лжи, обмана, интриги и предательства; а часто и преступления. Отсюда учение о том, что цель разрешает средства. Напрасно противники излагают это учение иезуитов так, как будто ад «оправдывает» или «освящает» дурные средства; этим они только облегчают иезуитам возражения и опровержения. Тут речь совсем не о «праведности» или «святости», а или

о церковном разрешении, о позволенности, или же о моральной «доброкачественности». Именно в этой связи виднейшие отцы иезуиты, как то: Эскобар-а-Мендоза, Сот, Толет, Васкоц, Лессий, Санкец и некоторые другие, утверждают, что «поступки делаются хорошими или дурными в зависимости от хорошей или дурной цели». Однако цель человека известна только ему одному: она есть дело личное, потайное и легко поддающееся симуляции. С этим тесно связано католическое учение о допустимости и даже негреховности лжи и обмана: надо только произносимые слова истолковать про себя «иначе», или воспользоваться двусмысленным выражением, или молча ограничить объем сказанного, или промолчать о правде — тогда ложь не ложь, и обман не обман, и ложная присяга на суде не грешна (об этом см. у иезуитов Лемкуля, Суареца, Бузенбаума, Лаймана, Санкеца, Алогоны, Лессия, Эскобара и других).

Но у иезуитов есть и другое учение, окончательно развязывающее их ордену и их церковным деятелям руки. Это учение о дурных делах, совершаемых якобы «по повелению Божью». Так, у иезуита Петра Алогоны (также и у Бузенбаума) читаем: «по повелению Божью можно убивать невинного, красть, развратничать, ибо Он есть Господин жизни и смерти, и потому должно исполнять Его повеление». Само собой разумеется, что о личности такого чудовищного и невозможного «повеления» Божья решает католический церковный авторитет, повинование коему составляет самую сущность католической веры (все эти данные заимствуем из книги И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою», где указаны автентические источники).

Тот, кто, продумав эти черты католицизма, обратится к Православной Церкви, тот увидит и поймет раз и навсегда, что самые глубокие традиции обоих исповеданий противоположны и несовместимы. Мало того, он поймет еще и то, что вся русская культура слагалась, крепла и расцветала в духе Православия — и стала такою, какова она была в начале XX века, прежде всего потому, что она не была католическою. Русский человек верил и верит любовью, молится сердцем, свободно читает Евангелие; и авторитет Церкви помогает ему в его свободе и научает его свободе, раскрывая ему духовное око, а не пугая его земными казнями во «избежание» потусторонних. Русская благотворительность и «нищелюбие» русских Царей шли всегда от сердца и доброты. Русское искусство все целиком выросло из

свободного сердечного созерцания: и парение русской поэзии, и мечты русской прозы, и глубина русской живописи, и искренний лиризм русской музыки, и выразительность русской скульптуры, и одухотворенность русской архитектуры, и прочувствованность русского театра. Дух христианской любви проник и в русскую медицину, с ее духом служения, бескорыстия, интуитивно целостного диагноза, индивидуализации пациента, братского отношения к страдающему; и в русскую юриспруденцию с ее исканием справедливости; и в русскую математику с ее предметной созерцательностью. Он создал в русской историографии традиции Соловьева, Ключевского и Забелина. Он создал в русской армии — традицию Суворова, а в русской школе традицию Ушинского и Пирогова. Надо увидеть сердцем ту глубокую связь, которая соединяет русско-православных Святых и Старцев с укладом русской простонародной и образованной души. Весь русский быт — иной и особенный, потому, что славянская душа укрепила свое сердце в заветах Православия. И самые русские инославные исповедания (за исключением католицизма) восприняли в себя лучи этой свободы, простоты, сердечности и искренности.

Вспомним еще, что все наше Белое Движение со всей его государственной верностью, с его патриотическим горением и жертвенностью поднялось из свободных и верных сердец и ими держится и доныне. Живая совесть, искренняя молитва и личное «добровольчество» принадлежит к лучшим дарам Православия и замещать эти дары традициями католицизма нам нет ни малейшего основания.

Отсюда и наше отношение к «католицизму восточного обряда», подготовляемого ныне в Ватикане и во многих католических монастырях. Самая идея — подчинить душу русского народа посредством притворной имитации его богослужения и водворить католицизм в России этой обманной операцией — мы переживаем как религиозно фальшивую, безбожную и безнравственную. Так на войне корабли плавают под чужим флагом. Так проводится через границу контрабанда. Так в «Гамлете» Шекспира — брат вливает в ухо своему брату-королю смертельный яд во время его сна. И если бы кто-нибудь нуждался в доказательстве того, что есть католицизм и какими способами он захватывает власть на земле, то это последнее предприятие делает все иные доказательства излишними.

ЦЕРКОВЬ И ЖИЗНЬ

Казалось бы, что может быть для верующего человека естественнее и бесспорнее, чем приобщение человеческой жизни к церковности и введение Благодати, несущей и строящей Церковь в самые недра жизни? Казалось бы, можно ставить не вопрос о желательности и драгоценности этого сближения, а лишь о формах и способах его осуществления... И тем не менее эта проблема гораздо труднее и сложнее, чем это кажется. Мало того, неверное разрешение ее таит в себе великие опасности и для Церкви, и для жизни; и люди, не продумавшие этих трудностей и сложностей, могут все исказить и навредить.

Прежде всего понятие «жизни» включает в себя необъятное множество людей (ныне жителей на земле считается около двух с половиной миллиардов), из коих множество принадлежит к различным церковным союзам, а другое множество, формально пребывающее в той или иной церкви («зарегистрированное»...), утратило всякую веру, а следовательно, и церковную принадлежность. Как же возможно осуществить «оцерковление жизни» с такими людьми? Далее, кто желает «оцерковления», тот наверное имеет в виду единый процесс и единую «Церковь» и вряд ли будет склонен сочувствовать и содействовать подчиненно всей жизни всех людей тем другим церковным обществам, которые отвергают его собственную «церковь» как ложную, еретическую и погибельную. Можно, конечно, закрыть себе глаза на это множество церковных обществ и объявить все иные «церкви» мнимыми, в сущности не существующими, вредной или даже гибельной фальсификацией; но такое намеренное невидение, такое отрицание нисколько не разрешит проблему и не укажет никаких путей, ведущих к сближению церкви и жизни.

Статистические данные конца тридцатых годов (1937) исчисляются, что католиков имеется на свете около 400 миллионов, протестантов (всех толков) 208 милл., греко-православных 165 милл., других христиан 14 милл., иудеев (до Второй мировой войны) около 15 милл., магометан 310 милл., буддистов 227 милл., конфуцианцев и «предкопоклонников» 300 милл., таоистов 30 милл., шинтоистов 20 милл., индуистов (Сикки и Джай-

ны) около 280 милл., примитивных культов около 100 милл., и, наконец, свободомыслящих, атеистов и безрелигиозных людей (вне церковных, внеисповедных, «безбожников»), по самому скромному подсчету, около 60 миллионов. О каком же едином, «оцерковлении» может идти речь? Кто будет сочувствовать и содействовать ему? И ради чего? А в эту статистику включены далеко не все религии! Что же, все «иные» религии и церкви следует упразднить и ввести одну-единую? Которую? Скажем прямо, что те, кто ставит вопрос так, просто не знают истории человечества и не понимают самой глубокой сущности религии и религиозности... И так же наивно думать, что католики способны поставить идею «оцерковления вообще» выше идеи католичества...; или что протестанты будут содействовать оцерковлению жизни у магометан, православных и огнепоклонников...; или что шинтоисты захотят православного оцерковления всей жизни...

Итак, при первом же соприкосновении с жизнью, идея единого оцерковления оказывается иллюзией, а соответствующая ей программа — заблуждением. Не следует ставить этот вопрос в едином мировом масштабе. Многообразие религиозного опыта, догматических учений и церковной организации таково, что эта проблема оказывается мнимой и неразрешимой: сами верующие не позволят друг другу ни поставить, ни разрешить ее, ибо начнется всемирная религиозная резня.

Следовательно, говорить об «оцерковлении жизни» возможно только в пределах отдельных религий к исповеданий. Отдельное, своеобразное «оцерковление» может оказаться осуществимым (или неосуществимым) в пределах Джайнизма, отдельное — в пределах Лютеранства, особое в пределах Шинтоизма, своеобразное в магометанстве, иное в Католичестве, иное в Православии. И поэтому нам, православным, следует оставить в стороне иные религии и исповедания, и спросить себя о возможности и желательности оцерковления жизни у православных народов.

И вот первое, что необходимо установить: при неверном понимании вопроса и Православной Церкви, и жизни православных народов может грозить опасность церковного тоталитаризма.

В самом деле, когда мы говорим об оцерковлении жизни, то мы должны иметь в виду два пути: 1. Жизнь свободно воспри-

мет благодатный дух Церкви, 2. Церковь воспримет все, по существу своему нецерковные задачи жизни и вложится в их решение.

1. Первый путь кажется естественным и самоочевидным; чем больше религиозной благодати в жизни, тем жизнь будет качественно выше, тем ближе к совершению и осуществлению будет второе прошение молитвы Господней: «да приидет царствие Твое». Условием же этого пути является лишь одно: сама церковь должна блюсти Дух свой и обретаться на высоте. Нет этого — и останется одна церковная видимость, иллюзия, сущий соблазн и разложение. Люди будут называть «Церковью» то, что этого названия не заслуживает, и ожидать Благодати как бы из пустого сосуда. Утрата чистоты сердца и молитвенного горения, искажение христианского духа, порочность духовенства, всяческая продажность и интрига «святокупство», явное или тайное торжество лжи и все другое соответственное — все это может лишить церковную организацию Света, Силы и Благодати и помешать всякому «оцерковлению» человеческой жизни. Всемирная история знает целые эпохи такого упадка, и последствия его были уже не раз вскрыты и описаны.

Таков, в основных чертах, первый путь.

2. Но есть еще второй путь «оцерковления жизни». Он состоит в том, что церковь вступает в жизнь, как властное и всеобъемлющее начало и начинает осуществлять своего рода церковный тоталитаризм. История знает тому живые примеры (вспомним хотя бы Савонаролу во Флоренции и Кальвина в Женеве); но вряд ли удастся найти такой пример, который оправдал бы это посягание.

Начнем с того, что при строе церковного тоталитаризма, — все нецерковные и иноцерковные люди оказываются в положении жизненных «изгоев». Полноправными членами общества и государства являются только люди определенного исповедания и церковной приверженности. Вся власть в делах жизни принадлежит церкви; а церковь дает полноправие только одним своим членам и притом покорным членам. Церковно верующие получают своего рода привилегию или даже монополию бытия; «церковность» дает им жизненную «премию». Отсюда в истории человечества возникало стремление неверующих симулировать веру, чтобы не «остаться за бортом», готовность притворяться ради жизненной «премии»; и в результате возникало что-то вроде церковного «фашизма». Люди определенного ис-

поведания образовывали как бы центральное и исключительное ядро общества и государства, клерикальную «аристократию», всемогущую и всеуправляющую «знать», быть может, наполовину состоявшую из лжецов и симулянтов. Путь вел через религиозную ложь к власти и церковное разложение становилось неминуемым.

В то же самое время церковь становилась как бы «всем во всем»: она распространяла свою власть на всю жизнь, человека и пыталась нести совершенно неудобноносимое для нее бремя государственности. Понятно, что тот, кто за что-нибудь борется, тот за то и отвечает — за успех и неуспех, за порядок и за хаос, за расцвет народного хозяйства и за его упадок, за подъем национальной духовности и за ее разложение. Тоталитарная церковь остается подчиненной этому закону ответственности. Вытесняя и заменяя свою властью государство, она берет на себя все его функции и всю его ответственность. Она должна не только вникать в вопросы политики и хозяйства, но разрушать их, отвечая за все и всякие последствия. Тоталитарная церковь должна содержать армию и полицию (внешнюю, уголовную и политическую); оружейные заводы, «разведку» и «контрразведку»...; она должна организовать суд, строить тюрьмы и совершать казни (вспомним Инквизицию и казнь Сервета у Кальвина); она должна вести войны и заключать мир; она должна усмирять беспорядки, собирать налоги, созидать флот, изощряться на всех кривых путях дипломатии; она должна прокладывать каналы и железные дороги, организовывать биржу, регулировать проституцию; мало того, ей придется подчинить себе науку (вспомним историю Галилея!), искусство во всех его отраслях — от литературы до живописи (вспомним картины Боттичелли, сожженные Савонаролю), от комедии до балета. Иными словами, тоталитарная церковь должна будет окунуться с головою в тот поток мирских соблазнов и мирской грязи, в которых плывет человеческая жизнь. Само собою разумеется, что она должна будет добиваться успеха в этих соблазнах и в этой грязи... Ибо всякий политический, хозяйственный и военный неуспех будет ударом по тоталитарной церкви, компрометирующим ее, в сущности, все еще Церковное дело...

И в результате всего этого — ее благодатное служение (служение Благодати и служение Благодатию) отойдет на дальний план, сократится или прекратится совсем.

Тоталитарная церковь есть нечто духовно неверное и в высшем смысле противоестественное. Ибо дело церкви есть дело любви и свободы, а не принуждения. Она призвана религиозно воспитывать людей в свободе и к свободе, умилять сердца, очищать их, радовать их добровольным и радостным обращением, а не побуждать людей к симулированию неиспытываемой ими веры. Она должна быть верна великому религиозному закону «синэргии», т. е. свободного «сотворчества» Духа Божья и духа человеческого в жизни людей. Это неверно — заменять человеческую, лично духовную жажду Божественного — «прениями» и принуждениями тоталитарной церковной власти. Это противоестественно — строить религию и религиозную жизнь людей не на любви, а на страхе и расчете.

Поэтому тоталитарное тяготение совсем не должно иметь места в сердцах духовенства и в делах церкви. Ибо цельность веры и религии — эта высшая драгоценность духа — должна распускаться как цветок в душе человека, а не навязываться ему в качестве авторитарных велений, сопровождаемых угрозами и страхом: религиозная цельность не может быть предписана и навязана; она может быть только свободно выношена человеком под влиянием свободно воспринятой Благодати. Она подобно пению; и именно поэтому пение имеет такое большое значение и применение в церковном богослужении. Пение сердца невынудимо. И это необходимо всегда помнить.

Именно поэтому невынудимо и самое «оцерковление» жизни. Оно может расцвести только свободно и будет искажено и погублено всякими тоталитарными замыслами и попытками. Естественно, что церкви есть до всего дело в жизни людей, но это «дело» не есть дело принудительной власти, все равно — открыто выступающей с угрозами и казнями или прикровенно организуемой интригами и закулисным нажимом. Церковь призвана молиться, совершать таинства, очищать души, беречь откровение и возжигать сердца. Но она отнюдь не призвана отнимать у людей свободу самостоятельного созерцания, выбора, решения и творчества.

Мало того: она призвана отпускать людей в мир для мирского и игрового труда, излучать живую религиозность в этот труд, осмысливать его перед лицом Божиим и, предоставляя людям свободу вдохновения, наполнять это вдохновение духом христианской Благодати

И невольно вспоминается мне беседа моя с Архиепископом Латвии Иоанном Поммером, впоследствии священномучеником, человеком высокой мудрости и духовной силы. Он рассказывал мне, как один католический прелат публично спросил его: «почему это православная церковь не занимается благотворительностью, завещанною нам всем в Евангелии»? И как он ответил ему: «Дело Православной Церкви есть не дело стяжания и перераспределения земных благ, что ведет к ложному накоплению и ложному миссионерству, но дело пробуждения живых человеческих сердец к любви, милосердию и благотворительности... В России благотворительность цвела, как редко где; но исходила она из личной живой доброты, пробужденной духом Православия»... — Ибо Церковь призвана излучать благодать в сердца верующих, а не участвовать в земных расчетах земной толкотни...

Именно в этом обнаруживается, что «оцерковление жизни» имеет более глубокий и таинственный смысл, чем это многие думают. «Оцерковление» не сводимо к «ритуализации». Оно есть больше всего и прежде всего христианское одухотворение человеческого сердца; а потом уже — все остальное. Церковь, как носительница и хранительница Христова откровения, есть живое огнище, а не властное водительство; она есть источник любви и благодатного совета, а не педантический нажим на человеческую жизнь; она есть зов, а не приказ. Она не призвана отвращать людей от мира, как в Буддизм, но, напротив, отпускать их в мир, как носителей преподанного им Духа, для того, чтобы не мир «обмирщал» их, а чтобы они его одухотворяли.

И в этом главное.

Таков был путь Православия в России за последние два века. Так, в особенности XIX век дал России дивный расцвет духовной культуры. И расцвет этот был создан людьми, «окормленными» духом Православия, но творившими совершенно свободно, «отпущенными» в мир для свободного созерцания и труда. Они уносили дарованный им дух в своих сердцах, но не ведали ни церковного тоталитаризма, ни даже непосредственного клерикального руководства, ибо поучения и советы великих русских Старцев (хотя бы Оптиной пустыни) очищали, углубляли и умудряли человеческие души, но никогда не претендовали на авторитарное руководство русским творческим талантом. И если мы пройдем мыслью от Пушкина к Лермонто-

ву, Гоголю, Тютчеву, Л. Н. Толстому, А. К. Толстому, Достоевскому, Тургеневу, Лескову, Чехову,—то мы увидим гениальное цветение русского духа из корней Православия, но не под руководством церкви. И то же самое увидим мы в других ответвлениях русского искусства, в русской науке, в русском правотворчестве, в русской медицине, в русской педагогике и во всем. Православная церковь молилась, учила и благодатствовала, а в прочем оставляла русским людям инициативу труда и созерцания. Думаем и надеемся, что так будет и впредь.

ЧЕГО МЫ ОЖИДАЕМ ОТ НАШИХ ПАСТЫРЕЙ?

В России началась великая борьба за религиозное очищение и обновление. Надо предвидеть, что это будет борьба большого напряжения и долгого дыхания. Русский человек должен вернуть себе цельную веру, в которой сердце и разум, созерцание и воля — сольются в единый поток такой силы, что на него отзовется и самый инстинкт; тогда будут найдены новые творческие идеи и создастся новая христианская культура. От христианского пастырства нам надо ждать совета и помощи в этом деле. И православное духовенство найдет в себе духовную силу, мудрость и искренность для этого подвига.

Чего же мы, православные христиане, желаем от наших пастырей? С какими запросами мы идем к ним? Чем они могут заслужить нашу любовь и наше доверие?

Не буду говорить о богословском образовании и о подготовке к духовному пастырству, прозорливому и бережному в личном общении. Само собою разумеется, что духовным лицам надлежит знать Писание, и Предание и все учение Церкви — лучше нас, и разуместь все это глубже нас, чтобы помогать нам в часы сомнения и в поисках разумения. Они должны владеть душевно-духовным искусством пастыря, глубокочувствием и ясным взором духовника, пронизательно разумеющего индивидуальную человеческую душу и способного указать ей в трудную минуту жизни верный путь. Эти познания необходимы, это искусство драгоценно; здесь не может быть двух мнений. Но мне кажется, что мы ожидаем от них большого, что для нас важнее всего — истинный и живой евангельский дух, тот дух,

который свидетельствует нам о Христовой благодати. Я разумею молитвенную силу, любящее сердце, и свободную, живую христианскую совесть...

Что может дать человеку богословское наставление, протекающее из отвлеченного, сухого, логически умствующего рассудка, не созерцающего сердцем Христа Спасителя и не помогающего нам увидеть Его? Какое значение имеет абстрактная «экзегеза» или дедуктивный аргумент в созерцательных и молитвенных пространствах живой религиозности? Могут ли они дать религиозную очевидность душе, ищущей Божьего света и огня, чающей живого Бога? Сколько раз, слушая за границей беседы и проповеди инославного духовенства, мы думали о том, как богато оно книжною образованностью и как скупое оно в дарах сердца и духа! Как чуждо это русской православной душе!

Поистине, нет лучшего религиозного научения, нет более действительного проповеднического служения, как сила и искренность личной молитвы. Ибо вера крепнет и распространяется не от логических аргументов, и не от усилий понуждающей воли, и не от повторения слов и формул, но от живого восприятия Бога, от молитвенного огня, от очищения, подъема и просветления сердец, от живого созерцания, от реального восприятия Благодати. Я полагаю, что многое зависит от способности священника искренно и беззаветно молиться сердцем, ибо если он способен к этому, и если он молится так, в своем уединении, то церковная его молитва будет зажигать, очищать и просветлять сердца его прихожан. Это пламя одинокой молитвы будет гореть и в его церковном богослужении, и в его проповеди, и в его жизненных делах. И мы, его прихожане, сразу почувствуем сердцем, что «Сам Дух» молится в нем «воздыханиями неизреченными» (Римл. VIII, 26) и что эти воздыхания передаются и нам по неизреченным путям.

Пастырь, коему присуща эта искренность и сила молитвы, является как бы «неопалимой купиною» в своем приходе: прихожане его, иногда сами того не замечая и не разумея, становятся соучастниками его молитвы; им передается теплота его веры; они приобщаются его духовному полету. Его поучения воспринимаются по-особому: не только умом, но и сердцем, живую совестью и честною волею. Его беседы несомы творческим духовным опытом; они проникнуты живым христианским созер-

цанием; они идут из сердца и воспринимаются всею душою. И уже простая встреча с ним испытывается как утешение и безмолвное ободрение.

А в основе этого лежит некий религиозный закон, согласно которому глубина веры растет и крепнет в молитве, ибо молитва есть благодатное вознесение души к Богу, озаряющее, очищающее и удостоверяющее. Вот почему пастырь должен быть живым источником и живою школою молитвы.

Второе, что мы желаем найти в нем — это живое любящее сердце. Ведь лучшее христианское благовествование и утешение проистекает из доброты и сердечного понимания. Пока человеческое чувство сохнет и глохнет в умственно отвлеченных богословских построениях, пока ум холодно рассуждает и выносит приговоры, враждует в прениях и каменеет в ненависти, — до тех пор человеку остается недоступным все откровение Господа Христа. Бессердечные люди не постигают в Евангелии самого главного; а поняв, не живут им и не осуществляют его. Черствая жадность делает человека слепым и глухим. «Реки воды живой» (Иоан. VII, 38) текут только для любящих людей; ибо любовь отверзает человеку зрение и слух, — и для Христова откровения, и для жизни и страдания других людей.

Если священник имеет эту любовь, то она чувствуется и в его церковной молитве, слышится и в его проповеди, обнаруживается и в его делах. Кто беседует с ним, или помогает ему, у того возникает особое ощущение: он чувствует, что воспринял от своего духовника нечто драгоценное, жизненно важное и ободряющее, что он испытал свет и теплоту духовного огня, что он почувствовал живую доброту, что он приблизился к тому, что разумел Христос, когда говорил о любви. Ибо живое сердце имеет запас доброты для всех: утешение для горящего, помощь для нуждающегося, совет для беспомощного, ласковое слово для всякого, добрую улыбку для цветов и для птичек. И простое обхождение с таким человеком становится незаметно живою школою сердечного участия, любовного такта, христианской мудрости. И все это прекрасно и благодатно, ибо истинный духовник есть носитель христианского духа, духа любви и сердечного созерцания.

И вот третье, чего мы ищем и ждем от нашего пастыря, — это свободная и творческая христианская совесть. Эта совесть должна жить в нем, как самостоятельная и независимая сила,

как критериальная мера добра и зла, мера, по которой мы могли бы проверять, выправлять и крепить нашу собственную совесть. Там, где мы подчас беспомощно сомневаемся и колеблемся, он, как мастер совести, должен видеть ясно и глубоко; где мы блуждаем и заблуждаемся, он должен знать и указывать прямую дорогу; где мы вопрошаем, он должен иметь ответ. Он должен поддерживать нас в искушениях и соблазнах; он должен быть нашей опорой в колебании и изнеможении. Он должен сразу прозревать, где есть нечестность, неискренность, измена; но при этом — хранить справедливость в суде и осуждении. Ибо совестный христианин не преувеличивает — ни в утверждении, ни в отрицании; его суждение исходит из предметно видящего смирения, но произносится с мужеством и силою, ибо не он произносит его, а предметный огонь в нем. Нам нужен искренний и откровенный исповедник, ничем и ни в чем неподкупный, не алчный, безгрешный пред сильными и свободный от властолюбия; нам нужен живой очаг христианской совести, с чистым пламенем и кротким светом.

Мы же сами должны обеспечить ему независимую и достойную жизнь: мы должны раз навсегда отрешить требу от мзды, чтобы погасить и в нас самих, и в нашем пастыре идею о том, будто молитва «покупается» и благодать «продается»; чтобы не было торговли о святине; чтобы пастырь мог молиться свободно, не помышляя о «прибытке», а прихожанин мог обращаться к нему за помощью, не учитывая своих средств и расходов. Благодать и деньги инородны друг другу; недостойно мерить Божье дело монетою; невозможно унижать своего пастыря нуждою и поборами. Дело церкви есть дело духа, любви и совести, дело молитвы и созерцания; и прихожане должны снять со своего пастыря заботу о земном, обеспечивая ему необходимое и достойное.

Я думаю, что все, высказанное здесь, относится не только к православным общинам и пастырям, но и к священнослужителям всех христианских, а, может быть, в последнем, глубочайшем измерении, — и не только христианских исповеданий. Во всяком случае — всюду, где веет истинный дух Христа, прихожане будут счастливы иметь в своем пастыре живой источник молитвы, любви и христианской совести; ибо сии три основы составляют драгоценнейшую и сильнейшую скрепу христианской церкви вообще. Мне не кажется при этом, что высказанные

мною ожидания слишком высоки и трудны в осуществлении, ибо дело священника, пастыря и духовника не есть обычная профессия, сходная с другими, но требует особого призвания и особых даров. Эти дары даны не всякому; но кому они не даны, тот не должен посягать на это звание. Здесь дело не столько в «знании» и «умении», сколько во «вдохновении»; не столько в обрядовой словесности, сколько в живой полноте чувства; не в отбытии «требы», а в духе ее совершения. Пастырь, не знающий об этих требованиях и не укрепивший в них своего сердца, — на чем утвердит он свою веру и молитву, как поведет он своих прихожан к Богу, чем наполнит он свой храм, как укрепит он свой приход?.. Спрашиваю и не нахожу ответа...

Это главное. Это самое существенное в вопросе о грядущем религиозном устроении России.

ОБНОВЛЕНИИ ДУХА В РОССИИ

ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА ГРЯДУЩЕЙ РОССИИ

Нам не дано предвидеть грядущего хода событий. Мы не знаем, когда и в каком порядке будет прекращена коммунистическая революция в России. Но мы знаем и понимаем, в чем будет состоять основная задача русского национального спасения и строительства после революции; она будет состоять в выделении кверху лучших людей, — людей, преданных России, национально чувствующих, государственно мыслящих, волевых, идейно-творческих, несущих народу не месть и не распад, а дух освобождения, справедливости и сверхклассового единения. Если отбор этих новых русских людей удастся и совершится быстро, то Россия восстановится и возродится в течение нескольких лет; если же нет, — то Россия перейдет из революционных бедствий в долгий период послереволюционной деморализации, всяческого распада и международной зависимости.

Всякое государство организуется и строится своим ведущим слоем, живым отбором своих правящих сил. Всегда и всюду правит меньшинство: в самой полной и последовательной демократии — большинство не правит, а только выделяет свою «элигу» и дает ей общие, направляющие указания. И вот, судьбы государств определяются качеством ведущего слоя: успехи государства суть его успехи; политические неудачи и беды народа свидетельствуют о его неудовлетворительности или прямо о его несостоятельности, — может быть, о его безволии, безыдейности, близорукости, а может быть, о его порочности и продажности. Такова судьба всех народов: они расплачиваются унижениями и страданиями за недостатки своего ведущего слоя. Однако эти унижения и страдания являются не только тягостными последствиями совершенных ошибок или преступлений; они являются в то же время подготовкою будущего, школою для новой элиты; они длются лишь до тех пор, пока эта новая национальная элита не окрепнет религиозно, нравствен-

но и государственно. В этом — смысл исторических провалов, подобных русской коммунистической революции: в страданиях рождается и закаляется новый дух, который в дальнейшем поведет страну.

Это зарождение и закаление нового духа происходит ныне в России вот уже тридцать с лишним лет. Оно совершается негласно, в подспудном молчании. Мы можем быть твердо уверены, что русские сердца не разлюбили Россию и не разучились верить, но научились верно видеть зло и злобу, научились ценить свою историю, научились и еще учатся келейной молитве и зрелым волевым решениям. Этот процесс начался еще в первые годы революции, и многие из нас участвовали в нем и наблюдали его. Ныне русскому народу, как еще никогда ни одному другому, дана была в историческом опыте злая государственная власть, — дана была очевидность лжи, пошлости и насилия, жестокости и порабощения. И все это — при длительной неосуществимости протеста, при невозможности достойно ответить на недостойное и возмутительное. Это скопление злого опыта, это нарастание негодования и страха ставило всякую живую душу перед выбором: или согнуться, приспособиться и примириться с происходящим, стать «ловчилой» и заглушить в себе веру и совесть; или же выработать защитную маску условной «лояльности» и уйти в духовную катакомбу. В этой духовной катакомбе люди научались сосредоточиваться на главном и пренебрегать неглавным в жизни; они научались зажигать незримую врагам лампаду и творить при ее свете новую подспудную культуру; они научались молиться по-новому и любить по-новому и внутренне, беззвучным шепотом, произносить клятвы служения и верности. Они духовно обновлялись.

В первые годы большинство русских людей колебалось между этими двумя возможностями: между духовным разложением и обновлением. Но некоторое не поддающееся учету меньшинство вступило на этот путь сразу. Возможно, что немногие из них пережили эти мучительные десятилетия и что немногие доживут до возрождения России. Но они могут быть уверены в том, что ни одно усилие их, ни один вздох не пропали бесплодно. Задача их состояла в том, чтобы заткать немедленно, — во всем этом крушении и вопреки всему этому распаду — ткань новой России и постепенно вовлекать в эту ткань все новых и новых людей. Они могли быть уверены, что данная

русскому народу очевидность зла будет непрестанно пополнять их ряды, медленно, но верно увеличивая число обновляющихся. В этом был смысл того исповедничества и мученичества, на которое шли с самого начала лучшие люди России, принимавшие гонение, аресты, суд, ссылку, медленное умирание и расстрел. Они понимали, что они призваны противостоять и стоять до конца; что одним своим, с виду обреченным и безнадежным «стоянием» они делают главное и необходимое, служат той России, в которую надо верить, которая ныне выстрадывает себе духовную свободу и, не поддаваясь соблазнам, ищет христианского братства и справедливости. Так священномученики строили Православную Церковь, а политические герои — гражданственную природу России. Они совершили свое дело и достигли многого. И если мы читаем в советских газетах признания, что в высшие учебные заведения «пошла верующая молодежь», что в советской России священники «увлекают наиболее живые умы» и что «нынешние верующие совсем другие люди по сравнению с тем, что представляли они собою в начале революции»; если мы видим, что половина российского населения, несмотря на двадцатилетние гонения, открыто причислила себя по переписи к верующим, — то мы должны воздать должное подвигу русского героического меньшинства, Отсюда пойдет возрождение России, ибо здесь скрыт живой источник нового русского качества.

Причины русской революции многосложны и глубоки; о них будут написаны впоследствии целые исследования. Но если перевести их на язык духовного качества, то можно сказать следующее.

Россия перед революцией оскудела не духовностью и не добротой, а силою духа и добра. В России было множество хороших и добрых людей; но хорошим людям не хватало характера, а у добрых людей было мало воли и решимости. В России было немало людей чести и честности; но они были рассеяны, не спаяны друг с другом, не организованы. Духовная культура в России росла и множилась: крепла наука, цвели искусства, намечалось и зрело обновление Церкви. Но не было во всем этом действенной силы, верной идеи, уверенного и зрелого самознания, собранной силы; не хватало национального воспитания и характера. Было много юношеского брожения и неопределенных соблазнов; недоставало зрелой предметности и энер-

гии в самоутверждении. Этому соответствовало и состояние русского народного хозяйства — бурно росшего, но не нашедшего еще ни зрелых форм, ни организованности, ни настоящего проникновения в толщу естественных богатств. Собственное крестьянство только начинало крепнуть; промышленная предприимчивость имела перед собою непочатые возможности; помещичье хозяйство еще не изболело своих недугов — экстенсивности и дворянского дилетантизма; рабочие еще не нашли своего национального места и самосознания. Средний слой еще не окреп в своей имущественной основе, в своей государственной идее и воле; и зараза сентиментального социализма и непротивленчества еще не была побеждена. Незрелость и рыхлость национального характера соответствовала незрелости и рыхлости народного хозяйства.

Этой своеобразной беспочвенности и рыхлости здоровых сил народа противостоял неизжитый запас больных и разрушительных сил. В крестьянстве бродило еще памятозлобие крепостного права и вековая мечта земельного передела и анархии; аграрная перенаселенность общины дразнила народ безвыходностью и поддерживала иллюзию количественно неисчерпаемого земельного фонда; остатки крестьянского неравноправия и неполноправия довершали это настроение. Брожение рабочего пролетариата питалось и крестьянским недовольством, и классовым положением рабочих, и утопически-революционной пропагандой социализма. Обилие темпераментных национальных меньшинств, руководимых своею честолюбивою полуинтеллигенцией, создавало целый кадр центробежно настроенных «деятелей». Эти «деятели» с их радикально революционными симпатиями вливались во всероссийский резервуар фрондирующей интеллигенции и неустроенной, вечно недовольной, бродящей полуинтеллигенции; и все это вместе в высшей степени затрудняло качественный отбор государственной элиты. За девятнадцатый век слагалась и крепла большая традиция революционной фронды; считалось, что «порядочный» человек должен быть настроен радикально и непримиримо; он должен порицать и отрицать все, что исходит от Императорского правительства; он должен — если не прямо быть социалистом, то «сочувствовать» и закулисно «помогать» социалистическим партиям. Эта традиция в течение целого века работала над изоляцией и компрометированием русского

Императорского правительства, предполагая в русском народе выдающиеся демократически-республиканские дарования и выдавая социализм за вернейший критерий демократичности.

Дореволюционная Россия держалась и строилась не этими центробежными силами, а вопреки этим последним. Необходимый отбор ведущего слоя, правящего чиновничества и культурной общественности совершался, несмотря на все затруднения, несмотря на изолирующую пропаганду и на террор революционных партий.

Идейные и честные люди пополняли кадры русской армии, русского флота и русского чиновничества. Не скудела Академия Генерального Штаба. На исключительной высоте стоял Правительствующий Сенат, кассационные решения которого содержат целый клад юридической мудрости и справедливости. Россия имела основания гордиться своим судом, своими финансами, своею наукою, своим искусством и своими театрами. Она имела первоклассную дипломатию, превосходную военную разведку и опытный, преданный своему делу кадр народных учителей. А когда П. А. Столыпин взялся за дело разверстания сельской общины и за переселение, то ему удалось отобрать такой кадр чиновников, о качестве которого не могло быть двух мнений.

Наряду с этим Россия выдвинула драгоценный слой нечиновной общественности: идейных и опытных деятелей земского и городского самоуправления, превосходный кадр врачей национально-русской интуитивной школы, идейную и гуманную адвокатуру, даровитое купечество с традициями и с размахом, кадр энергичных кооператоров и агрономов. Все это строило Россию, постепенно освобождаясь (силою вещей, ходом жизненного дела, реализмом предметных задач) от мечтательного брожения и вращаясь в механизм государства. Россия нуждалась больше всего в мире и в завершении столыпинской реформы; она нуждалась меньше всего в революции и в социализме. Судьба судила ей иное: она послала ей неподготовленную и неудачную войну, социалистическую кровавую революцию и планомерное разрушение почти всей ее исторически выстраданной культуры. Вскрылись исторические рубцы и заживавшие шрамы, души заболели ненавистью и местью, замутились до самого дна, и поднывавшееся социальное дно поглотило свою собственную, русскую национальную элиту.

Разразившаяся коммунистическая революция не только разрушала прежнее государство, прежнее хозяйство и прежнюю культуру в России, но стремилась, прежде всего, смести прежний ведущий слой и поставить на его место новый.

Первая, отрицательная задача не представляла особых затруднений: сместить, уволить, лишить имущества и жилища, обречь, на голод и холод, арестовать, сослать, расстрелять — все это разрушительное дело требовало только решительности и жестокости. Но разрешение положительной задачи — создание нового ведущего слоя — не могло удасться революционерам. Здесь мы наталкиваемся на одно из основных внутренних противоречий революции.

Революция с самого начала обращалась не к лучшим, государственно-зидательным силам народа, а к разрушительным и разнузданным элементам его. Она привлекала к себе не честных, верных, патриотически настроенных людей, привыкших к дисциплине и ответственности, а безответственных, деморализованных, беспринципных, карьеристов, интернационалистов, грабителей, дезертиров, авантюристов. Это есть простой, неоспоримый исторически факт. Ей нужны были люди дурные и жестокие, способные разлагать армию, захватывать чужое имущество, доносить и убивать. Наряду с этим она обращалась к людям невежественным и наивным, которые готовы были верить в немедленное революционно-социалистическое переустройство России.

И вот никакой государственный режим, тем более «творчески обновляющий» режим, не может быть построен такими людьми и на таких порочных основаниях. Привычный нарушитель, сделавший себе из правонарушения политическую профессию, останется правонарушителем и после того, как ему прикажут строить новую жизнь. Революция дала народу «право на бесчестие» (Достоевский) и, соблазнив его этим «правом», она начала свой отбор, делая ставку на «бесчестие». Этим она расшатала народное правосознание, смешала «позволенное» и «запретное», перепутала «мое» и «твое», отменила все правовые межи и подорвала все социальные и культурные сдержки. Какой же «ведущий слой» мог отобраться по этим признакам и в этой атмосфере?

Пришли новые люди — презирающие законность, отрицающие права личности, жаждущие захватного обогащения, ли-

шенные знания, опыта и умений; полуграмотные выдвиженцы, государственно неумелые «нелегальщики» (выражение Ленина), приспособившиеся к коммунистам преступники. Революция узаконила уголовщину и тем самым обрекла себя на неудачу. Революция превратила разбойника в чиновника и заставила свое чиновничество править разбойными приемами. Вследствие этого политика пропиталась преступностью, а преступность огосударствилась.

Шли годы. На этих основах сложилось и окрепло новое коммунистическое чиновничество: запуганное и раболепно льстивое перед лицом власти; пронырливое, жадное и вороватое в делах службы; произвольное и беспощадное в отношении к подчиненным и к народу; во всем трепещущее, шкурное, пролганное; привыкшее к политическому доносу и отвыкшее от собственного, предметного и ответственного суждения; готовое вести свою страну по приказу сверху — на вымирание и на погибель. И все неудачи революции объясняются не только противоестественностью ее программы и ее планов, но и несостоятельностью отобранного ею слоя.

Когда крушение коммунистического строя станет совершившимся фактом и настоящая Россия начнет возрождаться, — русский народ увидит себя без ведущего слоя. Конечно, место этого слоя будет временно занято усидевшими и переходящими людьми, но присутствие их не разрешит вопроса. Превращаясь, дореволюционная элита распалась, погибла или переродилась; и то, что от нее сохранится, будет лишь скудным, хотя и драгоценным остатком бывшего национально-исторического достояния. А революционный отбор должен будет отчасти совсем отпасть ввиду своей несостоятельности и несправимости, отчасти же измениться к лучшему как бы на ходу. То, в чем Россия будет нуждаться прежде всего и больше всего, — будет новый ведущий слой.

Эта новая элита, — эта новая русская национальная интеллигенция, должна извлечь все необходимые уроки из всероссийского революционного крушения. Мало того, она должна осмыслить русское историческое прошлое и извлечь из него заложенный в нем «разум истории». А история учит нас многому.

1. Прежде всего ведущий слой не есть ни замкнутая «каста», ни наследственное или потомственное «сословие». По составу своему он есть нечто живое, подвижное, всегда пополня-

ющеся новыми, способными людьми и всегда готовое освободить себя от неспособных. Это есть старое и здоровое русское воззрение. Его выдвинул еще Иоанн Грозный, осознавший необходимость нового отбора, но трагически исказивший и погубивший его в «опричнине». К этому воззрению вернулся Петр Великий, выдвинувший на первые и непервые места государства новых людей, начиная от Меншикова и Лефорта, Шафировова и Ягужинского и кончая своими, командированными за границу учениками. С тех пор эта традиция дала России Ломоносова и целые плеяды славных ученых; гениального скульптора Федота Шубина и длинный ряд славных художников из народа; ряд блестящих деятелей Екатерининской эпохи, Сперанского, Скобелева, Витте, Губонина, Савву Мамонтова, Третьякова, Лавра Корнилова и его сподвижников.

Здесь есть некое общее правило: человека чести и ума, таланта и сердца не спрашивают о его «предках», ибо он сам есть «предок» для грядущего потомства. Качественный, духовный заряд, присущий человеку, выдвигает и должен выдвигать его на первые места, независимо от его родословной. Потомственная традиция честности, храбрости и служения есть великая вещь, но она не может сделать глупца — умным, а безвольного человека — призванным организатором жизни. Мы все от правителя до простого обывателя — должны научиться узнавать людей качественно духовного заряда и всячески выдвигать их, «раздвигаясь» для них; только так мы сможем верно пополнить нашу национальную элиту во всех областях жизни. Это требование есть не демократическое, как принято думать, а нравственно-патриотическое и национально-государственное. Только так мы воссоздадим Россию: дорогу честности, уму и таланту!..

2. Принадлежность к ведущему слою — начиная от министра и кончая мировым судьей, начиная от епископа и кончая офицером, начиная от профессора и кончая народным учителем», — есть не привилегия, а несение трудной и ответственной обязанности. Это не есть ни «легкая и веселая жизнь», ни «почивание на лаврах». Темному, необразованному человеку простительно думать, будто «настоящая» работа есть именно телесная и только телесная, а всякий душевно-духовный труд есть «притворство» и «тунеядство»; но человек духовного или интеллектуального труда не имеет права поддаваться этому воз-

зрению. В свое время ему поддались русские народники; перед ним склонился Л. Н. Толстой, надсмеявшийся над духовным трудом в своей революционно-демагогической сказке «Об Иване-Дураке». Призыв Толстого к «опрощению» был не только протестом против излишней роскоши (что было бы естественно), но и отрицанием всякого «нефизического» труда. Это воззрение заразило постепенно широкие круги русской интеллигенции. «Кающийся барин» не сумел найти меру для своего «покаяния»: он не только стал корить себя за недостаточную склонность к братской справедливости, но заразился культурным нигилизмом в вопросах права, государства, собственности, науки и искусства. Этим была в значительной мере подготовлена большевицкая революция с ее уравнильством в вопросах жилища, питания, одежды, образования и имущества: «уравнивать» и «упрощать» — значит снижать уровень и подрывать культуру.

Вести свой народ есть не привилегия, а обязанность лучших людей страны. Эта обязанность требует от человека не только особых природных качеств, подготовки и образования, но и особого рода жизни в смысле досуга, жилища, питания и одежды. Это люди иной душевной и нервной организации, люди духовной сосредоточенности, люди иных потребностей и вкусов, иного жизненного напряжения и ритма. Мыслителю и артисту нужна тишина. Ученому и судье необходима библиотека. Чиновник должен быть обеспечен и независим от управляемых обывателей и т. д. Если это — «привилегия», то привилегия, вознаграждающая за высший труд и обязывающая к качественному служению. Этой «привилегии» нечего стыдиться; ее надо принимать с достоинством и ответственностью, не позволяя предрассудку и зависти вливать в душу свою отраву.

Ранг в жизни необходим и неизбежен. Он основывается качеством и покрывается трудом и ответственностью. Рангу должна соответствовать строгость к себе у того, кто выше, и беззавистная почтительность у того, кто ниже. Только этим верным чувством ранга воссоздадим Россию. Конец зависти! Дорогу качеству и ответственности!

3. Вместе с тем в России должна быть искоренена дурная традиция «кормления», т. е. частного наживания на публичной должности. Государственный чиновник, так же как и служащий земского или городского самоуправления, должен довольство-

ваться получаемым им окладом («жалованьем») и не пополнять его никакими «прибытками» или «доборами» с обслуживаемого им населения. Время, когда государственный центр раздавал должности на «кормление», — время удельно-феодалное и, далее, сословно-крепостное, — прошло безвозвратно. Воевода, живущий поборами («земля любит навоз, а воевода принос»); судья, торгующий приговором и презирующий закон («хочу — по нем сужу, хочу — на нем сижу»), чиновник взяточник и растратчик («казна — шатущая корова, не доит ее один ленивый») — все эти больные и кривые явления русской истории были в небывалом размере воскрешены русской революцией и должны окончательно угаснуть вместе с нею. Революционная всепродажность; революционная растрата; повальное революционное хищение — объясняются тем изъятием собственности и тем хозяйственно-бюрократическим бедламом, которые осуществлялись самой революцией: люди, ограбленные ею, возвращали себе отнятое всюду, где могли, и не считали такое «самовознаграждение» зазорным. Психологически — это понятно; но, по существу, это есть деморализация и расхищение государства.

Публичные должности, от самой малой до самой большой, должны давать человеку удовлетворяющее его вознаграждение и должны переживаться им не как «кормление», а как служение. Человек, не удовлетворяющийся законным жалованьем, не имеет права брать соответствующую должность. Человек, взявший публичную должность, не имеет права пользоваться ею для частной наживы. Конец взятке, растрате и всякой продажности!.. Всякая власть, всякое водительство обязывает к самоограничению!.. Только этим возродим Россию.

4. Далее, одна из основных опасностей ведущего слоя состоит в слишком высокой оценке государственной власти, ее значения и призвания. Государственная власть имеет свои пределы, обозначаемые именно тем, что она есть власть, извне подходящая к человеку, предписывающая и воспрещающая ему независимо от его согласия или несогласия и угрожающая ему наказанием. Это означает, что все творческие состояния души и духа, предполагающие любовь, свободу и добрую волю, не подлежат ведению государственной власти и не могут ею предписываться. Государство не может требовать от граждан веры, молитвы, любви, доброты и убеждений. Оно не смет регулиро-

вать научное, религиозное и художественное творчество. Оно не может предписывать оказательства чувств или воззрений. Оно не должно вторгаться в нравственный, семейный и повседневный быт. Оно не должно без крайней надобности стеснять хозяйственную инициативу и хозяйственное творчество людей.

Ведущий слой призван вести, а не гнать, не запугивать, не порабощать людей. Он призван чтить и поощрять свободное творчество вedomого народа. Он не командует (за исключением армии), а организует, и притом лишь в пределах общего и публичного интереса. Вести можно только свободных; погонщики нужны только скоту, надсмотрщики нужны только рабам. Лучший способ вести есть живой пример. Авантюристы, карьеристы и хищники не могут вести свой народ; а если поведут, то приведут только в яму. Государственное водительство имеет свои пределы, которые определяются, во-первых, достоинством и свободой личного духа, во-вторых, самодеятельностью творческого инстинкта человека. Конец террору как системе правления... Конец тоталитарному всеведению и всеприсутствию!.. России нужна власть, верно блюдущая свою меру.

5. К этому необходимо добавить, что новый русский отбор должен строить Россию не произволом, а правом. Будут законы и правительственные распоряжения. Эти законы должны соблюдаться и исполняться самими чиновниками, ибо чиновник есть первый, кого закон связывает. Представление о том, что закон вяжет обывателя и разнуздывает произвол правителя, много раз осужденное в русских народных пословицах, но возрожденное советской революцией, должно отпасть навсегда. Закон связывает всех: и Государя, и министра, и полицейского, и судью, и рядового гражданина. От закона есть только одно «отступление»: по совести, в сторону справедливости, с принятием на себя всей ответственности. Формально буквенное, педантически-мертвенное применение закона есть не законность, а карикатура на нее. «Крайняя законность» никогда не должна превращаться в «крайнюю несправедливость». Или по русским пословицам: «не всякий прут по закону гнут»; а «милость творить — с Богом говорить».

Это означает, что всякое применение закона требует беспристрастного жизненного наблюдения (интуиция факта) и беспристрастного решающего усмотрения (интуиция права).

Мало закона. Надо видеть живое событие. И далее, надо видеть сквозь закон: 1. Намерение законодателя и 2. Высшую цель права (свобода, мир, справедливость). Поэтому всякое применение закона предполагает в душе применяющего чиновника живое творческое правосознание (правовое разумение и правовую совесть). И вот, в этой сфере не должно быть места никакой корысти, никакой кривизне, или, как выражала это русская летопись, никакому «воровству» и «малодушию»: ни взятке, ни косвенной личной выгоде, ни классовому интересу, ни родству, ни льстивому прислуживанию, ни потачке, ни укрывательству, словом, ничему тому, от чего стонала дореформенная Россия, с чем так успешно боролся пореформенный (после 1864 г.) правопорядок, и что расцвело цветами позора и скандала в эпоху революции.

Грядущей России нужен не произвол, не самодурство и не административная продажность, а правопорядок, утверждаемый живым и неподкупным правосознанием. Правило этого правосознания выражено в старом русском поэтическом приговоре:

Чтобы твоим судом другим не сделать лиха,
О деле рассуждай, когда в тебе все тихо,
И то — с молитвою всегда,
Чтоб просветлил тебя Господь... А то беда:
Без умысла невинного придавишь
И после дела не поправишь...

6. Далее, новая русская элита в деле правления должна блюсти и крепить авторитет государственной власти. Невозможно строить правопорядок без этого авторитета. Он пошатнулся еще при Императорском правительстве; он был расшатан и подорван при Временном правительстве; он был опять восстановлен, — правда в формах противоправных, свирепых и унижительных, — советскою властью. Новый русский отбор призван укоренить авторитет государства на совсем иных, благородных и правовых основаниях: на основе религиозного созерцания и уважения к духовной свободе; на основе братского правосознания и патриотического чувства; на основе достоинства власти, ее силы и всеобщего доверия к ней. Необходимо помнить, что этот авторитет есть всенародное, исторически на-

капливающееся достояние. Он слагается из поколения в поколение; он живет в душах незримо, но определяюще; он призван служить орудием национального спасения. Революция сначала расшатала, а потом скомпрометировала его кровью, партийно-классовым режимом и тоталитарностью коммунистического строя. И вот борьба за грядущую Россию окажется борьбой за новый авторитет новой национально-русской власти, ибо безавторитетная власть не оборонит и не возродит Россию.

7. Все эти требования и условия будут, однако, несовершенны и неопределяющи, если не будет соблюдено последнее. Новый русский отбор должен быть одушевлен творческой национальной идеей.

Безыдейная интеллигенция не нужна народу и государству и не может вести его... Да и куда она приведет его, сама блуждая в темноте и в неопределенности? Но прежние идеи русской интеллигенции были ошибочны и сгорели в огне революции и войн. Ни идея «народничества», ни идея «демократии», ни идея «социализма»; ни идея «империализма», ни идея «тоталитарности» — ни одна из них не вдохновит новую русскую интеллигенцию и не поведет Россию к добру. Нужна новая идея — религиозная по истоку и национальная по духовному смыслу. Только такая идея может возродить и воссоздать грядущую Россию.

РУССКОМУ НАРОДУ НЕОБХОДИМО ДУХОВНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ

В самом деле, что же другое необходимо ему вместо того систематического насилия, которое именуется «социализмом» или «коммунизмом», и вместо того пролганного хаоса, который представляет из себя в большинстве случаев так называемый «демократический строй»? Мы отвергаем и это насилие, и этот хаос. Мы говорим им «нет»! Но этого мало. Отвержение еще ничего не определяет... Человек творит, утверждая, а не отвергая. Мало отвергнуть мерзость коммунизма и удручающую, разлагающе разорительную глупость социализма: надо обосновать и утвердить частную собственность... Мало вскрыть и доказать тот всенародный самообман, который обычно осущест-

вляется в демократии: надо найти тот здравый исход, который не грозил бы государству ни тиранией, ни тоталитарным строем, ни разложением, идущим от «партийной демократии»... И пусть не говорят нам, что наши предложения фантастичны, утопичны или неосуществимы! Пусть сами ищут, находят и предлагают свое, не «свое» скомпрометированное и губительное, а свое — новое, творческое, жизненно верное. Конечно, легче всего настаивать на провалившейся выдумке: и думать не надо и творчества не требуется; остается только твердить свое, завладевать явно и тайно аппаратом пропаганды, замалчивать или просто пачкать противника и... валиться в пропасть.

Но мы не желаем и не смеем этого: перед нами великая Россия, ее погибель или возрождение. И мы отлично знаем, чего именно хотят для нее провалившиеся выдумщики.

Итак, что же мы предлагаем и что мы будем пожизненно отстаивать?

Прежде всего мы не верим и не поверим ни в какую «внешнюю реформу», которая могла бы спасти нас сама по себе, независимо от внутреннего, душевно-духовного изменения человека. Нет такой «избирательной системы», нет такого государственного устройства, нет такого церковного строя, нет такого школьного порядка, которые обещали бы человечеству, и в частности, в особенности России, обновление и возрождение, независимо от того, что будет созерцать его воображение и каков будет внутренний уклад его мысли и настроений и каковы будут дела его жизни... Невозможно, чтобы дрянные люди со злою волею обновили и усовершенствовали общественную жизнь. Жадный пустит в ход все средства; продажный все продаст; человек, в коем Бога нет, превратит всю жизнь в тайное и явное преступление. Внешнее само по себе не обеспечивает человеку ни духовности, ни духовного спасения; никакой государственный строй не сообщит человеку ни любви, ни доброты, ни чувства ответственности, ни честности, ни благородства. Истинное обновление идет не от внешнего внутрь, не от формы к содержанию, не от видимости к существу, а обратно. И странно, даже страшно доказывать это через 2000 лет после Рождества Христова; странно потому, что люди, по-видимому, прошли мимо Христианства; страшно потому, что мы не видим, чем и как восстановить и утвердить непринятое откровение.

Все великое и священное идет изнутри — от сердечного созерцания; из глубины — от постигающей и приемлющей

любви; из таинственной духовности инстинкта; от воспламенившейся воли; от узревшего разума; от очистившегося воображения. Если внутри смутно, нечисто, злобно, жадно, скверно, то не поможет никакая внешняя форма, никакой запрет, никакая угроза, никакое «избирательное право», особенно всеобщее, равное и прямое. Знаем: не наше дело учить другие народы. Они сами тысячелетиями делали свою историю; сами уродовали свой духовный акт, содействуя его оскудению и формализации; они ими дошли ныне до духовной пустоты, до духовно бессмысленной техники и самодовлеющего спорта, до так называемого «модернизма», в коем зло выдается за главное, а добро презирается как ненужная сентиментальность; они сами стали жертвою пустой формы в науке, в политике, в искусстве, в культуре машины и во всем прочем. Не нам их учить, не нам их исправлять. Да и самодовольство их сделало бы все наши попытки смешными. Послушайте только, что католические прелаты говорят о «Божьей метле», выметающей Православие из мировой культуры... Прислушайтесь к тому, как протестанты собираются «впервые» внести евангельский свет в «темные дебри восточно-русского язычества»... Вникните в то высокомерие, с которым европейские «цивилизованные» народы обсуждают «совершенство своих конституционных форм», не усматривая ничего особенного ни в том, что кандидат в Сев. Америке в президенты вытирает себе лицо, забросанное гнилыми томатами и тухлыми яйцами, ни в том, что составление работоспособного министерства во Франции становится неразрешимой задачей, ни в том, как парламентская полиция растаскивает побоище господ римских сенаторов, ни в том, какую деморализацию водворили господа английские социалисты в организации медицинской «помощи» больным... Было время, когда русская интеллигенция считала западный политический строй «образцом» для России. Это время прошло. Мы видели и наблюдали достаточно. Мы научились тому, что истинное строительство есть творчество, а не подражание. Мы увидели истинное лицо Запада: сначала в советском коммунизме, потом в европейском социализме и, наконец, в том, что называется «свободным строем», в действительности руководимом из-за кулисы. Верить в свободу этого строя могут только люди политически близорукие или наивно-доверчивые. Ибо свобода совсем не сводится к голосованию всех по всем вопросам; корни ее лежат гораздо

глубже, и выражается она в гораздо более существенных проявлениях, духовных, творческих и житейских.

Итак, мы не можем верить, что возрождение и обновление России придет от водворения в ней какой-нибудь другой, не коммунистической, может быть, прямо антикоммунистической формы правления как таковой.

Мне приходилось встречать людей, непоколебимо уверенных в том, что стоит в России «провозгласить монархию» — и все «пойдет гладко и станет все на место». Слушаешь таких людей и удивляешься: для них история как будто не существует. Ведь монархический строй не может, что называется, «повиснуть в воздухе»; необходимы по крайней мере две предпосылки, две основы: во-первых, — верное монархическое строение души в народе, которое можно было бы точнее всего выразить словами: надо уметь иметь Царя; и, во-вторых, необходимы те социальные силы, которые понесли бы богоданного Государя — преданностью, верностью, служением, честью, честностью и в особенности тем правдоговорением перед лицом Государя, которое необходимо ему самому как «политический воздух». Имеются ли эти предпосылки в России? Россия ведь имела счастье быть монархией и почему-то развалилась... Почему? Не от того ли, что она разучилась иметь Царя? Не от преобладания ли честолюбивой интриги над верностью и преданностью? Не от того ли, что монархизм карьеры вытеснил монархизм служения? Что же, дело с тех пор усовершенствовалось? И притом значительно? Научились ли русские люди иметь Царя? Или они опять предадут его за свой частный прибыток на растерзание? — Вот о чем следовало бы подумать «провозглашателям». Монархия должна быть подготовлена религиозно, морально и социально; иначе «провозглашение» окажется пустым словом и началом нового разложения...

Но означает ли это, что можно ожидать большого успеха от «провозглашения» республики? Так могут думать только люди, не понимающие, что республика есть всегда выражение особого душевного уклада; что необходимо думать и чувствовать по республикански для того, чтобы республика возникла, окрепла и удалась. Где же учился и научился русский народ так думать и так чувствовать? У «временного правительства», заговарившего революционную толпу? Или у коммунистов, ловко поставивших революционную толпу на колени? Республиканец превы-

ше всего ставит дело свободы. Где же учился русский народ этому свободолюбию? Не в коммунистических ли каторжных лагерях?.. Свобода есть умение сочетать независимость с лояльностью; а между тем оба эти начала попираются в России уже четвертый десяток лет... Республиканство есть политическое искусство строить государство при рыхлой, зависимой, подкопанной и нерешительной верховной власти. Можно себе представить, что начнется в «республиканской» России после сорока лет тоталитарного строя!..

«Провозгласить» в России республику значит вернуться к пустому фразерству Временного правительства и повторить гибельный эксперимент того времени в новом несравненно худшем виде. Государство есть не механизм, а организм; и всякая истинная и прочная форма жизни должна быть подготовлена в нем органически. Добавим к этому только, что в «органическую подготовку» всероссийской республики или множества малых республик — мы не имеем никаких оснований верить, — ни исторических, ни географических, ни хозяйственных, ни культурных, ни духовных, ни религиозных. Надо совсем не знать или политически не постигать Россию, чтобы быть русским республиканцем.

Итак: русскому народу необходимо духовное возрождение и обновление.

О ПРЕДМЕТНОСТИ И ПРОДАЖНОСТИ

Если бы надо было выразить и закрепить одним словом сущность современной мировой смуты, то я произнес бы слово «продажность». Чем больше эта смута углубляется и укореняется, тем более люди отвыкают от служения и тем чаще и беззастенчивее они помышляют о добыче. Раз заразившись этим, человек постепенно привыкает сосредоточиваться не на Деле и не на Предмете, а интересоваться своею личною «пользою», своим материальным прибытком или иным лично-житейским выигрышем. Важнейшим вопросом его жизни становится свой успех, свое «приращение», свое преуспевание. Иногда он прикрывает эту свою заботу, главную заботу своего существования, — словами о «классовом интересе, или о «партийном успе-

хе», или «удачных делах»; есть и соответствующие доктрины, начиная от «экономического материализма» (самое важное — это обладание орудиями производства и классовый интерес пролетариата) и кончая «меркантилизмом» (самое важное — это выгодная конъюнктура и торговое процветание страны). Но доктрина является для большинства ненужной роскошью или бременем: это большинство не теоретизирует, а просто «практикует», спрашивая про себя: «а какая мне от этого польза?..»

Чем бы человек ни занимался, что бы он не делал, где бы ни служил — он руководится своими внутренними мотивами и не может не сознавать ту цель, ради которой он делает свое дело. И вот во всяком благом деле есть некоторое высшее, сверхличное задание, предметная цель, придающая высший смысл всему тому, что Пушкин обозначал словами: «жизни мышья беготня», и указующая человеку, что и как надлежит ему делать. Это и есть то Дело, которым воистину стоит жить, за которое стоит бороться даже до смерти и за которое стоит и умереть. Человек, проникающийся этим смыслом, работающий во имя этого Дела, чувствует себя предстоящим, ответственным, включившимся и включенным в некий предметный «кадр» и «фронт». То, что он делает, оказывается уже не службой, а служением. Он носит в своем сердце идею и знает, что такое идейный пафос, т. е. вдохновение, подьемлющее личные силы и расширяющее личные возможности. Он сразу поймет, если мы скажем, что служение окрыляет его; или если мы вспомним восклицание Суворова: «Господа офицеры, какой восторг!..» В устах Суворова это слово «восторг» отнюдь не было ни преувеличением, ни аффектацией: оно точно выражало то самое, что он разумел и переживал сам и что он хотел передать другим... — окрыленный подъем души, созерцающей совершенство, то, что составляет самую сущность Христианства.

Напрасно думать, что «совершенство» есть пустое слово, что оно неосуществимо в земной жизни и свидетельствует лишь о наивности человека, который его произносит и принимает всерьез. «Что там говорить о совершенстве? Все мы люди слабые, грешные, страстные и уже по одному этому удобопревертные ко злу... Совершенных людей нет, не было и не бывает. А кто мнит себя совершенным, тот впал в соблазн гордости и самопревознесения»... Такие речи мне не раз случалось слышать в Западной Европе и притом именно из уст инославного

духовенства. И каждый раз я удивленно спрашивал наставлявшего меня пастора: «Зачем же сказано в Евангелии — будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный?» (Мтф. 5.48, срв. Луки 6.35-36). И каждый раз за этим следовала растерянная пауза.

Мой возражатель явно не разумел чего-то самого важного и глубокого, а именно: полнота совершенства, конечно, доступна единому Господу; но воля к совершенству, но требование «самого лучшего» от самого себя, — в каждый отдельный миг своего служения, — есть то самое драгоценное Евангельское солнце, которое было оставлено нам Сыном Божиим и от лучей которого человеческая совесть обновилась и стала христианскою совестью. Конечно так: совершенных людей нет, не было и не бывает. Но совестная воля неустанно зовет человека к исканию, обретению и осуществлению самого лучшего, совершенного душевного строя и доступно наилучшего исхода из каждого жизненного положения. Она зовет к тому, чтобы увидеть высший смысл своей жизни; чтобы найти себе сверхличное задание, свою предметную цель; чтобы преобразить «дела» в «Дело» и «службу» в Служение; чтобы всегда чувствовать себя ответственным и предстоящим, включившимся и включенным в духовно-предметный «кадр» и «фронт»; чтобы приобщиться счастью идейного пафоса и тому окрыленному подъему души, который дается ей именно от созерцания совершенства.

Это означает, что религиозность человека отнюдь не кончается вместе с воскресным богослужением, а разворачивается в жизни и захватывает всю его деятельность. И первое, что она делает — она обновляет внутренние мотивы, т. е. движущие силы его жизни. Она противопоставляет психологию предметного служения — психологии личного успеха и добычи. Она делает человека непродажным, но целостно предметным.

Под продажностью и подкупностью совсем не следует разуметь измену идее за деньги. Такая измена есть лишь наиболее грубая форма продажности: человек забывает о служении и кривит душой за личный денежный прибыток. Это то, что называется «взяткою» или «поборами» на службе, а в Западной Европе и Америке — «коррупцией», о которой с доказательствами в руках так часто и прямо говорил недавно в своих речах новый президент Эйзенхауер. Человек имеет известные публично-правовые полномочия и обязанности; и вместо того,

чтобы править долг службы — или, как говорили на Руси в старину, «дело Царево вести честно и грозно», — он поступает так, как ему в данный момент выгоднее. Бесчисленные русские пословицы, — острые и верные, — не устают клеймить продажных воевод, судей, подьячих и дьяков. За злоупотребление, вымогательства, поборы и взятки Петр Великий учил своих ближайших вельмож — дубинкою, сохранившеюся и до наших дней (в нарвском Петровском дворце). Но в России это было остатком или пережитком эпохи общегосударственных затруднений (бесконечные оборонительные войны!), когда казна не могла платить надлежащее жалованье и прибегала к «системе кормления». Медленно изживалась эта порочная установка; медленно, но верно. Уже к началу XX века дореволюционная Россия не знала взятки — ни в суде, ни в управлении, ни тем более в дипломатии или в школе (единичные случаи порочности были исключением). И иностранцы совершенно напрасно рассказывали друг другу о том, будто «в России все продажно».

Но теперь... Теперь, когда мы пережили революцию в России, с ее стихией своекорыстного предательства и чуть не повальной продажности; когда мы видели, как революционная смута разливалась по всему миру; когда по нашей жизни прокатился каток правого тоталитаризма, а потом еще более тяжелый и страшный каток Второй мировой войны, — мы должны понять и выговорить, что жажда личной добычи таится во всех народах, и в низах, и в верхах; что болезнь продажности распространяется по свету, как сущая эпидемия; и что «личной добычей», привлекающей, разлагающей и развращающей является совсем не только золото и «валюта», но и личный успех, личная карьера, всяческое политическое и журнальное «выдвижение», почет, власть и закулисное влияние. Словом, — все то, что поднимает человека над толпою, давая ему возможность «фигурировать», возноситься и наслаждаться. За все это современный человек слишком часто готов забыть свою умолкнувшую совесть, порвать со своим духовным достоинством и со своею честью, выдать врагам государственную тайну, получать в качестве дипломата двойное и тройное жалованье от других держав, бесчестно клеветать и демагогировать на выборах и всячески, — изобретательно, бесстыдно и ненасытно, — пользоваться «выгодной конъюнктурой». И все это в то время, когда в мире появился назойливый покупатель продажных людей с

неистощимым кошельком. Современный человек перестал верить в Бога и именно потому так легко и так охотно продает свою душу дьяволу.

Современная смута превращается в своего рода эпидемию прежде всего и больше всего потому, что современное человечество утрачивает религиозное понимание жизни и религиозное отношение к ней. Оно не чувствует духовности и не ищет ее. Оно не видит Бога и не измеряет себя Его лучами. Поэтому оно теряет чувство собственного духовного достоинства, совесть, и честь, и вообще все высшее духовно-божественное измерение жизни. Оно разучается отличать добро от зла и честное от бесчестного. Современный человек все более впадает в «аутизм» (от греческого слова «аутос» — сам), т. е. в «самокультивирование»: ему важно и драгоценно только собственное вожделение, удовольствие, преуспевание. Он живет в двух измерениях: инстинкта и самосознания; третье измерение — главное, духовное, религиозное — перестает для него существовать. Для него все есть товар, который надо успешно обменять на житейский успех. Отсюда — его продажность. Отсюда же все эти современные типы: ловчащиеся господинчики, скользкие нырялы, перевертны, приспособляющиеся хамелеоны, бессовестные журналисты, продажные ученые, политики «без хребта», политики беззастенчивого напора, партийные интриганы, шпионы и доносчики... Он всегда там, где выгоднее; развивает то воззрение, которого требует его деньгодатель или устроитель его карьеры; он готов говорить «за хорошего коммуниста», через год проповедовать «христианское движение», через два года наняться в национал-социалисты, через три года работать в союзнической разведке и, кто знает, далеко ли ему еще до участия в черной мессе или до тайного инославного ордена.

При этом надо еще иметь в виду «благоприятствующие» условия нашей эпохи. Чем тяжелее жизнь, чем хуже и ниже уровень питания и жилища, тем труднее человеку блюсти честь и совесть, тем навязчивее становятся жизненные «компромиссы», тем незаметнее для самого себя человек переступает грань продажности. И еще: чем трусливее человек, чем он жаднее и честолюбивее, тем легче ему переступить эту грань бесчестия и предательства. А тут еще эта дразнящая техника, этот заманчивый комфорт, эта повышенная нервность, жаждущая развлечений, острых ощущений, неизведанных удовольствий. К этому

присоединяется — безработица, грозящая всем и наступающая столь многих, и не только в силу экономических кризисов и беженства, но прежде всего в силу перенаселения во многих странах и государствах. И в довершение — соблазны и угрозы тоталитаризма, то левого, то правого; оба одинаково требуют недумящей и нечувствующей покорности и готовности на любое предписанное злодейство; оба обещают и лгут; оба соблазняют и обманывают; оба грозят и приводят свои угрозы в исполнение.

В результате миром завладевает эпидемия продажности. На наших глазах люди, которых мы считали идейными и стойкими, начинают политически двурушничать, приспособляться из-за денег и фигурирования, придумывать двусмысленные лозунги и всячески затушевывать черту, отделяющую добро от зла и верность от предательства.

А между тем национальной России необходимо совсем, совсем иное! И правы, тысячу раз правы те, которые предпочитают скучную жизнь и молчаливое одиночество — криводушью и продажности: ибо в них, именно в их предметном, неподкупном стоянии живет и готовится грядущая Россия...

ПРОБЛЕМА РАВЕНСТВА

ИДЕЯ РАНГА

Современное человечество утратило чувство верного ранга. Поэтому оно перестало верить в идею ранга вообще, поколебало ее, расшатало и попыталось погасить ее совсем: объявить всякий ранг мнимым, произвольным, не заслуживающим ни признания, ни уважения... «Все в жизни условно и относительно; кому что нравится и выгодно, то и хорошо; кто силен, кто умеет импонировать и принуждать, тот и выше; а остальное — человеческие выдумки, с которыми давно пора покончить...» Так обстоят во всех вопросах ранга: в политике, в искусстве, в науке, в религии и церкви — везде. И в этом состоит самая сущность революции — в сознательном, вызывающем попрании всякого ранга, в осмеянии самой идеи ранга; а все остальное является естественным и неизбежным последствием этого.

На этом сокрушилась тридцать лет тому назад наша Россия. И только позже, слишком поздно, русские люди стали понимать, что здоровое чувство ранга враги подрывали в них для того, чтобы все фальсифицировать: чтобы выдвинуть худших, чтобы вознести бессовестных и бесчестных, чтобы создать новый социальный отбор бесчестия, раболепства и насилия, а когда русские люди стали это понимать, то увидели себя в ярме; увидели себя перед выбором: или участвовать в раболепстве и бесчестии, или погибать в лишениях и унижениях. Ранг был не просто «отменен»: он был украден, злоупотреблен, фальсифицирован и заменен новым «антирангом».

И вот среди современного человечества есть два различных мирозерцания: ранговое и эгалитарное. Они стоят в борьбе друг с другом — на всем протяжении земли и во всех областях культуры. Досмотрим в этом все до конца.

1. Люди равенства (эгалитаристы) не любят и не терпят превосходства: они отвертываются от него, стараются его не замечать; они всегда готовы подвергнуть его сомнению, закритиковать, осмеять, «задвинуть» его интригой или клеветой; или,

еще хуже, фальсифицировать его, выдвигая рекламу «своих» — обычно бездарных, тупых, криводушных, двусмысленных разлагателей, но... покорных. «Мы не терпим никакого превосходства», — говорили мне дословно умные республиканцы одного из демократических государств: «Всякому выдающемуся человеку мы сумеем затруднить и испортить жизнь, чтобы он не заносился; но если он, несмотря на это, чего-нибудь достигнет, то мы, пожалуй, поставим ему посмертный памятник»... «У нас в школе, — рассказывал профессор из другого демократического государства, — планомерно заваливают учеников необъятными фактическими сведениями и гасят у них в душах все, что связано с творческим воображением: добиваются равенства, трафаретного сходства и убивают индивидуальность». Слушая такие признания, я молча поучаюсь и вспоминаю Петра Верховенского (в «Бесах» Достоевского). «Не надо высших способностей! Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами... их изгоняют или казнят. Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями... Рабы должны быть равны... Мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство...»

Так, люди равенства считают всякий духовный ранг — произвольной выдумкой, посяганием или узурпацией: таков был дух первой французской революции, объявившей, что «люди рождаются равными» и обратившейся в виде доказательства к гильотине. Согласно такому воззрению — в людях существенно сходное и одинаковое, тогда как различное, особенное, своеобразное (тем более превосходное) — несущественно. Одна советская коммунистка так и требовала во всеуслышание: «Все должны делать только то, что все могут делать» (долгой высшие способности!).

Это воззрение, исторически говоря, родится из семейных и социальных несправедливостей, из обиды, зависти «подполья» (описанного у Достоевского), безбожия и духовной слепоты; оно питается отвлеченным мышлением, отвергается от всякого несходства и презирает всякое превосходство. Оно выражает себя в «общеутвердительных суждениях» («все одинаковы, все равны, всем всего поровну!») и в «общеотрицательных» суждениях (никто не смеет быть лучше, выше, богаче; никому не предоставлять никаких преимуществ» и т. д.). Это воззрение безответственно, заносчиво, материалистично, завистливо,

мстительно, безбожно, революционно и социалистично. Оно не считается с природой вечно производящей бесконечное разнообразие; и потому оно противоестественно. Оно не считается и с духом, берегущим каждого человека, как единственного в своем роде и драгоценного в своей своеобразии «сына Божья»; и потому оно противодуховно. Политически это воззрение «верует» во всеобщее равное голосование, в арифметический подсчет голосов, в «народный суверенитет» и тяготеет к республике.

2. Люди, признающие значение ранга (сторонники духа и справедливости, индивидуалисты), не верят ни в естественное равенство, ни в искусственное и насильственное уравнение. Они считают, что все люди, сколько их ни есть, рождаются неодинаковыми, своеобразными и самобытными, и затем, по мере своего развития и совершенствования — делаются все более самобытными и своеобразными. В этом не только нет никакой беды или опасности, но, напротив, это естественно-нормально и духовно желательно. Но так как люди от природы различны и своеобразны, то справедливость требует, чтобы к ним и относились неодинаково, т. е. соответственно с их свойствами, качествами, знаниями и делами. Ибо справедливость не только не предписывает равенства, но, напротив, она состоит в предметном неравенстве, водворяемом всюду, где возможно

Итак, «люди рангового воззрения» видят естественную неодинаковость ближних, ценят их духовное своеобразие и удостоверяются на каждом шагу наблюдением, умом и сердцем, что равенства в действительности нет, что оно только выдумывается ограниченными и завистливыми людьми и что введение его было бы несправедливо и насильственно. И если они замечают где-нибудь «сходство», то они сохраняют уверенность в том, что за этим видимым и поверхностным подобием скрывается сущая и драгоценная неодинаковость. Живая сущность людей не в том, что их уподобляет, а именно в том, что делает их единственными в своем роде и незаменимыми.

Ранговое воззрение рождается, исторически говоря, из естественного отцовства-материнства, а духовно — из религиозного благоговения. Оно питается внимательным наблюдением природы, чуткою совестью, чувством справедливости, живою, индивидуализирующей любовью и молитвенным созерцанием совершенства Божья. Оно выражается в осторожных и вдумчивых «частных» суждениях — то положительных (напр. «люди редко похожи друг на друга», «некоторые люди завистливы»,

«этот человек умнее других», а «этот честнее многих»; «мне радостно преклониться перед ее добротой» или «перед его храбростью» и т. д.; отсюда культ героев!); то отрицательных (напр., «многие люди не терпят чужого превосходства», «есть люди, неспособные к политическому голосованию», «многие демагоги совсем не думают о социальной справедливости» и т. д.). Это воззрение движимо чувством ответственности и справедливости; оно способно к трезвому смирению и умеет радоваться чужому качеству; оно духовно, склонно к традиции и консервативности; оно естественно, органично, лояльно и религиозно. Политически оно стремится к отбору лучших людей, — будь то назначением или голосованием, и тяготеет к монархии.

Итак, люди от природы неравны; и в этом не «беда», а дар Божий. Нам надо только верно узнавать этот дар и верно с ним обходиться. Верно, — т. е. соответственно, справедливо. «Звезда от звезды равнствует во славе» (1 Кор. 15. 41); и так же человек от человека отличается здоровьем, силой, способностями, нравственным качеством, умственной пронизательностью, волевой энергией, духовным созерцанием и очевидностью. Слепо — не видеть этого; нелепо — отрицать это; вредно — пренебрегать этим. Больной не годится в солдаты; он только обременит собою госпитали. Слабый не может носить кули и копать землю: это его быстро погубит. Нелепо делать талантливого скрипача столяром, даровитого математика — матросом, гениального поэта — столоначальником, способного торговца — поваром, лесоведа по призванию — механиком. Но столь же нелепо или прямо пагубно — делать разбойника чиновником, давать предателям и жуликам право голоса, вводить шпионов в министерство иностранных дел, назначать фальшивомонетчика министром, возводить труса в маршалы или партийного интригана в кардиналы. Откуда известно, что каждый глупец способен разбираться в государственных делах? Как можно назначать безвольного пролазу — полководцем (Базэн)? Может ли человек с горизонтом трэд-юниониста управлять империей (Мэк-Дональд)? Почему не сажают слепого за микроскоп? Годится ли безбожный неуч в священники? Каких детей воспитает развратная гувернантка? К каким политическим выборам способен продажный, застращенный, изолгавшийся народ?

Итак, в идее «ранга» есть две стороны: во-первых, имеется в виду присущее человеку качество, — это его действительный ранг; во-вторых, имеются в виду его полномочия, права и обя-

занности, которые признаются за ним со стороны общества или государства, — это его социальный ранг. Понятно, что эти два ранга могут расходиться. Мудрый праведник может не иметь никакого социального ранга; злой глупец может пролезть в министры, генералы и президенты. Честный человек может быть нищим, заведомый плут — может быть директором банковского консорциума. Ранг духовного превосходства (праведность, гений, талант, познания, храбрость, сила характера, умение-понимание, политическая дальновзоркость) — и ранг человеческого полномочия (сан, чин, власть, авторитет) — могут не соответствовать друг другу. Ибо, с одной стороны, люди при выделении лучших подслеповаты, беспечны и безответственны, подкупны и коварны; с другой стороны, честолюбцы, властолюбцы и стяжатели энергичны, напористы и часто готовы пользоваться любыми средствами. Но истинный социальный авторитет возникает из соединения обоих рангов. И когда это соединение удается, тогда идея ранга справляет свой духовный праздник: перед нами великий император (Петр I), победоносный полководец (А. В. Суворов), праведный епископ (Феофан Затворник), прозорливый ученый (Д. И. Менделеев), замечательный организатор (С. И. Мамонтов), социальный воспитатель (Н. И. Пирогов), общепризнанный гениальный поэт (А. С. Пушкин), композитор (А. П. Бородин), живописец (И. К. Айвазовский). Тогда ранг духовного качества и ранг человеческого признания совпадают и национальная культура цветет.

Но оба эти ранга могут и не совпасть. Если это исключение, то оно всеми ощущается как больное место: лучшие люди говорят о нем, протестуют, негодуют, стараются исправить дело; худшие отвертываются или, наоборот, стараются использовать эту болячку в свою пользу (напр., развратный временщик). Если же эти явления оказываются обиходными или преобладающими, то это означает, что такому народу в данную эпоху отбор лучших не удается, что весь режим несостоятелен, что «честность и талант — не имеют дороги в жизни» и что предстоят социальные потрясения. Таковы, напр., черствые и развратные родители, порочное духовенство, продажное чиновничество; дурной король, глупый и невежественный профессор, тупой и злой учитель; засилье бездарных «артистов», черствое и жестокое офицерство, судьи без правосознания, парламентарии без чувства ответственности, полиция, лишенная гражданского мужества и т. д.

Такое массовое явление больного и мнимого ранга разочаровывает всех, родит в душах подполье и революционность и отбрасывает людей в химеру равенства... При этом элементарная справедливость заставляет нас признать и выговорить, что предреволюционная Россия такого разложения не знала. Разгоравшаяся в ней химера равенства имеет совсем иные причины, таковы: политическая наивность народа, антиранговые настроения русской интеллигенции, переходная эпоха в хозяйстве, разрастание полуобразованного слоя, военные неудачи, и, как последний толчок, — внезапное угашение монархического ранга и присяги, спровоцированное известными политическими кругами.

Никакая общественная организация невозможна без ранга. Государство с неудачным ранговым отбором — слабо, неустойчиво, может быть прямо обречено. От больного и фальсифицированного ранга гибнет все: семья, школа, академия, церковь, армия, государство, корабль, хозяйственное предприятие. Все дело в том, чтобы узнавать подлинно лучших (людей естественного ранга) и выдвигать их, возлагая на них необходимые полномочия и обязанности (социальный ранг). Бывает так, что это достигается лучше всего назначением, напр., в церкви, в армии, в школе, в хозяйстве; нередко и в государстве. Но бывает и так, что это осуществляется лучше всего выборами, напр., в академии, в культурных обществах, в жизни прихода и в местном самоуправлении; иногда и в государственных делах. Но в этом нет единого масштаба для всех времен и народов; то, что хорошо в одной стране, может погубить другую; здесь нет и не может быть политической «панацеи» (всеисцеляющего средства). Назначение имеет свои соблазны и ошибки; выборы имеют свои опасности и соблазны. И может быть, недалеко то время, когда будет практиковаться новый способ отбора, сочетающий выборы с назначением и преодолевающий недостатки того и другого.

1. ВЫБОРЫ. — Чем больше в народе зависти и партийности, тем хуже будут его выборы. Чем ниже его уровень образования, тем бессмысленнее будет вся выборная процедура. Чем сильнее разыгралось в народе честолюбие, тем неудачнее будет его отбор. Чем влиятельнее в его жизни тайные (религиозные или политические) общества, тем скорее ранг будет фальсифицирован и извращен.

2. НАЗНАЧЕНИЕ. — Чем сильнее в стране кастовый дух, тем неудачнее будут проходить все назначения (протекция, nepoтизм, лeсть). Продажность (кoррупция) может прямо скомпрометировать весь назначающий порядок. Слабо развитое чувство ответственности и отсутствие контроля могут прямо погубить государство, строящееся назначением.

На самом деле надо добиваться того, чтобы социальный ранг соответствовал духовному рангу человека; чтобы назначенный был для народа своим и любимым; и чтобы избранный мыслил не о партийной, не о классовой, не о провинциальной и не о личной пользе, а о всенародно-государственной. Тогда вопрос ранга будет верно разрешен.

Но так как явления «большого ранга» всегда и везде возможны, то в действительной жизни необходимо соблюдение двух правил:

1. Необходима общая уверенность, что и назначающие и выбирающие действительно ищут лучших людей, стараются сообразовать бремя даваемых полномочий с духовно-естественным рангом выдвигаемых людей («лучших людей вперед!»). Всякое отступление от этого правила отзовется на государстве вредоносно.

2. Необходима общая готовность — лояльно нести возможную ошибку в ранге и не раздувать случайное явление «большого ранга» в общественный или национальный скандал неповиновения. Несимпатичному, неопытному, неумелому, безвольному, бездарному начальнику надо помогать — во имя чести, во имя совести, во имя патриотизма, во имя всенародного и государственного дела, а не интриговать против него, не вредительствовать, не изолировать его, не подкалываться под него. Этому учат идея ранга и монархическое правосознание, побуждающее верно служить ни только великому Государю.

Замечательно, что в России идея ранга исторически держалась главным образом на религиозном основании и на патриотическом чувств. Вот почему присяга («целование креста») имела в России такое значение. Вот почему народ тысячу лет верил в праведную волю Государя, в его сердечную заботу о всем народе без изъятия и в его искание справедливости для всех. Ранг в России держался верою и любовью и постольку вызывал в душах искреннюю и самоотверженную лояльность.

Именно поэтому Россия никогда не знала республиканского строя.

ЗАВИСТЬ КАК ИСТОЧНИК БЕДСТВИЙ

Наше время принесло людям страдания, скажем прямо, беспримерные в истории, и конца этой эпохи еще не видно. И тот, кто даст себе труд вдуматься и вчувствоваться в развертывающиеся за двадцатый век мировые события, тот быстро нащупает их главный источник — человеческую зависть. Эти события как бы подводят итог предшествующим векам — их развитию, их вырождению и их доктринам.

Зависть, конечно, не новое явление в истории. С акта зависти начинается Библия (Каин и Авель); о первозданном акте зависти повествует египетский миф (злой и коварный Сэт убивает благостного Озириса)... В мире всегда были завистники, ожесточавшиеся от всякого чужого преимущества. Но никогда еще в истории зависть не становилась главным движущим фактором, руководящей лжеидеей мирового кризиса. А в наши дни зависть не только осознала себя, но и выговорила себя как доктрину, превратилась в мировой заговор (точнее — в несколько параллельных мировых заговоров!) и выработала программу, систему борьбы и организацию. Она становится основным побуждением народов, или как бы тем отравленным воздухом, которым дышит современная масса. Почему? Как это сложилось? Чем это объясняется?

Ответить на эти вопросы мы можем здесь только вкратце с тем, чтобы наши читатели к единомышленники сами додумали все до конца...

1. Различие между богатыми и бедными было всегда и будет всегда. Но развитие машинной техники и капиталистического производства резко противопоставило друг другу все возрастающее богатство одних и все возрастающую зависть других, бедных. Производственная беспомощность бедной массы населения является первым источником обостренной зависти; именно — не просто бедность (с нею люди всегда справлялись), а полная хозяйственная беспомощность, безработица, абсолютная зависимость нищего от имущего. Этого не должно быть никогда и нигде; об этом должна, быть постоянная забота государства.

2. Рано или поздно от этого должна была вспыхнуть массовая зависть: «почему ты, а не я? твое, а не мое?». Отсюда и возникло учение о противоположности и непримиримости соци-

альных классов, желание перераспределения имущества, доктрина революционной мести и классового ограбления. Эта доктрина с самого начала отрицала духовный, религиозный и нравственный фактор истории, а признавала только хозяйственно-имущественный, «материальный» фактор. Идея «материи», «материализма» получила затем ложно философское истолкование, что означало сразу: а) «на свете реальна только материя, «ни Бога, ни духа нет», б) имущественно-хозяйственно-производственные условия («материя») решают все вопросы истории и культуры. Плоские души с формальным мышлением сразу и навсегда удовлетворяются этой ничего не объясняющей пошлостью, и вот из зависти родится доктрина безбожия и безнравственности — экономический материализм. У людей неволевых и бестемпераментных («меньшевики») все это прикрывается понятием социального равенства, принимаемого за «справедливость»; у волевых и аморальных людей слагается учение тоталитарного большевизма-коммунизма.

3. Отсюда возникла и современная доктрина социализма-коммунизма. Личный дух рассматривается как начало антисоциального произвола и анархии. Надо передать все — в полное ведение и распоряжение государства. Но во главе государства становится вместо прежней элиты — новая элита, элита зависти и экономического материализма. Она все отбирает, все перераспределяет и все организует из единого тоталитарного центра. Она дышит классовой идеей, классовой завистью и ненавистью, местью и расправой. Социализм по самой природе своей завистлив, тоталитарен и террористичен; а коммунизм отличается от него только тем, что он проявляет эти особенности открыто, беззастенчиво и свирепо.

4. Этим определяется и характер новой «элиты». Она поднимается снизу и проходит школу чужемыслия и слепой покорности. Это суть люди с величайшими претензиями (продиктованными слепой завистью) — они притязают на всепонимание, всеумение и всемогущество; и в то же время это люди лично и духовно несколько не оформленные; у них нет ни религии, ни совести, ни правосознания, ни художественного вкуса, ни очевидности. Говоря словами Аристотеля, это — «рабы от природы, которые достаточно причастны уму, чтобы понимать чужие мысли» (Маркса, Ленина, Сталина), «но недостаточно, чтобы иметь свои»... Они их и не имеют: повторяют без конца

затвержденные чужие формулы и влагают в них свой неисчерпаемый заряд зависти и карьеризма.

5. Так слагается и протекает современный мировой переворот: всплывают новые силы — новые диктаторы, новые классы, новые нации. Эти диктаторы принадлежат к полуинтеллигенции (см. пункт 6), думают упрощающе, не ведают ни правосознания, ни чувства ответственности, но одержимы волею к необузданной власти. Эти новые классы не имеют ни малейшего представления о религии, о духе и о культуре; они ценят только технику и власть и покупают себе власть ценою холопского подчинения; сами заstraщенные, они умеют править только страхом; из зависти рожденные, они разумеют только то, что ее насыщает. Эти новые национальности, не имеющие истории, не выносившие ни творческого созерцания, ни духовного акта, раздвигают и разлагают культурных соседей, с тем, чтобы занять их место и водворить духовно-культурную пустоту, — свое ничтожество, — на место прежних духовных садов и виноградников. Мир делится и дробится, от этого слабеет и выходит навстречу величайшей опасности в состоянии бессилия.

6. Всем этим процессом руководит та социальная среда, которая от начала была лучшим рассадником зависти: это мировая полуинтеллигенция.

Полуинтеллигент есть человек весьма типичный для нашего времени. Он не имеет законченного образования, но наслушался и начитался достаточно, чтобы импонировать другим «умственной словесностью». В сущности, он не знает и не имеет ничего, но отнюдь не знает, где кончается его знание и умение. Он не имеет своих мыслей, но заstraщивает себя и других чужими, штампованными формулами; а когда он пытается высказать что-нибудь самостоятельное, то сразу обнаруживает свое убожество. Сложность и утонченность мира, как Предмета, совершенно недоступна ему: для него все просто, все доступно, все решается сплеча и с апломбом. Главный орган его — это чувственное восприятие, обработанное плоским рассудком. Духа он не ведаёт; над религией посмеивается; в совесть не верит; честность есть для него «понятие относительное». Зато он верит в технику, в силу лжи и интриги, в позволенность порока. «Полунаука, — пишет Достоевский, — самый страшный бич человечества, хуже мора, голода и войны. Полунаука — это деспот, каких еще не приходило до сих пор никогда. Деспот, имеющий своих жрецов и рабов, деспот, перед которым все преклонилось

с любовью и с суеверием, до сих пор немислимым, перед которым трепещет даже сама наука и постыдно потекает» («Бесы»).

И при этом он знает о своей полуинтеллигентности: он обижен ею, он не прощает ее другим, он завидует, мстит и добивается во всем первенства: он ненасытно честолюбив и властолюбив. И легко усваивает и практикует искусство — играть на чужой, на массовой зависти.

Таково большинство революционеров. Достоевский показал «подпольную» жизнь такой души — ее бешеную обидчивость и уязвляющееся самолюбие. Коммунизм развернул это царство пошлости и безбожия, обезьяньего подражания и самодовольного «изображения».

7. Именно в этой среде созрела химера всеобщего равенства и предрассудок всеобщей свободы.

Именно здесь идея справедливости была подменена «уравнением»: вот она, французская революция, требовавшая сноса всех колоколен, как оскорбляющих чувство равенства; вот она иронически гениальная формула германского поэта Эйхендорфа: срезать верхи, пока все не станут оборванцами; вот лозунг Степана Разина, «чтобы всяк всякому был равен». Доктрина, направленная сразу против Бога, против природы и против справедливости. Вещие строки записаны у Достоевского в «Бесах»: «Рабы должны быть равны... Не надо образования, довольно науки!.. Жажда образования есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вот уже и желание собственности. Мы уморим желание; мы пустим пьянство, сплетни, донос, мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство...»

Здесь же зародилась и созрела лже-идея недуховной свободы: не свободы веры и Богосозерцания, а свободы безбожия; не свободы совести, а свободы от совести — от ответственности, от духа, от вкуса, от правосознания. Все это мешало зависти и завистнику; и все это было низвергнуто. Свобода стала разнужданностью в нравах, бесформенностью в искусстве, тоталитарностью в политике (свобода власти и произвола).

8. Все это привело к величайшему религиозному кризису, известному в человеческой истории. Люди не «утратили Бога», как было в эпоху падения язычества, а ополчились на самую идею Бога; они стремятся скомпрометировать и разложить религиозный акт души; они готовы искоренить на земле всех ве-

рующих. В истории человечества меркнут и исчезают чувства священного, тайны, созерцания, благоговения, ответственности, греха и зла. Остается одна пошлость и одно злодейство. Фридрих Ницше возвеличил эти остатки культуры и призвал людей к дерзающему преступлению.

9. Замечательно, что этому соответствует рост человеческого народонаселения во всех частях света. Количество людей исчисляется уже миллиардами. Плотность населения все возрастает. Города становятся какими-то «Вавилонами» и разрастаются вширь без меры. Это обостряет конкуренцию и многозаботливость жизни; это разжигает зависть и жажду обогащения на любых путях. Мало того — это ведет к истребительным международным войнам, которые равносильны самоистреблению человечества. Вопрос перенаселения земли разрешается по способу массового убийства — войнами и революциями. И там, где медицина и гигиена находят все новые способы оградить человечество от болезней и эпидемий и продлить человеческую жизнь, там вступает в свои права процесс массового убийства людей: класс против класса, государство против государства.

10. Понятно, как воздействует на рост социальной зависти технический прогресс. Невозможное становится возможным; пространство побуждается; воздух завоевывается; комфорт избаловывает людей; развлечения умножаются и принимают все новые формы; претенциозность и зависть все возрастают; а демократический строй поощряет людское самомнение, переоценку своей особы и склонность не брезгать никакими путями и средствами для достижения желанного. Теперь всякий рабочий имеет велосипед, всякий лавочник — автомобиль, всякая кухарка — свой несмолкающий радиоаппарат. Всякой лягушке преподносится облик еще не достигнутого по ее размерам вола (Крылов); всякому «гитлеру» снится диктатура; всякая горничная собирается в кругосветное путешествие; всякий лодырь имеет право отравлять вам жизнь своей мотоциклеткой. Техника снижает духовный уровень жизни по всей линии: шум импонирует массе, радиовыкрики и граммофонные диски становятся все пошлее, «кино» демагогирует толпу, товары снижаются в качестве, падение газетного уровня пугает и удручает. Земные «утехи» и «развлечения» манят людей. Жажда наслаждений растет, а с нею вместе и воля к богатству и власти. Трезвые удержки слабеют, мудрая мера утрачивается, порок не от-

талкивает; современный человек верит в свою окончательную смертность, но не верит в свое бессмертие и в вечную жизнь; и самая молодость кажется ему кратким и непрочным даром. Поэтому он торопится; ему «некогда». Обманчивые радости естества кажутся ему главными или даже единственными. И вот он спешит улучшить и использовать свою «земную конъюнктуру», он боится «упустить» и «не успеть». Совесть его смолкает, честию он не дорожит. Он начинает ломить без стыда и «оправдывает» свою дерзость нравственным релятивизмом («все условно»). Расталкивая друг друга, люди добиваются «лучшего» и «большого» и затапывают слабых и беззащитных насмерть. И уже трудно бывает отличить — человека от зверя, партию от шайки, парламентария от взяточника-авантюриста, народ от черни. Люди нашего времени утрачивают духовный хребет: они одержимы завистью и жадностью.

Вот откуда эти новые в истории образы порочности: политических разбойников, профессиональных предателей, партийных палачей, садистов государственности, врагов благочестия, артистов клеветы, истребителей праведности, откровенных лжецов, закулисных властолюбцев и т. д...

О ВОСПИТАНИИ В ГРЯДУЩЕЙ РОССИИ

Нам не дано знать, когда и в каком порядке закончится революция в России. События разворачиваются медленно, слишком медленно для одного поколения. Мы не можем и не должны делать себе иллюзий: предстоят еще сложные, ответственные и мучительные события, смысл которых будет состоять в том, что всероссийское крестьянство овладеет изнутри государственным и военным аппаратом страны, сбросит или отодвинет устроившийся у власти слой международных авантюристов и начнет строить новую национальную Россию. Возможно, что из наших старших поколений лишь немногие доживут до освобождения родины и лишь совсем немногие смогут принять участие в ее возрождении. Но именно это предвидение обязывает нас смотреть вперед и вдаль и готовить для новых русских поколений тот материал выводов и руководящих линий, которые мы выстрадали и выносили за эти десятилетия и который поможет им справиться с их претрудной задачей. Мы должны высказать, и письменно (по возможности и печатно!) закрепить в отчетливых и убедительных формулах то, чему нас научила история, чем нас умудрила наша патриотическая скорбь.

Грядущая Россия будет нуждаться в новом, предметном воспитании русского духовного характера: не просто в «образовании» (ныне обозначаемом в Советии пошлым и постылым словом «учеба»), ибо образование, само по себе, есть дело памяти, смекалки и практических умений в отрыве от духа, совести, веры и характера. Образование без воспитания не формирует человека, а разнуздывает и портит его, ибо оно дает в его распоряжение жизненно выгодные возможности, технические умения, которыми он — бездуховный, бессовестный, безверный и бесхарактерный — и начинает злоупотреблять. Надо раз навсегда установить и признать, что безграмотный, но добросовестный простолюдин есть лучший человек и лучший гражданин, чем бессовестный грамотей; и что формальная «образо-

ванность» вне веры, чести и совести создает не национальную культуру, а разврат пошлой цивилизации.

Новой России предстоит выработать себе новую систему национального воспитания, и от верного разрешения этой задачи будет зависеть ее будущий исторический путь.

Мы видели, как русская интеллигентская идеология XIX века подожгла Россию, вызвала великий пожар и сама сгорела в его огне. Мы знаем также, что русский народ жив и будет восстанавливать свое государство на пепелище революции. Мы же, русская интеллигенция, кость от кости русского народа, дух от духа, любовь от его любви и гнев от его гнева; — мы, никогда не верившие ни в какую «последпетровскую» пропасть, якобы отделившую нас от нашего народа, и ныне не верящие ни в какой «разрыв» между внутренней и зарубежной Россией, — мы обязаны осознать причины нашего государственного крушения, найти его истоки в строении и укладе русской души, обрести и в самих себе эти больные уклоны и преодолеть их (все эти национальные заблуждения и соблазны, все это больное наследие уделов, татарщины, сословности, крепостничества, бунтов, заговорщичества, утопизма и интернационализма), — преодолеть и вступить на новый путь.

Россия выйдет из того кризиса, в котором она находится, и возродится к новому творчеству и новому расцвету — через сочетание и примирение трех основ, трех законов духа: свободы, любви и предметности. Вся современная культура сорвалась на том, что не сумела сочетать эти основы и блюсти эти законы. Она захотела быть культурой свободы и была права в этом; но она не сумела стать культурой сердца и культурой предметности, — и это запутало ее в противоречии и привело ее к великому кризису. Ибо бессердечная свобода стала свободой эгоизма и своекорыстия, свободой социальной эксплуатации, а это повело к классовой борьбе, к гражданским войнам и революциям. А беспредметная и противопредметная свобода стала свободой беспринципности, разнуздания, безверия, «модернизма» (во всех его видах) и безбожия. Все это связано взаимно; все это есть единый процесс, приведший к великому кризису наших дней. Реакцией на это явился зажим бессердечной и беспредметной свободы в государственно-партийные, диктаториальные тиски — то коммунистические, то буржуазно-националистические. Этот бюрократически организующий зажим должен был бы, казалось, устранить известные антисоци-

альные проявления свободы, злоупотребления ею, и водворить большую социальность при несвободе. На самом же деле несвобода (отрицательная функция) ему удается вполне, а большая социальность (положительная, творческая функция) — не удастся ему: на место прежней свободной несоциальности водворяется новая несвободная антисоциальность и народ попадает в наихудшие и наитягчайшие условия жизни, известные в истории. Социализм и коммунизм отнимают у людей свободу и не дают им ни социальной справедливости, ни духовного творчества.

Это объясняется тем, что осуществить социальную справедливость могут только люди с сердцем и с предметной волею, ибо справедливость есть дело живой любви и живого совестного созерцания, т. е. — предметно настроенной и устроенной души. Ошибочно принимать справедливость за равенство, ибо справедливость есть предметное неравенство людей. Наивно воображать, будто достаточно последовательной доктрины и последовательного рассудка для того, чтобы справедливость была найдена и водворена и чтобы люди начали новую социальную жизнь. Ибо рассудок без любви и без совести, неукорененный в живом созерцании Бога, есть разновидность человеческой глупости и черствости, а глупая черствость никогда еще не делала людей счастливыми.

Из трех великих основ всякой человеческой жизни и культуры — свободы, любви и предметности, — ни одна не может быть упразднена или упущена, необходимы все три и все три обуславливают одна другую взаимно. Если бессердечная свобода ведет к несправедливости и эксплуатации, то беспредметная свобода ведет к духовному разложению и социальной анархии. Но бессердечная и беспредметная несвобода ведет к еще более тяжелой рабской несправедливости и глубокой деморализации. Свобода необходима человеческому инстинкту и духу, как воздух телу. Но она должна быть наполнена жизнью сердца и предметной воли. Чем больше сердца и предметной воли у человека, — тем менее опасны ему соблазны свободы и тем больший смысл она приобретает для него. Спасение не в отмене свободы, а в ее сердечном наполнении и предметном осуществлении.

Именно этим определяется путь грядущей России. Ей нужно новое воспитание: в свободе и к свободе; — в любви и к любви; — в предметности и к предметности. Новые поколения русских людей должны воспитываться к сердечной и предметной

свободе. Эта директива — на сегодня, и на завтра, и на века. Это единственно верный и главный путь, ведущий к расцвету русского духа и к осуществлению христианской культуры в России.

Для того, чтобы выяснить это до конца, необходимо сосредоточиться на идее предметности.

События последнего века показали нам, что свобода совсем не есть последняя и самодовлеющая форма жизни: она не предопределяет ни содержания жизни, ни ее уровня, ни направления. Свобода дается человеку для предметного наполнения ее, для предметной жизни, т. е. для свободной жизни в Предмете. Что же есть Предмет и что такое предметная жизнь?

Каждое существо на земле и каждое дело человеческое имеет некоторую цель, которой оно и служит. При этом можно иметь в виду чисто субъективную цель, зовущую человека к удовлетворению его личных потребностей и ведущую его к личному успеху в жизни. Но можно иметь в виду и объективную цель, последнюю и главную цель жизни, по отношению к которой все субъективные цели окажутся лишь подчиненным средством. Это есть великая и главная цель человека, осмысливающая всякую жизнь и всякое дело, цель, на самом деле прекрасная и священная; — не та, ради которой каждый отдельный человек гнется и кричит, старается богатеть, унижается и трепещет от страха, но та, ради которой действительно стоит жить на свете, ибо за нее стоит бороться и умереть. Для животного такую целью является продолжение рода, и в служении этой цели мать-самка отдает свою жизнь за детеныша. Но у человека есть более высокая, духовно верная цель жизни, на самом деле и для всех драгоценная и прекрасная, или если собрать все эти определения в простой и скромный термин, — Предметная.

Человеку стоит жить на свете не всем, а только тем, что осмысливает и освящает его жизнь и самую его смерть. Всюду, где он живет настоящим, — пустыми удовольствиями, самодовлеющим накоплением имущества, кормлением своего честолюбия, служением личным страстям, словом, всем, что непредметно или противопредметно, — он ведет жизнь пустую и пошлую и всегда предаст свою цель, как только встанет выбор между этой пустой целью и самой жизнью. Ибо он сейчас же рассудит так: спасу жизнь — останется надежда на удовольствия и приятности; погибну за удовольствия и за богатство — утрачу и их, и жизнь. Но если у человека есть предметная, священная цель

жизни, то он мыслит обратно: если предам мою предметную цель, то потеряю и самый смысл жизни, а на что мне жизнь без смысла и святости?.. — такая жизнь мне не нужна, а предметная цель священна и необходима и тогда, если моя личная жизнь на земле прервется...

Жить предметно — значит связать себя (свое сердце, свою волю, свой разум, свое воображение, свое творчество, свою борьбу) с такой ценностью, которая придаст моей жизни вышший, последний смысл. Мы все призваны к тому, чтобы найти эту ценность, связать себя с нею и верно осмыслить ею наш труд и направление нашей жизни. Мы должны увидеть оком сердца предметное значение и назначение нашей жизни. Ибо в действительности мы все служим некоему высшему Делу на земле — Божьему Делу — «прекрасной жизни» по слову Аристотеля, «Царству Божьему» по откровению Евангелия. Это есть единая и великая цель нашей жизни, единый и великий Предмет истории. И вот в его живую предметную ткань мы и должны включить нашу личную жизнь.

Мы найдем свое место в этой ткани, увидев с силою очевидности, что жизнь русского народа, бытие России, — достойное, творческое и величавое бытие, — входит в это Божье Дело, составляет его живую и благодатную часть, в которой есть место для всех нас. Кто бы я ни был, каково бы ни было мое общественное положение, — от крестьянина до ученого, от министра до трубочиста, — я служу России, русскому духу, русскому качеству, русскому величию, не «маммону» и не «начальству», «не личной похоти» и не «партии», не «карьере» и не просто «работодателю», но именно России, ее спасению, ее строительству, ее совершенству, ее оправданию перед Лицом Божиим. Жить и действовать так — значит жить и действовать согласно главному, предметному призванию русского человека; это значит жить предметно, т. е. службу превратить в служение, работу — в творчество, интерес — во вдохновение, «дела» освятить духом Дела, заботы возвысить до замысла, жизнь освятить Идеей. Или, что то же самое, ввести себя в предметную ткань Дела Божья на земле.

Предметность противостоит сразу и безразличию и безоглядному своекорыстию — этим двум чертам рабского характера.

Воспитать к предметности значит, во-первых, вывести человеческую душу из состояния холодной индифферентности и

слепоты к общему и высшему; открыть человеку глаза на его включенность в ткань мира, на ту ответственность, которая с этим связана, и на те обязательства, который из этого вытекают; вызвать в нем чутье и вкус к делам совести, веры, чести, права, справедливости, церкви и родины. Поэтому стать предметным человеком значит проснуться и выйти из гипноза бездействия и страха, растопить свою внутреннюю льдину и расплавить свою душевную черствость. Ибо предметность противостоит прежде всего безразличию.

Воспитать к предметности значит, во-вторых, отучить человека от узкого и плоского своекорыстия, от того «шкурничества» и той беспринципной изворотливости, при которых невозможно никакое культурное творчество и никакое общественное строительство. Стать предметным человеком значит преодолеть в себе примитивный и безоглядный инстинкт личного самосохранения, тот наивный и циничный эгоизм, которому недоступно высшее измерение вещей и дел. Человек, не обуздавший своего животного себялюбия, своего практического эгоцентризма, не открывший себе глаза на свое призвание — служит, не научившийся преклоняться перед высшим Смыслом и Делом, перед Богом, будет всегда существом, социально опасным. Так, Предметность освобождает душу не только от душевного безразличия, но и от скудости и пошлости личного эгоцентризма.

В этих двух требованиях содержится азбука предметного воспитания. И надо признать, что вне ее — всякое вообще воспитание мнимо и призрачно и всякое вообще образование мертво и формально. Самое важное, что должна дать человеку семья и школа, — это предметно открытый взор, предметно живое сердце и предметно готовую волю. Человек должен видеть и разумеать ткань Божьего Дела на земле, — чтобы знать, как можно войти в нее и как следует включать себя в ее жизнь, чтобы сердце его отзывалось на явления и события в этой ткани как на важные, драгоценные, вызывающие радость и горе; чтобы воля была способна и готова жертвовать этой ткани своим личным интересом и служить ей не за страх и не за долг, а за любовь и за совесть.

Ныне, как, может быть, еще никогда, Россия нуждается в таком воспитании. Ибо ранее в России была жива религиозная и патриотическая традиция такого духа и такого воспитания. А ныне старые традиции порваны, а новые еще не завязались и

не сложились. Завязать и укрепить их и должна система предметного воспитания.

Духовная предметность души является, как сказано, выходом из безразличия и своекорыстия. Но этим преодолением, которое имеет лишь отрицательное, а не положительное значение, предметность не определяется и не исчерпывается. По существу же, идея предметной жизни и предметного человека может быть описана так.

Преодолев свое безразличие, человек должен найти себе настоящее и достойное содержание жизни. Он должен целно полюбить нечто такое, что на самом деле заслуживает цельной любви и преданного служения. Это значит, что настоящая предметность имеет два измерения: субъективно-личное и объективно-ценностное. Первое измерение, субъективно-личное, определяет, действительно ли я предан моей жизненной цели, искренен ли я в этой преданности, целен ли я в этой искренности, и, наконец, действую ли я согласно этой преданности, искренности и цельности. Второе измерение, объективно-ценностное, определяет, не ошибся ли я в выборе моей жизненной цели, действительно ли мой «предмет» Предметен, действительно ли моя цель священна и правда ли ею стоит жить и за нее стоит бороться и, может быть, умереть. Ибо в жизни возможны разные пути и перепутья.

Так, возможно, что человек субъективно — «предметен», а объективно нет. Это значит, что он страстно, искренно и деятельно предан ошибке, напр., какому-нибудь вредному, обольстительному учению, ложной политической цели, нелепой и лукавой вере... Тогда возникает страстное и искреннее кипение в пустоте или соблазне. Но возможно и обратное, когда человек высказывается в пользу верной цели, которую действительно стоит жить и за которую стоит бороться до смерти, но сам он относится к ней холодно, не имея для нее ни любви, ни жертвенности, ни борьбы. Тогда возникает верная формула Предмета, не больше, а может быть, еще и аффектированная декламация о Предмете, верная по содержанию, но фальшивая по чувству и скользко-предательская в жизни. В-третьих, возможно и такое положение дела, при котором субъективно-холодный человек холодно разговаривает о Предметно неверных или соблазнительных целях жизни. Однако верна и духовно-значительна четвертая возможность, когда человек искренно, целно и деятельно предан Предметной цели, т. е. делу Божьему на зем-

ле, напр., церкви, науке, искусству, духовному воспитанию своего народа, организации справедливой жизни, спасению своей родины, выработке свободного и справедливого права. И эта возможность есть единственно верная.

Тогда душою человека владеет двойная или подлинная Предметность. Она захватывает его душу, осмысливает его жизнь, делает его цельным и огненным и придает его жизни религиозный смысл, даже и тогда, когда он сам себя не считает ни верующим, ни церковным, — ибо сокровенная религиозность глубже явной и незримая церковь обширнее зримой. Такой человек переживает свой Предмет — сразу — как далекую цель, как объективное-будущее-желанное событие, и в то же время — как близкую реальность, как вдохновляющую его силу, как подлинную ткань бытия, которая захватывает и его личные силы. Настоящий человек ищет в своей жизни прежде всего — Предметности, т. е. Дела Божьего на земле; он углубляет до него каждую жизненную задачу, каждое жизненное отношение; он освящает из него все дела, исходит из него, как из задания, и восходит к нему, как к цели.

Все это придает ему особый дух — дух искания, ответственности и служения, без которого человек остается обывателем или карьеристом, слугою своих страстей или медиумом чужих влияний, а может быть, и хуже — лисой, хамелеоном и предателем. По духу искания, ответственности и служения предметные люди легко и быстро узнают друг друга, и тот, кто раз приобщился ему, быстро научивается без ошибки узнавать его: он узнает его и у Конфуция, и у Сократа, и у Марка Аврелия, и у Вильгельма Оранского, и у Карлейля; а у нас в России он узнает его и в православном старце, и в Петре Великом, и в Суворове, и у праведников Лескова, — и будет прав, ибо этот дух действительно создавал и строил Россию. И вот каждое такое открытие, каждое такое знакомство будет ему духовной радостью и будет вызывать в нем желание — включить узнанное в свою жизнь; а если это живой человек, то связаться с ним крепко и надолго полностью доверия и братским сотрудничеством. Предметные люди — братья перед Лицом Божьим; они суть как бы живые нити Божьей ткани на земле; или — живые струи Его потока; граждане Его медленно возрастающего Царства. И именно этим объясняется присущее им стремление — пробудить в других чувство Предметности, сознание Предмета, искание Предметности, чувство предметной ответственности.

Вот почему Предметность можно было бы описать, как включение себя в Дело Божье на земле, или как вплетение себя в Его ткань, или как вхождение в Его поток; как отождествление своего дела с Его Делом, своего успеха с Его успехом, своей силы с Его силою. И этому соответствует измерение его мерилami и его успехами — своей жизни, своей ответственности, своих решений, своей правоты, своей удачи и победы. Ткань этого Дела реально присутствует во всем: в природе и в человеке; в самом человеке (в теле, в душе и в духе), и в его культуре; в индивидуальной жизни, и в народной жизни; в семье и в воспитании; в церкви и в вере; в труде и в хозяйстве; в праве и в государстве; в науке и в искусстве; в деяниях воина и в деяниях монаха. Надо научиться воспринимать ее, видеть ее, радоваться ей, пребывать в ней и служить ей. И воспитание человека тем лучше и глубже, чем больше оно сообщает ему это умение.

Можно было бы сказать, что Предметность есть единый и общий источник всех благих побуждений человека, ибо все они определяются словами «хочу Божьего Дела» и «служу Божьему Делу». Все благие дела и побуждения человека суть видоизменения Предметности: и любовно-творческое отношение к природе, и самовоспитание, и строительство семьи, и дружба двух людей, и хозяйственное вдохновение, и чувство ответственности и вины, и социальное чувство, и правосознание, и верный патриотизм, и совестный акт, и научная совесть, и художественное созерцание, и молитва, и церковное сознание — все это разновидности «божеского» подхода к Божьему Делу на земле. Это есть то, в чем нуждается всегда все человечество, но чего ищут и чем владеют только лучшие люди. Все великие религии хотели и донныне хотят этого; все монашеские ордена; все организации братства, чести и служения (начиная от университета и кончая армией), все они ищут именно Предметности в своей сфере. И духовный уровень каждого такого человеческого союза определяется именно тем, поставлены ли в нем на должную высоту — воля к Предметности и организация Предметности. Ибо есть своя особая Предметность в церкви, и своя особая Предметность в науке и преподавании, и своя Предметность в суде и управлении, своя Предметность в искусстве, своя Предметность в армии. И все то, что называется в жизни — лицемерием, nepoтизмом, святокупством, взяточностью, криводушием, гражданской трусостью, политической продажностью, завистью, лестью, предательством, бесчестьем, карьеризмом, лукав-

твом, интригой, или же, выражаясь русскими летописными словами, — «кривдою» и «воровством» — все это, что разлагает нравы и создает растрепанную культуру и большую государственность, сводится к отсутствию Предметности в душе и в жизни. Но надо сказать и обратное: нет более крепкого и плодотворного единения на земле, как единение людей в духовной Предметности — в совместной молитве, в духовной близости брака и дружбы, в настоящем академическом сотрудничестве, в воинском братстве единой армии, в предметно-политическом единочувствии, в патриотическом подъеме.

Тот, кто испытал влияние Предметности на человеческую душу, тот сразу поймет, если я скажу: Предмет есть некая живая и священная стихия, субстанция или «эссенция» духовной жизни, которая несет человеку множество драгоценных даров. И прежде всего она дает ему чувство предстояния: «есть нечто высшее и большее, нежели я сам, такое, что я вижу и к чему я стремлюсь, что мне светит и зовет меня и с чем я связан благоговением и любовью». И далее — чувство ответственности: ибо это предстояние связывает меня, возлагает на меня обязанности и полномочия, за осуществление коих я отвечаю. Отсюда новый дар: чувство реальной силы, которая призвана к действию, так, что решения ее не безразличны и усилия ее не бессильны, но необходимы и драгоценны в плане Божьего Дела. С этим связан новый драгоценный дар — чувство служения, т. е. уполномоченного и призванного самостоятельного делания перед лицом Божиим, чувство несения бремени, разрешения заданий, — словом, творческого участия в деле мироустроения. В естественной связи с этим стоят новые дары Предметности: с одной стороны, — неподдельное смирение, ибо предстоящий духовной субстанции мира чувствует свою малость и беспомощность, и ответственный знает, за что и перед кем он отвечает, и несущий служение учится скромности и смирению; — а с другой стороны — Предметное служение дает человеку уверенность в своей правоте, которая свободна и от самомнения, и от гордости, — и некую духовную строгость и властность, которые проистекают непосредственно из чувства Предметной наполненности, призванности и силы. Человек, живущий ответственным Предметным созерцанием, есть вдохновенный человек, а настоящее вдохновение есть именно проявление Предметности и ее дар; человек во вдохновении дышит законом самого Предмета, выговаривает Его содержание, осуществ-

вляет Его ритм; и так обстоит везде — в искусстве, в науке, и в политике. Именно поэтому Предметному человеку присущ дар верного целеполагания, ибо цели, которые он видит и ставит, имеют всегда далекую силу и высокий смысл; они бывают верны и в земном, эмпирическом плане, но никогда не ограничиваются им и не исчерпываются, потому что их главная сила и их главный смысл — в «небесно-земном» плане, т. е. в том, что они включены в ткань Божьего Дела. Предметный человек, — знает он о том или не знает, а иногда он об этом и не знает, — есть орудие или орган Дела Божьего на земле, а потому и судьба его не безразлична в высшем плане бытия и сам он спокойно поручает себя Руке Божьей, — вот так, как Пушкин выговорил это в своем «Арионе» и как Тютчев выговорил это о самом Пушкине («Ты был богов орган живой»...). Такой человек не считает свой земной конец «гибелью» и не верит в неуспех или поражение своего земного дела: ибо он знает, что «его» дело не есть только «его» дело, а есть Дело Предметное, и потому — Божье, что неудача его есть лишь видимая неудача и что конечная победа его обеспечена высшею Силою. Образно это можно было бы выразить так: он всю жизнь как бы держится правой рукой за небо. Во всяком случае, он твердо знает, где находится его главная опора и Кто в конечном счете решает его судьбу.

Все это можно было бы выразить так, что Предметность дает человеку верное чувство собственного духовного достоинства.

Напрасно современные безбожники полагают, будто Бог есть фантастическое существо, пребывающее где-то «за облаками», о коем мы воображаем всякие страхи и перед которым мы все время унижаемся. На самом деле вера в Бога не унижает и не обессиливает человека, а напротив — возносит его, преобразует и укрепляет. Это объясняется тем, что Божье присутствие и веяние мы воспринимаем в нас самих, и при том не страхом, а любовью, не протестом, а радостью, и не унижением, а преображением и вознесением. Эта любовь и радость, это восприятие и созерцание Божьего веяния сердцем и волею, это осуществление Его воли, как своей, и признание всего этого мыслью — нисколько не унижает человека, а преобразует и возносит его. Безбожники представляют себе отношение человека к Богу, как отношение маленькой и слабой вещи к сильной и сильной, т. е. как внешнее отношение, — какое-то «внештостояние» и «противостояние», страшное, угрожающее... — вот-

вот обрушится гора и раздавит... На самом же деле все это обстоит совсем иначе. Это есть внутреннее отношение, отношение восприятия и любви, присутствия и радости, откуда и возникает своеобразное и таинственное единение человека с Богом.

Человек воспринимает дыхание Божье в глубине своего личного духа — не слухом и не словами, а сердцем: тем таинственным и глубоким чувствилищем, которое мы называем «верою» и «молитвою», а также — вдохновением, совестью, очевидностью, или иным актом созерцающей любви. Испытав что-либо из этого, — одним актом, или многими, долго или кратко, — человек обновляется. Сущность этого обновления состоит в том, что человек, по слову Евангелия, научается быть и жить на земле в качестве земного «сына» Божья. Для этого надо, чтобы человек любил Бога и вместе с Богом любил то совершенное, что Бог любит; и желал Бога и вместе с Богом желал того божественного, чего Бог желает; — и созерцал Бога и Его творения лучом своего сердечного созерцания и стремился узреть то, что Бог зрит в людях и в мире. Пережив это, человек осуществляет и утверждает свою способность — «быть с Богом заодно», любить Его и любить с Ним вместе, желать Его и желать с Ним вместе, созерцать Его и созерцать с Ним вместе. И если человек раз осуществил эту способность, оценил ее смысл и значение, на деле доказал ее и утвердил за собою, то это значит, что он вошел в ткань духовной Предметности мира, приобщился ей и включился в нее. Это значит, что он стал к Богу в отношении «сына» к «Отцу», стал человеческим сыном. Он перестал быть человеком-волком, или просто — «человеком-сыном-земного отца». Он стал человеком, воспринявшим своего Небесного Отца: искрою Его огня, каплею из Его предвечного водомета, ценным камнем из Его сокровищницы, дыханием Его уст; Его органом, Его носителем, Его желанием или храмом, Его сыном, имеющим призвание и право говорить Ему «Отче наш!»...

Вот откуда родится то основное, без чего нет духовной личности: чувство собственного духовного достоинства; это не самомнение, не самоуверенность, не тщеславие, не честолюбие и не гордость, а именно чувство собственного духовного достоинства, в котором уважение к своему духу есть в то же самое время смирение перед лицом Божиим; и это даже не «чувства», ибо чувство неустойчиво и скоро преходяще; это предметная

уверенность, доведенная до очевидности, до убеждения, до основы личной жизни. Это не есть повышенная или преувеличенная самооценка, всегда голодающая по чужому признанию; здесь дело не в оценке своего земного состава, но в способности утвердиться в своем сверхземном составе, т. е. установить в себе алтарь Божий и поддерживать на нем огонь Божий (по древнему гимну: «Тебе в сердце алтарь поставим»...), и обратиться к Богу со словом «Отец» и с делами «сына».

Всякому человеку доступно, и достойно, и необходимо поставить в своем сердце этот молитвенный алтарь, вникать зовам совести и чести и сделать свою волю Орудием Воли Божьей, — и тем утвердить в себе духовное достоинство как основу личной жизни, как верное мерило людей и их поступков, как чувство личного, общественного и политического ранга. От этого у человека делается непроизносимое устно и словесно, но вечно живое «рассуждение» или волевое решение, вроде следующего: «как совершу я это злое дело, я, предстоящий моему Богу и освещаемый Его огнем?»; или: «как войду я сегодня в единение с Богом, покрывив душой?»; или: «как соблазнусь я взяткою, если я призван ткать ризу Божью?»; «как оправдаю я эту жизнь притворства и лжи перед живущим во мне сыном Божьим?»; «как уроню в себе носителя Духа?»; «если совершу эту низость», то куда я денусь, от живущего во мне дыхания уст Его?»; «что останется от меня, если угашу в себе Его огонь?»... И все это есть не что иное, как голос собственного духовного достоинства, дающий человеку живую совесть, повышенное чувство ответственности, непрерывное предстояние, верное и спокойное хождение по Его путям, прилежное ткаение ризы Его. А если выразить все это в общей, осторожной и скупой философской формуле, то это есть Предметность сердца, воли и дел.

Вот к чему надо воспитывать новые поколения русских людей. Вот в чем нуждается свободный, достойный, гражданственный русский человек. Вот в чем спасение и расцвет грядущей России. И о том, как нам создать на этих основах новое русское воспитание и образование, — должны быть все наши помыслы.

ЧЕГО МЫ ДОЛЖНЫ ТРЕБОВАТЬ ОТ СЕБЯ

ЧУТЬЕ ЗЛА

В этом наша беда и наша опасность: мы живем в эпоху воинствующего зла, а верного чутья для распознавания и определения его не имеем. Отсюда бесчисленные ошибки и блуждания. Мы как будто смотрим — и не видим; видим — и не верим глазам; боимся поверить; а поверив, все еще стараемся «уговорить себя», что «может быть, все это не так»; и не к месту, и не во время сентиментально ссылаемся на евангельское «не судите», и забываем апостольское «изымите злого от вас самих» (Кор. 1, 5-13). Делаем ошибку и стыдимся сказать: «я ошибся»; поэтому держимся за нее, длим ее, увязаем во зле и множим соблазны.

А воинствующее зло отлично знает нашу подслеповатость и беспомощность и развивает искуснейшую технику маскировки. Но иногда ему не нужно никакой особой техники: просто назовется иначе и заговорит, как волк в детской сказке, «тоненьким голосочком»: «ваша мать пришла, молочка принесла»... А мы, как будто только этого и ждали, — доверчивые «козляточки», — сейчас «двери настезь» и на все готовы.

Нам необходима зоркость к человеческой фальши, восприимчивость к чужой неискренности, слух для лжи, чутье зла; совестная впечатлительность. Без этого мы будем обмануты, как глупые птицы, переловлены, как кролики, и передавлены, как мухи на стекле.

В нас до сих пор живет ребяческая доверчивость: наивное допущение, что, если человек, что-нибудь говорит, то он и в самом деле думает то, что говорит; если обещает — то желает исполнить обещанное; если рассказывает о своем прошлом — то не врет; если развивает «планы», то сам относится к ним серьезно; если обвиняет другого, то «не станет же заведомо и злобно клеветать»; если восхваляет кого, то не потому, что ему пригрозили, наобещали или уже заплатили; если выставляет себя «патриотом», то никак не может принадлежать к враждеб-

ной контрразведке; если произносит священные слова, то не ради провокации; если носит какую-нибудь одежду (военную, духовную или иноземную), то и внутренне соответствует своему наряду; если располагает деньгами, то добыл их законным и честным путем; если обещает продовольственные посылки, то от сочувственной доброты и т. д. Мы, как маленькие дети, судим о внутреннем по внешности: по словам, по одежде, по статьям в газете и особенно по обещаниям, по личным комплиментам и по подачкам.

Но слова без дела не весят. У каждого из нас есть свое прошлое, состоящее из поступков, совершенных нами и, может быть, втайне совершаемых и ныне. Это прошлое отнюдь не подобно змеиной коже, периодически обновляющейся; напротив — оно вырастает у нас из души и сердца, оно остается внутренне вращенным и несется нами через всю жизнь; оно звучит в интонациях голоса, оно посверкивает во взгляд, оно сквозит в манерах, оно прорывается в оборотах речи и в аргументации, оно выдает нас. Иногда человек выдает себя одним взглядом, одним словом, одной постановкой вопроса.

Поэтому за словами должны стоять общеизвестные дела; и судить надо не по речам, а по делам. Человек должен иметь нравственное право на те слова, которые он произносит. Священные слова не могут прикрыть грязных дел. Великие лозунги не звучат из уст предателя. Надо быть духовно слепым и глухим, чтобы верить в искренность наемного агента. Наше поколение богато отвратительным опытом лжи и лицемерия; мы обязаны иметь чутье зла и не имеем права поддаваться на соблазны.

И одежда не гарантирует ничего. Разве иеро-чекисты, прилетавшие в Париж и соблазнившие Митрополита Евлогия и Митрополита Серафима (Лукьянова) — были не в рясах? Разве Скоблин не имел права на форму белого генерала? Разве шулер не выдает себя слишком безукоризненным фраком и белоснежной рубашкой с бриллиантовыми запонками?

И газетные статьи не должны вводить нас в заблуждение. На статьи, как и на слова, и на речи — человек должен иметь жизненное право, право, приобретенное делами жизни, ее мужеством, ее искренностью, ее жертвенностью, цельностью своего характера. Современный мир богат костюмированными писателями, уже не раз переодевавшимися, писателями-найми-

тами, писателями «чего изволите», писателями-лицемерами и предателями. Надо научиться распознавать их.

Еще глупее верить «обещаниям». И под советами, и в эмиграции мы видели множество «искусников», которые делают себе карьеру неисполняемыми, а часто и заведомо неисполнимыми обещаниями: суля другим впустую мнимую «конъюнктуру», они постепенно готовят самим себе настоящую.

Еще глупее верить хвалителям и льстецам. Лесть есть такая разновидность взятки, которая ненаказуема и которую люди не стыдятся брать: и «дал», и «не дал»; и «взял», и «не взял»; подкуп состоялся, а доказать его нельзя. Между тем льстец всегда есть в то же время клеветник: кто не даст подкупить себя лестью, тот будет им оклеветан. А нам надо помнить: современное человечество кишит нравственно — и политически — скомпрометированными людьми, которым необходимо скрыть или диссимулировать свое прошлое; ложь, лесть и клевета — их главное жизненное оружие.

Что же нам делать?

1) Отходить от зла и творить благо. Не замешиваться в ту праздную и вредную сумятицу партийной интриги и клеветы, которой столь многие отдают свои силы. Искать реальной борьбы, а не эмигрантской карьеры, которая всегда была и всегда будет пустозвоном. Надо быть, а не казаться; наносить удары врагу, а не считаться «эмигрантским проминентом».

2) Смыкать наши ряды. Упорно, неустанно искать людей, заслуживающих абсолютного доверия: людей совершенных дел; людей непоколебимого стояния; людей никогда и никуда не продававшихся и ни на что грязное не нанимавшихся; таких людей, что если ловкий клеветник представит нам «несуразные доказательства» их мнимой нечестности, то мы отдернемся от клеветника с омерзением. Надо находить людей абсолютного доверия и связываться с ними напрочно.

3) Постоянно крепить в себе чутье к добру и ко злу. Беречь свое чувство чести; не снижать его требований; твердо верить, что бесчестье есть мое поражение и переход в лагерь дьявола; и всякого нового человека мерить про себя требованиям полной чести и честности. Всегда проверять свои впечатления и свой внутренний суд — в общении с людьми абсолютного доверия. От бесчестных решительно отходить; сомнительным не доверяться. Ни те ни другие не годятся для борьбы — продадут и предадут.

4) Учиться безошибочно отличать искреннего человека от неискреннего. Крепить в себе чувство фальши и слух для лжи. Бережно копить в себе соответственный жизненный опыт и делиться им с людьми абсолютного доверия. И всегда и во всех своих общественных ошибках отдавать себе ясный и честный отчет.

К ИСТОРИИ ДЬЯВОЛА

Дьявольское начало имеет в жизни человеческого рода свою историю. По этому вопросу существует серьезная научная литература, не касающаяся, впрочем, последних десятилетий. Однако именно последние десятилетия проливают новый свет на два прошедших века.

Эпоха европейского «просвещения» (начиная с французских энциклопедистов XVIII века) подорвала в людях веру в бытие личного дьявола. Образованному человеку не верится в существование такого отвратительного человекообразного существа «с хвостом, с когтями, с рогами» (по Жуковскому), никем не виданного, а изображаемого только в балладах и на картинах. Лютер еще верил в него и даже швырнул в него чернильницей; но позднейшие века отвергли «черта», и он постепенно «исчез», угас, как «отживший предрассудок».

Но именно тогда им заинтересовались искусство и философия. У просвещенного европейца остался лишь «плащ» сатаны, и он начал с увлечением драпироваться в него. Загоралось желание узнать о дьяволе побольше, рассмотреть его «истинный облик», угадать его мысли и желания, «перевоплотиться» в него или хотя бы «пройтись» перед людьми в дьявольском образе...

И вот искусство стало воображать и изображать его, а философия занялась его теоретическим оправданием. Дьявол, конечно, «не удался», потому что человеческое изображение не способно вместить его, но в литературе, в музыке, в живописи началась культура «демонизма». С начала XIX века Европа увлекается его противобожественными обликами: появляется демонизм сомнения, отрицания, гордости, бунта, разочарования, горечи, тоски, презрения, эгоизма и даже скуки. Поэты изображают Прометея, Денницу, Каина, Дон-Жуана, Мефистофеля.

Байрон, Гёте, Шиллер, Шамиссо, Хофман, Франц Лист, а позднее Штук, Бодлэр и другие развешивают целую галерею «демонов» или «демонических» людей и настроений, причем эти «демоны» — «умны», «остроумны», «образованны», «гениальны», «темпераментны», словом, «обаятельны» и вызывают сочувствие, а «демонические люди» являются воплощением «мировой скорби», «благородного протеста» и какой-то «высшей революционности».

Одновременно с этим возрождается «мистическое» учение о том, что «темное начало» имеется даже и в Боге. Немецкие романтики находят поэтические слова в пользу «невинного бесстыдства», а левый гегельянец Макс Штирнер выступает с открытой проповедью человеческого самообожествления и демонического эгоизма. Отвержение личного «черта» постепенно заменяется оправданием дьявольского начала...

Скрытую за этим пропасть увидел Достоевский. Он указал на нее с пророческой тревогой и всю жизнь искал путей к ее преодолению.

Фридрих Ницше тоже подошел к этой пропасти, пленился ею и возвеличил ее. Его последние произведения — «Воля к власти», «Антихрист» и «Се человек», — содержат прямую и откровенную проповедь зла...

Всю совокупность религиозных предметов (Бога, душу, добродетель, грех, потусторонний мир, истину, вечную жизнь) Ницше обозначает как «грудю лжи, рожденную из дурных инстинктов натурами больными и в глубочайшем смысле вредными». «Христианское понятие Бога» есть для него «одно из растленнейших понятий, «созданных на земле». Все Христианство есть в его глазах лишь «грубая басня о чудотворном спасении», а христиане — «партия забракованных ничтожеств и идиотов».

То, что он превозносит, — есть «цинизм», бесстыдство, «высшее, что может быть достигнуто на земле». Он взывает к зверю в человеке, к «верховному животному», которое надо во что бы то ни стало разнуздать. Он требует «дикого человека», «злого человека», «с радостным брюхом». Его пленяет все «жестокое, неприкрыто звериное», преступное. «Величие есть только там, где имеется великое преступление». «В каждом из нас утверждается варвар и дикий зверь». Все, что зиждет в жизни братство людей, — идеи «вины, наказания, справедливости, честности, свободы, любви и т. и.» — «должно быть вообще изъято из су-

ществования». «Вперед же,— восклицает он,— богохульники, противники морали, всевозможные беспочвенники, артисты, евреи, игроки, — все отвергнутые слои общества!..»

И нет для него большей радости, как видеть «уничтожение лучших людей и следить, как они шаг за шагом идут к гибели»... «Я знаю мой жребий.— пишет он.— Однажды с моим именем будет сопряжено воспоминание о чем-то чудовищном, о кризисе, какого никогда еще не было на земле, о глубочайшем совестном конфликте, о приговоре, вызванном против всего, во что дотоле верили, чего требовали, что свято чтили. Я не человек, я — динамит...»

Так оправдание зла нашло свои суще-дьявольские, теоретические формулы, — и оставалось только ждать их осуществления. Ницше нашел своих читателей, учеников и поклонников; они приняли его доктрину, сочетали ее с доктриной Карла Маркса — и принялись за осуществление этого плана 30 лет тому назад.

«Демонизм» и «сатанизм» не одно и то же. Демонизм есть дело человеческое, сатанизм есть дело духовной бездны. Демонический человек предается своим дурным страстям и может еще покаяться и обратиться; но человек, в которого, по слову Евангелия, «вошел сатана», — одержим чуждой, внечеловеческой силой и становится сам человекообразным дьяволом. Демонизм есть преходящее духовное помрачение, его формула: «жизнь без Бога»; сатанизм есть полный и окончательный мрак духа, его формула: «низвержение Бога». В демоническом человеке бунтует необузданный инстинкт, поддерживаемый холодным размышлением; сатанический человек действует как чужое орудие, служащее злу, но способное наслаждаться своим отвратительным служением. Демонический человек тяготеет к сатане: играя, наслаждаясь, мучаясь, вступая с ним (по народному поверью) в договоры, он постепенно становится его удобным жилищем; сатанический человек утратил себя и стал земным инструментом дьявольской воли. Кто не видал таких людей, или, видя, не узнал их, тот не знает исконно завершенного зла и не имеет представления о подлинно дьявольской стихии.

Наши поколения поставлены перед ужасными, таинственными проявлениями этой стихии и доселе не решаются выговорить свой жизненный опыт в верных словах.

Мы могли бы описать эту стихию как «черный огонь»; или определить ее как вечную зависть, как неутолимую ненависть,

как воинствующую пошлость, как беззастенчивую ложь, как абсолютное бесстыдство и абсолютное властолюбие, как попрание духовной свободы, как жажду всеобщего унижения, как радость от погубления лучших людей, как антихристианство. Человек, поддавшийся этой стихии, теряет духовность, любовь и совесть; в нем начинается разложение и разнуздание, он предается сознательной порочности и жажде разрушения; он кончается вызывающим кощунством и человекоумительством.

Простое восприятие этой дьявольской стихии вызывает в здоровой душе отвращение и ужас, которые могут перейти в настоящее телесное недомогание, в своеобразную «дурноту» (спазма симпатической нервной системы!), в нервную дизритмию и в психическое заболевание, а могут привести и к самоубийству. Сатанические люди узнаются по глазам, по улыбке, по голосу, по словам и по делам. Мы, русские, видели их въяве и вживу; мы знаем, кто они и откуда. Но иностранцы и доселе не понимают этого явления и не хотят понять его, потому что оно несет им суд и осуждение.

А некоторые реформатские богословы продолжают доселе писать о «пользе дьявола» и сочувствовать его современному восстанию.

ПРАВО НА ПРАВДУ

Мы живем в эпоху величайшей смуты. Правда и ложь, честь и бесчестие, верность и предательство, вера и лицемерие — вот уже больше тридцати лет преднамеренно смешиваются и подменяются для того, чтобы духовно оглушать и ослепить людей, вызвать в душах замешательство, растерянность и беспомощность и подмять заблудших и обессиленных под чужую им власть. С этим намерением, — обмануть и поработить, — выступает целый ряд организаций, конечно, во главе с левыми и правыми тоталитаристами...

Кто годами читал советскую прессу и не поддавался ее пропаганде, тот прошел хорошую и наглядную школу умственной и духовной зоркости. В советских газетах ложь идет сплошной волной. Она преподносится тоном непререкаемого авторитета и наигранного, лицемерного пафоса, свойственного скверным драматическим актерам. Читаешь и думаешь: жлет! и сам

знает, что лжет; и даже не скрывает своего звания... «Да, лгу! А ты слушай и молчи! И попробуй только не согласиться! И повторяй мою ложь за мною! Да без оговорок, без колебаний! Уверенно! С чистосердечным убеждением! Лги искренно! Обманывай вместе со мною с пафосом! Лицемерь с темпераментом, чтобы я, перволюжец и оберобманщик, имел основание сделать доверчивую физиогномию!!!»...

Читаешь и чувствуешь, что начинается тихое головокружение, сопровождаемое отвращением к лжецу и тайным презрением к самому себе... — за молчание...

И вдруг — в этом потоке лжи и обмана, — тем же тоном, — выговариваются целые куски фактической правды... И эта правда выговаривается именно в составе лжи — для ее подкрепления и удостоверения. Знаешь, что это правда... и начинаешь не верить и ей. Потому, что и она лжет! Она лжет тем, что произносится тем же тоном наглого апломба, с теми же лицемерными и аффектированными «жестами» (умственными, нравственными и стилистическими!). Она лжет и тем, что появляется, окруженная ложью, в обманной картине и для-ради обмана. И вот стараешься отцедить в этой скомпрометированной «правде» — настоящую правду от лжи, удержать одну честную фактическую правду, закрепить ее и судить ею и своим свободным разумением всю ту ложь, которая ее окружает...

Этот тон вызывающей и провоцирующей лжи, водворившийся с самого начала революции в советских газетах и речах, постепенно, но прочно захватил в Советии все: и суд, и все остальные ведомства, и журналы, и науку, и искусство, и низшую школу, и среднюю, и высшие учебные заведения, и частные разговоры, и самое мышление советских «граждан» и особенно мирозерцание советской молодежи, в новых поколениях ничего иного не выдавшей! Страх и гипноз внесли в души людей величайшее духовное безвкусице, которым многие из них наивно гордятся...

В Советии лжет все: там все искажено, все двусмысленно, все обманывает. Подумать только: что называется в советском суде — «чистосердечным признанием»? что почитается в советской науке «доказанной» теорией, хорошим учебником, научной «заслугой»? какое искусство предписывается и премируется, и какое бывает поруганным и запрещенным? Вот по радио посылается Евгений Онегин Чайковского — зачем? чтобы выдать Советию за Россию и наглядно показать всему миру

«свободу советского искусства»... Зачем комиссариаты переименованы в Министерства? Зачем в советской пропаганде появились драгоценные русские имена — Александра Невского, Петра Великого, Суворова? Зачем была выдвинута кощунственная декорация «патриаршей церкви»?.. В Советии пролганно все вплоть до денег, которые не стоят своей собственной валюты и не принадлежат их частному владельцу; вплоть до тракторов, которые служат не труду, а порабощению; вплоть до полицейских собак, которые ловят не частных жуликов и не государственных разбойников, а мучеников режима и героев борьбы; вплоть до «исправительных трудовых лагерей», которые никого не исправляют, а эксплуатируют и вымаривают лучших людей страны. В Советии лгут и «чины» и «ордена», ибо чины даются за предательство России, а «ордена» — за лстивое угождение ее врагам...

Люди, выросшие в этой атмосфере, уносят ее с собою, в себе — за границу. И самые бойкие газеты эмиграции (независимо от их направления) суть самые просоветченны: безответственные, лживые, нравственно развязные и провокационные. Террор отучает людей от правды и приучает ко лжи; и они должны заметить это в самих себе, осудить и преодолеть. Это растленное правило: «каждый человек всю жизнь лжет в свою пользу и надо только научиться лгать умно, искусно и правдоподобно», — есть порождение дьявольской смуты и означает ее торжество. Мы должны понять и прочувствовать это. И лгущие не должны воображать, будто мы не видим их лжи и не умеем распознавать ее. По чему мы узнаем это? По глазам, беспокойно бегающим туда и сюда; по выражению лица; по интонации голоса; по жестике; по внутренним противоречиям; по разнобою в их же собственных показаниях; по расхождению с фактами; по этой манере: каждому собеседнику лгать иное и иначе, в порядке приспособления...

И вот, кто так лжет, тот теряет в самом себе чувство правды; а перед другими людьми и перед Богом — он теряет и право на правду. Самая правда его начинает лгать. И он сам чувствует это и сам себе не верит. И другие ему не верят. И если он не поймет всего этого, — то он сам станет мнимым человеком, социальным призраком, фальшивой монетой, картонным кирпичом, поддельным товаром (муляжом) из советской витрины. Кону он нужен такой? Только не будущей России!

В жизни необходимо иметь право на правду! Не всякий, пытающийся выговорить ее, может это. Человек с хитро шмыгающим взглядом, с фальшивой улыбкой, с лицемерным лицом, с наигранной интонацией, с аффектированными жестами, с мутным, пролганным или прямо бессовестным прошлым, с лукавыми целями, с тщеславно-актерскими замашками — будет высказывать самую сущую правду неискренно, возбуждать у всех подозрение, компрометировать истину и вредить ей...

За словом должна стоять личная мысль; должен ощущаться характер, а не жажда новой, обратной карьеры; должна слышаться искренняя убежденность, должно проглядывать чувство собственного достоинства. Слово должно быть выстраданным и сказанным из сердца. Тогда оно убеждает и побеждает; тогда оно несет не глущую полуправду, а честную правду. И напрасно думать, что все это теоретическая выдумка, ибо это доступно всякому простому и порядочному человеку, не обремененному никакими «теориями».

В эпоху величайшей смуты и пролганности нам надо хранить чувство правды, как зеницу ока, и требовать от себя и от людей права на правду. Ибо без чувства правды мы не узнаем лжеца, а без права на правду мы погубим всякую истину, всякое убеждение, всякое доказательство, и все священное в жизни.

Россию можно строить только на взаимном доверии; а если русские люди будут лгать друг другу, то они распылятся в мире и погибнут от взаимного недоверия и предательства.

Евангелие недаром называет дьявола «отцом лжи» (Иоанна 8.44).

ЧТО ТАКОЕ КОНСПИРАЦИЯ?

Предварительные замечания

1. К конспиративной (т. е. тайно-заговорщической) деятельности способен далеко не всякий человек. В истории человечества провалилось многое множество заговоров вследствие участия в них людей не способных, не призванных, не вышколенных, легкомысленных и неосторожных. В наше время, в эпоху изоощренных физических и психических пыток, применение нового оружия подкожных и интравенозных впрыскиваний, а также гипноза, конспиративная работа требует особой подго-

товки, особой школы и сильной воли. При отсутствии этих условий всякому человеку и всякой организации обеспечены сплошные провалы.

2. Поэтому, прежде чем браться за такого рода деятельность, необходимо удостовериться в своей личной способности к ней, а затем непременно пройти особого рода техническую, телесную и душевную школу подготовки. Людям разговорчивым, экспансивным, эмоциональным, впечатлительным, наивным и глупым, забывчивым, рассеянными, доверчивым, откровенным и искренним (это не одно и то же!), пугливым и робким (это не одно и то же!), не умеющим сдерживать свою фантазию, органически неспособным притворяться и лгать, не переносящим долгого одиночества, простудливым, нетерпеливым, легко поддающимся внушению и телесной боли—лучше совсем не браться за такие дела.

3. Это предупреждение относится в особенности к людям тщеславным и честолюбивым. Им надо раз навсегда сделать выбор между удачей их дела и их личным успехам. К тайне и заговору люди вообще прибегают тогда, когда этого требует удача их дела; значит, эта удача требует от них молчаливости, незаметности, скромности, т. е. именно того, чего их тщеславие решительно не переносит. Тщеславный человек желает фигурировать, превозноситься, славиться. Он хвастун от природы. Он всегда наврет о себе, о своей партии или организации лишнего, припишет себе чужие дела и подвиги, в уверенности, что от хвастовства, так же как и от клеветы, всегда «что-нибудь останется»: всему не поверят слушатели или читатели, так хоть частицу с собой унесут. А в дальнейшем так легко смешать, он ли сам рекламировал себя и свою партию или похвала шла от посторонних. Хвастовство тщеславного человека незаметно вращается в «общественное мнение» или, по крайней мере, в передаваемые из уст в уста слухи, оно входит похвалой в это общее и безответственное «говорят»; а если «говорят», так это уже «похвалы»; еще немного — и чествовать начнут, а от «чести» до «власти» рукой подать. Глядишь, а хвастун уж карьеру сделал.

4. Так тщеславные и честолюбивые люди совсем не замечают, как их болтовня и их вызывающая манера держаться вредят их делу и проваливают их конспирацию. Скромно молчаливые конспираторы трудно находимы; их надо отыскивать, ими надо дорожить, их головой нельзя рисковать. Чтобы в этом убедиться, стоит только понять и усвоить, что возглавители величай-

ших мировых заговоров держались и держатся в полной неизвестности. Ленину было легко: черную работу «экспроприаций», подделки денег, добывание золота делали за него и для него другие (напр., Джугашвили-Коба-Сталин на Кавказе, Литвинов в Румынии, Евсей Таратута и Максим Горький в Москве, Парвус-Гельфанд в Берлине и в Швейцарии, генерал Гофман в германском штабе и другие); до тех пор, пока не настала «благоприятная пора» (1917), ибо власть Керенского была в левом направлении нулевая, занять особняк Кшесинской и Смольный Институт можно было без конспирации, и вся борьба велась уже «на улице». Мастеров конспирации легче найти в партии социалистов-революционеров, но и они иногда проваливались и гибли (за исключением разве Евно Азефа, доживавшего свой век в Берлине в качестве нажившегося рантье).

5. Одно упоминание этого последнего имени должно навести всякого на мысль о том, что в конспирации есть всегда нравственно рискованный, скользкий и компромиссный элемент. Конспиратор должен быть мастером притворства, обмана и лжи и не испытывать при применении своего мастерства ни отвращения, ни стыда, ни укоров совести. Это дается гораздо легче бессовестной и безнравственной душе, чем благородному и совестному духу. Там, где профессиональный шулер, мошенник и палач спокойно исполняют данные им конспиративные поручения, не считаясь с низостью и мерзостью этих заданий, там идейный борец должен еще найти те внутренние основания, которые успокаивали бы его душу в минуту отвращения, стыда или совестного укора. Он всегда должен помнить, что успех его конспиративного дела может завести его в тупик безжалостности, наглой лжи, преступления и предательства. И можно с уверенностью предсказать, что человек, не разрешивший верно этой проблемы компромисса, рано или поздно — или усвоит себе точку зрения профессионального негодяя, может быть — бессовестного раба, или же познает то жизненное изнеможение, которое несет с собою нравственное презрение к самому себе. Благая цель никогда не оправдывает дурного средства, даже самого целесообразного: злое дело, породив благие последствия, отнюдь не становится добрым делом: причинная связь между подлостью и желанным улучшением жизни могла быть предусмотрена верно, но совершенная подлость сохраняет все свои подлые свойства. Искусство же делать гадкие дела, не становясь злодеем, есть искусство трудное, которое требует

не только большой внутренней школы и дисциплины, но и постоянного очищения души.

Конспиративное умение предлагает в человеке умение хранить тайну и умение распознавать людей.

Умение хранить тайну

1. Если у тебя есть тайна и тебе надо сохранить ее, то пойми прежде всего, что сохранить ее можешь только ты сам: другому придется «хранить» ее тогда, когда ты ее ему выдашь. Не надейся на других, на их молчаливость и такт. Если ты сам не удержал свою тайну, как можешь ты требовать молчания от других?

2. Тайна имеет свои законы: кто их нарушает, тот ее разрушает. Сущность тайны не в том, что о ней знают, но не говорят («секрет полишинеля»). Сущность ее в том, что люди не знают ни того, в чем она состоит, ни того, что вообще что-то скрывается.

3. Поэтому, если у тебя есть тайна, то не имей таинственного или важного вида: не шепчись по углам; не роняй многозначительных намеков; не рассказывай о своих «очень интересных» знакомствах; не выдавай себя за «посвященного» во что-то; не сообщай сенсационных новостей. Будь прост, естествен, скромн. Умей молчать без загадочности; не дразни чужого любопытства; а когда необходимо, умей быть разговорчивым о посторонних, общедоступных предметах. Будь как все. Будь малозаметен. И прежде всего умей владеть своим тщеславием; тщеславие есть главный источник болтливости. Приучи себя не дорожить суждением окружающих людей о тебе. Научись ради дела спокойно проигрывать в их мнении: оно стоит немногого.

4. Явная таинственность всегда пробалтывает тайну, Будь уверен: если люди узнали, что у тебя есть тайна, они узнают скоро и в чем она. Ибо всюду есть много досужих любознаек и профессиональных следопытов (разведчики! контрразведчики! любопытствующие слухоносы!). Поэтому, если самая наличность тайны стала притчей во языцех, то погаси ее совсем; и потом, если надо, завяжи ее снова, иначе и осторожнее.

5. Чтобы научиться беречь тайну, сделай так: утай про себя твоё первое серьезное огорчение или твою первую серьезную удачу. Сделай так, чтобы никто на свете не узнал ее от тебя.

Или еще сделай так: если узнаешь какую-нибудь волнующую «новость», заставь себя не рассказывать о ней никому. Если другой будет рассказывать о ней при тебе, — слушай и

молчи; если неверно расскажет, — не поправляй; если сочтут тебя за неосведомленного человека, пусть считают, тем лучше.

Упражняйся в этом про себя; но не говори никому, что ты, мол, «упражняешься». Приучись быть наедине со своей тайной, чтобы она тебя не «распирала». Этим ты выработаешь в себе непроницаемость для других людей. Закрепи ее внутренне — безусловной прозрачностью души перед Богом и совестью.

6. Тайна есть бремя. Это бремя надо нести самому и одному. Приучи себя к этому — и ты укрепишь свой характер, ибо сущность характера в духовной самостоятельности человека.

7. Чем меньшее число людей знает о тайне, тем она неуязвимее; и обратно — общеизвестность тайны делает ее всеуязвимой и убивает ее.

8. Интимные секреты, которые никому не нужны, хранить легко. Гораздо труднее хранить те тайны, которых должны быть известны лишь очень немногим, но до которых хотели бы добраться многие и притом враждебные люди. Начинать свои упражнения с личных секретов и потом, лишь постепенно, переходить к важным тайнам.

9. Сообщать другому тайну следует не тогда, когда это «можно» сделать (он «не предатель», он «не сплетник», он «славный малый»), а тогда, когда она безусловно необходима для самого дела, а он уже доказал, что заслуживает безусловного доверия. Всегда лучше не договорить, чем сказать что-нибудь лишнее и опасное. При сомнении всегда лучше воздержаться. Не делай себе никаких попущений — ни по родству, ни по дружбе, ни по любви; помни Самсона и Далилу.

10. Не будь наивен: не думай, что другого можно связать «честным словом», или «клятвой», или «зароком». Многих людей тайна начинает «распирать» именно после того, как они дадут «честное слово» молчать. Никогда не обременяй другого тайною: она может вырваться у него незаметно и неожиданно, помимо его воли — в бреду, в опасности, в любовном угаре, в пьяном виде, в трансе гипноза. Только действительное неведение дает твердую гарантию. Поэтому осторожный молчальник может включить свою осведомленность в мотивацию своих дальнейших поступков: наблюдательные враги скажут потом: «если он так поступил, то это означает, что он знал то-то и то-то»...

11. Развивай в себе пристальную, мгновенную наблюдательность; неутомимое внимание; способность быстро сосредоточиваться и на ходу перерешать; искусство подвергать свою

речь внутренней цензуре; умение верно различать оттенки смысла и выбирать слова. Это необходимо для блюдения тайны.

12. Приучи себя не торопиться с ответом на вопрос; всегда давай себе срок для выбора наилучшего ответа. Прежде, чем отвечать, обрежь внутренне все нити, ведущие к тайне.

13. Никогда не записывай своей тайны, ни всего того, что с нею связано; и нигде не храни. Не записывай ни имен своих сообщников, ни адресов их, ни явочных паролей. Помни все необходимое наизусть. А если не можешь, то сначала укрепи свою память мнемоническими упражнениями.

14. Если первое время будут неудачи — не унывай. Блюде-ние тайны есть дело трудное. Научись проверять себя после каждого разговора и отмечать свои ошибки; тогда ты сам скоро дополнишь эти правила. И помни: умеющий хранить тайну всегда сильнее не умеющего.

15. И еще помни: в наше время враги почти везде и даже стены часто имеют уши.

16. И блюди общее правило: тот, кто экспонирован (общеизвестен, стоит на виду) — не должен вести конспиративной работы, ибо он как муха под стеклом и ему ничего не удастся скрыть; конспиративную работу должны вести по его указаниям и приказам незаметные люди. А тот, кто конспирирует, не должен экспонироваться, т. е. открыто фигурировать, рекламировать свою работу в газетах, опубликовывать свое имя, болтать о своей работе. Такая самореклама равносильна доносу на самого себя, поданному врагу: «я здесь, это я; можешь в любой момент похитить меня или убить»...

Умение распознавать людей

1. Тот, кто берется организовывать людей — должен распределять между ними полномочия и обязанности, устанавливать между ними сотрудничество и подчинение и, главное, ставить верных людей на подходящие для них места. Это значит, что организатор должен хорошо разбираться в людях, — кто чего стоит и кому что можно поручить. Он должен быть твердо уверен, что каждый из членов его организации а) искренно хочет сделать свое дело (не лукавый саботажник!), б) имеет для этого необходимые силы и способности (здоровье, силы телесные и душевные), в) умеет требовать и взыскивать, но умеет и сам подчиняться, г) понял данную ему задачу. Для всего этого необходимо прежде всего научиться распознавать людей; не

способный к этому будет делать одни ошибки и губить порученное ему дело.

2. Это особенно важно для нашей будущей деятельности в России, где мы найдем целые кадры людей, воспитанных в злобе, лжи, робости, продажности и предательстве; множество людей с раздавленным самолюбием и сломанною волею, необозримое море людей с невоспитанным и неукрепленным характером; и сравнительно незначительное меньшинство людей крепких и верных. Их надо будет безошибочно распознавать, объединяться с ними и крепко вести дело спасения России.

3. Чужая душа есть тайна. Нет никаких рассудочных мерил или правил для ее механического измерения и определения. Но живая и пронизательная интуиция может получить в виде подспоря ряд ценных указаний или советов, которые дают руководящую нить для душевно-морального диагноза. Ни одно из этих «правил» не самодовлеюще; и только все вместе они могут помочь верному освещению чужих «потемок». Главное же состоит в том, что только доброкачественный человек может установить и изучить чужую доброкачественность, ибо только у него имеется живое мерило личной совести. Для злодея все указания наши бессильны и бесплодны.

4. Каждый человек непроизвольно, от природы как бы «зашифрован» в своем теле и обнаруживает сам себя в своих поступках, и притом так, что в них прикровенно дана вся его душа. Надо научиться «дешифровывать» ее верно и точно.

Отсюда первое правило для распознавания человека: дело и тело значат больше, чем слово. Не суди о человеке по его разговору или по его высказываниям. Не верь словам, сопровождаемым хитро рыщущими глазами или презрительной миной. Требуй дел и сравнивай их со словами. Всматривайся во внешнее обличье человека и сличай его с его словами и делами. Подлое, злое дело может обличить и слова и лицемерно-сладкое выражение лица... Лицемерие же сейчас распространено в мире, как еще никогда...

5. Итак, важнее всего реальные поступки человека и его личное присутствие в них: его намерение (чего именно он хотел), и мотив (почему он хотел именно этого), и энергия вложенной им воли. Слова человека ясно освещаются и осмысливаются только лучами, идущими от его поступков и от всей его личности. Сколь бы «яркими» и «убедительными» ни были его слова, нельзя судить по ним окончательно, не зная его дел. Дела

же человека узнаются только через сотрудничество с ним (и то не всегда и не сразу; вспомним Азефа, Гапона, «Федорова-Якушева»). Ясновидящая интуиция присуща только гениальным людям (так, только П. Н. Врангель с первого же взгляда определил Федорова-Якушева как провокатора и запретил с ним входить в сношения).

Отсюда: во всякой организации необходима известная постепенность оказываемого доверия, как бы лестница приобщения. Малознаемому человеку поручают сначала только ясные, маленькие и безвредные дела; и притом всегда с последующей проверкой. В лишнее же не посвящают никогда никого. Осведомленность очень часто тяжелое бремя для осведомленного и большая опасность. С одной стороны, я не могу сообщить о том, чего действительно не знаю; а с другой — тоталитарные организации нередко не награждают, а убивают своего «слишком много» знающего сотрудника, даже верного, послушного и очень полезного... — «выдаст», «перебежит», «проболтается», «начнет шантажировать»...

б. В теле человеческая душа вся скрыта и вся проявлена: в строении головы, в чертах и в выражении лица, в формах руки и ноги, в глазах и в смехе; в пожатии руки, в почерке и в походке. Ныне кое-что из этого уже исследовано научно, и установленные обобщения могут быть практически использованы. Но продумать их, усвоить и применять каждый человек должен сам (см. особенно поучительные рассказы А. Ф. Кошко, начальника всероссийской сыскной полиции, т. I «Дактилоскопия», т. II «Сыскной аппарат» и т. III «Иван Егорович»). Здесь можно дать лишь несколько намеков.

а) У каждого лица есть свое преобладающее, устойчивое выражение. У данного человека — какое? Как изменяется оно в минуту гнева, испуга, неудачи, растерянности, наслаждения, торжества, смеха? Становится ли лицо глупее, грубее, злее? Обнаруживается ли в нем трусость, безволие, жадность, пошлость, сосредоточенность, растерянность, спокойствие, презрение — или наоборот? Достоевский указывает на то, что черта, вносимая в выражение лица смехом, особенно существенна для души смеющегося...

б) Надо научиться распознавать человека по глазам. Глаза откровенного человека смотрят совсем иначе, чем глаза скрытного. Кто не уловит хитрости и злобы в глазах Ленина? Кто не уловит беспредельной самоуверенности и тупой жестокости в

глазах Джугашвили? Человек, призванный повелевать, и человек внутренне сломленный смотрят совсем иначе. Пролганный человек избегает смотреть в чужие, наблюдающие глаза: он все время смотрит то вниз направо, то вниз налево, скользя по чужому лицу только ради встречного наблюдения. Есть глаза верные и предательские, добродушные и скрытно-злобные, хищные, безжалостные, чувственные, глупо-стеклянные, сосредоточенно думающие, лицемерно-сладкие, огненно-бесовские и т. д. Человек, неспособный к физиогномике, всегда будет проваливаться в оценке людей.

в) Научись замечать, что делает человек с твоею рукою при рукопожатии: берет ли твою руку (волевая натура), или дает свою? коротко, выразительно, определительно, или держит твою руку вяло, долго и нерешительно? дает ли одни свои пальцы, торопясь отнять их у тебя, или — всю руку до конца? может быть, берет одни твой пальцы, и ускользает, чтобы ты не узнал слишком много секретов? жмет сам или предоставляет жать? как бы желая что-то выразить (что именно?) или что-то скрыть (что именно?)... Научись этому — и ты скоро начнешь уверенно отличать волевого и безвольного, цепкого, жадного, эгоиста, лживого, льстивого, целомудренного и развратного, прямодушного и интригана...

г) Многое дает изучение почерка. Здесь все имеет свое значение: стояние и наклон букв, их размер, их дописанность и недописанность, их хвосты под строкой и над строкой, слабый и сильный нажим, ровный и неровный, перерывы между буквами, расстояние между строчками, закрытость букв, завитки, обрывы, подчеркивания и росчерки. Здесь не надо фантазировать, надо наблюдать, изучать, копить опыт, интуитивно вчувствоваться и проверять. Начинать же надо с почерков хорошо известных тебе людей.

д) Научись подмечать походку людей: легкомысленно подпрыгивающую, безвольно шмыгающую, категорически ударяющую, вкрадчиво-пролазную, мелко семенящую, растерянно оступающуюся, деловито уравновешенную, подозрительно обертывающуюся, угодливо расшаркивающуюся и т. д.

е) Научись расценивать манеры людей — то развязно-самоуверенные (иногда от преодолеваемой большой застенчивости), то скованно-сдержанные, то хвастливо-рисующиеся, то льстиво-вкрадчивые... Как часто законченная фальшь скрывается за наигранным смирением и сентиментальным «благодарением».

Ряд существенных указаний дает нам хирология, т. е. научное изучение руки.

ж) При разговоре всегда сажай человека лицом к свету и старайся как можно меньше сообщать о себе и как можно больше узнать о нем. Всегда обращай внимание, не подведены ли у него глаза, не нахмурены ли у него щеки: таких «мазанных» мужчин теперь развелось многое множество; они особенно проникают в министерства иностранных дел, пролезая и разнюхивая... Чем меньше с ними встречаться и разговаривать, тем лучше, ибо каждый из них есть готовый предатель.

7. Важнее всего установить верность человека, т. е. его искреннюю убежденность и стойкость в убеждениях.

Есть множество людей — а в наше время, в эпоху тоталитарного террора, их становится все больше, — людей вообще неспособных к убеждениям. Они или помалкивают от робости; или готовы врать в любом направлении, или же приписываются тайно к какой-нибудь закулисной организации, чтобы молчать и врать под ее руководством и за ее обороною. Таких людей нетрудно распознавать; они, в сущности, ко всему тепло-прохладны; для них все «условно» и «относительно»; они ни в чем не цельны и не окончательны; зло их пугает, но не возмущает; добру они сочувствуют только тогда, когда оно побеждает; они отличаются особою «терпимостью», которую они сами выдают за «справедливость» и «многосторонность»; они любят «примирять противоположности», охотно «разговаривают» с людьми враждебных лагерей и выдают эту полупредательскую болтовню за какую-то высшую «диалектику». Убежденные люди раздражают и обижают их своею убежденностью. Их ум, если он вообще имеется, лишен воли; их чувство — беспринципно; они не верят ни во что и спешат «застраховаться» и у Бога, и у дьявола.

В частности: не верь аффектированным людям, которые склонны проявлять больше чувства, чем имеют его на самом деле (лгут сами себе и другим); избегай гомосексуальных: их духовный фарватер может всегда измениться неожиданно для них самих. Всегда проверяй, склонен ли человек иронически отнестись к своей собственной святине; полезно бывает поставить человеку в лоб роковой вопрос, — мягко, но неожиданно, пристально глядя ему в глаза; полезно бывает дать ему почувствовать, что ты ему «не очень веришь», и спокойно, не обижая, но и не помогая, следить, как он будет выкарабкиваться из свое-

го щекотливого положения; полезно бывает спросить его, что он сделает, если ему в порядке организации прикажут совершить «полезную гнусность».

8. И всегда помни: фальшивый тон ответа может обессилить всякие дальнейшие клятвы и уверения. Человек виден не в состоянии душевного равновесия, а в страсти и в волнении. Слушай человека своею совестью и верь больше всего тем «осадкам», которые всплывут в твоей душе по окончании разговора.

9. Старайся установить волевую силу человека. Воля не вспышка и не порыв; вспышкой и порывом живут эмоциональные люди. Воля не цепкий и инертный инстинкт. Воля есть способность — убежденно, стойко и долго ломиться в одну сторону, борясь с препятствиями. Волевой человек всегда склонен к наступлению; он всегда как будто заряжен и прицеливается; он обычно смотрит в будущее, собираясь на него наложить свою печать. Если он пессимист, то пессимизм его не робок и не растерян; если он оптимист, то оптимизм его скрываете за собою план действий; он сучает с безвольными людьми и слегка презирает их.

Признаки безвольного человека: он не подчиняет себе обстоятельства, а приспосабливается к ним, принимая их за «события» и всегда готовясь изогнуться и шмыгнуть под них («фактопоклонство»); он всегда склонен отложить неприятное дело и не берется за него с самого начала; он боится ответственности и предпочитает не брать ее на себя; он сомневается бесплодно и колеблется долго; в сомнениях и в трудную минуту он ищет авторитета. Такие люди нередко засиживаются в гостях («прилипнет» и никак не может уйти); откладывают все в долгий ящик; чинят карандаш не от себя, а на себя; не проталкивают нитку в иголку, а надевают иголку на нитку.

10. Старайся верно оценить ум человека и его интуицию. Ум есть начало творческое; поэтому у умного человека всегда много своих мыслей. Ум есть способность к различению и к расплетанию (анализ!); поэтому ум вносит во все ясность, точность и определенность. Ум есть сила суждения (синтез); поэтому он всегда ищет и находит верные объяснения и жизнеспособные комбинации.

Однако ум не самодовлеющ; без интуиции (созерцания и видения) он пуст, слеп и заносчив, — беспочвенный выдумщик и логический фразер. Именно опытом и интуицию человек бе-

рет (воспринимает) предметы и реальную жизнь, предвидит и творит. Полуинтеллигент не понимает этого и именно потому он впадает в рассудочность и носится с отвлеченными доктринами; он верит в полунауку и не верует в Бога.

Итак, ум не самодовлеющ: без совести он циничен; без веры — пошл и растлевающ. Ум без чувства сух, мертв и свиреп; ум без воли пассивен и бесплоден. Лишенный всего этого, ум оказывается ограниченным и тупым, неспособным по-настоящему ни к творчеству, ни к «расплетению», ни к суждению.

Признаки глупого человека: он быстро удовлетворяется первым впечатлением и своим собственным суждением; он не подозревает пределов своего собственного ума и легко впадает в самодовольство; он переоценивает свою интуицию и часто говорит общеизвестности и притом с апломбом; он не видит сложности и все упрощает; он недалновиден, легкомыслен и лишен чувства познавательной ответственности; он не изобретателен и часто обнаруживает наивную доверчивость; в сомнении и в трудную минуту он растеривается, ищет авторитета или же впадает в трафарет. Глупые бывают часто хитры. Хитрость — не ум, а суррогат ума; она есть инстинктивная изворотливость; отсюда ее неблагородство, ее беспринципность и интриганство. Настоящий ум не интригует: он слишком благороден и ясен для интриги и слишком уважает себя. Поэтому интриган лишен настоящего ума; он мелок, низок и ограничен.

Замечательно, что человек с оригинальным и сильным умом всегда создает «свои» слова и формулы. Человек с хорошей интуицией всегда и сразу отличает главное от неглавного, и потому говорит по существу, с верными и осмысленными интонациями. Человек, много хвастающий и все разговоры сводящий к себе, не видит предмета из-за себя самого и суждения его о предметах бывают слабы. Резонер всегда ограничен. Настоящая интеллигентность определяется не памятью, не учеными словами, не апломбом, не велеречьем и не ловкой «диалектикой», но способностью к самостоятельному, зоркому наблюдению и анализу событий.

11. Человеческую душу нельзя ни определить, ни исчерпать; именно поэтому настоящей организатор должен непрерывно наблюдать за ее проявлениями, вникать и улавливать характерные особенности разнородных людей.

В частности, выбирая верных, энергичных и действенных людей, полезно иметь в виду следующее.

Сентиментальные люди часто бывают совсем не добры, а только прикрывают фальшивой добротой свои обиды и свою злобу.

Люди, таящие свои чувства в глубине («аффективные»), обычно бывают молчаливее, вернее себе, устойчивее и выдержаннее тех, которые бурно изливают свои чувства, («эмоциональные»).

Заряд активности бывает обыкновенно сильнее в тех, кто не изживает своего темперамента в чувственно-эротических похождениях.

Люди, обладающее живой фантазией, легче поддаются страху, ибо страх усиливается в душе от конкретного представления «опасных возможностей». Поэтому искусство храбрости состоит прежде всего в умении не думать об опасности и не вообразать себе «худший из исходов». Боятся все, но храбрецы владеют своим воображением и подавляют его волею.

Люди, художественно одаренные (особенно к поэзии, к музыке и к живописи) менее приспособлены к решительному и безоглядному действию.

Люди, мнительно относящиеся к своему здоровью, не суть люди действия. Они слишком зависят от своих ощущений и от своего самочувствия.

Люди забывчивые и неаккуратные — неуравновешенны в своих душевных ассоциациях и зависят от своих мечтаний и страстей; поэтому они менее пригодны к долгой, волевой борьбе.

Лжец на словах — обманет и предаст на деле.

К власти призваны не честолюбивые: с честолюбия и тщеславия начинается первая, часто неуловимая продажность человека, ибо его личный успех всегда может оказаться для него важнее и дороже Дела. К власти призваны люди, излучающие силу внутреннего веления, направленного на служение Делу.

Проталкивающийся вперед всегда подозрителен; но это совсем не значит, что искусно держащийся в задних рядах тем самым заслуживает доверия.

Люди, легко уязвляющиеся, затаивающие свои обиды и накапливающие подпольные чувства, не заслуживают доверия и всегда «чреваты» сюрпризами. Впрочем, большая обидчивость и мстительность часто скрывают за собою ограниченность и даже глупость.

Всегда спрашивай о человека, отчего он приходит в состояние волнения или аффекта, и в этом направлении ищи его главную движущую страсть. Страстный игрок и пьяница — всегда подлежит отводу при обслуживании важных поручений. Не суди о человеке окончательно, пока не узнаешь и не оценишь характера его жены (или возлюбленной).

12. И еще одно: не верь в окончательность и безошибочность твоих собственных суждений о людях. Всегда утончай и углубляй свои наблюдения. Всегда проверяй свои суждения — чужими. Будь всегда готов признать свою ошибку, во всяком случае, терпеливо выслушивай противоположные мнения и возражения. Не позволяй подкупать себя похвалой, лестью, вкрадчивой угодливостью и женским кокетством. Блуди нужную меру недоверчивости, но не позволяй своей подозрительности стать чрезмерною и увести тебя в манию преследования.

13. Всякая борьба связана с риском. В наше время политическая борьба есть как бы сплошной риск. Тем осторожнее должен быть действующий. Тем более оснований имеет он для наблюдения конспиративных тайн. Сообщить всей вселенной, что я вот действую конспиративно, что я возглавляю большую конспиративную организацию, подготовляющую «революцию» или «переворот», — есть безумие, свидетельствующее о полном непонимании конспиративной работы и о безнадежности всего начинания.

РОССИЯ БУДУЩЕГО

О ГРЯДУЩЕЙ ДИКТАТУРЕ

Вся задача наша будет состоять на первых порах в том, чтобы сократить возможно более период неизбежного хаоса, который разольется в России после падения тоталитарного коммунизма. Нелепый и жизненно зловредный зажим был слишком длителен; террор, применявшийся им, был слишком жесток и беспощаден; несправедливость была безмерна; насилие было вызывающе; ставка все время делалась на бессовестных садистов, которые покупали подлецов, заговаривали глупцов и искореняли драгоценных русских людей. Негодование «загонялось внутрь»; протесты заливались кровью. Как только люди почуют, что «режиму конец», так все закипит.

В чем выразится это «кипение»? Стоит ли это описывать? Одно можно сказать: искоренение лучших русских людей оставило жизнь и свободу худшим; система страха, пресмыкательства, лжи, лести и насилия снижала систематически нравственный уровень и вызывала на поверхность душ древние осадки жестокости, наследие татар. Надо предвидеть страшное, такое, чего не остановят никакие уговариватели, что окажется непосильным для всех непротивленцев как таковых. Сократить период самочинной мести, бесчинной расправы и соответствующего нового разрушения сможет только национальная Диктатура, опирающаяся на верные войсковые части и быстро выделяющая из народа наверх кадр трезвых и честных патриотов. Попытка же немедленно ввести «демократию» затянет это хаотическое кипение на непредвидимое время и будет стоить жизни огромному количеству людей, как виновных, так и невинных.

Кто этого не желает, тот должен требовать немедленной национальной диктатуры.

Да, ответят мне, но — эта диктатура должна быть «демократическая»!

Это понятие может иметь три различных значения.

1. «Демократическая диктатура» может означать, во-первых, что диктатором должен быть партийный демократ.

Ждать добра от такого диктатора в России нет никаких оснований. Видели мы «всю полноту власти» в руках таких демократов: дивились на их красноречие, слышали их категорические отказы от усмирения погромов, видели как они «защищали» свое учредительное собрание и как они бесследно скрылись за границу. Эти люди рождены для рассуждений, дискуссии, резолюций, интриг, газетных статей и бегства. Это люди позы, а не воли; люди пера, и не власти; люди сентимента, импонирующие только самим себе. А диктатору, спасающему страну от хаоса, необходимы: воля, сдерживаемая чувством ответственности, грозное импонирование и всяческое мужество, военное и гражданское. Русские формальные демократы совсем не созданы для России, им место в Дании, в Голландии, в Румынии: их умственный горизонт совсем неподходящ для великой державы; их трепет за «чистоту» своих сентиментально-свободолюбивых одежд — противогосударствен; их склонность ко всяческой амнистии и к международной солидарности, их приверженность к традиционным лозунгам и отжившим схемам, их наивная уверенность в том, что народная масса состоит везде и всегда из прирожденных и благонамеренных демократов, — все это делает их водительство в послебольшевистской России чрезвычайно опасным и безнадёжным. Среди них нет ни одного Носке, который справился в Германии с переворотом Каппа; ни одного Мока, как во Франции, ни одного Шельбы, как в Италии, ни одного Салазара, как в Португалии. И если в Соединенных Штатах этого не видят, то люди там просто слепы.

2. «Демократическая диктатура» может означать, во-вторых, что дело будет передано в руки немногочисленного коллегиального органа (директории), который будет поставлен в подчинение многочисленному коллегиальному органу (парламент по кооптации, набранный из всех февральских зубров с присоединением распропагандированной эмигрантской молодежи и перебежавших коммунистов).

От такой «диктатуры» можно ждать только одного: самого скорого провала. Коллегиальная диктатура есть вообще внутреннее противоречие. Ибо сущность диктатуры в кратчайшем решении и в полновластии решающего. Для этого необходима одна, личная и сильная воля. Диктатура есть по существу свое-

му учреждение военнообразное: это есть своего рода политическое полководчество, требующее глазомера, быстроты, приказа и повиновения. У семи нянек дитя бывает без глаза. Медицина не поручает операцию коллективному органу. Гофкригсрат есть заведение просто провальное. Дискуссия как бы создана для растраты времени и упущения всех возможностей. Коллегиальность органа означает — многоволие, несогласие и безволие; и всегда — бегство от ответственности.

Никакой коллегиальный орган не овладеет хаосом, ибо он сам по себе уже заключает начало распада. В нормальной государственной жизни, при здоровом политическом строе и при наличности неограниченного времени — это начало распада может быть преодолено с успехом в заседаниях, прениях, голосованиях, уговорах и переговорах. Но в час опасности, беды, смятения и необходимости мгновенных решений-приказов — коллегиальная диктатура есть последняя из нелепостей. Требовать коллегиальной диктатуры может только тот, кто боится диктатуры вообще и потому старается утопить ее в коллегиальности.

Римляне знали спасительность единовластия и не боялись диктатуры, давая ей полные, но срочные и целевые полномочия. Диктатура имеет прямое, историческое призвание — остановить разложение, загородить дорогу хаосу, прервать политический, хозяйственный и моральный распад страны. И вот есть в истории такие периоды, когда бояться единоличной диктатуры значит тянуть к хаосу и содействовать разложению.

3. Но «демократическая диктатура» может иметь еще одно значение, а именно: во главе становится единоличный диктатор, делающий ставку на духовную силу и на качество спасаемого им народа.

Не подлежит никакому сомнению, что Россия сможет возродиться и расцвести только тогда, когда в это дело вольется русская народная сила в ее лучших персональных представителях, — вся, сколько ее есть. Народы России, отрезвившиеся в унижениях, одумавшиеся в многолетней каторге коммунизма, постигнувшие, какой великий обман скрывается за лозунгом «государственного самоопределения национальностей» (обман, ведущий к дроблению, ослаблению и порабощению с тыла!) — должны встать от одра, стряхнуть с себя паралич большевизма, братски объединить свои силы и воссоздать единую Россию. И притом так, чтобы все чувствовали себя не за-

морышами и рабами, застрачиваемыми из бюрократически-тоталитарного центра, а верными и самодеятельными гражданами Российской Империи. Верными — но не рабами или холопами, а верными сынами и субъектами публичных прав. Самодеятельными — но не сепаратистами, или революционерами, или разбойниками, или предателями (ведь они тоже «самодеятельны»...), но свободными строителями, трудниками, слугами, гражданами и воинами.

Эту ставку на свободную и благую силу русского народа должен сделать будущий диктатор. При этом качеству и таланту должна быть открыта дорога вверх с самого низа. Необходимый отбор людей должен определяться не классом, не сословием, не богатством, не пронырливостью, не закулисными нашептами или интригами и не навязыванием со стороны иностранцев, — а качеством человека: умом, честностью, верностью, творческой способностью и волею. России нужны люди совестные и храбрые, а не партийные выдвигенцы и не наймиты иноземцев...

И если демократию понимать в этом смысле, в смысле всенародного самовложения, всенародного служения, творческой самодеятельности во имя России и качественного отбора вверх, — то поистине трудно будет найти порядочного человека, христианина, государственно мыслящего патриота, который не сказал бы вместе со всеми: «да, в этом смысле и я тоже демократ». И будущая Россия — или осуществит это и явит подлинную творческую народную силу, или расползется, распадется и ее не будет. Мы веруем в первое; господа расчленители явно добиваются второго.

Итак, национальный диктатор должен будет: 1) сократить и остановить хаос; 2) немедленно начать качественный отбор людей; 3) наладить трудовой и производственный порядок; 4) если нужно будет, оборонить Россию от врагов и расхитителей; 5) поставить Россию на ту дорогу, которая ведет к свободе, к росту правосознания, к государственному самоуправлению, величию и расцвету национальной культуры.

Можно ли думать, что такой национальный диктатор выйдет из нашей эмиграции? Нет, на это нет никаких шансов. Здесь не должно быть иллюзий. И если, не приведи Бог, Россия оказалась бы завоеванной иностранцами, то эти последние посадили бы или своего иностранного тирана, или эмигрантскую коллегияльную диктатуру — для вящего позорного провала.

ОЧЕРТАНИЯ БУДУЩЕЙ РОССИИ

Помышляя о грядущей России и подготавливая ее в мыслях, мы должны исходить из ее исторических, национальных, религиозных, культурных и державных основ и интересов. Мы не смеем — ни торговать ими, ни разбазаривать наше общерусское, общенародное достояние. Мы не смеем обещать от лица России — никому, ничего. Мы должны помнить ее, и только ее. Мы должны быть верны ей, и только ей. Поколение русских людей, которое поведет себя иначе, будет обозначено в истории России как поколение дряблое и предательское.

Известные компромиссы в будущем неизбежны; но они должны быть сведены к минимуму; и их найдет и установит будущая русская государственная власть. Она, а не мы. Ибо иначе разговаривают с государственной властью и совсем иначе с зависимым, полуголодным эмигрантом. Политически компромисс есть уравнивающая взаимная уступка двух сил, ищущих взаимного и совместного равновесия. А мы, рассеянные и разноголосые эмигранты — мы не сила, а воплощение государственной слабости. Поэтому мы не можем и не смеем предлагать или заключать компромиссы — за Россию, вместо России, от ее лица. Ибо мы немедленно ставим ее тем самым в положение слабейшей стороны, сразу предаем ее державный интерес и попадаем сами в фальшивое положение человека, обязавшегося отстаивать в будущей России иноземную или иноверную пользу.

А такие «судари» в эмиграции имеются. Есть такие, которые предлагают добровольно уступить Германии Украину: «у нас ведь так много земли, а бедная Германия перенаселена; это было бы проявлением международной справедливости». Есть и такие, которые сами, будучи сроду протестантами, говорят по радио речи о соединении Православия с католичеством и развязно заявляют, что в этом деле «решительно никаких затруднений нет». А есть еще и сущие расчленители, одни с претензией на «малый трон», или «полутрон» для себя, другие — просто «ликвидаторы» и расхитители России...

Таково первое требование, предъявляемое к эмигрантским политикам: верность Национальной России.

Второе требование: — не выдвигать пустых и неопределенных лозунгов. Мы должны исходить из реального исторического опыта, искать в нем строительных и спасительных очертаний для будущей России и предлагать политически осмысленное и осязательное.

А между тем эмигрантские публицисты удовлетворяются пустой словесностью. Одни говорят «демократия» — и думают, что они что-то сказали. А между тем демократия швейцарских кантонов, с непосредственным участием граждан, не имеет ничего общего с демократией английского типа (избирательной, парламентарной и монархической). Чего же они хотят? Какое избирательное право они считают спасительным для России и почему? Или, может быть, они собираются посадить подобно Сийесу — одного, «великого избирателя», скажем Кускову или Чернова, который и «изберет» всех своих приверженцев? Ведь история «демократии» знает и такие трюки... А «демократы» под сурдинку пробалтываются, что после большевиков о выборах нечего и думать, необходима будет диктатура!.. — Другие произносят слово «республика» немедленно и впадают в антимонархические судороги... Но ведь Рим и при Цезаре и при Августе был республикой; и Венецианская республика с Дожем никогда не была монархией; и Временное правительство (недоброй памяти) ввело в России «республику»; и совдепия (совнаркомия) была несомненной республикой; республику ввел Кромвель, а впоследствии Робеспьер... А центральноамериканские государства (начиная с Мексики) и южноамериканские государства (кончая Чили и Аргентиной) с их системой вечных переворотов — разве не республики? Какое светлое будущее готовится для России под этим флагом — между тиранией и анархией?.. Или, может быть, весь смысл этого лозунга состоит в том, чтобы отнять у России навсегда любовь и доверие к Государям, а там всякий тиран и всякая анархия будут хороши? — Иные провозглашают «федерацию» — как если бы они были слепы и не понимали, что «советская федерация» не имеет ничего общего ни со швейцарской, ни с североамериканской, и что эти две последние различествуют друг от друга, как звезда от звезды... — А те, кто говорит о «монархии», думают ли они о том, что «монархами» были и Тиверий, и Нерон, и Калигула (пусть только почитают Тацита и Светония), что «монархом» был и презренный Андроник Комнен византийский, и муд-

рый, тихий Марк Аврелий, и великий Петр, и аморальный Генрих VIII, я Ричард III, и Гарун Аль-Рашид, и Антигон I македонский, государь мудрый и творческий, и безумный Эрик XIV шведский, и Иоанн VI Антонович!.. История знает множество государей, которые своим правлением только подрывали все светлое, священное и могучее, что заложено в монархическом начале. Какая же монархия зиждительна и спасительна для России и почему именно? И почему одни стоят за самодержавную монархию, а другие за конституционную (и эти последние — неужели только для того, чтобы угодить радикалам-демократам?.. о, тщетная надежда!..). И какая же именно «конституция» возродит и утвердит Россию?

После событий последних пятидесяти лет — все эти лозунги сами по себе ничего не означают, ибо прежние политические понятия ныне выветрились, исказились и омертвели. Кто ограничивается ими, тот ничего не говорит и обманывает ими и себя и других.

Прошло то время, когда русская интеллигенция воображала, будто ей стоит только заимствовать готовую государственную форму у Запада и перенести в Россию — и все будет хорошо. Ныне Россия в беспрецедентном историческом положении: она ничего и ни у кого не может и не должна «заимствовать». Она должна сама создать и выковать свое общественное и государственное обличье, такое, которое ей в этот момент исторически будет необходимо, которое будет подходить только для нее и будет спасительно именно для нее; и она должна сделать это, не испрашивая разрешения ни у каких нянек и ни у каких соблазнительей или покупателей.

Современный русский политик, к какому бы возрасту он ни принадлежал и в какой бы стране он ни находился, должен продумать до конца трагический опыт русского крушения и затем обратиться к истории. Он должен отыскать в истории человечества живые и здоровые основы всякой государственности, основной аксиомы права и государственного здоровья и проследить их развитие и судьбу в русской истории. Тогда ему откроется судьба русского государства — источники его силы (чем держалась и крепла Россия?), ход его великодержавия (рост России вопреки всем затруднениям и препятствиям!) и причины его периодических крушений (иссыкание государственного чувства и жертвенности). И пусть он всмотрится в

современное положение России и пусть попытается представить себе ее грядущие очертания... И тогда — пусть он выскажет публично то, что он увидит.

Тогда он выйдет из праздной толпы ходячих или навязанных слов и из толчи мнимополитических лозунгов. И то, что он выскажет об очертаниях будущей России, будет иметь значение целительного рецепта для русских государственных недугов. Он не повторит лжепророчество больного фантазера Мережковского, что революция принесет России «Царство Духа Святого». Он не повторит и глупость другого современного публициста, что России нужна «федерация провинций». Он будет застрахован от губительной и предательской формулы, согласно которой «России вообще не будет, а будет федерация множества маленьких социалистических государств».

Но что же ему откроется?

Он начертит нам строй, в котором лучшие и священные основы монархии (какие именно?!) впитают в себя все здоровое и сильное, чем держится республиканское правосознание (чем же именно?!). Он начертит нам строй, в котором естественные и драгоценные основы истинной аристократии (какие же именно?) окажутся насыщенными тем здоровым духом, которым держатся подлинные демократии (в чем же этот дух?). Единовластие примирится с множеством самостоятельных изволений; сильная власть сочетается с творческой свободой; личность добровольно и искренно подчинится сверхличным целям; и единый народ найдет своего личного Главу, чтобы связаться с ним доверием и преданностью.

И все это должно совершиться в вековых традициях русского народа и русского государства. И притом — не в виде «реакции», а в формах творческой новизны. Это будет новый русский строй, новая государственная Россия.

И пусть нам не говорят, что мы «можем ошибиться». Мы знаем это сами. Но эти ошибки, — если это будут ошибки, — Россия простит нам: ибо мы любили только ее, служили только ей и искали только ее блага.

Когда пытаешься всмотреться в очертания будущей России, то чувствуешь прежде всего, до какой степени черты ее закрыты мглою революционного хаоса и до какой степени необходима осторожность в суждениях о русском будущем. Не только было все «потрясено» и «сдвинуто», о чем так старались

ненасытные «углубители» революции; нет, все сознательно и нарочно ломалось, перевертывалось, выворачивалось в интересах марксистского эксперимента. Большевицкая революция в России действовала как огромная обезьяна, которую научили вивисекции («резанию заживо») и пустили в детский сад. Положительного идеала коммунисты не имели; их программа была чисто отрицательная и выражалась в двух тезисах: «долгой все буржуазное» и «устроим все наоборот». А для этого надо было все сломать. Никто из них не знал, в чем состоит эта пресловутая «социалистическая культура», наука, суд, управление, обмен товаров, нравственность, правосознание (которое они называла «самосознанием»), семья. По откровенному признанию Ленина, их, старых нелегалов, «в тюрьмах торговать и управлять не учили». Никто из них не знал, какими хозяйственно-трудовыми побуждениями руководится здоровый человек, и какие — надо навязать невиданному доселе уроду, именуемому «социалистическим человеком». Никто из них не думал о том, в какие государственные формы это все может облечься; и над своей же, впервые опубликованной «советской конституцией» они сами издевались «поносными» словами, открыто выговаривая, что «революция призвана попирать все и всякие законы, в той числе и те, которые она сама установила». Ведь премудрые Маркс и Энгельс обещали социалистическую отмену государства и какой-то совершенно бессмысленный «прыжок из царства необходимости в царство свободы» — настоящий образец радикального пустословия обманословия. Коммунисты и прыгнули. И оказалось, что надо строить неизвестно что и неизвестно как. И начались безжалостные и бесстыдные эксперименты над живым, и совращаемым, и страждущим, и восстающим, и казнями усмиряемым русским народом...

В этом ужасном процессе, длящемся ныне уже 33 года, очень многое снесено, истреблено и разрушено непоправимо. И сама русская душа в этих муках и унижениях менялась: слабое разлагалось, сильное закалялось, доброе гибло, злое ожесточалось; и в души изливался яд соблазна — страха, пресмыкания, предательства, деморализации и самого бесстыдного революционного карьеризма.

В двадцатом году один крупный московский ученый, знавший Ленина и ранее, писал ему: «вы сифилитизировали Россию спирохетами лени и жадности!» — и был прав. Но к этой заразе

надо добавить еще: отраву бесхозяйственности, безответственности, всеобщего взаимного недоверия, защитного притворства, лжи и всем навязываемой пошлости (безверия, безбожия, бездушия и материализма). Эта отравка останется надолго.

Прежней России нет. Это был исторически сложившийся организм, выросший в борьбе с природой и с врагами, в лишениях и страданиях. Это был еще не окрепший, но крепнущий и здоровеющий организм. Креп и богател достопыпинский и столыпинский крестьянин-собственник. Умственно рос и креп рабочий. Развивалась промышленность высокого качества. Отбирались и крепили интенсивные помещичьи хозяйства, тогда как отсталые распродавали свою землю крестьянам и оставались культурными гнездами в крестьянском океане. Слагался и креп русский национальный капитал. Расцветала могучая кооперация. Море просвещения изливалось во все слои народа. Интеллигенция изболевала соблазнами безбожия и слепой оппозиционности. Суд был идейный, честный и неподкупный. Отдельные отрасли управления — коннозаводство, уголовный розыск и военная разведка — далеко опередили Европу. А о чиновничестве, осуществлявшем аграрную реформу Столыпина, берлинский ученый, профессор Зеринг, обзоревавший все производство на местах, говорил и писал: «Это европейски образцовая бюрократия: люди идейные, убежденные, знающие, честные, инициативные; любая страна могла бы позавидовать такому кадру...»

Все это было и всего этого нет. А есть измученные вивисекцией, ограбленные, униженные, изголодавшиеся, жестокие, и, увы, политически деморализованные народные массы. Однажды это революционное наследство достанется русским людям следующего поколения: то, что они получат, будет зависеть не от них; но то, что они должны будут делать для спасения России, они должны знать и будут решать сами. Ответственность за это ляжет на них.

Каково же будет это наследство?

Русский народ выйдет из революции нищим. Ни богатого, ни зажиточного, ни среднего слоя, ни даже здорового, хозяйственного крестьянина — не будет вовсе. Нищее крестьянство, пролетаризованное вокруг «агрофабрик» и «агрогородов»; нищий рабочий в промышленности; нищий ремесленник, нищий горожанин. Социалистическая справедливость сделала их всех

«голодранцами усих краив». Конечно, вынырнет перекрасившийся коммунист, награбивший и припрятавший; но его быстро узнают по самому его «богатству» и вряд ли согласятся оставить его ему. Эмигрант, вернувшийся со средствами, — будет тоже редким исключением. Это будет народ «бесклассового общества»: ограбленный, но отнюдь не забывший ни того, что его ограбили, ни того, что именно у него отняли, ни тех, кто его подверг «экспроприации». Будут городские и сельские жители; люди различных специальностей; различной подготовки; различных тяготений. Но все будут бедны, переутомлены и ожесточены.

Государственный центр, ограбивши всех, исчезнет; но государственная монетная единица, оставшаяся в наследство наследникам, будет обладать минимальной покупательной силой на международном рынке и будет находиться в полном презрении на внутреннем рынке. И трудно себе представить, чтобы государственное имущество, награбленное и настроенное, было оставлено коммунистами в хозяйственно цветущем виде: ибо оно, по всем видимостям, пройдет через период ожесточенной борьбы за власть.

Итак, предстоит нищета граждан и государственное оскудение: классическое последствие всех длительных революций и войн. Первое, что сделает русский народ после падения коммунистического ига и террора, — он попытается самочинно, самоотечески вернуть себе ограбленное и хозяйственно устроенное по-новому, восстановить свое законное владение. Надо представить себе стотридцатимиллионное русское крестьянство, «отыскивающее» отнятую у него землю: люди возвратятся из ссылки, из концентрационных лагерей, из городов и «агрозгородов», — «к себе», искать свою землю и расплачиваться с ограбителями. Надо представить себе сорокамиллионное рабочее население, с таким трудом прикрепляемое ныне к фабрикам для «оседлого» прозябания и изнурения, — ищущим, где «поспособнее» устроиться или как вернуться на землю. Надо представить себе тридцатимиллионную советскую «бюрократию», утратившую свое «коммунистическое начальство», безхозяйную, безработную, отставшую от злых берегов и не приставшую к добрым, — привыкшую трепетать, угождать и не иметь своих убеждений. Надо прибавить к этому коммунистические банды, сплошь состоящие из людей, не надеющихся на процен-

ние, спаянных долгим совместным злодейством и пролитую кровью; кто из них сможет, скроется за границу, к «своим» и «полусвоим», чтобы реализовать припрятанное и заняться ложью и клеветой; но кому это не удастся, те засядут в стране, отсиживаясь и пытаясь продолжать сорвавшееся дело. Отсюда выступят десятки авантюристов, по-пугачевски лезущих «в енаралы» и пристегивающихся к сепаратническим группам и народцам. Конечно, найдутся всевозможные иностранные «центры», готовые субсидировать этих беспардонных «приключенцев», наподобие того, как это было в Китае. Национальные обиды и племенные претензии будут разжигаться снаружи — и иноземными врагами, и «своими» предателями, давно уже мечтающими ликвидировать Россию. И ко всему этому прибавится разногласия интеллигентски-эмигрантских «политических партий», заручившихся выдуманными «программами» и закулисными субсидиями...

Если представить себе при этом отсутствие сильной и авторитетной государственной власти и страстную тягу скорее «поставить всех перед «совершившимся фактом», то картина хаоса будет полная. И тот, кто представит себе все это, неизбежно увидит себя перед двумя вопросами:

1. О каких «демократических выборах», о каких «избирательных списках» можно будет думать при этом? И кто говорит о них теперь — тот или пустословит от наивности или лжет сознательно.

2. Не ясно ли, что для спасения множества виновных людей от уличного растерзания и множества невинных людей от лютой нужды и гибели, — необходима будет единая и сильная государственная власть, диктаториальная по объему полномочий и государственно-национально-настроенная по существу.

Как же могут люди, русские по любви и разумению, думать, что Россию выведет из этого хаоса — власть, слабейшая по силе, наитруднейше организуемая, по русскому пространству, хаосу и деморализации совершенно неосуществимая и после революции совершенно лишенная в стране массового кадра — именно, власть демократическая?! Мы, со своей стороны, видим и предвидим обратное: если что-нибудь может нанести России после коммунизма новые тягчайшие удары, то это именно упорные попытки водворить в ней после тоталитарной ти-

рании — демократический строй. Ибо эта тирания успела подорвать в России все необходимые предпосылки демократии, без которых возможно только буйство черни, всеобщая подкупность и продажность, и всплывание на поверхность все новых и новых антикоммунистических тиранов, наподобие того, как это было в Древней Греции — и во время Пелопоннесской войны, в Риме в эпоху так называемых «цезарей» (начиная с Тиберия, за немногими исключениями!), и в Италии в эпоху Возрождения с его, свирепыми «кондотьерами», лишенными патриотизма, чести и совести...

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
ПОЧЕМУ МЫ ВЕРИМ В РОССИЮ	14
СУДЬБА РОССИИ	20
О страданиях и унижениях русского народа	20
Русская революция как катастрофа, преступление и безумие ...	24
Почему сокрушился в России монархический строй?	37
«Каждый народ заслуживает своего правительства»	60
Федерация в истории России	64
О русском национальном самостоянии	70
О возрождении России	74
Надо готовить грядущую Россию	79
ЗАПАД ПРОТИВ РОССИИ	84
Запад не знает и не ценит Россию	84
Мировая политика русских государей	88
Мировой самообман	95
О расчленителях России	98
Ненавистники России	102
Что сулит миру расчленение России	110
Отповедь расчленителям	123
О РУССКОЙ ИДЕЕ	129
О чувстве ответственности	140
РОССИЯ ЕСТЬ ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ. О РУССКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ	151
Россия есть живой организм	151
О русском национализме	158
Опасности и задания русского национализма	164

ГОСУДАРСТВО КАК ОРГАНИЗМ	173
Об органическом понимании государства и демократии	173
Предпосылки творческой демократии	177
ГОСУДАРСТВО — КОРПОРАЦИЯ ИЛИ УЧРЕЖДЕНИЕ?	185
Оптимизм в политике	185
Что есть государство — корпорация или учреждение?	189
Основы демократии	195
Демократия — немедленно и во что бы то ни стало	199
Фанатики «общественного договора»	202
Партийное строение государства	206
КРИЗИС ЗАПАДНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	211
От демократии к тоталитаризму	211
О формальной демократии	214
Ставка на количество	219
О политической порочности и слепоте	223
Что есть право голоса?	226
Необходимо ограничить публичную дееспособность	230
Кризис демократии обострится	234
КАКИЕ ВЫБОРЫ НУЖНЫ РОССИИ?	246
О ПОЛИТИЧЕСКОМ УСПЕХЕ	257
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ БУДУЩЕЙ РОССИИ	270
О государе	270
О государственной форме	285
Править должны лучшие	289
России необходима свобода	293
Обоснование свободы	297
Что же предстоит в России	301
О свободной лояльности	304
В поисках справедливости	308
О воспитании русского народа к справедливости	313
О сильной власти	320
ОБ ОСНОВНЫХ ЗАКОНАХ БУДУЩЕЙ РОССИИ	335
О Российском государстве	335
О правах и обязанностях российских граждан	338
Россия будет возрождена только русскими	345

ЦЕРКОВЬ И РЕЛИГИЯ	355
О православии и католичестве	355
Церковь и жизнь	366
Чего мы ожидаем от наших пастырей?	372
ОБНОВЛЕНИЕ ДУХА В РОССИИ	377
Основная задача грядущей России	377
Русскому народу необходимо духовное обновление	389
О предметности и продажности	393
ПРОБЛЕМА РАВЕНСТВА	399
Идея ранга	399
Зависть как источник бедствий	406
О ВОСПИТАНИИ В ГРЯДУЩЕЙ РОССИИ	412
ЧЕГО МЫ ДОЛЖНЫ ТРЕБОВАТЬ ОТ СЕБЯ	425
Чутье зла	425
К истории дьявола	428
Право на правду	431
Что такое конспирация?	434
РОССИЯ БУДУЩЕГО	448
О грядущей диктатуре	448
Очертания будущей России	452